

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для итомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иередает в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все иометки, иримечания и другие заиси, существующие в оригинальном издании, как наиминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредирияли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заироны.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.

Мы разработали иrogramму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заироны.

Не отиравляйте в систему Google автоматические заироны любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.

В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомоши иrogramмы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.

Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единаых иравил, иозволяющих определить, можно ли в определенном случае исиользовать определенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

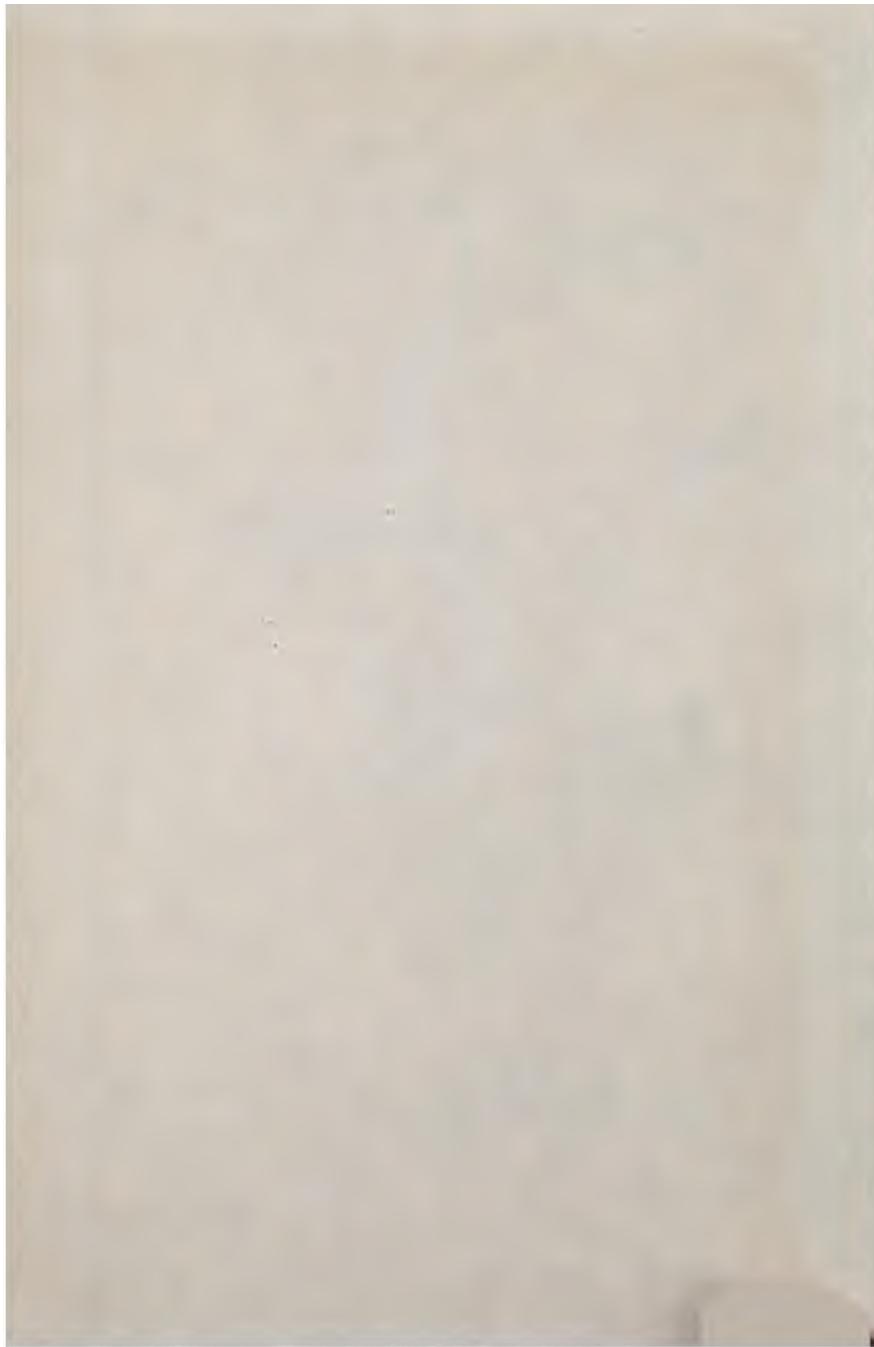
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск и этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com>

Stanford University Libraries

3 6105 115 527 603

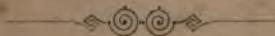

ДѢЛА И ЛЮДИ ВЪКА.

ОТРЫВКИ ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ, СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ

П. К. МАРТЬЯНОВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ Р. Р. ГОЛИКИ. ЕКАТЕРИНИНСКИЙ БАНАРЬ, № 166.

1893.

БИБЛИОТЕКА
ФОКСМАНА

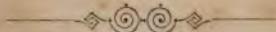
Mart'yanov, P. K.

ДѢЛА И ЛЮДИ ВѢКА.

ОТРЫВКИ ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ, СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ

П. К. МАРТЬЯНОВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРВУРГЪ.

—
1893.

AC65

M35

v.1

Спб. Типографія Р. Р. Голіке. Екатерининський каналъ, д. № 166.

ОТЪ АВТОРА.

АВНО, очень давно, чуть еще не съ первыхъ дней юности, я сталъ записывать для памяти: что видѣли очи, что слышали уши, что чуяло сердце. Но это не было, строго говоря, дневникъ или мемуары, куда заносилось изо дня въ день, точно и пунктуально, все видѣвшее, слышанное или перечувствованное,—нѣтъ! Это были одиночные листы, листики и листочки, или же небольшія тетрадки, гдѣ, по мѣрѣ возможности, иногда подробно, иногда вкратцѣ и сокращеннымъ способомъ, записывалось все, что поражало взоръ, мысль или сердце. Конечно, съ течениемъ времени, этихъ листовъ, листиковъ, листочекъ и тетрадокъ накопился цѣлый ворохъ, уберечь который оказалось болѣе труднымъ, чѣмъ накопить. Походы, передвиженія, служба, не могли не повлиять на утрату нѣкоторыхъ бумагъ. Но тѣмъ не менѣе большинство ихъ, т.-е., добрая половина, сохранилась и, по надлежащему разборѣ и разсмотрѣніи, оказывается составляющей нѣчто интересное по отношенію нѣкоторыхъ историческихъ событий, или же общественной дѣятельности, домашней жизни и чудацествъ болѣе или менѣе извѣстныхъ лицъ прошлаго времени. Два-три очерка, два-три отдѣльныхъ эпизода изъ спасенного вороха бумагъ, названнаго мною для однообразія: «Старой записной книжкой», появлялись уже въ печати, а именно: въ журналахъ «Военный Сборникъ», «Всемирный Трудъ», «Древняя и Новая Россія» и «Исторический Вѣстникъ», и газетахъ «Эхо» и «Свѣтъ». Масса отдѣльныхъ мыслей, словъ и изречений извлечена изъ «Книжки» и со-

ставила особое двухтомное издание, подъ заглавиемъ: «Умныя рѣчи, красныя слова великихъ и невеликихъ людей». Нѣкоторыя тетрадки, касающіяся близко стоящихъ къ намъ лицъ иъ событий, не могутъ еще появиться въ печати, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Но есть много материала, который долженъ увидѣть свѣтъ. Отлагать появленіе этого материала въ печати—не слѣдуетъ: время бѣжитъ, и завтрашній день въ руцѣ Божіей. Пока есть силы и возможность, я считаю себя обязаннѣмъ привести въ порядокъ тѣ накопившіяся у меня бумаги, которыя имѣютъ какой-нибудь общественный интересъ, и, раздѣливъ на нѣсколько выпусковъ, приступить къ ихъ печатанію. На первый разъ я полагаю ограничиться выпускомъ въ свѣтъ двухъ томовъ, а остальные будутъ издаваться впослѣдствіи частями, по мѣрѣ изысканія потребныхъ для того средствъ. Въ первые два тома войдутъ отрывки изъ старой записной книжки, статьи и замѣтки, появлявшіеся уже въ печати и только немногіе изъ вновь подготовленныхъ, какъ, наприм.: «Литературныя встрѣчи и знакомства», «Разсказы о дняхъ минувшихъ» и проч.

Предназначенные къ помѣщенію въ первые два тома статьи, свѣдѣнія и замѣтки о лицахъ и событияхъ, имѣютъ вполнѣ историческую достовѣрность, такъ какъ записаны мною какъ участницомъ и очевидцемъ ихъ, или же со словъ лицъ, тоже лично участвовавшихъ въ событияхъ, или стоявшихъ близко къ нимъ. Въ видахъ же удостовѣренія сего послѣдняго, считаю нужнымъ пояснить здѣсь, что статьи: «Александръ I и оберъ-вагенмейстеръ Соломка», «Скифы», «Митрополитъ Филаретъ и штабъ-ротмистръ Соломка», «Императоръ Николай I и пажи» и «Ретивый инспекторъ», записаны со словъ генераль-майора Сергея Аѳонасьевича Соломки, сына оберъ-вагенмейстера Соломки и личного участника трехъ послѣднихъ событий. Имъ же сообщенъ и разсказъ объ А. Н. Муравьевѣ, случившійся во время посѣщенія имъ тюрьмы по званію чиновника для порученій бывшаго с.-петербургскаго военнаго губернатора, князя

Суворова. Статьи: «Николай Павловичъ въ адмиралтействъ» и «Великий князь Михаилъ Павловичъ и подпоручикъ Симанский». переданы генералъ-майоромъ Василиемъ Борисовичемъ Албенскимъ, участникомъ первого события и другомъ г. Симанского. Статьи: «Императоръ Николай I въ 5 московской гимназии», «Императоръ Николай I на саперныхъ работахъ», «Генералъ Рамзай» и «Кадеты въ Александріи», сообщены генералъ-лейтенантомъ Александромъ Дмитревичемъ Симановскимъ, личнымъ свидѣтелемъ событий. Рассказы «Великий князь Михаилъ Павловичъ въ новгородскихъ поселеніяхъ», «Какъ опредѣлились въ учебныхъ заведеніяхъ», «Какъ опредѣлились на должностяхъ», «Генералъ, графъ Никитинъ», «Бодиско» и «Лазаревичъ», записаны со словъ дѣйствительного статского советника Дмитрия Андреевича Иванова, участника и свидѣтеля событий. «Встрѣча А. С. Пушкина съ А. А. Бестужевымъ на Кавказѣ» передана сенаторомъ, статье-секретаремъ Александромъ Дмитревичемъ Комовскимъ, который, какъ бывший секретарь графа М. Ю. Вельгорского, сообщилъ также и рассказы: «Императоръ Николай I и французы», «Графъ М. Ю. Вельгорский» и «М. И. Глинка у графа Вельгорского». Статьи: «Генералъ Бурмейстеръ» и «Гвардейцы въ Калишѣ» сообщены участникомъ событий отставнымъ морякомъ Николаемъ Семеновичемъ Лазаревымъ-Станицевымъ. «Встрѣча И. С. Тургенева съ Д. П. Писаревымъ» передана находившимся при свиданіи полковникомъ Петромъ Павловичемъ Суворовымъ. «Архіерейскій пріемъ» записанъ со словъ участника события, дворянина Василия Степановича Александрова, который сообщилъ также и рассказъ о «Блудномъ Булавинѣ», событий, случившемся на его глазахъ. Рассказъ о «декабристѣ Тизенгаузенѣ» сообщенъ московскимъ старожиломъ Владиміромъ Львовичемъ Клумовымъ, слышавшимъ его отъ майора Михаила Дмитревича Поздняка, свидѣтеля события. Рассказъ «Наши администраторы» переданъ участникомъ события, надворнымъ совѣтникомъ Петромъ Ивановичемъ Вигилянскимъ. Рассказъ «Великий князь Михаилъ Павловичъ

и отставной солдатъ» записанъ со словъ генералъ-лейтенанта Кущелева, слышавшаго его отъ самого великаго князя, а статьи «Великій князь Михаилъ Павловичъ и конношіонеры», «Борщовъ и медвѣженокъ» и «Кадеты морскаго корпуса въ Александрии»—со словъ участниковъ событій: первые два—полковника Сергія Михаиловича Борщова, а послѣдній—поручика Павла Александровича Брылкина. Событіе «Императоръ Николай I и генералъ Пенхержевскій» передано статьѣ-секретаремъ А. Д. Комовскимъ, слышавшемъ его отъ участника событія генерала Карла Ивановича Бистрома. Разсказы о генералахъ: Дреительнѣ, графъ Евдокимовѣ, графъ Тотлебенѣ, Шломанѣ и министрѣ финансовъ Канкринѣ, записаны со словъ свидѣтелей или лицъ, находившихся при нихъ на службѣ, а именно: первый—капитана Александра Викторовича Дробышевскаго, второй и третій—статьѣ-секретаря Сергія Федоровича Панютина, четвертый—коллежскаго ассесора Николая Михаиловича Ивановскаго, а послѣдній—бывшаго городскаго головы, купца Василія Григорьевича Жукова.

Петръ Мартыновъ.

С.-Петербургъ.
Первая половина 1893 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ 1-ГО ТОМА.

	СТР.
Дитя и поэтъ А. С. Пушкинъ	1
Панихида по А. С. Пушкинѣ	9
Москва въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1839 года	10
Назаровы и Т. Н. Грановскій	31
Сюжетъ пѣсни о купцѣ Калашниковѣ	32
Оберъ-полиціймейстеръ Цынскій	35
Какъ Мина попала въ фаворъ	36
Архіерейскій пріемъ	39
Какъ опредѣляли въ учебныя заведенія	42
Какъ опредѣлялись на должности	43
«Блудный Булавинъ»	47
Наши администраторы	53
Ретивый инспекторъ	54
Суворовъ въ ссылкѣ	56
Императоръ Александръ I-й и оберъ-вагенмейстеръ Соломка	78
«Скифы»	84
Изумительныя цифры	87
Императоръ Николай I и генералъ Пенхержевскій	88
Императоръ Николай I и пажи	90
Императрица Александра Феодоровна и смолянки	92
Николай I въ 5 московской гимназии	93
Декабристъ Тизенгаузен	94
Митрополитъ Филаретъ и ротмистръ Соломка	97
Великій князь Михаилъ Павловичъ и отставной солдатъ	97
Императоръ Николай I и французы	98
Кадеты въ Александрии	99
Великій князь Михаилъ Павловичъ въ новгородскихъ поселеніяхъ	100
Борщовъ и медвѣженокъ	101
Отверженцы и отщепенцы общества	103
Резолюціи императора Александра II	128
Генералъ Клугинъ	180
Генералъ Рамзай	181

	стр.
Графъ М. Ю. Віельгорскій	132
Генераль Бургейстеръ	132
Гвардійцы въ Калишѣ	135
Иллусь	136
Бодіко	137
Лазаревіч	137
Статсь-секретарь А. Д. Комовскій	138
Послѣдняя эміграція татаръ изъ Крыма въ 1874 году	147
Три встрѣчи:	
Встрѣча А. С. Пушкина съ А. А. Бестужевымъ на Кавказѣ	162
Встрѣча И. С. Тургенева съ Д. И. Писаревымъ	164
Встрѣча А. Ф. Писемскаго съ самоуправцами	169
М. И. Глинка у графа Віельгорскаго	172
Мои литературныя знакомства—годъ 1865	175
Полковыя офицерскія библіотеки	240
Какъ погибли мои «Бесѣды»	249
Три дня въ Севастополь	265
Князь А. Л. Дадіанъ, флагель-адъютантъ императора Николая I .	277
Николай I на саперныхъ работахъ	290
Императоръ Николай I въ адмиралтействѣ	291
Кадеты морскаго корпуса въ Александріи	292
Великій князь Михаилъ Павловичъ и подпоручикъ Симанскій .	295
Великій князь Михаилъ Павловичъ и конношонеры	296
Генералъ Дренельнъ	297
Генераль, графъ Никитинъ	298
Генераль, графъ Евдокимовъ	298
Генераль Мещериновъ и полковникъ Кюхельбекеръ	299
Директоръ полиції исполнительной Оржевскій	299
Министръ финансової Канкринъ	300
А. Н. Муравьевъ	300
Генераль, графъ Тотлебенъ	301
Статсь-секретарь Панютинъ	301
Генераль Шлюсманъ	303
Генераль Алопеусъ	304

ДЛЯ И ПОЭТЪ А. С. ПУШКИНЪ.

ОСЛЪ смерти нашей матери, умершей во время холеры въ Москвѣ, въ 1831 году, меня, моего старшаго брата Александра, и сестру Надежду принялъ къ себѣ на воспитаніе мой крестный отецъ, извѣстный въ то время стряпчий, надворный совѣтникъ Владими́р Матвеевичъ Глазовъ.

Глазовъ происходилъ изъ выслужившихся чиновниковъ, но за нимъ числилось, какъ говорили, въ Костромской губерніи имѣніе съ 1,000 душъ крестьянъ.

Онъ жилъ постоянно въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, въ Грузинахъ, гдѣ у него было много земли, лавки, бани и тотъ знаменитый «Глазовский» трактиръ, куда москвичи и ихъ залетные гости ъездили слушать знаменитыхъ грузинскихъ цыганъ.

Домъ его походилъ на большинство барскихъ домовъ того времени. Это было довольно большое, одноэтажное, съ мезониномъ зданіе. Балконъ съ красивымъ портикомъ выходилъ въ обширный садъ, со всѣми прихотями, какъ-то: бесѣдками, горками, статуями разныхъ мифологическихъ боговъ и героевъ, аллеями, цветниками и неизбѣжнымъ прудомъ съ мостикомъ и лодками. Вокругъ огромнаго двора ютились флигеля для гостей, людскія, кухни, конюшни, сараи, погреба и другія службы. На дворѣ царилъ вѣчный шумъ и гамъ. Лакеи, прачки, повара, садовники, кучера, сновали взадъ и впередъ, перебранивались и кричали. Лошади, множество разныхъ собакъ и домашняя птица дополняли шумную картину обыденной, скопированной съ большихъ барскихъ домовъ, жизни.

Владими́р Матвеевичъ жилъ въ домѣ съ женою Ульяной Ивановной, дамою почтенной и богообоязненной. Дѣтей у нихъ въ жи-

выхъ не было, кромъ одной дочери, Екатерины Владимировны, находившейся въ замужествѣ за Федоромъ Осиповичемъ Мазуровымъ, директоромъ московской сохранной казны. Но за то ихъ постоянно окружали воспитанники, воспитанницы, ихъ учителя, многочисленная дворня обоего пола и разныя приживалки.

Домъ имѣлъ всѣ удобства того времени. Тутъ были и громадная зала съ хорами, и комфорtabельная гостинная съ балкономъ и террасою въ садъ, и уютныя внутреннія комнаты хозяйки дома, и большая свѣтлая столовая, и буфетная, дѣвичьи и другія комнаты. Въ мезонинѣ располагался самъ владѣлецъ, устроившій тамъ себѣ рабочій кабинетъ, пріемную и спальню. Кромѣ того, въ особой комнатѣ при немъ жилъ воспитанникъ, Гаврилъ Ивановичъ Глазовъ, побочный сынъ его отъ дворовой женщины, тогда медицинскій студентъ, а впослѣдствіи уѣздный врачъ. Меблировка дома вполнѣ отвѣчала широкой натурѣ его обладателя. Кладовыя и погреба ломились подъ тяжестью всякихъ сбереженій и заготовленій. Повсюду видѣть было избыточъ средствъ. Каждая мелочь напоминала о довольствіи, прихоти и тщеславіи.

Самъ Владиміръ Матвѣевичъ не обладалъ представительною наружностью. Это былъ мужчина лѣтъ 45—50, средняго роста, съ круглымъ животомъ и большою на короткой шеѣ головой, остриженной гладко. Черты лица крупныя, щеки мясистыя, глаза смѣющіеся, веселые, лицо гладко выбритое. Служилъ ли онъ, и гдѣ — я не знаю, но ходилъ всегда въ вицъ-мундирѣ съ свѣтлыми пуговицами. Каждый день утромъ куда-то уѣзжалъ и возвращался домой къ обѣду, за которымъ было всегда нѣсколько человѣкъ гостей. Послѣ обѣда отдыхалъ или работалъ въ кабинетѣ, а вечеръ проводилъ съ гостями, засиживаясь иногда далеко за- полночь. Изобильный ужинъ заканчивалъ еще болѣе изобильный разными случайностями день.

Ульяна Ивановна — симпатичная, небольшого роста старушка, слыла большою домосѣдкой. Болѣе всего она любила высшія сферы, хотя тамъ и не была принята. Ей доставляло большое удовольствіе видѣть у себя людей, принадлежащихъ, или соприкасающихся этимъ сферамъ. Пріемы ея были торжественны и чинны: тишина и скуча царили въ нихъ. Друзей и короткихъ знакомыхъ принимала она за- престо въ своей уборной, сидя въ покойномъ вольтеровскомъ креслѣ; туда же подавали и чай. Для знакомыхъ же мужа и такъ называемыхъ церемонныхъ гостей она удостоивала выходить въ гостинную,

но сидѣла не долго, извинялась нездоровьем и уходила, предоставляем занимать гостей или мужу, или своей дочери Екатеринѣ Владимировнѣ Мазуровой. Въ числѣ гостей у Глазовыхъ, я помню, появлялись: Кологривовы, Небольсины, кн. Грузинскіе, Багговутъ, Мерлины, изрѣдка наѣзжали кн. П. П. Гагаринъ, С. Т. Аксаковъ и другіе московскіе именинныя люди. Иногда собиралась молодежь, и тогда пѣли и танцевали подъ фортепіано, а старики играли въ карты. Особые балы давались 15-го июля, въ день именинъ Владимира Матвѣевича, и въ декабрѣ, въ день рождения его супруги. Тогда приглашались и родня и знакомые. Играла полковая музика, пѣли пѣсненники, дѣлалась иллюминація, вино лилось рѣкой, веселились на распашку, какъ только могутъ веселиться москвичи.

Значеніе Владимира Матвѣевича въ московскомъ обществѣ обусловливалось его превосходными личными качествами и знаніемъ дѣла. Онъ принадлежалъ къ числу тогдашнихъ знаменитыхъ дѣльцовъ-законовѣдовъ. Ему поручались дѣла, выиграть которыхъ не было никакой надежды, и онъ выносилъ ихъ на своихъ плечахъ. Расскажу одинъ случай.

Въ Москвѣ проживалъ одинъ извѣстнѣйшій кутила и безобразникъ, купчина-милліонеръ Александръ Петровичъ Квасниковъ. Онъ проматывалъ по нѣсколько тысячи въ одинъ вечеръ, производилъ дебоши и безобразія, за которыхъ платилъ десятки тысячъ. Долго ему сходили съ рукъ всевозможныя выходки на стотысячахъ города и гульбищахъ; наконецъ, пробилъ часть расплаты. На какомъ то поминальномъ обѣдѣ онъ снялъ съ архимандрита или архіерея, не помню, клубокъ и надѣлъ ему на голову выдолбленный арбузъ. Вышелъ скандалъ ужасный, погасить который ему не удалось. Дѣло дошло до Петербурга, и, по резолюціи императора Николая, его отдали въ солдаты.

Строгій приговоръ переполошилъ всѣхъ его сочувственниковъ; бросились хлопотать о смягченіи наказанія, но едва-едва удалось исходатайствовать небольшое облегченіе. По свидѣтельству докторовъ, его признали неспособнымъ къ строевой службѣ и зачислили въ московскую пожарную команду. Въ этой командѣ онъ только числился, но службы никакой не исполнялъ, лечась отъ болѣзни на квартирѣ. Спустя нѣсколько времени, московское начальство попыталось было просить о помилованіи Квасникова, но представлѣнія его не уважили. Вѣтъ тогда-то и обратились къ Владимиру Матвѣевичу, который и взялся дѣло это обработать.

Во избѣжаніе какихъ-либо новыхъ проказъ съ его стороны, во время веденія дѣла, Глазовъ поселилъ Квасникова въ одномъ изъ флигелей своего дома, подъ условіемъ гулять у него гдѣ хочетъ, но за ворота не выходить.

Какъ теперь вижу эту высокую, немного сутуловатую фигуру добровольного заключенника съ его худощавой выразительной физіономіей. Глаза въ глубокихъ владинахъ, брови насыпаны, носъ большой, длинный, съ горбомъ, голова острижена подъ гребенку, усы большие, бакенбарды висячіе, подбородокъ тщательно выбритъ. Онъ носилъ какой-то полу военный плащъ, венгерку, шаровары въ сапоги и фантастическую фуражку. Вся его фигура напоминала типъ отставнаго гусара. Опираясь на тяжелый костыль, съ опущеною на грудь головою, часто прогуливавшися онъ по глазовскому саду, напѣвая себѣ подъ носъ какую нибудь пѣсеньку и сильно ударяя костылемъ въ землю. Встрѣчъ съ незнакомыми избѣгалъ, на глазовскихъ вечерахъ не показывался, но порой въ его небольшой квартирѣ появлялись старые друзья, хлопали пробки, брячала гитара и до утра гигали и топали цыгане.

Владиміръ Матвѣевичъ два или три раза юздили по его дѣлу въ Петербургъ, и всякий разъ возвращался безъ успѣха. Но это былъ не такой человѣкъ, чтобы спасовать передъ неудачею. Спустя нѣкоторое время, онъ вновь поѣхалъ — и привезъ Квасникову прощеніе.

Прощеніе это, какъ объяснялъ Владимира Матвѣевичъ, получено имъ при исключительныхъ обстоятельствахъ. Онъ нашелъ доступъ къ графу А. Х. Бенкендорфу и послѣ долгихъ, подкрепленныхъ самыми вѣскими аргументами доводовъ, успѣль склонить его къ заступленію за несчастнаго Квасникова, представленнаго имъ жертвой злой интриги. Графъ далъ обѣщаніе ходатайствовать передъ государемъ, но съ оговоркой, что для этого нужно выждать благопріятный случай. Пришлось ждать, но, къ счастію, не долго. Говѣя на страстной недѣлѣ, императоръ Николай имѣлъ обыкновеніе передъ исповѣдью просить прощенія у своихъ приближенныхъ. Графъ Александръ Христофоровичъ воспользовался этимъ случаемъ, и, когда государь обратился къ нему, осмѣлился напомнить о прощеніи наказаннаго не по винѣ Квасникова. Государь милостиво выслушалъ и повелѣлъ: возвратить Квасникова въ первобытное состояніе, но съ тѣмъ, что если онъ и засимъ будетъ вести себя по прежнему, то поступить съ нимъ безо всякаго снисхожденія.

Нужно-ли говорить съ какимъ авторитетомъ возвратился въ Москву Владіміръ Матв'євичъ. Начались пиры. Квасниковъ задаль такой обѣдъ своему освободителю, что Москва удивилась. Но это дѣло было послѣднимъ въ длинномъ спискѣ удачъ Владіміра Матв'євича. Во время кутежа у Квасникова, онъ простудился, заболѣлъ, мѣсяца два или три пролежалъ въ постели и умеръ.

Но я забѣжалъ далеко впередъ. Нужно возвратиться ко времени нашего возвращенія у Глазова. Владіміръ Матв'євичъ былъ другомъ нашего отца и душеприкащикомъ матери. Дѣйствуя на правахъ опекуна, онъ перевезъ насть (меня, брата и сестру) къ себѣ и поселилъ въ особомъ флигелѣ, имѣвшемъ четыре комнаты и кухню, и отдалъ подъ попечительство одной доброй старушки, дворянки Агафы Ивановны, въ помощь которой назначены были двѣ дворовые женщины. Мнѣ шоль тогда 5-й, брату 8-й, сестрѣ 4-й годъ. Владіміръ Матв'євичъ любилъ насть, какъ своихъ дѣтей, озабочился устройствомъ для насть всего нужнаго и нерѣдко заходилъ навѣдаться: не нужно-ли намъ еще чего-нибудь? О чемъ бы ни просила его наста заботливая воспитательница Агафья Ивановна, все старался исполнить, по возможности, безъ замедленія. Въ воскресенье и праздничные дни мы ходили въ церковь къ обѣдѣ, а послѣ отправлялись въ домъ Владіміра Матв'євича, гдѣ и оставались цѣлый день, а иногда и вечеръ, рѣзвились и играли съ прѣбывающими дѣтьми. Въ 9 часовъ вечера возвращались домой.

Въ началѣ 1833 года, Владіміръ Матв'євичъ прислалъ намъ учителя. Это былъ діаконъ изъ пріюта церкви св. Георгія въ Грузинахъ, человѣкъ не молодой, но старательный. Онъ объявилъ намъ, что мы должны пройти полный курсъ обученія, и не смотря на то, что мы, т. е. братъ и я, умѣли уже читать, онъ засадилъ насть, наравивъ съ сестрою, за азбуку и только пройдя съ нами сюю стадію, почтенѣйший наинъ педагогъ сталъ упитьвать насть всяческими премудростями отъ грамматики, арифметики и катехизиса. Онъ занимался съ нами каждодневно (кромѣ дней праздничныхъ) съ 10 до 1 час. утра, а Агафья Ивановна приготовляла съ нами вечерніе уроки. Мы учились охотно и дѣлали порядочные успѣхи, такъ что весною 1835 года, сдали блистательно первый экзаменъ Владіміру Матв'євичу, и за оказанное прилежаніе получили отъ него подарки. Онъ подарилъ мнѣ вышитую золотомъ куртку, штаны съ галунными лампасами и сапожки охотничіе съ кисточками, брату бархатный полукафтанъ съ короткими панталонами и башмаки съ пряж-

ками, а сестръ—тирольский костюмъ. Кромъ того каждому изъ нась онъ далъ по 25 р. ассигнаціями на гостинцы.

Это были мои первыя деньги. Но я ими не воспользовался. Я отдалъ ихъ на сохраненіе добрѣйшей Агафѣи Ивановнѣ, которая, потомъ, не выдавала мнѣ изъ нихъ ни копѣйки, говоря: «береги денежку на черный день». Когда-же годъ или два спустя она умерла, мнѣ не возвратили моихъ денегъ.

Въ послѣднее время, т. е. 1834—1836 годы, въ домѣ Владимира Матвѣевича царило особенное оживленіе. Гости, преимущественно же молодежь, сѣѣзжались часто. Много пѣли, много танцевали. Катинка Львова была прекрасная музыкантша и чрезвычайно мило пѣла. Ея высокий, чистый, звучный сопрано приводилъ въ восторгъ все наше маленькое общество. Особенно хорошо она исполняла «Красный сарафанъ» и Пушкинскую «Черную шаль». О Пушкинѣ тогда говорили много. Однажды, кто-то сообщилъ, что знаменитый поэтъ на дняхъ прѣѣзжалъ въ Грузину слушать цыганъ и добавилъ: «цыгане—его стихія».

Разсказъ о поѣздкѣ Пушкина въ Грузину возбудилъ всеобщее любопытство. Молодой Дороховъ замѣтилъ, что интересно было бы видѣть Пушкина въ обществѣ цыганъ. Слова эти возбудили во мнѣ желаніе взглянуть на Пушкина. Агафья Ивановна часто недомогала. Пользуясь этимъ, мы убѣгали играть на дворъ и выходили иногда за ворота. Братъ мой заходилъ часто къ Гавріилу Ивановичу Глазову и у него читалъ нѣкоторые изъ Пушкинскихъ стихотвореній. Онъ восхищался ими и называлъ Пушкина геніемъ. Я сообщилъ брату мое желаніе хотя мелькомъ взглянуть на Пушкина, когда онъ прїѣдетъ въ Глазовскій трактиръ слушать цыганъ. Онъ ухватился за эту мысль съ радостью и сказалъ, что это можно устроить. День или два спустя, онъ забѣжалъ въ трактиръ и обѣщалъ трактирнымъ половыемъ дать денегъ, если они сообщатъ ему, когда прїѣдетъ Пушкинъ. Долго ждали мы и, наконецъ, забыли было совсѣмъ объ этомъ, какъ вдругъ, въ концѣ лѣта, или въ началѣ осени—не помню хорошо, приѣхалъ къ намъ на кухню дѣвочка, дочь буфетчика, и передаетъ брату записочку съ двумя словами: «онъ здѣсь». Мы всполошились. Агафья Ивановна лежала въ своей комнатѣ больная, мы допивали вечерній чай. Повернувшись вверхъ донышкомъ чашки, мы бросились въ спальню и легли въ постель. Часа полтора мы провели въ какомъ-то лихорадочномъ напряженіи, пока всѣ въ домѣ угомонились. Часовъ въ 11-ть мы встали, тихонько одѣлись,

вышли на цыпочкахъ изъ комнаты и не слышно ускользнули изъ дому.

Озираясь на вѣтъ стороны, мы пробѣжали по двору и вышли за ворота. Пріѣздъ гостей къ цыганамъ произвелъ вокругъ трактира оживленіе. У подъѣзда толпились извощики, кучера, троечные ямщики, лакеи. Они вели шумные разговоры, курили свои носогрѣйки, перегугивались между собою или ругали хозяевъ и господъ.

Противъ оконъ, на площадкѣ, стояла небольшая кучка людей разнаго званія, жадно ловя каждый вырывавшійся изнутри звукъ шумнаго цыганскаго пѣнія. Мы проскользнули въ эту кучку. Изъ оконъ трактира неслись припѣвы: «старый мужъ, грозный мужъ, рѣжь меня, жги меня, не боюсь я тебя!» раздавался раскатъ смѣха, хлопали пробки, и все покрывало неистовое гиканье и пляска.

Но вотъ кучка, поглазѣвъ, послушавъ, мало-по-малу стала таять и, наконецъ, разбрелась по домамъ. Остались только: я, братъ и два знакомыхъ сосѣднихъ мальчика, не захотѣвшихъ отстать отъ насъ, вѣроятно, во вниманіе къ тому, что мы числились на положеніи полубарчать-воспитанниковъ. Ночь, между тѣмъ, была уже поздняя, дуль осенний свѣжій вѣтерокъ. Мѣсяцъ ярко свѣтиль, обливая сре-брѣстыми лучами полусонную окрестность. Боясь упустить случай посмотрѣть на Пушкина вблизи, мы расположились у самой лѣстницы, съ которой онъ долженъ быть сойти, чтобы сѣсть въ экипажъ. Но прошелъ часъ, другой, и мы, перезябнувъ, хотѣли было идти уже домой, какъ вдругъ раздался съ лѣстницы громкій голосъ половаго: «эй, ямщикъ, экипажъ!» мы встрепенулись, и какъ-бы боясь чего-то, отошли отъ лѣстницы въ сторону. Пока полусонный ямщикъ взнудыval тройку и усаживался на козлы, на лѣстницѣ показались два господина. Одинъ брюнетъ, невысокаго роста съ небольшими баками, въ шинели съ капищономъ и шляпой на головѣ; другой высокій съ усами, въ какой-то длиннopolой бекешѣ, съ замотаннымъ на шеѣ шарфомъ и тоже въ шляпѣ. На верху, на пло-щадкѣ, стояли еще два господина, окруженные цыганами и прислу-гой, и громко хохотали.

— Который же Пушкинъ, спросилъ я брата. Онъ отвѣчалъ: «не знаю». Между тѣмъ, вышедшій прежде другихъ господинъ въ шинели, видя, что экипажъ еще не поданъ, спустился съ крыльца и пошелъ въ глубь двора. У перилъ, окаймлившихъ берегъ пруда, на которомъ стояли бани, онъ остановился и началъ смотрѣть на

и отставной солдатъ» записанъ со словъ генераль-лейтенанта Кушелева, слышавшаго его отъ самого великаго князя, а статьи «Великій князь Михаилъ Павловичъ и конношіонеры», «Борщовъ и медвѣженокъ» и «Кадеты морскаго корпуса въ Александрии»—со словъ участниковъ событій: первые два—полковника Сергія Михаиловича Борщова, а послѣдній—поручика Павла Александровича Брылкина. Событіе «Императоръ Николай I и генералъ Пенхержевскій» передано статьѣ-секретаремъ А. Д. Комовскимъ, слышавшемъ его отъ участника событія генерала Карла Ивановича Бистрома. Разсказы о генералахъ: Дрентельнѣ, графѣ Евдокимовѣ, графѣ Тотлебенѣ, Шлюманѣ и министрѣ финансовъ Канкринѣ, записаны со словъ свидѣтелей или лицъ, находившихся при нихъ на службѣ, а именно: первый—капитана Александра Викторовича Дробышевскаго, второй и третій—статьѣ-секретаря Сергія Федоровича Панютина, четвертый—коллежскаго ассесора Николая Михаиловича Ивановскаго, а послѣдній—бывшаго городскаго головы, купца Василия Григорьевича Жукова.

Петръ Мартыновъ.

С.-Петербургъ.
Первая половина 1893 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ I-го ТОМА.

	СТР.
Дитя и поэтъ А. С. Пушкинъ	1
Панихида по А. С. Пушкинѣ	9
Москва въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1889 года	10
Назаровы и Т. Н. Грановскій	31
Сюжетъ пѣсни о купцѣ Калашниковѣ	32
Оберъ-полиціймейстеръ Цынскій	35
Какъ Мина попала въ фаворъ	36
Архіерейскій пріемъ	39
Какъ опредѣляли въ учебныя заведенія	42
Какъ опредѣлялись на должностіи	43
«Блудный Булавинъ»	47
Наши администраторы	53
Ретивый инспекторъ	54
Суворовъ въ ссылкѣ	56
Императоръ Александръ I-й и оберъ-вагенмейстеръ Соломка	78
«Скифы»	84
Изумительныя цифры	87
Императоръ Николай I и генералъ Пенхержевскій	88
Императоръ Николай I и пажи	90
Императрица Александра Феодоровна и смолянки	92
Николай I въ 5 московской гимназіи	93
Декабристъ Тизенгаузенъ	94
Матрополитъ Филаретъ и ротмистръ Соломка	97
Великій князь Михаилъ Павловичъ и отставной солдатъ	97
Императоръ Николай I и французы	98
Кадеты въ Александрии	99
Великій князь Михаилъ Павловичъ въ новгородскихъ поселеніяхъ	100
Борщовъ и медвѣженокъ	101
Отверженцы и отщепенцы общества	103
Резолюціи императора Александра II	128
Генералъ Клугингъ	130
Генералъ Рамзай	131

	СТР.
Графъ М. Ю. Віельгорскій	132
Генералъ Бурмейстеръ	132
Гвардейцы въ Калишѣ	135
Нилусъ	136
Бодиско	137
Лазаревичъ	137
Статья-секретарь А. Д. Комовскій	138
Послѣдняя эмиграція татаръ изъ Крыма въ 1874 году	147
Три встрѣчи:	
Встрѣча А. С. Пушкина съ А. А. Бестужевымъ на Кавказѣ	162
Встрѣча И. С. Тургенева съ Д. И. Писаревымъ	164
Встрѣча А. Ф. Писемскаго съ самоуправцами	169
М. И. Глинка у графа Віельгорскаго	172
Мои литературныя знакомства—годъ 1865	175
Полковыя офицерскія библіотеки	240
Какъ погибли мои «Бесѣды»	249
Три дня въ Севастополь	265
Князь А. Л. Дадіанъ, флигель-адъютантъ императора Николая I .	277
Николай I на саперныхъ работахъ	290
Императоръ Николай I въ адмиралтействѣ	291
Кадеты морскаго корпуса въ Александрии	292
Великій князь Михаилъ Павловичъ и подпоручикъ Симанскій .	295
Великій князь Михаилъ Павловичъ и конношіонеры	296
Генералъ Дрентельнъ	297
Генералъ, графъ Никитинъ	298
Генералъ, графъ Евдокимовъ	298
Генералъ Мещериновъ и полковникъ Кюхельбекеръ	299
Директоръ полиціи исполнительной Оржевскій	299
Министръ финансовыхъ Канкринъ	300
А. Н. Муравьевъ	300
Генералъ, графъ Тотлебенъ	301
Статья-секретарь Паниотинъ	301
Генералъ Шлосманъ	303
Генералъ Алопеусъ	304

ДИЛЯ И ПОЭТЪ А. С. ПУШКИНЪ.

ПОСЛЪ смерти нашей матери, умершей во время холеры въ Москвѣ, въ 1831 году, меня, моего старшаго брата Александра, и сестру Надежду принялъ къ себѣ на воспитаніе мой крестный отецъ, извѣстный въ то время стряпчій, надворный советникъ Владіміръ Матвѣевичъ Глазовъ.

Глазовъ происходилъ изъ выслужившихся чиновниковъ, но за нимъ числилось, какъ говорили, въ Костромской губерніи имѣніе съ 1,000 душъ крестьянъ.

Онъ жилъ постоянно въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, въ Грузинахъ, гдѣ у него было много земли, лавки, бани и тотъ знаменитый «Глазовскій» трактиръ, куда москвичи и ихъ залетные гости ъездили слушать знаменитыхъ грузинскихъ цыганъ.

Домъ его походилъ на большинство барскихъ домовъ того времени. Это было довольно большое, одноэтажное, съ мезониномъ зданіе. Балконъ съ красивымъ портикомъ выходилъ въ обширный садъ, со всѣми прихотями, какъ-то: бесѣдками, горками, статуями разныхъ мифологическихъ боговъ и героевъ, аллеями, цвѣтниками и неизбѣжнымъ прудомъ съ мостикомъ и лодками. Вокругъ огромнаго двора ютились флигеля для гостей, людскія, кухни, конюшни, сараи, по-греба и другія службы. На дворѣ царилъ вѣчный шумъ и гамъ. Лакеи, прачки, повара, садовники, куичера, сновали взадъ и впередъ, перебравливались и кричали. Лошади, множество разныхъ собакъ и домашняя птица дополняли шумную картину обыденной, скопированной съ большихъ барскихъ домовъ, жизни.

Владіміръ Матвѣевичъ жилъ въ домѣ съ женою Ульяной Ивановной, дамою почтенной и богобоязненной. Дѣтей у нихъ въ жи-

выхъ не было, кромъ одной дочери, Екатерины Владимировны, находившейся въ замужествѣ за Федоромъ Осиповичемъ Мазуровымъ, директоромъ московской сочинной казны. Но за то ихъ постоянно окружали воспитанники, воспитанницы, ихъ учителя, многочисленная дворня обоего пола и разныя приживалки.

Домъ имѣлъ всѣ удобства того времени. Тутъ были и громадная зала съ хорами, и комфорtabельная гостинная съ балкономъ и террасою въ садъ, и уютныя внутреннія комнаты хозяйки дома, и большая свѣтлая столовая, и буфетная, дѣвичья и другія комнаты. Въ мезонинѣ располагался самъ владѣлецъ, устроившій тамъ себѣ рабочій кабинетъ, пріемную и спальню. Кромѣ того, въ особой комнатѣ при немъ жилъ воспитанникъ, Гавріль Ивановичъ Глазовъ, побочный сынъ его отъ дворовой женщины, тогда медицинскій студентъ, а впослѣдствіи уѣзжій врачъ. Меблировка дома вполнѣ отвѣчала широкой натуру его обладателя. Кладовыя и погреба ломились подъ тяжестью всякихъ сбереженій и заготовленій. Повсюду виденъ быть избыточъ средствъ. Каждая мелочь напоминала о довольствѣ, прихоти и тщеславіи.

Самъ Владиміръ Матвѣевичъ не обладалъ представительною наружностью. Это былъ мужчина лѣтъ 45—50, средняго роста, съ круглымъ животомъ и большою на короткой шѣѣ головой, остиженной гладко. Черты лица крупныя, щеки мясистыя, глаза смыюющіеся, веселые, лицо гладко выбритое. Служилъ ли онъ, и гдѣ — я не знаю, но ходилъ всегда въ вицъ-мундирѣ съ свѣтлыми пуговицами. Каждый день утромъ кула-то уѣзжалъ и возвращался домой къ обѣду, за которымъ было всегда нѣсколько человѣкъ гостей. Послѣ обѣда отдыхалъ или работалъ въ кабинетѣ, а вечеръ проводилъ съ гостями, засиживаясь иногда далеко за полночь. Изобилійный ужинъ заканчивалъ еще болѣе изобилійный разными случайностями день.

Ульяна Ивановна — симпатичная, небольшого роста старушка, смыла большою домосѣдкой. Болѣе всего она любила высшія сферы, хотя тамъ и не была принята. Ей доставляло большое удовольствіе видѣть у себя людей, принадлежащихъ, или соприкасающихся этимъ сферамъ. Приемы ея были торжественны и чинны: тишина и скуча царили въ нихъ. Друзей и короткихъ знакомыхъ принимала она за престо въ свой уборной, сидя въ покойномъ вольтеровскомъ креслѣ; туда же подавали и чай. Для знакомыхъ же мужа и такъ называемыхъ церемонныхъ гостей она удостоивала выходить въ гостинную,

но спѣла не долго, извинялась нездоровьем и уходила, предоставляя занимать гостей или мужу, или своей дочери Екатеринѣ Владимировнѣ Мазуровой. Въ числѣ гостей у Глазовыхъ, я помню, появлялись: Кологривовы, Небольсины, кн. Грузинскіе, Багговутъ, Мерлинны, изрѣдка наѣзжалъ кн. П. П. Гагаринъ, С. Т. Аксаковъ и другіе московскіе именитые люди. Иногда собиралась молодежь, и тогда пѣли и танцевали подъ фортепіано, а старики играли въ карты. Особые балы давались 15-го июля, въ день именинъ Владимира Матвѣевича, и въ декабрѣ, въ день рождения его супруги. Тогда приглашались и родня и знакомые. Играла полковая музика, пѣли пѣсениники, дѣлалась иллюминація, вино лилось рѣкой, веселились на распашку, какъ только могутъ веселиться москвичи.

Значеніе Владимира Матвѣевича въ московскомъ обществѣ обусловливалось его превосходными личными качествами и знаніемъ дѣла. Онъ принадлежалъ къ числу тогдашнихъ знаменитыхъ дѣльцовъ-законовѣдовъ. Ему поручались дѣла, выиграть которыхъ не было никакой надежды, и онъ выносилъ ихъ на своихъ плечахъ. Расскажу одинъ случай.

Въ Москвѣ проживалъ одинъ извѣстнѣйшій кутила и безобразникъ, купчина-милліонеръ Александръ Петровичъ Квасниковъ. Онъ проматывалъ по нѣсколько тысячи въ одинъ вечеръ, производилъ дебоши и безобразія, за которыхъ платилъ десятки тысячъ. Долго ему сходили съ рукъ всевозможныя выходки на стотысячъ города и гульбищахъ, наконецъ, пробилъ часть расплаты. На какомъ то поминальномъ обѣдѣ онъ снялъ съ архимандрита или архіерея, не помню, клобукъ и надѣлъ ему на голову выдолбленный арбузъ. Вышелъ скандалъ ужасный, погасить который ему не удалось. Дѣло дошло до Петербурга, и, по резолюціи императора Николая, его отдали въ солдаты.

Строгій приговоръ переполошилъ всѣхъ его сочувственниковъ; бросились хлопотать о смягченіи наказанія, но едва-едва удалось исходатайствовать небольшое облегченіе. По свидѣтельству докторовъ, его признали неспособнымъ къ строевой службѣ и зачислили въ московскую пожарную команду. Въ этой командѣ онъ только числился, но службы никакой не исполнялъ, лечась отъ болѣзни на квартирѣ. Спустя нѣсколько времени, московское начальство попыталось было просить о помилованіи Квасникова, но представлѣнія его не уважили. Вотъ тогда-то и обратились къ Владимиру Матвѣевичу, который и взялся дѣло это обработать.

Во изъжаніе какихъ-либо новыхъ проказъ съ его стороны, во время веденія дѣла, Глазовъ поселилъ Квасникова въ одномъ изъ флигелей своего дома, подъ условіемъ гулять у него гдѣ хочетъ, но за ворота не выходить.

Какъ теперь вижу эту высокую, немного сутуловатую фигуру добровольного заключенника съ его худощавой выразительной физиономіей. Глаза въ глубокихъ впадинахъ, брови наспущены, носъ большой, длинный, съ горбомъ, голова остирижена подъ гребенку, усы болыше, бакенбарды висячіе, подбородокъ тщательно выбритъ. Онъ носилъ какой-то полу воинский плащъ, венгерку, шаровары въ сапоги и фантастическую фуражку. Вся его фигура напоминала типъ отставнаго гусара. Опираясь на тяжелый костиль, съ опущенною на грудь головою, часто прогуливался онъ по глазовскому саду, напѣвая себѣ подъ носъ какую нибудь пѣсенку и сильно ударяя костилемъ въ землю. Встрѣчъ съ незнакомыми изъгаль, на глазовскихъ вечерахъ не показывался, но порой въ его небольшой квартирѣ появлялись старые друзья, хлопали пробки, брянчала гитара и до утра гигали и топали цыгане.

Владиміръ Матвѣевичъ два или три раза ъздилъ по его дѣлу въ Петербургъ, и всякий разъ возвращался безъ успѣха. Но это былъ не такой человѣкъ, чтобы спасовать передъ неудачею. Спустя иѣкоторое время, онъ вновь поѣхалъ — и привезъ Квасникову прощеніе.

Прощеніе это, какъ объяснялъ Владиміръ Матвѣевичъ, получено имъ при исключительныхъ обстоятельствахъ. Онъ нашелъ доступъ къ графу А. Х. Бенкендорфу и послѣ долгихъ, подкрепленныхъ самыми вѣскими аргументами доводовъ, успѣлъ склонить его къ заступленію за несчастнаго Квасникова, представленнаго имъ жертвой злой интриги. Графъ далъ обѣщаніе ходатайствовать передъ государемъ, но съ оговоркой, что для этого нужно выждать благопріятный случай. Пришлось ждать, но, къ счастію, не долго. Говѣя на страстной недѣлѣ, императоръ Николай имѣлъ обыкновеніе передъ исповѣдью просить прощенія у своихъ приближенныхъ. Графъ Александръ Христофоровичъ воспользовался этимъ случаемъ, и, когда государь обратился къ нему, осмѣялся напомнить о прощении наказаннаго не по винѣ Квасникова. Государь милостиво выслушалъ и повелѣлъ: возвратить Квасникова въ первобытное состояніе, но съ тѣмъ, что если онъ и засимъ будетъ вести себя по прежнему, то поступить съ нимъ безо всякаго снисхожденія.

Нужно-ли говорить съ какимъ авторитетомъ возвратился въ Москву Владимиръ Матвѣевичъ. Начались пиры. Квасниковъ задалъ такой обѣдъ своему освободителю, что Москва удивилась. Но это дѣло было послѣднимъ въ длинномъ спискѣ удачт Владимира Матвѣевича. Во время кутежа у Квасникова, онъ простудился, заболѣлъ, мѣсяца два или три пролежалъ въ постели и умеръ.

Но я забѣжалъ далеко впередъ. Нужно возвратиться ко времени нашего возвращенія у Глазова. Владимиръ Матвѣевичъ былъ другомъ нашего отца и душеприкащикомъ матери. Дѣйствуя на правахъ опекуна, онъ перевезъ насть (меня, брата и сестру) къ себѣ и поселилъ въ особомъ флигелѣ, имѣвшемъ четыре комнаты и кухню, и отдалъ подъ попечительство одной доброй старушки, дворянки Агафьи Ивановны, въ помощь которой назначены были двѣ дворовыя женщины. Мнѣ шоль тогда 5-й, брату 8-й, сестрѣ 4-й годъ. Владимиръ Матвѣевичъ любилъ насть, какъ своихъ дѣтей, озабочился устройствомъ для насть всего нужнаго и нерѣдко заходилъ навѣдаться: не нужно-ли намъ еще чего-нибудь? О чемъ бы ни просила его наша заботливая воспитательница Агафья Ивановна, все старался исполнить, по возможности, безъ замедленія. Въ воскресеніе и праздничные дни мы ходили въ церковь къ обѣднѣ, а послѣ отправлялись въ домъ Владимира Матвѣевича, гдѣ и оставались цѣлый день, а иногда и вечеръ, рѣзвились и играли съ прѣѣзжавшими дѣтьми. Въ 9 часовъ вечера возвращались домой.

Въ началѣ 1833 года, Владимиръ Матвѣевичъ прислалъ намъ учителя. Это былъ діаконъ изъ причта церкви св. Георгія въ Грузинахъ, человѣкъ не молодой, но старательный. Онъ объявилъ намъ, что мы должны пройти полный курсъ обученія, и не смотря на то, что мы, т. е. братъ и я, умѣли уже читать, онъ засадилъ насть, наравни съ сестрою, за азбуку и только пройдя съ нами сюю стадію, почтеннѣйший нашъ педагогъ сталъ упityвать насть всяческими премудростями отъ грамматики, арифметики и катехизиса. Онъ занимался съ нами каждодневно (кромѣ дней праздничныхъ) съ 10 до 1 час. утра, а Агафья Ивановна приготовляла съ нами вечернѣ уроки. Мы учились охотно и дѣлали порядочные успѣхи, такъ что весною 1835 года, сдали блистательно первый экзаменъ Владимиру Матвѣевичу, и за оказанное прилежаніе получили отъ него подарки. Онъ подарилъ мнѣ вышитую золотомъ куртку, штаны съ галунными лампасами и сапожки охотничіе съ кисточками, брату бархатный полукафтанъ съ короткими панталонами и башмаки съ пряж-

ками, а сестрѣ—тиrolъскій костюмъ. Кромѣ того каждому изъ нась онъ далъ по 25 р. ассигнаціями на гостинцы.

Это были мои первыя деньги. Но я ими не воспользовался. Я отдалъ ихъ на сохраненіе добрѣйшей Агафѣи Ивановнѣ, которая, поморъ, не выдавала мнѣ изъ нихъ ни копѣйки, говоря: «береги денежку на черный день». Когда-же годъ или два спустя она умерла, мнѣ не возвратили моихъ денегъ.

Въ послѣднее время, т. е. 1834—1836 годы, въ домѣ Владимира Матвѣевича царilo особенное оживленіе. Гости, преимущественно же молодежъ, съѣзжались часто. Много пѣли, много танцевали. Катинка Львова была прекрасная музыкантша и чрезвычайно мило пѣла. Ея высокій, чистый, звучный сопрано приводилъ въ восторгъ все наше маленькое общество. Особенно хорошо она исполняла «Красный сарафанъ» и Пушкинскую «Черную шаль». О Пушкинѣ тогда говорили много. Однажды, кто-то сообщилъ, что знаменитый поэтъ на днѣхъ прѣѣжалъ въ Грузину слушать цыганъ и добавилъ: «цыгане—его стихія».

Разсказъ о поѣздаѣ Пушкина въ Грузину возбудилъ всеобщее любопытство. Молодой Дороховъ замѣтилъ, что интересно было бы видѣть Пушкина въ обществѣ цыганъ. Слова эти возбудили во мнѣ желаніе взглянуть на Пушкина. Агафѣя Ивановна часто недомогала. Пользуясь этимъ, мы убѣгали играть на дворъ и выходили иногда за ворота. Братъ мой заходилъ часто къ Гаврілу Ивановичу Глазову и у него читаль нѣкоторые изъ Пушкинскихъ стихотвореній. Онъ восхищался ими и называлъ Пушкина геніемъ. Я сообщилъ брату мое желаніе хотя мелькомъ взглянуть на Пушкина, когда онъ прїѣдетъ въ Глазовскій трактиръ слушать цыганъ. Онъ ухватился за эту мысль съ радостью и сказалъ, что это можно устроить. День или два спустя, онъ забѣжалъ въ трактиръ и объѣцдалъ трактирнымъ половымъ дать денегъ, если они сообщатъ ему, когда прїѣдетъ Пушкинъ. Долго ждали мы и, наконецъ, забыли было совсѣмъ объ этомъ, какъ вдругъ, въ концѣ лѣта, или въ началѣ осени—не помню хорошо, прибѣгаешь къ намъ на кухню дѣвочка, дочь буфетчика, и передаетъ брату записочку съ двумя словами: «онъ здѣсь». Мы всполошились. Агафѣя Ивановна лежала въ своей комнатѣ больная, мы допивали вечерній чай. Повернувъ вверхъ донышкомъ чашки, мы бросились въ спальню и легли въ постель. Часа полтора мы провели въ какомъ-то лихорадочномъ напряженіи, пока все въ домѣ угомонились. Часовъ въ 11-ть мы встали, тихонько одѣлись,

вышли на цыпочкахъ изъ комнаты и не слышно ускользнули изъ дому.

Озираясь на вѣсъ стороны, мы пробѣжали по двору и вышли за ворота. Пріѣздъ гостей къ цыганамъ произвѣлъ вокругъ трактира оживленіе. У подъѣзда толпились извощики, кучера, троечные ямщики, лакеи. Они вели шумные разговоры, курили свои носогрѣйки, перегружались между собою или ругали хозяевъ и господь.

Противъ оконъ, на площадкѣ, стояла небольшая кучка людей разнаго званія, жадно ловя каждый вырывавшійся изнутри звукъ шумнаго цыганскаго пѣнія. Мы проскользнули въ эту кучку. Изъ оконъ трактира неслысь пріѣзы: «старый мужъ, грозный мужъ, рѣжь меня, жги меня, не боюсь я тебя!» раздавался раскатъ смѣха, хлопали пробки, и все покрывало неистовое гиканье и пляска.

Но вотъ кучка, поглазѣвъ, послушавъ, мало-по-малу стала таять и, наконецъ, разбрелась по домамъ. Остались только: я, братъ и два знакомыхъ соѣдніхъ мальчика, не захотѣвшихъ отстать отъ насы, вѣроятно, во вниманіе къ тому, что мы числились на положеніи полубарчать-воспитанниковъ. Ночь, между тѣмъ, была уже поздняя, дуль осеній свѣжій вѣтерокъ. Мѣсяцъ ярко свѣтиль, обливая сре-брѣстыми лучами полусонную окрестность. Боясь упустить случай посмотрѣть на Пушкина вблизи, мы расположились у самой лѣстницы, съ которой онъ долженъ былъ сойти, чтобы сѣсть въ экипажъ. Но прошелъ часъ, другой, и мы, перезябнувъ, хотѣли было идти уже домой, какъ вдругъ раздался съ лѣстницы громкій голосъ половаго: «эй, ямщикъ, экипажъ!» мы встрепенулись, и какъ-бы боясь чего-то, отошли отъ лѣстницы въ сторону. Пока полусонный ямщикъ взнуздалъ тройку и усаживался на козлы, на лѣстницѣ показались два господина. Одинъ брюнетъ, невысокаго роста съ не-большими баками, въ шинели съ капишеномъ и шляпой на головѣ; другой высокій съ усами, въ какой-то длиннopolой бекешѣ, съ за-мотаннымъ на шеѣ шарфомъ и тоже въ шляпѣ. На верху, на пло-щадкѣ, стояли еще два господина, окруженные цыганами и прислу-гой, и громко хохотали.

— Который же Пушкинъ, спросилъ я брата. Онъ отвѣчалъ: «не знаю». Между тѣмъ, вышедший прежде другихъ господинъ въ шинели, вида, что экипажъ еще не поданъ, спустился съ крыльца и пошелъ въ глубь двора. У периль, окаймлявшихъ берегъ пруда, на которомъ стояли бани, онъ остановился и началъ смотрѣть на

отражавшуюся въ водѣ луну, деревья и строенія. Другой же стоялъ на крыльцѣ и перебрасывался словами съ оставшимися на верхней площадкѣ товарищами.

Я толкнулъ брата и мы (всѣ четыре мальчика), окружили господина, стоявшаго у пруда. Онъ оглянулся и спросилъ: «что вамъ нужно?»

— Вы — Пушкинъ? спросилъ я тихо.
— На что вамъ?
— Такъ... интересно его видѣть.
— А почему вамъ интересно его видѣть?
— Онъ пишетъ стихи.
— Какъ вы узнали, что онъ пишетъ стихи?
— Я — крестникъ Владимира Матвѣича... у насть въ домѣ барышни поютъ «Черную шаль»; интересно узнать: ваша ли эта шаль.
— А что у васъ еще поютъ? Что вы еще знаете?
— Я ничего не знаю, но вотъ братъ мой читаль у Гаврила Ивановича много вашихъ стиховъ. (Я не сомнѣвался болѣе, что это — Пушкинъ).
— Такъ вы ничего больше не знаете, сказалъ онъ какъ-будто въ раздумъи, и, поглядя меня по головѣ, продолжалъ:

«Одну вы знаете лишь «Шаль»...
Какая жалость!..
Моя, мой милый, это шаль,
А проще — шалость.

Слова эти привели меня въ восхищеніе, я схватилъ руку Пушкина и горячо поцѣловалъ ее. Мальчишки загадѣли: и я, и я! и бросились также цѣловать его руку. Пушкинъ отнялъ руку назадъ и, добродушно улыбаясь, сказалъ: «къ чѣму это?»

Между тѣмъ лошади были поданы и онъ, направляясь къ экипажу, спросилъ меня: «А вы грамотный?!

— Учусь, отвѣчалъ я.
— Учитесь!.. будете знать болѣе, чѣмъ мои «шалости».
Затѣмъ, онъ сѣлъ въ коляску, товарищи за нимъ; цыгане, окружая экипажъ, просили скорѣе пріѣзжать опять къ нимъ; прислуга кланялась и желала счастливаго пути. Пушкинъ въ отвѣтъ киваль имъ головой, товарищи, смѣясь, отвѣчали: «да, да, хорошо!»

Но вотъ ямщикъ тронулъ возжей коренника, лопади тронулись, коляска громыхнулась и покатила. Еще мгновеніе — и вѣчность легла на слѣдъ ея...

Въ первое слѣдовавшее за сімъ воскресеніе я разсказалъ mlle Львой и другимъ гостямъ Владимира Матвѣевича о нашемъ ночномъ путешествіи и передалъ отъ слова до слова разговоръ мой съ геніальныи поэтомъ. Всѣ восторгались нашей смѣлостью, нашей находчивостью. Я сдѣлался героемъ вечера. Меня распрашивали по нѣсколько разъ, заставляли повторять каждое слово Александра Сергеевича, кормили сластями и отпустили домой, нагрузивъ карманы гостинцами.

Но финалъ былъ ужасенъ: на утро меня и брата, сильно наказали за то, что мы осмѣялись бѣсъ спросу выходить ночью на улицу...

Панихида по А. С. Пушкинѣ.

Въ началѣ февраля 1837 года, въ Москвѣ получено было извѣстіе о смерти Пушкина. Это извѣстіе взволновало студенческій мірокъ. На Никитской улицѣ, въ домѣ князя Вадбольского, въ квартирѣ г-жи Линденбаумъ, которая содержала меблированныя комнаты, отдаваемыя въ наймы, большей частію, студентамъ, была назначена сходка. Вечеромъ студенты собрались и поставили на обсужденіе вопросъ: что дѣлать? Дебаты произошли жаркіе. Имена Данзаса, л'Аршіка, Дантеса, Геккерена не сходили съ устъ, крики благороднаго негодованія, проклятія и угрозы раздавались то и дѣло. Нѣкто Барановъ, богатый помѣщикъ, степнякъ, натура горячая и необузданная, вызывался Ѹхать въ Петербургъ и драться съ Данте-сомъ, а если бы онъ отказался, отстегать его хлыстомъ. Его предложеніе не приняли. Другія тоже не прошли. Остановились на томъ, чтобы отслужить по Пушкинѣ панихиду. На утро сообщили товарищамъ, начались сборы, подпiska пошли хорошо. Но университетское начальство подъ рукою не одобрило. Назначено было новое совѣщеніе и рѣшили отслужить панихиду не по Пушкинѣ, а по усопшемъ рабѣ божіемъ Александрѣ. День назначили праздничный — слѣдующее воскресеніе; мѣсто — Никитскій монастырь. Пригласили пѣвчихъ, заказали полное освященіе церкви. Хлопотали было

поставить печальный катафалкъ, но игуменья не разрѣшила. Время прошло быстро; наступилъ день панихиды. Началась обѣдня, народу собралось много. Студенты сходились и переговаривались; одни слушали обѣдню, другіе прохаживались по монастырскому двору. Но полиція провѣдала, явился квартальный со своими будочниками, за нимъ прибылъ частный приставъ, позднѣе пожаловалъ и самъ полиціймейстеръ. Развязно вошелъ онъ во храмъ, еще развязнѣе подошелъ къ игуменѣ и довольно долго бесѣдовалъ съ нею келейно: ясно было, что что-то затѣвается.

Но вотъ обѣдня кончилась, полиціймейстеръ незамѣтно уѣхалъ. Народъ сталъ выходить изъ церкви. Потушили свѣчи. Потянулись монахини, въ церкви стало пустѣть, а панихиды не начиналась.

Два, три студента пошли въ алтарь за объясненіями къ священнику, собиравшемуся уже оставить церковь. Онъ отвѣтилъ, что панихиды не будетъ. Спрашиваются: «почему?» — «А потому, говорить, что по живомъ человѣкѣ панихиды не служать». «Какъ по живомъ!» изумляются студенты. — «Да такъ, отвѣчаетъ, Пушкинъ живъ... не вѣрите — спросите мать игуменѣю». Обращаются къ игуменѣ, та отозвалась, что, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ ей сейчасъ полиціймейстеромъ, Пушкинъ, хотя и боленъ, но еще живъ. Бросаются къ приставу, — приставъ утверждаетъ, что подобное извѣстіе только что получено изъ Петербурга. Студенты, обрадованные такою доброю вѣстью, расходятся по домамъ.

Спустя часъ или два истина открылась; но собраться снова на панихиду студентамъ не позволили.

Москва въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1839 г.

Старушка Москва, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, жила жизнью тихою и безмятежно. Послѣ усмиренія Польши, особо важныхъ политическихъ событий въ русской жизни не было, дѣлашли обыкновеннымъ чередомъ, какъ говорится, ни шатко, ни валко, ни на сторону, и общество дремало въ сладкомъ невѣдѣніи и забытьѣ. Вдругъ лѣтомъ 1839 года до слуха Бѣлокаменной дошла вѣсть, что осенью должна совершиться торжественная, въ присутствіи самого государя императора Николая Павловича, закладка храма Христа Спасителя, — и первопрестольная столица встрепенулась. Пошли толки,

догадки, предположенія о томъ, когда и какъ должно быть исполнено. Наговорившись досыта, Москва начала готовиться къ торжеству, желая отпраздновать это, столь близкое ея сердцу, событие какъ можно грандиознѣе. Первымъ дѣломъ привели въ порядокъ мостовыя, тумбы и фонарные столбы подчернили, дома, ворота и заборы принялись красить, шатающихся собакъ ловить, хожальныхъ и будочниковъ облачать въ новую аммуницію. Къ іюлю сдѣжалось положительно извѣстнымъ, что закладка совершился въ сентябрѣ, послѣ открытия памятника на Бородинскомъ полѣ, что Государь Императоръ, прибудетъ въ Москву въ сопровождѣніи приглашенныхъ на бородинскіе маневры иностранныхъ принцевъ и что въ закладкѣ храма примутъ участіе командированныя на маневры гвардейскія войска. Извѣстіе это взволновало весь городъ: такого блестящаго собранія именитыхъ и знатныхъ гостей въ Москвѣ давно уже не было, чутъ ли не съ самой коронаціи въ 1826 году, и вотъ, нація съ великосвѣтскими гостиными и кабинетами сановниковъ и кончая купеческими свѣтицами и рынкомъ, все пришло въ движеніе. Тысячи надеждъ, тысячи ожиданій возбудило прибытие царя. Кузнецкій мостъ съ утра до ночи запружили экипажи, магазины переполнялись покупателями, дамы заказывали, шили и покупали новомодные костюмы и украшенія. Городскіе ряды, равномѣрно, торговали на славу, такъ какъ всякая, даже самая простая женщина хотѣла имѣть къ пріѣзду царя какую-нибудь обнову. Поліція усугубила свое рвение: улицы мели, деревья на бульварахъ подстригали, скамейки красили и пищихъ забирали. Все это—такія мѣры, которая принимаетъ Москва только въ экстренныхъ случаяхъ. До 1839 года я Государя не видѣлъ, потому пріѣздъ его въ Москву не могъ не интересовать меня. О характерѣ, рыцарствѣ и добротѣ императора Николая Павловича ходили цѣлые легенды. Его хладнокровіе и неустрашимость при усмиреніи бунта въ 1825 году, его заботливость о солдатѣ и мужество, выказанныя въ турецкую войну 1828-года, и его самоотверженіе на Синайской площади въ холеру 1831 года, невольно влекли къ нему сердца народа и заставляли каждого добиваться возможности хотя разъ въ жизни взглянуть на него и выразить ему, чѣмъ можно, свое сочувствіе и преданность.

Мнѣ было тогда 12 лѣтъ; я жилъ у опекуна на Никитской, въ домѣ князя Вадольского, гдѣ и какъ увидѣть царя не зналъ, и потому обратился за советомъ къ другу и учителю моему, студенту Назарову.

— Подожди,—отвѣчалъ Назаровъ:—надо подумать.

Между тѣмъ, августъ мѣсяцъ былъ уже на исходѣ; каждый новый день приносилъ въ Москву животрепещущія новости о военныхъ празднествахъ подъ Бородинымъ, маневрахъ и открытии памятника воинамъ, павшимъ въ Бородинскомъ сраженіи; сообщавшія объ этомъ «Московскія Вѣдомости» читались съ жадностью.

— Скоро и на нашей улицѣ будеть праздникъ!—говорили сбиравшіеся въ кучки горожане.—Самъ Царь прибудеть и сдѣлаетъ закладку храма, а это будеть почище бородинского памятника.

— Смотри, парень,—хихикала фризовая шинель:—чтобы и нынѣ не вышло того же, что было на Бородьевыхъ горахъ. Въ 1817 г., тамъ, чай, тоже закладывали храмъ, да что вышло: три стѣны размокли на дождѣ, а четвертая испарилась на солнцѣ.

— Ну, это было при Благословленномъ, а теперь Николай, теперь щелкоперамъ потачки не дадутъ,—отвѣчалъ горожанинъ.

3 сентября, въ 6 часовъ пополудни, императоръ Николай Павловичъ изволилъ прибыть въ Москву съ государемъ наследникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ. Всльдъ за нимъ прїѣхали: великий князь Михаилъ Павловичъ, герцогъ Максимилианъ Лейхтенбергскій (молодой супругъ великой княгини Маріи Николаевны) и гости русскаго царя: принцы: Альбертъ Прускій, Евгений Виртембергскій, Александръ Нидерландскій и эрцгерцогъ Австрійскій Альбертъ. Массы народа покрывали улицы и площади по пути слѣдованія Государя. Я предполагалъ увидѣть Царя на Красной площади, досталъ себѣ у сторожа рядовъ скамейку и расположился на ней у памятника Минина и Пожарскаго. Но едва показалась коляска Государя отъ Иверской, народъ, стоявшій до того времени въ порядкѣ, разомъ обнажилъ головы и съ крикомъ «ура!» бросился на встрѣчу Государю. Меня сшибли со скамьи на землю и едва не затоптали ногами. Благодаря вмѣшательству какого-то купца, поднявшаго меня, я отдѣлался только потерей фуражки, разбитымъ носомъ и нѣсколькими ссадинами на рукахъ и тѣлѣ. Царя я даже не видѣлъ, я видѣлъ только массу головъ и вдали мелькалия шляпы съ разноцвѣтными перьями. Въ Кремлѣ гудѣли колокола, а на площади стоялъ стонъ отъ привѣтственныхъ кликовъ народа.

— Ну, что, хорошо? — спрашивалъ меня Назаровъ, по возращеніи моемъ домой. — Благодари Бога, что голова осталась цѣла. Впрочемъ, это тебѣ на будущее время урокъ! Прежде отца въ петлю не суйся!

На другой день рано утромъ я отправился съ нимъ въ Кремль, посмотретьъ на выходъ Царя изъ собора. Мы прошли къ самому Успенскому собору и стали за линіей войскъ, расположенныхъ противъ Краснаго крыльца. День былъ ведреный. Народу собралось много, но, благодаря внимательности полиціи, тѣсноты и давки не было и мнѣ удалось видѣть церемонію царскаго выхода довольно хорошо.

Ровно въ 11 часовъ Государь вышелъ изъ дворца. Онъ былъ въ мундирѣ съ эполетами, бѣлыхъ штанахъ и ботфортахъ, шляпа съ перьями, голубая лента черезъ плечо. Высокій, стройный и красивый собою, съ орлинымъ взглядомъ и величественною поступью, онъ выдѣлялся изъ массы слѣдовавшихъ за нимъ принцевъ и генералитета, видно было, что это—Царь. Едва Государь показался съ крыльца, войска взяли на караулъ и народъ восторженно его привѣтствовалъ.

— Какой молодецъ! какой красавецъ! кровь съ молокомъ! Дай ему Богъ здоровья! слышались восклицанія изъ толпы.

За Государемъ слѣдоваль наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, великий князь Михаилъ Павловичъ, герцогъ Лейхтенбергскій, иностранные принцы и свита.

— Нашъ москвичъ! землякъ! Коренной кремлевскій Царевичъ! Эхъ, какъ выровнялся-то! Весь въ Отца! встрѣчала толпа наслѣдника.

— Нашъ зять! Пятый сынъ Царя! И съ виду какъ будто русскій!—лѣтѣли возгласы по адресу герцога Лейхтенбергскаго.

— Смотри, толкнулъ меня Назаровъ,—вотъ идеть фельдмаршаль князь. Варшавскій! Это—князь Петръ Михайловичъ Волконскій! Это—графъ Карлъ Федоровичъ Толъ! Это—князь Голицынъ! Это—графъ Орловъ-Денисовъ! Это—графъ Паленъ! указывалъ онъ на сопровождавшихъ государя генераловъ.

Глаза мои перебѣгали съ одного лица на другое, я припоминаль 1812 годъ, Варшаву, Кавказъ и событія, въ которыхъ они участвовали. Какое-то теплое хорошее чувство наполняло душу, я видѣль всѣхъ этихъ тузовъ земли русской, и хотя физіономія нѣкоторыхъ изъ нихъ не располагали къ себѣ, я все-таки считалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ. Первые сильныя впечатлѣнія невольно овладѣваютъ душой и упояютъ ее.

При входѣ въ Успенскій соборъ, Императоръ былъ встрѣченъ митрополитомъ Филаретомъ съ тремя епископами и всѣмъ церковнымъ клиромъ и, приложась ко св. Кресту, вступилъ въ соборъ,

при пѣни тропаря: «Спаси, Господи, люди Твоя». Послѣ молебствія, Государь прослѣдоваль мимо Грановитой палаты въ Терема, а оттуда въ Верхо-Спасскій соборъ и въ церковь Рождества Богородицы.

Вечеромъ у матери Назарова собралось большое общество. Было нѣсколько профессоровъ, студентовъ, два доктора и пасторъ. Позднѣе пріѣхалъ плацъ-адъютантъ комендантскаго управления, разсказавшій, между прочимъ, слѣдующій анекдотъ о комендантѣ, генералѣ Стaalѣ.

Отъ одного изъ полковъ, расположенныхъ въ Москвѣ, поступилъ въ ордонансъ-гаузъ рапортъ, въ заголовкѣ котораго, вмѣсто словъ: московскому коменданту, стояло: «московскому комедіанту». Можетъ быть, это была, просто, ошибка писаря, но комендантъ, суровый службистъ и педантъ, прочитавъ бумагу, ужасно разсердился. «Они мнѣ пишутъ, что я—комедіантъ, кричалъ онъ, дрожа отъ гнѣва, я имъ покажу, что я за комедіантъ». И, вытребовавъ къ себѣ полковаго адъютанта, посадилъ его подъ арестъ на двѣ недѣли, а командиру полка приказалъ объявить выговоръ.

Московскіе скалозубы, любившіе посмѣяться, довели о случившемся до свѣдѣнія великаго князя Михаила Павловича.

Его высочество послалъ за комендантомъ и тотъ тотчасъ явился, догадавшись въ чемъ дѣло, встревоженный и хмурый.

— Что это ты, Карлъ Густафычъ, какъ будто не въ своей тарелкѣ,—обратился къ нему шутливо великий князь:—это тебѣ не къ лицу, это вовсе не твоя роль...

— У меня одна роль, ваше императорское высочество,—отвѣчалъ генералъ Стaalъ:— роль московскаго коменданта, которую я и исполняю по мѣрѣ моихъ силъ и способностей.

— Да ты не сердись на меня, пожалуйста, — разсмѣялся Михаилъ Павловичъ:— я знаю, что ты строгій комендантъ, но не будь же черезчуръ строгимъ.

Генералъ Стaalъ улыбнулся.

— Ну, вотъ видишь, ты самъ согласенъ, что черезчуръ строгимъ быть не слѣдуетъ, а ты съ адъютанта слишкомъ строго взыскалъ.

— Нельзя же, ваше высочество, дозволить смѣяться надъ званіемъ, которое я ношу по волѣ моего всемилостивѣйшаго Государя.

— Нельзя, Карлъ Густафычъ, но все-таки лучше бы было, если бы ты отпустилъ его почевать домой.

Комендантъ молчалъ; ему, очевидно, не хотѣлось освободить офицера, но и возражать онъ не рѣшался. Тогда великий князь положилъ ему руку на плечо и сказалъ:

— Сегодня въ Москву празднику, Карль Густафычъ, ради этого праздника поди выпусти его.

Комендантъ, понимая буквально слова великаго князя, самъ лично отправился на гауптвахту и освободилъ изъ-подъ ареста адъютанта.

Чрезъ иѣсколько дней вступили въ Москву гвардейскія войска, находившіяся на маневрахъ подъ Бородинымъ. Первопрестольная встрѣтила ихъ вполнѣ по родственному: клики, привѣтствія, ма-ханье шляпами и платками сопровождали это зступленіе. Гвардей-скіе солдаты, въ высокихъ того времени киверахъ, казались вели-канами, по особенно громаднымъ ростомъ выдѣлялся тамбуръ-мажоръ преображенскаго полка, который, какъ говорили, имѣлъ около семи футовъ росту. Большинство солдатъ были старые ветераны со множествомъ медалей и крестовъ на груди. Москва любить все величе-ственное и грандіозное, и гиганты эти ей нравились. Они, въ тек-ченіи своего кратковременного въ ней пребыванія, собирали вокругъ себя толпы народа и становились предметомъ всевозможныхъ бесѣдъ и угощений. Нѣкоторые москвичи приглашали ихъ къ себѣ въ дома, угощали и дарили деньгами. Говорили даже, что солдаты въ двухъ-трехъ домахъ были приглашены въ воспрѣемники дѣтей и крестили, но на зубокъ получили не родильницы, а крестные отцы. Это выхо-дило уже совсѣмъ по-московски!

Нѣсколько молодыхъ людей, интересовавшихся событиями 14 де-кабря 1825 года, о которыхъ въ то, запретное, время, никто ни-чего достовѣрнаго не зналъ, устроили вечеръ въ честь ветерановъ. Я былъ на этомъ вечерѣ съ Назаровымъ. Мы пришли часовъ въ 7 вечера, общество было уже въ сборѣ и пиръ начать на славу. Нѣ-сколько нумеровъ въ меблированныхъ комнатахъ г. Линденбаумъ на Никитской, гдѣ обыкновенно ютились студенты и другая молодежь, было обращено въ одно помѣщеніе. Ветераны разныхъ полковъ въ перемежку съ молодежью сидѣли на стульяхъ, на окнахъ и на сту-денченскихъ постеляхъ (мебели было мало) съ трубками въ рукахъ, у нѣкоторыхъ мундиры были сняты, у другихъ растегнуты. Пили и закусывали безъ церемоній. Пили кому что нравилось: водку, пиво, пуншъ, вино. Бесѣда шла приятельская и шумная: русскій солдатъ во всякому обществѣ осваивается чрезвычайно скоро, со студентами же, какъ съ товарищами по оружію (студенты тогда имѣли мун-диры и шпаги) старики-ветераны стали на короткую ногу съ пер-ваго же раза.

Меня сначала удивила подобная компания, но когда мнъ объяснили цѣль, я сѣлъ и стала слушать. Студенты разспрашивали, солдаты отвѣчали, но съ такой осторожностью, что изъ ихъ рассказовъ о ходѣ самого событія ничего нельзя было понять. Они говорили только о «молодомъ Императорѣ» и восхищались его мужествомъ и смѣлостью.

— Мы присягнули ему безъ заминки, ораторствовалъ старикъ преображенецъ. 14 декабря, утромъ, нась потребовали ко дворцу. Спѣшино, на-ходу застегиваясь, мы вышли, взяли ружья на плечо и марши на площадь. Пришли и выстроились правымъ флангомъ къ главнымъ дворцовымъ воротамъ, спиной къ комендантскому подъѣзду; смотримъ, у воротъ стоять куча народу и больше простаго, а въ серединѣ молодой Императоръ въ измайловскомъ мундирѣ, съ лентою черезъ плечо, но безъ шинели, одинъ одинешенекъ, стоять и читаетъ народу манифестъ о восшествіи своемъ на престолъ: мы только диву дались, никогда ничего подобнаго не слыхивали и не видывали. Прискакалъ Нейдгарть, отрапортовалъ что-то, и Государь, обратясь къ толпѣ, заявилъ, что московцы (Московскій гвардейскій полкъ) не признаютъ его царемъ и бунтуютъ. Народъ заволновался и закричалъ, что никого не допустить до него и никому его не выдастъ! «Спасибо, ребята, — отвѣчалъ Царь: — хотѣлъ бы, за ваше ко мнѣ расположеніе перецѣловать васъ всѣхъ, но, сами знаете, не могу, а потому поцѣлую ближайшихъ ко мнѣ, а они уже передадутъ мой поцѣлуй и остальнымъ». И онъ обнялъ и поцѣловалъ двухъ-трехъ человѣкъ, стоявшихъ впереди. «Теперь, — продолжалъ Царь: — не мѣшайте мнѣ распорядиться войскомъ и идите съ Богомъ по домамъ!» И народъ отхлынуль. Затѣмъ онъ подошелъ къ намъ, и, поздоровавшись, спросилъ: «Готовы-ли мы идти за нимъ куда велить?» Мы отвѣчали: «Хотя на край свѣта! Рады стараться! Рады умереть за васъ, ваше императорское величество!». Тогда онъ велѣлъ зарядить ружья боевыми патронами, скомандовалъ: «Бѣ атакѣ, въ колонну стройся! Четвертый и пятый взводы прямо! Скорымъ шагомъ, маршь!» И повернувъ нась направо, велѣлъ полковому нашему командиру Исленеву вести нась къ Сенатской площади, гдѣ стояли мятежники. Мы тронулись, при немъ осталась только одна рота, съ которой онъ потомъ, сѣвъ на лошадь, и прибылъ на сенатскую площадь. Мы первые присягнули ему, мы первые встали за него, мы первые пошли за него на мятежника, и онъ за то любить нась и зоветъ не иначе, какъ «моя семья»!

— Первыми встали за него финляндцы (Финляндской гвардейской полкъ),—перебилъ преображенца егеръ:—рота финляндцевъ въ караулъ пришла, еще вѣсъ не было, онъ вышелъ къ ней и она первая отдала ему императорскую честь, салютовала знаменемъ и била походъ. Первымъ словомъ новаго Царя къ войскамъ былъ его вопросъ финляндской ротѣ: «Присягнула-ли она ему и знаетъ-ли, что присяга ему совершена по волѣ его брата, цесаревича Константина?» Финляндцы отвѣтили, что присягнули и знаютъ. Тогда, значитъ, вамъ надо показать мнѣ вѣрность на дѣлѣ,—заговорилъ молодой Императоръ:— московцы шалить, не перениматъ у нихъ, дѣлать дѣло молодцами! Готовы-ли вы стоять и умереть за меня?» Финляндцы закричали: «Ура, Николай!» Тогда онъ велѣлъ зарядить имъ ружья и самъ отвелъ ихъ къ главнымъ воротамъ дворца. А затѣмъ уже обратился къ народу и сталъ читать манифестъ.

— Ну, это все равно, кто первый сталъ, кто послѣдній,—вмѣшался въ споръ солдатъ студентъ Стаковицъ:— дѣло въ томъ, что стали за Царя, поэтому я предлагаю выпить за его здоровье.

Раздалось «ура»! и стаканы были опорожнены.

— Все время онъ держалъ себя молодцомъ, истинно по-царски, заговорилъ семеновскій фельдфебель, затянувшись жуковскимъ табакомъ изъ громадной трубки:— встрѣтѣ гренадеръ, бѣжавшихъ на мѣсто бунта, онъ хотѣлъ остановить ихъ и закричалъ: «стой!» Гренадеры ему отвѣчали: «мы не за тебя, за Константина!» «Ну, когда такъ, то вотъ вамъ дорога!»—воскликнулъ Николай и указалъ имъ на Сенатскую площадь. Гренадеры проходили по обѣ стороны сидѣвшаго на конѣ Царя, нѣкоторые задѣвали амуниціей ему за ноги. Нужно мужество, что бы находиться одному среди обезумѣвшихъ бунтовщиковъ, и полное хладнокровіе. Или вотъ, когда мятежники стрѣляли по нашимъ на Сенатской площади и нѣкоторые молодые солдатики сторонились отъ пуль, онъ выскакалъ впередъ за ряды войскъ и сталъ, какъ на разводѣ, впереди всѣхъ. Развѣ это не храбрость?.. храбрость!

— Нѣть, лучше всего, какъ онъ обрѣзаль нѣмца — засмѣялся преображенецъ: кавалеръ какой то иностранный, говорили даже по-сланникъ, подошелъ къ нему на Сенатской площади и говоритъ: «Мы за васъ, государь, мы вамъ поможемъ если хотите!» Такъ онъ его тѣль турнуль, что тотъ сдва пятки унесъ. «Убрайтесь, крикнулъ:—это дѣло не ваше, это дѣло мое, чисто семейное, я его и безъ васъ устрою». Молодецъ, право!

— А правда-ли, что дворецъ то, какъ говоритьъ, чутъ не захватили мятежники? — спросилъ одинъ изъ устроителей вечера Вольский.

— Нѣтъ, саперы не допустили! — отозвался семеновецъ: — саперы за полчаса раньше заняли дворецъ, они стояли уже у главныхъ воротъ, на государевомъ и посольскомъ подъѣздахъ, какъ прибѣжали мятежные гренадеры. Посмотрѣль, посмотрѣль ихъ командиръ, подумалъ, подумалъ, да и махнулъ рукой. «Это не наши, ребята», — сказалъ онъ и повелъ своихъ на Сенатскую площадь.

Студентъ Обрушинъ предложилъ выпить за саперъ. Выпили.

— А правда-ли, что Наслѣдника выносили изъ дворца подъ защиту войскъ? — спросилъ Стаковичъ.

— Это чистая выдумка! — возразилъ преображенецъ: — послѣ усмирѣнія мятежа, когда Государь возвратился во дворецъ, онъ пожелалъ показать войскамъ своего сына. Царскій камердинеръ вынесъ его на рукахъ, и молодой Императоръ, передавая его на руки георгіевскимъ кавалерамъ, просилъ полюбить его, какъ онъ самъ ихъ любить. Потомъ вызывалъ отъ каждой роты по одному человѣку и велѣлъ Наслѣднику поцѣловать ихъ. Конечно, войска были въ восторгѣ, солдаты цѣловали ручки и ножки Наслѣдника престола, а онъ, попцѣловавъ одного солдата, схватилъ за носъ, а другого за баки. Потомъ вдругъ отнявъ ручку, — сказалъ: «Какіе жесткіе у тебя волосы!» А теперь, смотри, какой молодецъ!

Студентъ Мухинъ предложилъ выпить за «молодца Наслѣдника» и всѣ чокнулись и выпили.

На вопросы о числѣ мятежниковъ, ихъ планахъ и цѣляхъ, солдаты отвѣчали: «А кто ихъ знаетъ, намъ не вѣдомо».

Пробило 8 часовъ — и солдаты стали собираться домой, «на перекличку», какъ выразился егеръ. Одѣвшись, они очень вѣжливо поблагодарили хозяевъ за хлѣбъ-соль, водку и табакъ. Студенты дружески пожали имъ руки и подарили на память студенческаго, какъ выразился Вольскій, побратимства по фунту жуковскаго табаку, а фельдфебелю, кромѣ того, и большую пѣнковую трубку. Обрушинъ предложилъ выпить «отвальну». Выпили и разошлись.

Описаніе этого вечера, конечно, болѣе подробное приведенного мною, было составлено распорядителями его, и циркулировало по тому въ извѣстныхъ кружкахъ молодежи. Для людей конца XIX вѣка подобныя приглашенія и распросы солдатъ могутъ казаться крайне неумѣстными, смѣшными и даже глупыми, но для того,

запретнаго, времени они являлись единственнымъ источникомъ для уясненія интересовавшихъ общество событій и были пикантной новостью дня, о которой говорили и вспоминали потомъ долго. Я же записалъ объ этомъ просто, какъ объ историческомъ фактѣ.

10 сентября совершина закладка храма Христа Спасителя на берегу рѣки Москвы, близъ Каменного моста. Мысль о постройкѣ храма принадлежитъ императору Александру I. Въ благодарность Господу Богу за изгнаніе изъ Россіи французовъ въ 1812 году, онъ положилъ воздвигнуть храмъ, который бы выражалъ собою идею благодарности неисповѣдимому Промыслу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, напоминаль потомству о доблестныхъ дѣяніяхъ его предковъ. Въ манифестѣ о созданіи храма, состоявшемся 25 декабря 1812 года, говорилось между прочимъ: «И да стоить храмъ сей многіе вѣка, и да курится въ немъ, предъ святымъ Престоломъ Божіимъ, кадило благодарности до поздайшихъ родовъ вмѣстѣ съ любовію и подражаніемъ къ дѣламъ ихъ предковъ». Храмъ этотъ первоначально предполагалось построить на Воробьевыхъ горахъ по проекту академика живописи Карла Витберга. Проектъ талантливаго, но несчастливаго художника представлялъ феноменально-рѣдкое явленіе. Предполагалось воздвигнуть трехъ-этажный храмъ, вышиною 110 сажень, съ колоннадою по обѣимъ сторонамъ храма въ 300 сажень длины, а на концахъ ея—два памятника по 50 сажень высоты каждый: одинъ изъ пушекъ, отбитыхъ у непріятеля во время преслѣдованія его отъ Москвы до русской границы, другой—изъ пушекъ, взятыхъ у него во время похода отъ границы до Парижа. Зданіе гигантское, дѣлающее честь генію художника-мыслителя, но въ самомъ существѣ своеемъ во многомъ неисполнимое. Укажу хотя на то обстоятельство, что мы не взяли у французовъ и ихъ союзниковъ въ войны 1812—1814 годовъ столько пушекъ, чтобы воздвигнуть изъ нихъ два памятника, по 50 саж. высоты каждый. Мѣстомъ для постройки избрали Воробьевы горы, но почва мѣстности, гдѣ предполагалось строить храмъ, оказалась впослѣдствіи неудобной—чрезвычайно рыхлою и не могущей выдержать тяжести колоссальной постройки. Самый способъ постройки храма рабами *) не могъ

*) Для земляныхъ работъ, добыванія матеріаловъ и постройки храма, куплено было комиссіей для постройки храма 23.234 души помѣщичихъ крестьянъ, которые и давали храму ежегодно 6.000 работниковъ.

гарантировать успешности и прочности работы. Закладка храма на Воробьевых горахъ была совершена 12 октября 1817 года, работы продолжались до 1825 года. Но «строитель, какъ выразился московский военный генераль-губернаторъ, князь Д. В. Голицынъ, хотѣлъ одинъ єсть хлѣбъ». А такъ какъ одному єсть хлѣба нельзя, когда вокругъ масса людей лизаетъ зубами, то, конечно, начались пререканія, ссоры и кляузы, кончившіяся тѣмъ, что комиссію сооруженія храма закрыли, членовъ ся предали суду, а строителя Витберга сослали въ Вятку. 4.132.560 р., израсходованныхъ комиссіей на первоначальная работы, списали со счетовъ, рабочъ-работниковъ передали въ казенное вѣдомство, остатки заготовленныхъ материаловъ частью продали, частью отдали погорѣльцамъ села Всесвятскаго, частью бросили. Въ тридцатыхъ годахъ дѣло постройки храма вступило въ новый фазисъ. Мѣсто для его сооруженія избрано императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Самый храмъ предположено соорудить въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, по проекту архитектора К. А. Тона. Для постройки храма учреждена новая комиссія, подъ предсѣдательствомъ московского военного генераль-губернатора, работы начались въ 1838 году и ко времени закладки буть быть положенъ и фундаментъ зданія высился выше уровня земли.

На торжество закладки я явился съ Назаровымя. Мы пришли на мѣсто закладки утромъ рано, но народу было уже такъ много, что мы не могли найти мѣста, откуда можно было бы видѣть церемонію. Построенная для публики особая мѣста Москва раскупила заблаговременно, а за двѣ-три оставшіяся скамейки просили баснословно дорого. На мѣстѣ закладки бѣлѣлась довольно большая и хорошо выровненная горизонтальная плоскость съ выдающимися изъ земли очертаніями стѣнъ, окруженнага массой строительного материала. Надъ этой плоскостью высились обширная богато убранная палатка, съ настланными до нея мостками, покрытыми краснымъ сукномъ. Справа отъ палатки виднѣлся простой, топорной работы деревянный крестъ, рабочіе наполнили дворъ храма, что-то носили, что-то двигали, что-то убирали. День, не смотря на сентябрь, выпалъ солнечный, безвѣтряный и теплый. Городъ убрался по праздничному: въ окнахъ и на балконахъ домовъ виднѣлись разноцвѣтные ковры, цвѣты и зелень. Не найдя мѣста около храма, мы отправились искать его на Красную площадь, обошли Кремль и пристроились на груду строительныхъ материаловъ близъ Спасскихъ воротъ.

На всемъ протяженіи отъ Успенскаго собора до мѣста закладки стояли шпалерами войска, сперва кавалерія, потомъ пѣхота. Народъ запружалъ всѣ улицы и Красную площадь. По совершенніи божественной литургіи митрополитомъ Филаретомъ въ Успенскомъ соборѣ, началось церемоніальное шествіе съ хоругвями и чудотворными иконами Бомоматери Владимирской и Иверской. Процессія слѣдовала изъ Кремля, чрезъ Никольскія ворота, по линіи стѣн Кремля, мимо Спасскихъ воротъ, по набережной Москвы рѣки и Пречистенкѣ. Первые ея ряды вышли на Красную площадь около полудня. Во главѣ процессіи шли инвалиды 1812 года, потомъ комиссія для постройки храма, далѣе длинный рядъ придворныхъ и другихъ чиновъ, камеръ-юнкеровъ, камергеровъ, сенаторовъ, генераловъ, участвовавшихъ въ войнѣ 1812 года, среди которыхъ особенное вниманіе обращали на себя Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, графъ М. С. Воронцовъ, графъ А. И. Чернышевъ, князь И. Ф. Паскевичъ, графъ К. Ф. Толь, князь П. М. Волконскій, графъ П. П. Паленъ, графъ В. В. Орловъ-Денисовъ, П. А. Тучковъ и др. Потомъ слѣдовало духовенство, пѣвчие, хоругви, образа, ряды діаконовъ, священниковъ и іеромонаховъ, архимандриты, епископы и митрополитъ Филаретъ. За митрополитомъ изволилъ шествовать государь императоръ Николай Павловичъ, съ наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, великий князь Михаилъ Павловичъ, герцогъ Максимилианъ Лейхтенбергскій, эрц-герцогъ Австрійскій, принцы Пруссій, Нидерландскій и Виртенбергскій и свита Его Величества и адъютанты принцевъ и герцоговъ, министры, члены государственного совѣта и другіе сановники. Колокольный звонъ всѣхъ церквей столицы, отдадшіе чести войсками, преклоненіе знаменъ, музыка, команда и барабанный бой, шитые золотомъ мундиры, плюмажи и перья шляпъ, звѣзды, ленты, ордена, эполеты, каски, кивера, парчевые ризы священнослужителей, нарядные кафтаны купечества, все это вмѣстѣ взятое усугубляло торжественность минуты и производило сильное впечатлѣніе. При приближеніи процессіи, вся масса народа, какъ бы по командѣ обнажила головы и осѣнилась крестнымъ знаменіемъ. Нѣкоторые благочестиво вспоминали покойнаго императора Александра Благословленнаго и молились за упокой его души. Болѣе часу прошло, пока вся процессія прослѣдовала мимо.

Мы не дождались обратнаго шествія процессіи, сочтя за лучшее заблаговременно выбраться изъ окружающей толпы, и отправились домой.

Вечеромъ студентъ Вольскій, бывшій на мѣстѣ закладки храма, говорилъ, что въ основаніе храма положенъ Государемъ камень съ предметами закладки храма въ 1817 году и крестообразно вырѣзанной доскѣ съ двумя плитками, изъ коихъ одна съ его именемъ, а другая—съ именемъ Императрицы. Подобныя же плитки съ своими именами положили: Наслѣдникъ Цесаревичъ, великий князь Михаилъ Павловичъ, герцоги, принцы и митрополитъ. Кромѣ того положено: 30 золотыхъ полуимперіаловъ, 24 серебряныхъ пятизлотника, и по 60 четвертаковъ, двугривенныхъ, пятиалтынныхъ и гравиениковъ, всѣ монеты чекана 1839 года. Митрополитъ Филаретъ произнесъ при этомъ рѣчъ—одинъ изъ шедевровъ духовнаго краснорѣчія, въ которой сравнилъ императора Николая съ царемъ Соломономъ, такъ какъ на долю ихъ обоихъ выпало счастье воздвиженія храмовъ Богу Истинному, тогда какъ мысль о созданіи храмовъ принадлежала имъ вѣнценоснымъ предшественникамъ.

На другой день, бывши въ гостяхъ у А. П. Шестова (извѣстнаго впослѣдствіи московскаго городскаго головы), я слышалъ отъ него, что Государь, послѣ закладки храма, бесѣдуя съ князенъ С. М. Голицынымъ, изволилъ отозваться: «Вотъ владыко сравнилъ меня съ Соломономъ, которому послѣ царя Давида, какъ и мнѣ послѣ брата Александра, предопредѣлено было свыше возсоздать храмъ Богу Истинному. Не знаю, удастся ли мнѣ создать въ Москвѣ такой же великолѣпный храмъ, какъ создалъ Соломонъ въ Иерусалимѣ; но знаю, что рядомъ съ храмомъ во имя Христа Спасителя, я не воздвигну уже храма Баалу. Для меня нѣтъ Бога иного, кромѣ Бога Истиннаго».

Въ память торжества закладки храма выбита медаль съ изображеніемъ на одной сторонѣ, какъ на медали 1812 года, Всевидящаго Ока, съ надписью: «Не Намъ, не Намъ, а имени Твоему», а съ другой—вида строящагося храма и надпись: «Завѣщаль Александръ, началь исполненіе Николай I».

Во все времена нахожденія царя въ Бѣлокаменной, Москва веселилась до упаду. Выходы во дворцѣ, обѣдъ у генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына, дворянскій балъ, вечеръ въ только что открытомъ въ Петровскомъ паркѣ вокзалѣ, который удостоилъ своимъ посѣщеніемъ Государь Императоръ, составляли такія крупныя событія для Москвы, что они многіе годы были въ памяти добродушныхъ москвичей, и для многихъ составили эпоху жизни. Гвардейскихъ войскъ Москва послѣ того не видала долго, именно до коронаціи Императора Александра II въ 1856 году. А это чего-нибудь стоитъ.

Но и гвардейцамъ не могла не быть памятна Москва. Не говоря уже о томъ, что доступно каждому большому цивилизованному городу, первопрестольная давала своимъ гостямъ такія своеобразныя, исключительно мѣстныя удовольствія, о которыхъ иные цивилизованные страны не имѣютъ даже понятія. Я говорю о цыганахъ и медвѣжьей травѣ.

Цыгане составляли исконную славу и гордость Москвы. Ихъ хоры извѣстны были, по слухамъ, въ Парижѣ и Лондонѣ. Но жили они постоянно въ Москвѣ. Гастроли ихъ, а потомъ и самое переселеніе въ Петербургъ и другіе наши города начались не ранѣе сороковыхъ годовъ. Поэтому, не только гвардейскій офицеръ или петербургскій администраторъ и магнатъ, но каждый пріѣзжавшій въ Москву иностранецъ-художникъ, музыкантъ или писатель, считали долгомъ послушать «дикую пѣсню» цыганъ, полюбоваться ихъ «огневою» пляскою. Знаменитый виртуозъ-пианистъ Листъ, какъ извѣстно, въ день первого своего концерта въ московскомъ дворянскомъ собраніи, былъ увезенъ къ цыганамъ и тамъ такъ заслушался и увлекся пѣніемъ, что заставилъ собравшуюся въ концертъ публику ждать себя болѣе часа. За то первой его пѣсой, которую онъ сыгралъ въ концертѣ, по возвращеніи отъ цыганъ, была его извѣстная импровизация на цыганскіе мотивы, доставившая ему самыя восторженныя овации. У цыганъ по недѣлямъ пропадали раскутившіеся бары. Самъ А. П. Ермоловъ иногда наѣзжалъ въ тaborъ. Онъ любилъ безшабашную разнудзанную пляску и гики цыганскихъ пѣсень. Узнавъ, что извѣстный организаторъ цыганскаго хора Илья Соколовъ задумалъ отправиться съ хоромъ въ Петербургъ, онъ пріѣхалъ къ нему и долго уговаривалъ не дѣлать этого, чтобы не подорвать славы московскаго тaborа. Когда же Соколовъ, прельстясь на заманчивыя предложения, поѣхалъ въ Петербургъ съ лучшими солистками хора, онъ съ горечью упрекалъ оставшагося въ Москвѣ его племянника и пророчески говорилъ: «Будете кочевать — пропадете, сидете въ Москвѣ осѣдао — будете благородствовать».

Медвѣжья травля была также исконное наслѣдіе доброго старого времени. Изстари наши бояре, служивые и посадскіе люди любили всякіе схватки и бои, будь это бой кулачный, травля дикаго звѣря или бой пѣтушиный. всякая подобная потѣха имѣла своихъ поклонниковъ и собирала сотни, а иногда и тысячи людей. До нынѣ еще памятны Москвѣ кулачные бои, которые устраивалъ въ началѣ текущаго столѣтія вельможа, графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій. Со време-

немъ, конечно, потѣхи и забавы эти замѣнялись болѣе уточченными, но въ 1839 году въ Москвѣ не только существовали кулачные бои и травля медвѣдей, быковъ и кабановъ собаками, но послѣдняя возбуждала большое вниманіе общества и служила предметомъ оживленного спорта. Для нея былъ выстроенъ особый амфитеатръ за Рогожской заставой, и тамъ по воскресеньямъ и праздничнымъ днѣмъ давались кровавыя зрѣлища. Какъ сейчасъ вижу этотъ амфитеатръ. Версты полторы или двѣ отъ заставы, вправо, стояло небольшое деревянное одноэтажное зданіе. Нѣчто въ родѣ цирка, съ круглою ареною посрединѣ, — жалкая пародія на амфитеатры для боя быковъ въ Испаніи. Аrena, выравненная и посыпанная пескомъ, имѣла пространство не болѣе 200—300 квадратныхъ сажень и была обнесена высокимъ барьеромъ, вокругъ которого шли въ два ряда мѣста для зрителей. Противъ входа въ мѣсто устроены были ворота для выпуска звѣрей, а справа дверцы для вывода собакъ. Нужно думать, что учрежденіе это процвѣтало, такъ какъ цѣны на мѣста назначены были, относительно того времени, довольно высокія, именно: первое мѣсто—два рубля, а второе—одинъ рубль. Самыя афиши о травлѣ звѣрей составлялись курьезно и по смыслу, и по своему типичному, неподражаемому языку. Вотъ что, напримѣръ, гласили сентябрьскія афиши 1839 года. «Амфитеатръ за Рогожской заставой. 3 сентября, въ воскресенье, будетъ большая травля разныхъ звѣрей лучшими меделянскими собаками и англійскими мордашками напускомъ по охотѣ. Вновь привезенный ужаснаго роста медвѣдь, называемый «Давило», будетъ травиться отличными меделянскими собаками на залогъ на 100 рублей. Названные собаки: первая привезенная изъ Рязани, «Халуй», вторая здѣшняя «Бушуй». Начало въ 5 часовъ. Приписка: «оный медвѣдь будетъ привязанъ на полной свободѣ». 10, 14 и 17 сентября, послѣ такого же, какъ выше приведено, вступленія о травлѣ разныхъ звѣрей, въ афишахъ говорилось: «Охотники приглашаются съ своими собаками. Извѣстный охотникъ Богатыревъ будетъ пускать своихъ собакъ, между прочимъ, будетъ травиться дикой черноморской быкъ меделянскими собаками и англійскими мордашками. Сего быка собаки непремѣнно должны, по договору съ охотниками, побѣдить. Въ заключеніе будетъ травиться ужаснаго роста и свирѣпости такъ-называемый «Хрякъ» или «Кабанъ». Дикие кабаны водятся въ непроходимыхъ лѣсахъ; охотники кабановъ ловятъ или убиваютъ оныхъ съ большою опасностью; увѣряютъ, что не могутъ оныхъ взять меделянскія собаки

и англійскія мордашки. Содержатель, желая доставить удовольствіе посьтителямъ, любящимъ полную охоту, нашелъ злѣйшаго русскаго кабана и будетъ пускать на онаго своихъ собакъ для драки; сперва пустятся англійскія мордашки, если не одолѣютъ, подпустятъ на помощь мѣдянскія собаки. Будеть пущено на кабана не болѣе трехъ собакъ».

Вотъ эти то злачныя мѣста наиболѣе, чѣмъ обычныя для джентльменовъ удовольствія, влекли къ себѣ прибывшихъ въ Москву гостей. Блестящіе гвардейскіе офицеры и придворные кавалеры не желали уступать московскимъ толстосумамъ ни въ чемъ въ области общедоступныхъ развлечений и, поэтому, у цыганокъ и на травлѣ, какъ вездѣ, каждый хотѣлъ торжествовать, шли споры, держались пари, бросались деньги на вѣтеръ, но бралъ верхъ и торжествовалъ тотъ, кто могъ болѣе бросить. Всѣ эти Маши, Степи и Любаши—тогдашнія цыганскія солистки, всѣ эти «Давилы», «Халуи» и «Бушуи» стоили тысячу и, поэтому, гости Москвы должны были ее помнить, и даже не менѣе, чѣмъ она ихъ. Воспоминанія объ утраченныхъ кошелькахъ иногда живутъ долѣе, нежели воспоминанія о сердечныхъ пріемахъ великосѣтскихъ красавицъ. Графъ М. С. Воронцовъ проигралъ «извѣстному охотнику Богатыреву» почти мимоходомъ предложенное имъ пари за мордашку въ 10.000 рублей. Этому вельможѣ-богачу ничего незначило проиграть подобную сумму, но были другія пари, проигрышъ которыхъ заставилъ нѣкоторыхъ лицъ побѣхать вмѣсто Петербурга—въ деревни.

Эстетическихъ удовольствій для своихъ высокихъ гостей Москва приготовила не особенно много. Не смотря на то, что въ составѣ драматической и другихъ труппъ императорскаго театра находилось тогда очень много даровитыхъ артистовъ и артистокъ, какъ, напримѣръ: Щепкинъ, Мочаловъ, Никифоровъ, Самаринъ, Шумскій, Усачевъ, Садовскій, Ленскій, Живокини, Лавровъ, Бантышевъ, Сабурова, Львова-Синецкая и Н. Рѣшина, во все время пребыванія Государя въ Москвѣ, дирекціей театровъ было поставлено только на большомъ театрѣ два спектакля, и на маломъ—три. На первомъ 7 сентября, шла историческая бѣль Н. А. Полевого «Дѣдушка русскаго флота» и, 8 сентября, опера А. Н. Верстовскаго «Тоска по родинѣ». На послѣднемъ же французскою труппой, съ только что вернувшейся изъ Парижа м-ле Констансъ, исполнены піесы: «Riquiqui» (9 сентября) и два раза «Leqain a Draguignon», (6 и 13 сентября). Кромѣ того, виртуозъ императора австрійскаго и первый теноръ миланской сцены, г. Поджи, далъ два музыкальныхъ утра

въ фойе большого театра 6 и 9 сентября. Конечно, все это слишкомъ мизерно, но нельзя не принять во вниманіе, что открытие въ то время спектаклей зимняго сезона происходило гораздо позднѣе, чѣмъ нынѣ, а именно: 15 сентября, т.-е. когда Государь и другіе высокіе посѣтители изъ Москвы уже выѣхали.

За то аристократическихъ баловъ было много. Пользуясь нахлынувшимъ въ Москву массой военной и придворной молодежи, высшее общество танцевало до упаду. Кромѣ упомянутыхъ выше баловъ московскаго дворянства и въ вокзалѣ Петровскаго парка, были еще балы: 6 сентября, у хозяина Москвы, князя Д. В. Голицына, и, 9 сентября, у князя С. М. Голицына. Государь Императоръ съ великими князьями, принцами и герцогами, удостоивъ вѣй эти балы своимъ посѣщеніемъ, и своей простотой и милостию вниманіемъ придавалъ имъ особый блескъ и оживленіе.

4 сентября, въ высочайшемъ присутствіи, состоялся разводъ отъ 2 учебнаго карабинернаго полка, а 6—ученые батальону кадетъ московскаго кадетскаго корпуса. 5 сентября государь изволилъ быть въ Екатерининскомъ и Александровскомъ институтахъ благородныхъ дѣвицъ и посѣтилъ Маринскую больницу, 6—обозрѣвалъ арсеналь, 7—воспитательный домъ и Александровскій сиротскій институтъ, 8—вдовій домъ. Москва съ утра до вечера стояла на ногахъ. Кремль, улицы и мѣстности, где проѣзжалъ, или куда приѣзжалъ Государь, были буквально залиты тысячами народа. Одно его появленіе электризовало массы и восторженные клики «ура! гремѣли и, какъ раскаты эхо, неслись за его экипажемъ изъ одного конца города до другого. Иногда, вслѣдствіе скопленія народныхъ массъ, проѣздъ Государи замедлялся. Толпа обстуپала коляску Царя со всѣхъ сторонъ, иѣкоторые смѣльчаки вскакивали на подножку и цѣловали руки и края одѣжь любимаго монарха съ благоговѣніемъ. Государь милостиво раскланивался на всѣ стороны, иногда говорилъ народу свое «спасибо», и разъ какъ-то, на углу Охотнаго ряда и Тверской, просилъ толпу разступиться и пропустить его, иначе онъ опаздываетъ къ назначенному имъ часу.

Многіе обращались къ великолѣпію и милосердію Самодержца. Такъ, въ проѣздѣ его величества къ разводу 2 учебнаго карабинернаго полка, на Воскресенской площади, паль передъ коляской Государя убѣленный сѣдѣнами старецъ въ дворянскомъ мундирѣ и, воздѣвъ къ нему руки, взывалъ о милости. Николай Павловичъ приказалъ остановить коляску, подозвалъ къ себѣ старика, выслу-

шаль его жалобу на обиды и притеснения родственниковъ, завладѣвшихъ его имѣніемъ, во время службы его на Кавказѣ и милостиво спросилъ его.

— А есть у тебя прошеніе ко мнѣ?

— Какое можетъ быть, ваше императорское величество, прощеніе у старого солдата! — отвѣчалъ обласканный старики: — подавалъ я десятокъ прошеній въ разные суды на твое имя, Государь, и ни на одно не получилъ удовлетворенія. Что дѣлать, лично рѣшился представить предъ твои свѣтлые очи: какъ ты рѣшишь, на-дѣя-государь, такъ ужъ пусть и будетъ.

— Хорошо, — отѣстиль благосклонно государь: — ступай во дворецъ и жди меня.

Возвратясь съ развода, царь повелѣлъ выдать старику (какъ говорили тогда, капитану Фирсову), изъ собственной шкатулки 500 рублей, а дѣло его вытребовать и разсмотреть въ Петербургѣ.

— Поѣзжай съ Богомъ домой — трепаль старика по плечу Государь на прощанье: — а чѣмъ будетъ рѣшено твое дѣло — я тебя уѣзжомлю.

Также онъ принялъ у вдовьяго дома и также благосклонно выслушалъ просьбу престарѣлой вдовы — солдатки о возвращеніи ей, для прокормленія ея на старости, сына-кантониста. Просьбу эту тоже приказалъ, какъ говорили потомъ, удовлетворить.

Вечеромъ 10 сентября, т.-е. въ день закладки храма Христа Спасителя, Москва была иллюминирована. Кремлевскія стѣны со стороны сада и самій садъ, а также всѣ прилегающія къ Кремлю площади и улицы ярко освѣщались громадными щитами и транспарантами, составленными изъ разноцвѣтныхъ шкаликовъ, и массой горѣвшихъ въ окнахъ зданій свѣчей, и на тротуарахъ — плошектъ. Народъ буквально затоплялъ кремлевскій садъ и всѣ окрестности, по которымъ въ нѣсколько рядовъ катались, въ экипажахъ, знать и лучшее общество столицы. Около 9 часовъ показался въ публикѣ Ѳаваній съ Насѣдникомъ Цесаревичемъ, Государь Императоръ, а вслѣдъ за нимъ и прочіе высокіе гости Москвы. Они прослѣдовали по всей цѣли залитыхъ огнями стѣнъ Кремля и по нѣкоторымъ улицамъ, привѣтствуемые повсюду ликовавшимъ народомъ съ живѣйшимъ энтузіазмомъ.

11 сентября, московское купечество, съ Высочайшаго соизволенія, дало въ экзерциръ-гаузъ обѣдъ прибывшимъ на закладку храма частямъ гвардейскихъ войскъ. Столы для нижнихъ чиновъ

были накрыты въ 4 ряда, по 16 столовъ, на 60 человѣкъ каждый. Въ концѣ же манежа распорядители устроили небольшое возвышеніе, уbraneное дорогими коврами и экзотическими растеніями, гдѣ накрыли завтракъ для свиты его величества и офицеровъ гвардейскаго отряда.

Государь Императоръ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, герцогомъ Максимилианомъ Лейхтенбергскимъ и принцами, въ сопровожденіи генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго, свиты и генералитета, изволилъ удостоить обѣдъ своимъ посѣщеніемъ.

У подъѣзда экзерциръ-гауза встрѣтили его величество московскій городской голова и депутація отъ купечества (устроителей обѣда). Войдя въ манежъ, Государь поздоровался съ войсками, и когда радостные клики: «здравія желаемъ, ваше императорское величество», потрясли стѣны зданія, послѣдовало приказаніе снять кивера и садиться за столы. Во время обѣда Царь съ сопровождавшими его лицами проходилъ по столамъ и, пробуя солдатскій борщъ и другія кушанья, изволилъ неоднократно изъявлять свое высокое удовольствие хозяевамъ обѣда, и за радушіе приема, и за усердное угощеніе солдатъ.

Обойдя всѣ ряды столовъ, Государь Императоръ милостиво разговаривалъ съ купечествомъ, и между прочимъ, изволилъ отозваться, что угощеніе солдатъ хлѣбомъ-солью, доказывающее гостепріимство жителей Москвы, столь пріятно, что онъ принимаетъ его такъ, какъ усердіе, лично его величеству оказанное. И тутъ же, потребовавъ вина, соизволилъ пить за здоровье московскаго купечества. Примѣту его послѣдовали великие князья, герцогъ и принцы. Затѣмъ, побѣсѣдовавъ еще нѣсколько времени съ купечествомъ о развитіи торговли и фабричной промышленности въ Москвѣ и изъявивъ еще разъ свое высокое удовольствіе всѣмъ лицамъ, бывшимъ хозяевами обѣда, его величество изволилъ удалиться. Великіе же князья, герцогъ и принцы, а также генералъ-фельдмаршалъ, свита государя и генералитетъ, проводивъ Императора, возвратились въ экзерциръ-гаузъ и удостоили участія завтракъ, приготовленный для свиты и гвардейскихъ офицеровъ.

Солдаты гвардейскаго отряда, по прибытіи въ Москву, никакой службы не несли. Отбывъ бородинскіе маневры, продолжавшіеся нѣсколько недѣль, они получили отдыхъ и пользовались свободой осматривать городъ и навѣщать своихъ родныхъ и знакомыхъ. Великій

князь Михаилъ Павловичъ, главный начальникъ гвардейскихъ войскъ, предписалъ, чтобы гвардейскіе нижніе чины, при выходѣ изъ казармъ, были одѣты по формѣ, и, посѣщаючи родныхъ и знакомыхъ, въ питетайные дома не ходили и вообще вели себя трезво и благочинно. И, дѣйствительно, случаевъ нарушенія дисциплины почти не было. Но въ семѣ не безъ урода. Разъ какъ-то, великий князь Михаилъ Павловичъ около полудня ѿхалъ въ военный госпиталь, въ Лефортовѣ. Проѣзжая Нѣмецкой слободой, онъ встрѣтилъ небольшую кучку фабричныхъ и среди ихъ громко разсуждавшаго и помахивавшаго находившееся въ рукахъ косушкой водки егера.

— Это что такое! — закричалъ великий князь, остановивъ коляску, въ которой ѿхалъ съ какимъ-то генераломъ: — егеръ, поди сюда!..

Солдатикъ, увидавъ грознаго царева брата, оторопѣлъ и, не зная что дѣлать, топтался на мѣстѣ.

— Что же ты нейдешь, — повторилъ великий князь: — поди сюда, я тебѣ приказываю!

— Боюсь, ваше императорское высочество, — лепеталъ егеръ: — казнить будете.

— Да что же я, плачъ, что-ли! — вспыхнулъ великий князь: — поди сюда, говорю тебѣ! — И не дожидался отвѣта, вышелъ изъ коляски и пошелъ къ егерю на встрѣчу.

Егеръ, видя, что спасенія нѣть, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился.

— Это что такое у тебя въ рукахъ? — вскричалъ великий князь, указывая на косушку.

— Косушка водки, ваше императорское высочество, которую я вотъ хотѣлъ роспить съ земляками.

— Развѣ ты не знаешь, что я приказалъ, чтобы вы въ Москвѣ по кабакамъ не ходили и не пьянствовали?

— Ваше высочество, я въ кабакѣ и не былъ, — проговорилъ какъ-бы съ упрекомъ егеръ: — а косушку эту принесъ вотъ Тимонька, я же ее взялъ только въ руки и кое-что сказалъ, какъ пить надо вино съ толкомъ.

— И этого нельзя дѣлать, — сказалъ великий князь — ходить по улицамъ съ косушкою въ рукахъ.

Солдатикъ былъ шустрый и уже успѣлъ овладѣть самимъ собою. Улыбнувшись, онъ отвѣтилъ уже бойко.

— Не извольте беспокоиться, ваше высочество, вѣдь я самъ Пинетти. Вотъ вы изволите видѣть косушку водки, а другое не

были накрыты въ 4 ряда, по 16 столовъ, на 60 человѣкъ каждый. Въ концѣ же манежа распорядители устроили небольшое возвышение, уbraneе дорогими коврами и экзотическими растеніями, гдѣ накрыли завтракъ для свиты его величества и офицеровъ гвардейскаго отряда.

Государь Императоръ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, герцогомъ Максимилианомъ Лейхтенбергскимъ и принцами, въ сопровождѣніи генераль-фельдмаршала князя Варшавскаго, свиты и генералитета, изволилъ удостоить обѣдь своимъ посѣщеніемъ.

У подъѣзда экзерцир-гауза встрѣтили его величество московскій городской голова и депутація отъ купечества (устроителей обѣда). Войдя въ манежъ, Государь поздоровался съ войсками, и когда радостные клики: «здравія желаемъ, ваше императорское величество», потрясли стѣны зданія, послѣдовало приказаніе снять кивера и садиться за столы. Во время обѣда Царь съ сопровождавшими его лицами проходилъ по столамъ и, пробуя солдатскій борщъ и другія кушанья, изволилъ неоднократно изъявлять свое высокое удовольствие хозяевамъ обѣда, и за радушіе приема, и за усердное угощеніе солдатъ.

Обойдя всѣ ряды столовъ, Государь Императоръ милостиво разговаривалъ съ купечествомъ, и между прочимъ, изволилъ отозваться, что угощеніе солдатъ хлѣбомъ-солью, доказывающее гостепріимство жителей Москвы, столь пріятно, что онъ принимаетъ его такъ, какъ усердіе, лично его величеству оказанное. И тутъ же, потребовавъ вина, соизволилъ пить за здоровье московскаго купечества. Примѣръ его послѣдовали великие князья, герцогъ и принцы. Затѣмъ, побесѣдовавъ еще нѣсколько времени съ купечествомъ о развитіи торговли и фабричной промышленности въ Москвѣ и изъявивъ еще разъ свое высокое удовольствие всѣмъ лицамъ, бывшимъ хозяевами обѣда, его величество изволилъ удалиться. Великие же князья, герцогъ и принцы, а также генераль-фельдмаршаль, свита государя и генералитетъ, проводивъ Императора, возвратились въ экзерцир-гаузъ и удостоили участія завтракъ, приготовленный для свиты и гвардейскихъ офицеровъ.

Солдаты гвардейскаго отряда, по прибытіи въ Москву, никакой службы не несли. Отбывъ бородинскіе маневры, продолжавшіеся нѣсколько недѣль, они получили отдыхъ и пользовались свободой осматривать городъ и навѣщать своихъ родныхъ и знакомыхъ. Великій

князь Михаилъ Павловичъ, главный начальникъ гвардейскихъ войскъ, предписалъ, чтобы гвардейские нижніе чины, при выходѣ изъ казармъ, были одѣты по формѣ, и, посѣщаю родныхъ и знакомыхъ, въ питейные дома не ходили и вообще вели себя трезво и благочинно. И, дѣйствительно, случаевъ нарушенія дисциплины почти не было. Но въ семѣ не безъ урода. Разъ какъ-то, великий князь Михаилъ Павловичъ около полудняѣ халъ въ военный госпиталь, въ Лефортовѣ. Проѣзжая Нѣмецкой слободой, онъ встрѣтилъ небольшую кучку фабричныхъ и среди ихъ громко разсуждавшаго и помахивавшаго находившееся въ рукахъ косункой водки егера.

— Это что такое! — закричалъ великий князь, остановивъ коляску, въ которой халъ съ какимъ-то генераломъ: — егеръ, поди сюда!..

Солдатикъ, увидавъ грознаго царева брата, оторопѣлъ и, не зная что дѣлать, топтался на мѣстѣ.

— Что же ты нейдешь, — повторилъ великий князь: — поди сюда, я тебѣ приказываю!

— Боюсь, ваше императорское высочество, — лепеталъ егеръ: — казнить будете.

— Да что же я, плачъ, что-ли! — вспыхнулъ великий князь: — поди сюда, говорю тебѣ! — И не дожидалась отвѣта, вышелъ изъ коляски и пошелъ къ егерю на встрѣчу.

Егеръ, видя, что спасенія нѣть, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился.

— Это что такое у тебя въ рукахъ? — вскричалъ великий князь, указывая на косунку.

— Косунка водки, ваше императорское высочество, которую я вотъ хотѣлъ роспить съ земляками.

— Развѣ ты не знаешь, что я приказалъ, чтобы вы въ Москвѣ по кабакамъ не ходили и не пьянствовали?

— Ваше высочество, я въ кабакѣ и не былъ, — проговорилъ какъ-бы съ упрекомъ егеръ: — а косунку эту принесъ вотъ Тимонька, я же ее взялъ только въ руки и кое-что сказалъ, какъ пить надо вино съ толкомъ.

— И этого нельзя дѣлать, — сказалъ великий князь — ходить по улицамъ съ косункою въ рукахъ.

Солдатикъ былъ шустрый и уже успѣлъ овладѣть самимъ собою. Улыбнувшись, онъ отвѣтилъ уже бойко.

— Не извольте беспоконться, ваше высочество, вѣдь я самъ Пинетти. Вотъ вы изволите видѣть косунку водки, а другое не

видать. Я вишь сейчас удостовѣю. И солдатикъ, взявъ косулику, поднялъ, показалъ и громко просчитавъ: разъ, два, три! махнулъ рукой, повернулся около великаго князя — и косулика исчезла. Онъ самодовольно протянулъ впередъ обѣ руки и раскрылъ ладони, онъ были пусты. Фабричные стояли въ нѣсколькохъ шагахъ, и великий князь изумился: куда солдатъ могъ дѣлать косулику?

— Нѣть-ли у вѣсть, ваше высочество, какой-нибудь монеты, я вамъ покажу больше, — говорилъ уже самоувѣренъ егеръ.

Великий князь оглянулся на генерала. Тотъ вынулъ изъ кошелька рубль и подалъ.

Солдатикъ взялъ его между пальцами и съ тою же полуулыбкою проговорилъ:

— Смотрите, ваше высочество, изволите видѣть рубль — и онъ вытянулъ руку и показалъ монету. — Считайте, ваше высочество, разъ, два, три! Онъ махнулъ рукой, раскрылъ ладонь — и рубля не было.

Великий князь стоялъ въ изумлѣніи. Толпа прибывала.

— Позвольте, ваше высочество, это вы его спрятали, — говорилъ серьезно егеръ и вынулъ рубль изъ-за ботфорта великаго князя.

Михаилъ Павловичъ разсмѣялся.

— Да онъ и въ самомъ дѣлѣ — Пинетти. А ну, повтори!

Солдатъ повторилъ фокусъ еще ловчѣ и вынулъ рубль изъ-за галстука генерала.

Фабричные и народъ, котораго набралось уже довольно много, смѣялись.

— Ну, хорошо, Пинетти — отозвался великий князь: — возьми себѣ этотъ рубль на память и ступай гулять. Да только ты смотри у меня — пригрозивъ, разсмѣялся Михаилъ Павловичъ: — вовремя на мѣстѣ быть и въ порядкѣ!.. Не то, я тоже вѣдь Пинетти, возьму тебя, скажу: разъ, два, три! — и тебя не будетъ. Вынуть тебя, потомъ, пожалуй, изъ какой-нибудь гауптвахты. И великий князь сталъ садиться въ коляску.

— Не извольте беспокоиться!.. Благодарю покорно, ваше высочество! провожалъ его егеръ. — Ребята, обратился онъ къ народу — «ура»! его высочеству!

И громкое «ура»! прокатилось вслѣдъ за удалявшимся коляской.

Эпилогъ этой встрѣчи завершился въ госпиталѣ, гдѣ за обшлагомъ щинели великаго князя, когда ее сняли, оказалась сунутая егеремъ косулика.

— А! Это меня Пинетти наградилъ, разсмѣялся Михаиль Павлович, и рассказалъ встрѣтившему его начальству о проказахъ егера.

Случай этотъ переданъ былъ мнѣ однимъ изъ госпитальныхъ врачей, слышавшихъ его отъ самого великаго князя и подтверждены потомъ случайно встрѣтившимся очевидцемъ.

14 сентября, въ 9 час. вечера, Государь Императоръ изволилъ выѣхать изъ Москвы, а вслѣдъ за нимъ отбыли великие князья, принцы и свита, гвардія тоже выступила и Москва погрузилась въ обычную дрему. Въ 9 часовъ вечера, въ то время, ея граждане предавались сну. Только полиція бодрствовала, и то не всегда и не вездѣ. Доказательствомъ тому служитъ тотъ фактъ, что зимою 1839 года, въ одну изъ нечастныхъ ночей, какіе-то шутники собрали и доставили къ дому оберъ-полиціймейстера двѣнадцать аллебардъ, похищенныхъ ими у спавшихъ будочниковъ.

Назаровы и Т. Н. Грановскій.

Т. Н. Грановскаго я встрѣчалъ въ Москвѣ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, у А. И. Назаровой, жившей на Тверской улицѣ, въ домѣ Жаркова. Она имѣла двухъ сыновей, студентовъ, Василья и Павла Ивановичей, жившихъ съ нею, и дочь, выданную замужъ за какого-то тамбовскаго помѣщика. Я посѣщалъ Павла Ивановича разъ, а иногда и два въ недѣлю, чтобы набираться ума-разума. Онъ училъ меня русской словесности, давалъ читать книги и вообще руководилъ моими первыми шагами на поприщѣ жизни.

Первый разъ я видѣлъ Грановскаго въ небольшомъ кругу гостей Александры Никитинны, за вечернимъ чаємъ. Онъ уже тогда со-ставилъ себѣ имя даровитаго ученаго; поэтому его встрѣчали съ осо-бенной предупредительностью. Я зналъ его по наслышкѣ; говорили, что онъ умница, за словомъ въ карманъ не пользеть, слѣдовательно, встрѣча съ нимъ представляла для меня двойной интересъ. Я во-шелъ въ комнату несмѣло, конфузясь поклонился и сѣлъ въ уголокъ. Тимофей Николаевичъ сидѣлъ у стола, вблизи хозяйки, рядомъ съ которой помѣщались двѣ какія-то молодыя дамы, почтенный старичокъ, съ титуломъ превосходительства, солидный чиновникъ губернскаго правленія и нѣсколько студентовъ. Грановскій показался мнѣ

еще очень молодымъ; манеры его были мягки, рѣчь тихая, вкрадчива. Онъ говорилъ въ этотъ вечеръ немнogo, но каждое его слово, каждая фраза выходили такими красивыми, такими увлекательными, что любо было слушать. Но изъ всего имъ тогда сказанного у меня теперь ничего не осталось въ памяти.

Второй разъ я его видѣлъ при утреннемъ визитѣ. Побесѣдовавъ съ хозяйкой дома, онъ зашелъ къ намъ, т. е. въ рабочую комнату Павла Ивановича, гдѣ я сидѣлъ за книгой. Перекинувшись нѣсколькими словами съ Павломъ Ивановичемъ о новостяхъ дня, о какихъ-то новыхъ распоряженіяхъ по университету, о своихъ лекціяхъ, онъ лѣниво повернулся ко мнѣ, посмотрѣлъ внимательно и спросилъ: «что, каковъ?»

— Пойдемъ ѿстъ русскихъ беллетристовъ, отвѣчалъ Назаровъ.

— Вотъ какъ!.. А не можете ли прочитать намъ что-нибудь? обратился онъ ко мнѣ.

Я сконфузился. Но, оправясь, прочиталъ наизусть сцену убийства изъ «Аммалать-Бека». Когда я съ пафосомъ продекламировалъ слова: «на томъ мѣстѣ, гдѣ ты убилъ отца моего, тамъ я изъ тебя выточу кровь и развѣю прахъ твой по вѣтру», Грановскій сказалъ: «хорошо!.. Изъ него выйдетъ писатель, или актеръ».

Сюжетъ пѣсни о купцѣ Калашниковѣ.

Послѣ польской компании 1831 года, въ Москву наѣхало много офицеровъ раненыхъ, больныхъ, или просто отдохнуть и повеселиться. Большинство этихъ офицеровъ любило пожить за спиною начальства, какъ говорилось, во всю. Товарищескія пирушки, кутежи, картижная игра, волокитство и эксцентричные выходки были главнейшими составными элементами ихъ вольной, ничѣмъ не стѣсняемой отпускной жизни. Въ особенности выдѣлялись тогда два молодыхъ офицера. Одинъ гвардейскій поручикъ, другой штабсъ-ротмистръ гусаръ. Они были короткие приятели. Оба хорошихъ фамилій, оба храбры, оба красивы, оба богаты и оба хотѣли быть первыми въ тѣсномъ кружкѣ кутиль и игроковъ. Мало-по-малу между ними возникло соперничество, и они старались превзойти одинъ другаго въ удальствѣ. Если сегодня гвардеецъ устраивалъ завтракъ, то завтра гусарь давалъ

пріятелямъ обѣдъ; если первый везеть вечеромъ товарищѣ за городъ на тройкахъ, то другой потомъ цѣлые три днія кутить съ друзьями у цыганъ, и въ концѣ концовъ разбивается трактиръ. Если тотъ похищается изъ театра танцовщицу, то этотъ, спустя нѣсколько времени, увозить у купца жену.

Симъ послѣднимъ эпизодомъ завершились ихъ доблестныя похождѣнія. Но эпизодъ окончился трагически. Расскажу, какъ я слышалъ о немъ.

На одной изъ окраинъ Москвы, заселенной купечествомъ, жилъ одинъ богатый коммерсантъ, человѣкъ молодой, солидный и дѣльный, недавно женившійся на 18-ти-лѣтней, чрезвычайно красивой дѣвушкѣ. Онъ жилъ по старинному. Утромъ уѣзжалъ на откомленіе рысакъ въ гостинный дворъ, гдѣ у него находились товарные склады, занимался весь день дѣлами и только вечеромъ возвращался домой. Домъ его, какъ большинство старинныхъ купеческихъ домовъ того времени, содержался постоянно подъ замкомъ. Если кому нужно было войти въ него, то онъ долженъ былъ нѣсколько разъ позвонить. Къ воротамъ выходили молодецъ или кухарка и, не отпирая калитки, спрашивали: «кто? кого надо? зачѣмъ?» Получивъ отвѣтъ, шли съ докладомъ и послѣ нѣкотораго времени возвращались и впускали, или же отказывали, говоря: «дома нѣтъ», или же «вѣдѣно приди тогда-то». Жена его изъ дому никуда не выѣзжала, кромѣ церкви или родныхъ, и то не иначе, какъ съ мужемъ, или со старухой свекровью, или же съ обоими вмѣстѣ.

Обѣ этой-то запертой красавицѣ и шепнули гусару. Онъ пріѣхалъ какъ-то въ церковь, посмотрѣлъ и заинтересовался. Началь онъ изыскивать мѣры, чтобы познакомиться съ купцомъ, но купецъ отъ всякаго знакомства отказался. Хотѣлъ обратить на себя вниманіе купчихи, пробраться какъ-нибудь въ домъ, но не удалось: строгости въ домѣ увеличили, старуха свекровь не отходила отъ невѣстки ни на шагъ и берегла ее какъ зѣницу ока. Но встрѣчаемая гусаромъ препятствія только сильнѣе подстрекали его самолюбіе, и онъ поставилъ себѣ цѣлью во чтобы-то ни стало завладѣть купчихой. Долго ему ничего не удавалось, но вдругъ выпалъ счастливый случай. Наканунѣ какого-то большаго праздника, купчиха, въ сопровождѣніи свекрови и старухи нянѣки, отправилась пѣшкомъ въ приходскую церковь ко всенощной. Гусара давно уже не было видно въ ихъ мирной окраинѣ, онъ пересталъ тудаѣздить. По окончаніи службы, когда купчиха со своими провожатыми возвращалась домой, вдругъ

изъ-за угла соседняго переулка выскочило нѣсколько молодцовъ, они растолкали старуху, схватили купчиху подъ руки, посадили ее въ подлетѣвшія изъ-за угла, запряженныя лихою тройкою сани и увезли. Улица огласилась крикомъ о помощи, сбѣжался народъ, но тройки давно уже и слѣдъ простиль. Купецъ бросился къ властямъ, поднялъ на ноги полицію, начались розыски, но купчихи не отыскали.

Черезъ три дня та же лихая тройка доставила купчиху домой. Стали распрашивать: «гдѣ была?» Купчиха отвѣчала: «за городомъ, но гдѣ именно — не знаю». «Съ кѣмъ?» — «Съ гусаромъ». Собрали всѣхъ гусаровъ. Виновный заявилъ, что это сдѣлалъ онъ, и что же? Князь Д. В. Голицынъ, бывшій въ то время московскимъ генераль-губернаторомъ, самъ въ молодости не мало нашалившій, хотѣлъ по-тунить дѣло и сталъ склонять купца на мировую. Трудно было тогда идти противу властей, особенно противу власти московскаго главнокомандующаго. Купецъ думалъ, думалъ и подчинился. Въ одномъ изъ извѣстныхъ московскихъ ресторановъ устроилась мировая. Къ роскошному обѣду явился купецъ въ сопровождѣніи своихъ сородичей и свойственниковъ; гусаръ съ товарищами. Сородичи свели, заставили подать другъ другу руки. За обѣдомъ пошли тосты «за примиреніе», пили много, и еще болѣе щутили и смѣялись. Послѣ обѣда купецъ предложилъ гусару «сыграться въ карты», и мрачно прибавилъ: «авось я буду счастливѣе». Ето изъ офицеровъ отказывался отъ игры, гусары тѣмъ болѣе. Поставили столъ. Началась игра. Гусаръ металъ башкъ, купецъ поентировалъ. Счастье улыбалось поочереди то тому, то другому. Вдругъ купецъ, проигравъ одну довольно крупную ставку, хватаетъ гусара за руку, и съ крикомъ! «шуллеръ, передернуль!» даетъ ему пощечину. Гусаръ выхватилъ саблю и хотѣлъ рубануть, но его удержали. Явилась полиція, купца отправили на съѣзжую, откуда онъ написалъ генераль-губернатору письмо, въ которомъ объяснилъ, что гусара обезчестилъ за то, что тотъ обезчестилъ его жену, а на утро повѣлся.

Вотъ это то печальное событіе, какъ разсказывалъ мнѣ одинъ изъ товарищъ М. Ю. Лермонтова, нѣкто И. И. Парамоновъ, и наполнило поэта на мысль написать пѣсню о купцѣ Калашниковѣ, которой конечно дана болѣе блестящая по содержанію форма.

Оберъ-полиціймейстеръ Цынскій.

Въ царствованіе императора Николая, общий срокъ военной службы былъ 25-ти лѣтній. Рекрутскіе наборы производились при особыхъ, весьма тягостныхъ для населенія условіяхъ. Назначались въ рекруты люди отъ 20 до 35 лѣтъ, а при неимѣніи метрическихъ свидѣтельствъ, шли иногда старики 40—45 лѣтъ и болѣе. Причинаемыхъ брили лѣбы, а бракуемыхъ—затылки. Людей, назначаемыхъ въ солдаты, привозили изъ деревень подъ присмотромъ бурмистровъ, управляющихъ и старость, связанными, а подъ-часть и въ кандалахъ. Послѣ приема ихъ отправляли подъ конвоемъ съ ружьями. При такихъ порядкахъ, понятно, съ какими чувствами народъ шелъ отбывать эту тяжкую для него повинность. Исполнение ея сопровождалось возмутительными сценами. Тутъ было все: и повальное, безпробудное пьянство назначенныхъ на очередь, и плачъ, ревъ, вой, обмороки и причитанья, какъ-бы по мертвцѣ, ихъ женъ, сестеръ и матерей, и безумная, безшабашная радость тѣхъ немногихъ, кто по какому-либо счастливому случаю, избавлялся отъ рекрутчины.

Я помню эти наборы. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, мнѣ часто приходилось видѣть въ Москвѣ эти печальные жертвоприношенія народомъ дѣтей своихъ на алтарь отечества. Особенно врѣзался въ мою память слѣдующій трагикомический эпизодъ.

Приемъ производился еще въ зданіи присутственныхъ мѣстъ на Воскресенской площади. Очередныхъ вводили въ приемъ по волостямъ или вотчинамъ. Семьи ихъ, родичи и друзья, а также городскіе зѣваки, составляли народные массы вокругъ зданія присутственныхъ мѣстъ. Изрѣдка съ крыльца приема сбѣгалъ вѣстникъ и вѣщалъ: «такой-то и такой-то забрity, такой-то забракованъ». Волни и стовы усиливались. Толпа колыхалась и выбрасывала изъ себя два-три семейства сданныхъ въ рекруты: они уходили оплакивать свое горе туда, гдѣ надъ ними никто не посмѣется. Порой съ крыльца сбѣгалъ забракованный съ громаднымъ выбритымъ на затылкѣ полу-мѣсяцемъ и начинаялъ или креститься по направлѣніямъ къ соборамъ, или плясать среди толпы.

Но вотъ однажды сбѣгаетъ съ крыльца присутствія, разстали-кивая стражу и толпу, неизвѣстно какъ ускользнувшій изъ приема молодой парень съ забрityмъ затылкомъ, въ костюмѣ прародителя, волоча правой рукой по снѣгу пестрядинную свою рубаху. Толпа загоготала и разстутилась, давъ ему дорогу. Парень вѣроятно же-

лалъ пробраться къ Иверской, забывая, что онъ совершенно голый, ринулся на площадь и понесся прямо, что есть мочи.

Въ это мгновеніе выѣзжалъ изъ-за угла, мчавшійся на своихъ «непобѣдимыхъ» съ тремя конвойными казаками, оберъ-полицмейстеръ Цынскій, не человѣкъ, а звѣрь, про котораго ходила въ народѣ поговорка: «украля у батюшки свитку, у матушки свинку»⁴⁾

— Это что за безобразіе? раздался зычный голосъ начальника полиціи:—казакъ, взять его!

Казакъ бросился за парнемъ, парень отъ него, казакъ приспоприль лошадь и стала настигать нагиша. Казалось, вотъ, вотъ его сейчасъ схватить; но парень не захотѣлъ поддаться, бросился на земль, и казакъ, перескочивъ чрезъ него, пролетѣлъ далеко впередъ. Парень же между тѣмъ вскочилъ и ударился бѣжать назадъ. Толпа ринулась на встрѣчу и заслонила его: кто набросилъ на него тулупъ, кто далъ валенки, кто надѣлъ шапку, и парень успѣлъ скрыться.

Цынскій рвалъ и металъ, но съ толпой ничего сдѣлать не могъ и уѣхалъ. На утро собрали къ нему всѣхъ волостныхъ и вотчинныхъ сдатчиковъ, провѣрили забракованныхъ и парня отыскали. Судопроизводство въ то время было упрощенное: парня отправили въ частный домъ и тамъ отстегали, но отстегали должно быть неосторожно, такъ что бѣдняка пришлось отправить въ больницу, где онъ полежалъ, полежалъ и померъ.

А. П. Ермоловъ, узнавъ объ этомъ, сказалъ: «ну, провѣдаются въ Петербургѣ, сошлютъ бѣднаго Цынскаго на Кавказъ, на мѣсто Нейгардта».

Какъ Мина попала въ фаворъ.

Въ «Хроникѣ петербургскихъ театровъ» А. И. Вольфа, мнѣ пришлось, между прочимъ, прочитать, что «въ Петербургѣ, при директорѣ театровъ А. М. Гедеоновѣ, имѣла громадное влияніе на театральный міръ Мина Ивановна Б., занимавшая неофиціальный, но весьма

⁴⁾ Намекъ на недостойность его быть въ царской свитѣ и на какіе-то денежные захваты.

важный постъ театральной помпадурши. Отъ нея зависѣли главныя назначенія и ангажированія артистовъ, она вмѣшивалась и въ хозяйственную часть: ни одинъ подрядчикъ, ни одинъ поставщикъ не допускался безъ ея предварительного одобренія. За то квартира этой чухонской Аспазіи и вообще вся ея обстановка отличались необыкновенною роскошью. Въ ея салонахъ, толпились не только артисты, но и всѣ лица, имѣвшія дѣло до ея патрона», и т. д.

Эта «чухонская Аспазія» была дѣйствительно всемогущая въ свое время фаворитка ministra двора и друга императора Николая, покойного графа В. О. Адлерберга. Вліяніе ея не ограничивалось однімъ театральнымъ міркомъ, многое отъ нея зависѣло и вообще по министерству двора. Знаменитый острякъ, князь А. С. Меншиковъ, сказалъ однажды: «люблю я графа Адлерберга, но мнѣ его мина не нравится».

Дѣятельность фаворитки многимъ въ Петербургѣ извѣстна и до сихъ поръ памятна. Но многіе ли знали ея прошлое и случай ея повышенія?

Вотъ что разсказывалъ мнѣ о ней М. С. Морголи, бывшій откупщикъ, человѣкъ, обладавшій въ свое время большімъ состояніемъ и любившій пожить. Онъ зналъ Мину еще «бѣдною».

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, проживали въ Москвѣ двѣ сестры, нѣмки, дочери петербургскаго ремесленника, Юлія и Вильгельмина Ивановны Гуть. Жили, конечно, и ничего не имѣли. Ну, а какъ рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше, то онѣ и задумали отправиться за счастьемъ въ Петербургъ. Это было въ 1834 году. Желѣзныхъ дорогъ тогда еще не существовало, а для сообщенія обѣихъ нашихъ столицъ предлагали свои услуги почты, казенные или вольные, и знаменитые частные дилижансы. Проѣзжая изъ Малороссіи по дѣламъ въ Петербургъ, Михаилъ Степановичъ заблагоразсудилъ отправиться изъ Москвы въ частномъ дилижансѣ, и вотъ тутъ то онѣ имѣли случай познакомиться съ дѣвицами Гуть, отправившимися «за счастьемъ» въ Петербургъ. Само собою, дорога оказалась приятною (дѣло было лѣтомъ). Продолжительная остановки на станціяхъ, прогулки въ окрестныхъ лѣсахъ и рощахъ скрѣпили знакомство, которое по пріѣздѣ въ Петербургъ перешло въ дружбу.

Дѣвицы Гуть поселились на углу Большой Подьяческой и канала въ д. Мейера, въ небольшой квартирѣ третьаго этажа. Наружностью онѣ особенно не выдѣлялись, но вообще при первой встрѣчѣ производили приятное впечатлѣніе. Обѣ сестры были блон-

динки. Старшая, Юлія, имѣла 23 — 24 года, ростъ средній, лицо полное, немного рабоватое, отличалась чрезвычайно живымъ и веселымъ характеромъ. Младшей, Вильгельминѣ, было не болѣе 17—18 лѣтъ, ея маленькое, выразительное лицо, молчаливость и мечтательность невольно какъ то располагали къ ней всякаго. Жили онъ бѣдно, такъ какъ никакихъ опредѣленныхъ средствъ не было. Одѣвались скромно, но прилично, квартирку содержали чисто. Михаиль Степановичъ посѣщалъ ихъ около года и вносилъ въ семью нѣкоторый достатокъ, но онъ въ 1835 году отправился въ Малороссію и покровителемъ дѣвицъ Гуть остался товарищъ его, Абрамъ Григорьевичъ Юровскій, богатый малороссійскій помѣщикъ, содержавшій въ то время на откупу нѣсколько уѣздовъ въ Малороссіи. Онъ былъ уже не молодъ, лѣтъ 50-ти, роста средняго, худощавый, съ громадной лысиной на головѣ. Особенно отличался онъ тѣмъ, что имѣлъ глаза не одинакового цвѣта: одинъ сѣрий, другой голубой. Покровительство его повело къ тому, что сестры разѣхались. Юлія осталась въ Подольской, а Вильгельмина перѣхала на Пески.

Знаменитый пожаръ Песковъ, истребившій почти всю эту часть города осенью того года, сдѣлалъ карьеру Вильгельмины Гуть. Извѣстно, что императоръ Николай имѣлъ обыкновеніе выѣзжать на всякой мало-мальски серьезный пожаръ и личнымъ присутствіемъ и распорядительностію содѣйствовать къ скорѣйшему локализированію и тушенію огня. На псковскій пожаръ онъ пріѣхалъ съ генераль-адъютантомъ графомъ В. Ф. Адлербергомъ. Помѣстившись почти въ самомъ центрѣ объятой пожаромъ мѣстности, государь отдавалъ приказанія и вдругъ видѣть изъ воротъ одного деревянаго, только что загорѣвшагося недалеко домика выбѣжала съ распущенными волосами, въ одной сорочкѣ и босикомъ, молодая дѣвушка, которая, какъ безумная, металась по улицѣ и молила о помощи. Государь обернулся къ графу Адлербергу и сказалъ: «надо ее укрыть где нибудь». Нѣсколько полицейскихъ чиновъ уже окружили дѣвушку; графъ подошелъ къ ней, накинулъ на нее свою шинель и велѣлъ отвезти ее къ себѣ на квартиру.

Это была «Мина», и съ этой ночи началась ея фаворъ.

М. С. Морголи посѣтилъ ее въ слѣдующемъ году. Она уже вошла въ свою роль и начинала господствовать. Не стану распространяться о ея вліяніи на графа Адлерберга, скажу только, что многіе, какъ, напримѣръ, Тарасовъ и др., нажили чрезъ нея состояніе. Для приобрѣтенія же соціального положенія, она вышла замужъ за почтovo-

ваго чиновника Б., котораго отправили почтмейстеромъ въ Сибирь, гдѣ онъ и дослужился до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Значить, «Мина» вышла въ генеральши. Сестра ея Юлія также вышла замужъ за почтоваго чиновника, но карьеры себѣ не сдѣлала.

Была у «Мины» еще сестра — Александра Ивановна, старше Юліи года на три, женщина замѣчательной красоты. Въ 1829 году она пѣнила одного гвардейскаго офицера, полковника В. И. Родзянко, и уѣхала съ нимъ въ его имѣніе, Полтавской губерніи. Тамъ они обвѣнчались, но какъ то не по уставу церкви, или съ нарушеніемъ его правилъ. Мать и братъ Родзянко возбудили дѣло и судъ, тянувшійся довольно долго, въ продолженіе котораго мужъ ея умеръ, а она отправилась съ какимъ то проходимцемъ въ Одессу, была имъ въ дорогѣ обобрана и явилась въ Петербургъ, когда фаворитизмъ «Мины» начался. Здѣсь она успѣла добиться пересмотра ея дѣла, кончившагося преданіемъ участниковъ суду. Но Александра Ивановна вышла изъ воды сухою. Она была признана законной женой полковника Родзянко и получила вдовью часть — 230 душъ крестьянъ въ Полтавской губерніи. Пострадали же только священникъ, да нѣсколько свидѣтелей дворовыхъ, отданныхъ въ солдаты или сосланныхъ въ Сибирь на поселеніе.

Архіерейскій пріемъ.

Курьезы бываютъ иногда отношенія нашихъ русскихъ дѣятелей въ Литвѣ къ бѣднымъ русскимъ людямъ.

Былъ у меня одинъ добрый знакомый, нѣкто В. С. Александровъ. Происходя изъ дворянъ Псковской губерніи, онъ отдалъ въ юности дань вѣку, т. е. прослужилъ извѣстное число лѣтъ въ военной службѣ, и въ 1871 году, не имѣя надежды достичнуть степеней извѣстныхъ, вышелъ въ отставку съ тѣмъ, чтобы пріискать себѣ болѣе спокойное мѣсто въ гражданской службѣ. Человѣкъ небогатый, скромный, непьющий, онъ остался въ Западномъ краѣ, гдѣ стоялъ полкъ, въ которомъ онъ служилъ, и гдѣ онъ, какъ русскій, надѣялся скорѣе найти мѣсто.

Первые шаги свои онъ направилъ въ Гродно, гдѣ въ то время губернаторствовалъ извѣстный князь Крапоткинъ, такъ печально окончивший впослѣдствіи жизнь свою въ Харьковѣ.

Начались хождения к губернатору, к предсъдателямъ разныхъ палатъ, къ акцизному и другому начальству. Но бѣдаго просителя безъ связей, безъ рекомендаций, встрѣчалъ вездѣ сухой пріемъ и извиненія въ неимѣніи вакансій. При дальнѣйшихъ хожденіяхъ слѣдовали обѣщанія имѣть въ виду при случаѣ; далѣе послышались сожалѣнія о невозможности предоставить мѣсто и, наконецъ, всѣ просьбы и исканія завершились грубыми отказами.

А время между тѣмъ бѣжало быстро. Проходилъ мѣсяцъ, другой, нѣсколько; сдѣланія въ военной службѣ кой-какія сбереженія были съѣдены, излишнія вещи заложены, явились долги, а затѣмъ неиздимо подѣрялись лишенія, голодъ и нищета. Безъ всякихъ знакомствъ, безъ средствъ, одинъ-одинѣшеньекъ въ чужомъ городѣ, Василий Степановичъ не зналъ что дѣлать: приходилось искать кусокъ хлѣба поденійной работой, или идти по стезѣ преступленія. Онъ жилъ на краю города, у одного бѣдаго еврея—портнаго, который, сожалѣя о его несчастіи и неудачахъ, посовѣтовалъ ему обратиться къ архіерею съ просьбой помочь ему пріискать мѣсто, въ которомъ ему явно отказывали въ виду его русскаго происхожденія. Дѣйствительно, Муравьева и Кауфмана давно уже въ краѣ не было и Потаповскія идеи о покровительствѣ туземцамъ въ обществѣ преобладали. Александровъ рѣшился отправиться къ преосвященному.

Гродненскую каѳедру занималъ тогда Игнатій, бывшій викаріемъ литовскаго митрополита Іосифа Симашко. Это былъ маститый старецъ, съ бѣлыми, какъ лунь, волосами и бородой, крикливыми голосомъ и дрожащими отъ старости руками. Онъ, говорили, былъ богатъ, но память измѣнила ему, такъ что послушники его частенько прибирали за нимъ кредитные билеты, которые онъ разсовѣтывалъ по столамъ и ящиковъ и забывалъ. Онъ любилъ пожить, поѣсть, но въ обращеніи съ людьми былъ грубъ и отличался индиферентизмомъ къ интересамъ русскаго населенія.

Въ одно пасмурное утро, съ какой-то неясной тревогой въ душѣ, бѣдный Василий Степановичъ отправился въ епископскій дворецъ, и, прийдя въ пріемную, просилъ послушника доложить о немъ его преосвященству.

— Подождите, отвѣчалъ покровительственно молодой, франтоватый послушникъ.

Другихъ посѣтителей никого не было, и потому пришлось ждать долго. Наконецъ, около полудня, преосвященный изволилъ выйти съ посохомъ въ рукѣ, и, остановясь посреди комнаты, спросилъ: «что ты?»

Подойдя подъ благословеніе, Александровъ объяснилъ владыкѣ свое положеніе и тѣ препятствія, которыя встрѣчали при отысканіи мѣста, просилъ его представительства обѣ опредѣленій куда нибудь на службу, при чёмъ представилъ и всѣ выданные ему отъ военнаго начальства бумаги и аттестаты о знаніяхъ и поведеніи.

Объясненія Александрова архіерей выслушалъ молча, нахмуривъ брови, и изрѣдка, какъ будто въ истерпѣніи, постукивая обѣ посохомъ. Потомъ посмотрѣлъ документы, и, возвращая ихъ, сказалъ: «документы твои ничего не значатъ: ты могъ бытъ прежде хорошъ, а теперь худъ, и наоборотъ, прежде могъ бытъ худъ, а теперь хорошъ. И, какъ лицо духовное, могу ходатайствовать только о тѣхъ лицахъ, которыя мнѣ лично извѣстны, а тебя я не знаю. Иди къ губернатору и проси его!»

Александровъ отвѣчалъ, что онъ былъ уже нѣсколько разъ и у губернатора, и у другихъ властныхъ лицъ, но безъ сильнаго заступничества у нихъ нельзѧ получить мѣста.

— Ну, такъ что же я могу для тебя сдѣлать? возразилъ съ горячностью Игнатій:—хочешь въ монахи—я приму.

— Не имѣю призванія, святой отецъ, отвѣчалъ Александровъ, и, извиняясь за причиненное беспокойство, вышелъ изъ приемной.

Онъ сходилъ уже съ высокаго крыльца архіерейскаго палаццо, какъ вдругъ громкій голосъ послушника остановилъ его и пригласилъ опять къ преосвященному.

Сердце учащенно билось у бѣднаго просителя, когда онъ снова входилъ въ прѣмную залу; ему казалось, что вотъ, наконецъ, счастье улыбается, онъ получитъ мѣсто и буде имѣть кусокъ наущнаго хлѣба.

Суровый архіерей стоялъ на томъ же мѣстѣ, опираясь на посохъ и усиленно моргая бровями. При приближеніи къ нему Александрова, онъ быстро протянулъ правую руку и, подавая нѣсколько мѣдныхъ пятиаковъ, сказалъ ему: «вотъ, на!.. чѣмъ могу, тѣмъ помогаю».

Несчастный Александровъ совершенно растерялся и нѣсколько времени не находилъ словъ для отвѣта. Эта милостыня, грубая, унижающая и оскорбляющая человѣческое достоинство, пришибла его окончательно, и онъ, сквозь слезы, едва могъ выговорить, что онъ пришелъ не за подаяніемъ, но чтобы получить право на заработокъ куска хлѣба, въ чёмъ ему, какъ русскому, всѣ отказываютъ.

— А когда такъ — вскричалъ Игнатій, обращаясь къ послуш-

нику виѣ себя оть гиѣва и стуча, что есть силы, посожомъ обѣ поль:—гони его вонъ!.. вонъ!.. вонъ!..

Александровъ бросился къ дверямъ, а вслѣдъ ему летѣли восклицанія гиѣвнаго архіерея: «гони же его!.. Если бы былъ бѣденъ, то взялъ бы... а то видно, что...»

Нужно ли говорить, что только благодаря снисхожденію послушниковъ, съ которыми онъ до выхода архіерея долго бесѣдоваль и успѣлъ расположить ихъ къ себѣ, онъ не былъ спущенъ съ лѣстницы, по которой еще такъ недавно вела его надежда на благость высшаго представителя нашихъ духовныхъ интересовъ въ краѣ.

Подобный пріемъ такъ повліялъ на первную систему Александрова, что онъ долгое время послѣ того не могъ видѣть равнодушно ни архіереевъ, ни священниковъ, ни монаховъ.

Какъ опредѣляли въ учебныя заведенія.

Въ 1824 году, въ залѣ Академіи Художествъ производился экзаменъ желающимъ поступить въ академію, въ присутствіи президента ся Алексѣя Николаевича Оленина. Собралось болѣе 100 лицъ, а вакансій было только 50. Не прошло и получаса, какъ комплектъ воспитанниковъ, экзаменовавшихся поочереди, былъ набранъ, и экзаменъ прерванъ возгласомъ: «довольно, нужное число воспитанниковъ принято!» Такимъ образомъ, начатый экзаменъ иѣсколькимъ молодымъ людямъ былъ прерванъ. Находившаяся съ однимъ изъ нихъ, Д. А. Ивановымя, тетка, камеръ-юнгфера двора Ея Величества Екатерина Ивановна Звѣздкина обратилась съ жалобою къ президенту Оленину на перерывъ экзамена. Алексѣй Николаевичъ, знавшій лично г-жу Звѣздкину, извинился передъ нею, и сказалъ:

— Успокойтесь, пожалуйста, Екатерина Ивановна, племянникъ вашъ будетъ принять. Неудобно ли вамъ присѣсть.—И онъ подвинулъ ей кресло.

— Да какъ же? вѣдь комплектъ уже полонъ?—волновалась расходившаяся тетушка, усаживаясь въ кресль.

— А вотъ какъ,—улыбнулся президентъ академіи,—я имѣю право принять одного сверхъ комплекта, по баллотировкѣ.

Засимъ онъ приказалъ всѣхъ непринятыхъ въ академію молодыхъ людей поставить въ ряды и сталъ вызывать поочереди. Вы-

зывающий опускал руку въ урну съ билетами, бралъ одинъ билетъ и подавалъ президенту. Вызванъ быль въ свою очередь и Ивановъ, который тоже вынулъ билетъ и подалъ его Оленину. Алексѣй Николаевичъ развернулъ его и возгласилъ: «Счастливецъ! вынуль приемный билетъ. Поздравляю». И онъ взялъ его за руку и отвелъ къ принятymъ по экзамену товарищамъ. Возвратясь на мѣсто, онъ обратился къ Звѣздкиной съ вопросомъ:

— Довольны ли вы, Екатерина Ивановна?

— Еще бы не быть довольной, батюшка, Алексѣй Николаевичъ, вѣдь вы осчастливили мальчика на всю жизнь. Теперь я въ долгу передъ вами. Прощайте.

И Оленинъ всталъ, проводилъ ее иѣсколько шаговъ и почтительно раскланялся.

Какъ опредѣлялись на должности.

Въ февралѣ 1862 года, на смотрителя одного изъ с.-петербургскихъ провіантскихъ магазиновъ Иванова быль присланъ директору провіантскаго департамента анонимный доносъ, что у него въ кассѣ не хватаетъ казенной суммы. Тотчасъ была назначена экстренная ревизія. Но генераль-маюоръ Шилинъ, произведя повѣрку книгъ и денежныхъ суммъ, нашелъ все въ порядкѣ и деньги въ наличности. По докладѣ обѣ этомъ директору департамента генералу Даизасу, послѣдній возбудилъ вопросъ: «какъ же такъ! миѣ положительно извѣстно, что у него пропали деньги». «Точно такъ, отвѣчалъ генераль Шилинъ, у Иванова ушла жена и унесла собственныхъ его 10.000 р.».

— А вотъ что! — воскликнулъ директоръ и, подумавъ, прибавилъ:—во всякомъ случаѣ, кто не умѣеть беречь свои деньги, тому нельзѧ вѣрять казенныхъ.

И Ивановъ быль отрѣшень отъ должности.

Прошло два года слишкомъ, на всѣ просьбы безпричинно отрѣшеннаго смотрителя о назначеніи его на другую какую-либо должность, онъ получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «полождите, откроется вакансія, помѣстимъ!» Но вакансіи открывались и замѣщались, а онъ оставался въ пріятномъ ожиданіи слѣдующей вакансіи. Пришлось обратиться къ протекціи. Ивановъ быль хорошо знакомъ съ

игуменомъ Александро-Невской кинові отцомъ Аполинаріемъ, имѣвшимъ доступъ къ военному министру. Черезъ него была подана министру докладная записка. Черезъ недѣлю отецъ Аполинарій пріѣзжаетъ къ Иванову и съ неудовольствіемъ сталъ выговаривать:

— Помилуйте, вы просите опредѣлить васъ, жалуетесь, что напрасно лишены мѣста, тогда какъ васъ по суду устранили отъ должности. Странно, почему вы меня не предупредили объ этомъ?

— Какъ по суду? да я не только что подъ судомъ, но и подъ съдѣствіемъ не былъ...

— Я не знаю, но мій министръ сказалъ и даже отзывъ объ этомъ Данзаса показывалъ. Побѣжжайте и разузнайте сами.

Отправился Ивановъ въ канцелярію министра и, дѣйствительно, тамъ показали ему донесеніе Данзаса о бытности его подъ судомъ. Побѣжалъ онъ въ провіантскій департаментъ и попросилъ справку. Оказалось, что поводомъ къ подобному донесенію былъ все тотъ же анонимный доносъ, гдѣ говорилось, что поліція возбудила дѣло о преданіи Иванова суду.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ Ивановъ правителя канцеляріи Еропкина: какой же отвѣтъ мнѣ дать господину военному министру, онъ приказалъ донести ему объ оказавшемся.

— Подождите немножко, я доложу объ этомъ директору, отвѣчалъ Еропкинъ и пошелъ къ генералу Данзасу.

Возвратясь отъ него, онъ сказалъ, что генераль-провіантмейстеръ желаетъ самъ спросить его, куда онъ желалъ бы поступить на службу? Въ это время вошелъ въ канцелярію камеръ-юнкеръ Мамоновъ-Макшеевъ и пожелалъ видѣть генераль-провіантмейстера. Доложили генералу Данзасу, и гг. Ивановъ и Мамоновъ-Макшеевъ были введены къ нему въ кабинетъ.

— Что вамъ угодно? обратился къ послѣднему генералъ Данзасъ, любезно пожимая ему руку.

— Я имѣю передать письмо вашему превосходительству, отвѣчалъ, почтительно кланяясь камеръ-юнкеръ, и подалъ письмо.

— А, воскликнулъ генераль-provіантмейстеръ, прочитавъ письмо, очень радъ сдѣлать угодное княгинѣ. Какое же вамъ угодно мѣсто? И, не дожидалась отвѣта, съ улыбкою прибавила: у меня есть вакансія оберъ-provіантмейстера въ Ревель, хотите? я васъ назначу.

— Очень благодаренъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ, низко кланяясь, Мамоновъ-Макшеевъ.

— Такъ кланяйтесь княгинѣ и скажите, что на дняхъ же приказъ о васъ будетъ отданъ.

Аудиенція камеръ-юнкера окончилась и настала очередь Иванова.

— Какое вы желали бы имѣть мѣсто, г. Ивановъ, спросилъ важно Данзасъ.

— Оберъ-пріоіантмейстера, ваше превосходительство.

— Но это мѣсто генеральское, вы не имѣете на него права.

— Если ваше превосходительство рискнули дать такое мѣсто совсѣмъ незнакомому съ пріоіантской частью господину, то почему же не можетъ быть дано такое мѣсто и мнѣ, хорошо знакомому съ дѣломъ?

— Но вы, я думаю, будете согласны съ тѣмъ, что человѣкъ иногда бываетъ не въ правѣ отказать въ просьбѣ?

— Знаю, ваше превосходительство, но допускаю это только въ частныхъ дѣлахъ.

— Я васъ назначу смотрителемъ въ Ригу.

— Благодарю покорно, ваше превосходительство, не желаю.

— Это отчего?

— По многимъ причинамъ.

— Напримѣръ?

— Во-первыхъ потому, что я заслужилъ большаго вниманія начальства, ибо, находясь во все время осады и бомбардированія крѣпости Свеаборга, при всеобщемъ пожарищѣ, я сберегъ все вѣренное мнѣ казенное имущество и, бывъ при томъ раненъ, никакой награды не получилъ, тогда какъ Гельсингфорскій смотритель, не бывшій ни въ дѣлѣ, ни въ опасности, получилъ орденъ Анны 2 степени съ мечами. Во-вторыхъ, при заготовленіи фуражъ въ Финляндіи, сдѣлалъ казнѣй сбереженій болѣе 60 тысячъ рублей. Въ-третьихъ, лишенъ мѣста смотрителя безъ всякой причины и два слишкомъ года бѣдствую, не получая никакого содержанія. Въ-четвертыхъ, обнесенъ предъ военнымъ министромъ въ бытности подъ судомъ...

— Довольно! перебилъ его Данзасъ, такъ вотъ вы на чемъ основываете ваше требование... не будетъ вамъ ничего!.. и стукнуль кулакомъ по столу.

— Посмотримъ, ваше превосходительство, а можетъ быть будетъ, отвѣтилъ Ивановъ, и вышелъ изъ кабинета, весь взволнованный.

— Куда вы? встрѣтилъ его правитель канцеляріи Еропкинъ.

— Пойду къ военному министру и разскажу ему все, а если не приметъ, напишу.

— Успокойтесь, пожалуйста, подите сюда, и онъ ввелъ Иванова въ канцелярію, посидите здѣсь. Вы видѣли, генераль разгорячился, но онъ отходчивъ, и все можетъ устроиться.

Немного погодя, пошелъ онъ съ бумагами къ Данзасу и, возвратясь, объявилъ Иванову, что онъ можетъ спокойно отправляться домой, назначение на должность будетъ сдѣлано.

— А какъ отвѣтъ мнѣ дать министру, спросилъ его Ивановъ.

— Никакого. Побѣзжайте домой и ждите приказа.

На другой день, въ 7 часовъ утра, курьеръ провіантскаго департамента доставилъ Иванову приказъ объ отозваніи нижегородскаго оберъ-провіантмейстера Ком., по дѣламъ службы, въ С.-Петербургъ, и назначеніе на его мѣсто Иванова, и приглашеніе прибыть въ канцелярію департамента къ 10 часамъ утра.

— Ну, что, довольны? спросилъ Иванова, при входѣ въ канцелярію, полковникъ Еронкинъ.

— Еще бы не быть довольнымъ! отвѣчалъ Ивановъ, въ два то года не мало настрадался и наголодался.

— Такъ вотъ не угодно ли вамъ получить подорожную и проны на 6 лошадей съ пособіемъ 600 рублей.

— Этого мало.

— Какъ мало?

— Вѣдь я два съ лишнимъ года не получалъ содержанія, проѣлся и задолжалъ, мнѣ не выѣхать.

Еронкинъ отправился къ Данзасу и, возвратясь, сказалъ:

— Генераль-провіантмейстеръ приказалъ еще выдать вамъ 250 рублей изъ комнатныхъ суммъ.

— Этого мало, отвѣчалъ хладнокровно Ивановъ, не выѣду.

Еронкинъ опять пошелъ къ директору и, вернувшись отъ него, приказалъ позвать экзекутора.

— Есть у васъ остаточные деньги отъ канцелярскихъ расходовъ, спросилъ онъ тотчасъ явившагося экзекутора.

— Есть немного.

— Сколько?

— 180 рублей.

— Принесите! теперь, надѣюсь, будетъ довольно? спросилъ онъ, краснѣя отъ гнѣва, Иванова.

Новый оберъ-провіантмейстеръ взялъ счеты и стала считать передъ нимъ. Вотъ столько то слѣдуетъ мнѣ за два рода и два

мѣсяца жалованья, столько то столовыхъ, столько то квартирныхъ, а вы даете только 1030 рублей. Съ ними я не выѣду.

Еропкинъ третій разъ отправился къ начальству и, вылетѣвъ оттуда бомбой, потребовалъ смотрителя дома.

— Есть у васъ экономія отъ фуражка курьерскихъ лошадей? спросилъ онъ смотрителя и, не дожидалась отвѣта, прибавилъ: подите принесите что у васъ есть.

Смотритель принесъ 125 рублей.

— Получите, сказаъ Еропкинъ Иванову, и поѣзжайте къ мѣсту новаго служенія, безотлагательно. Генераль-provіантмейстеръ, чтобы не задерживать васъ, избавляетъ васъ отъ труда представляться его превосходительству при отѣѣздѣ.

— Покориѣши благодарю, отвѣчалъ Ивановъ, и, откланявшиися, отправился.

Но событіе это, вѣроятно, сдѣлялось извѣстнымъ военному министру, такъ какъ вскорѣ послѣ того генераль Данзасъ былъ назначенъ членомъ генераль-аудиторіата, а полковникъ Еропкинъ отчисленъ отъ должности, съ зачисленіемъ состоять по арміи.

«Блудный Булавинъ».

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, у одного офицера казачьяго полка, квартировавшаго въ Виленской губерніи, жилъ въ услуженіи нѣкто Илькевичъ, молодой человѣкъ лѣтъ 25-ти, средняго роста, плотный, хорошо сложенный и красивый собою. Откуда родомъ, какого званія — никто не зналъ, но онъ выдавалъ себя за уроженца Донской области, дворянина, выѣхавшаго изъ края вслѣдствіе дурно сложившихся обстоятельствъ и вынужденнаго идти въ услуженіе за неимѣніемъ другого мѣста. Офицеръ былъ доволенъ своимъ драбантомъ, такъ какъ онъ исполнялъ свои обязанности добросовѣстно и вѣль себя хорошо. Онъ даваль ему платье съ своего плеча, платиль изрядное жалованье и разрѣшалъ въ свободное время погулять... Илькевичъ пользовался добротою офицера и позволялъ себѣ, выходя гулять, надѣвать шинель съ юнкерскими погонами.

Прошло нѣкоторое время, и казачій полкъ долженъ былъ возвратиться на Донъ, на льготу. Офицеръ хотѣлъ взять Илькевича

съ собою, но онъ Ѳхать съ нимъ не пожелалъ и просилъ рекомендовать его на службу кому-нибудь изъ мѣстныхъ жителей.

Въ это время виленскимъ генераль-губернаторомъ былъ Потаповъ, бывшій наказный атаманъ войска донскаго. Онъ зналъ лично офицера, у которого служилъ Илькевичъ. При представлениі ему предъ отѣзгомъ на Донъ офицера, сей послѣдній былъ приглашенъ къ нему на обѣдъ, во время котораго онъ рассказалъ о затруднительномъ положеніи своего драбанта, передалъ генералу сочиненную имъ сказку о его донскомъ происхожденіи, успѣлъ заинтересовать сочувствовавшаго всѣмъ донцамъ старика, и просилъ дать своему протеже какуюнибудь службу.

Генераль Потаповъ, какъ известно, былъ человѣкъ религіозный, добрый и покровительствовать своимъ любилъ. Онъ вѣтъ при слать къ нему этого, какъ онъ тогда выразился, «блуднаго Булавина», и Илькевичъ предсталъ предъ его грозныя очи на утро, въ своемъ юнкерскомъ мундирчикѣ.

Генераль-губернаторъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, обласкалъ «блуднаго Булавина», говорилъ съ нимъ на «вы» и, въ концѣ концовъ, предложилъ ему поступить на службу въ виленскую полицію. Илькевичъ, конечно, принялъ это предложеніе съ радостію и по-польски «палъ до ногъ» и поцѣловалъ у генерала рукавъ мундира. Это такъ понравилось представителю власти, что онъ тотчасъ же написалъ полиціймейстеру, полковнику Федорову, записку слѣдующаго содержанія: «прошу принять юнкера Илькевича въ свое распоряженіе», и вручилъ ее, для передачи по принадлежности, Илькевичу.

Нужно-ли говорить, какую сенсацію произвела эта записка въ полиціи. Полиціймейстеръ, старый служака изъ николаевцевъ, не зналъ, какое мѣсто предложить генераль-губернаторскому протеже. Послѣ долгаго размышенія, онъ остановился на должности чиновника особыхъ порученій, и «блудный Булавинъ» занялъ эту должность, съ содержаніемъ 1.500 р. въ годъ.

Илькевичъ оказался чиновникомъ смѣтливымъ и распорядительнымъ. Не прошло и года, какъ его назначили частнымъ приставомъ одного изъ Виленскихъ участковъ. Тутъ онъ выказалъ удивительныя способности, въ особенности по розыску пропажъ и преступниковъ. Приказы по полиціи наполнялись изъявленіемъ ему благодарности начальства за его полезную и успѣшную дѣятельность. Но не въ одной только службѣ везло ему, финансы его на-

ходились уже въ блестящемъ состояніи, и, въ довершениѣ благъ, онъ питалъ себя надеждой завестись своей семьей: одна изъ дочерей полиціймейстера была неравнодушна къ «молодому частному», объясненіе послѣдовало и былъ уже назначенъ день обрученія, но «моментъ выпалъ» — и счастье принесло несчастье...

Энергический частный приставъ, принявъ въ прописку паспортъ какого-то еврея, замѣтилъ въ немъ что-то подозрительное, и вотъ, чтобы убѣдиться въ благонадежности лица, которому принадлежалъ паспортъ, онъ отправился вечеромъ къ нему на квартиру, въ сопровождении полицейскихъ и казаковъ.

Предположенія его увѣнчались успѣхомъ — онъ не только что арестовалъ иѣсколькихъ бѣглецовъ, занимавшихся фабрикаціей фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, но успѣлъ захватить и самую фабрику.

О подвигѣ его заговорила Вильна, и генераль-губернаторъ, по докладѣ ему обѣ этомъ полиціймейстера, приказалъ представить Илькевича къ наградѣ орденомъ.

Награда эта и погубила «блуднаго Булавина». Губернское правленіе потребовало формулярный списокъ и другіи бумаги о про-исходженіи и службѣ Илькевича, но бумагъ о немъ никакихъ въ полицейскомъ управлениѣ не было, кромѣ упомянутой выше записки генераль-губернатора. Задумался Илькевичъ, и какъ ни вертѣлся — пришлось приѣхать къ помощи письмоводителя. Въ интимной бесѣдѣ съ нимъ, онъ разсказалъ ему, что онъ не дворянинъ и не казакъ донской, а мѣщанинъ Минской губерніи, Ильчевскій; былъ отданъ въ рекрутъ и во время польского восстанія бѣжалъ. Слѣдовательно, какая же могла быть бумаги у дезертира? Письмоводитель, подумавъ, посовѣтовалъ Илькевичу бѣжать, — опять бѣжать, и онъ бѣжалъ, но бѣжалъ основательно, т. е. испросивъ себѣ увольненіе въ 28-дневный отпускъ для отысканія документовъ, и съ дороги прислали прошеніе обѣ увольненіи въ отставку. Его уволили — и онъ какъ будто канулы въ воду... ни слуху, ни духу о немъ послѣ въ Вильнѣ не было, но «блуднаго Булавина» вспоминаютъ и до нынѣ, такъ какъ исторія его впослѣдствіи сдѣлалась народнымъ достояніемъ.

Но кто поручится, что этотъ лихой проходимецъ не пристроился въ послѣдствіи еще гдѣ нибудь на службу?

ОДИНЪ ИЗЪ «ОТЦОВЪ-КОМАНДИРОВЪ».

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ фельдъегерскій корпусъ спрѣмлялъ празднікъ угодника, покровителя учрежденія. Всѣ служащіе, какъ офицерскихъ, такъ и подъ-офицерскихъ чиновъ, по обычаю, декорировались и прибрались, т.е. надѣли новые мундиры, «кавалерію» и всю присвоенную имъ по положенію аммуницію. Отслужили обѣднію и молебень, и весь корпусъ служащихъ направился въ залъ, гдѣ приготовленъ былъ въ складчину роскошный завтракъ. Старые, сѣдые служаки мѣшались съ молодыми товарищами и, разбиваясь на группы, вели оживленную бесѣду.

— Что-жъ это не ёдетъ нашъ «отецъ-командиръ»? уже адмиральскій часъ наступилъ, пора бы и «праздничной» попробовать, говорилъ старый маіоръ, обращаясь къ группѣ товарищѣй.

— Нѣмецъ — всегда нѣмецъ, резонировалъ безусый прaporщикъ, а генераль нѣмецъ — это доппель нѣмецъ... онъ не упуститъ случая, чтобы не дать почувствовать своего авторитета... Вотъ подите-жъ, почти часъ какъ весь корпусъ собрался, а его нѣтъ еще!...

— Подождите, господа, отозвался высокій съ лысиной капитанъ, можетъ быть онъ самъ поѣхалъ по начальству, и пріѣдетъ, какъ въ прошломъ году, съ какимъ нибудь почетнымъ гостемъ...

— Я думаю даже — ввернуль свое слово младенцкій подъ-офицеръ-нѣмчикъ: — что нашъ досточтимый Карль Карловичъ привезетъ намъ напраздникъ какую нибудь милость, напримѣръ: нѣсколько сотенъ рубликовъ въ награду.

— Держи, братъ, карманъ, захочотаъ маіоръ, онъ о себѣ только думаетъ, какъ бы самому словить что нибудь, а о насъ заботится очень мало.

— Да оставьте вы о немъ говорить, братцы, воскликнулъ капитанъ, вы взгляните на закуску — какая премѣсть! Татарва поганая приготовлять умѣеть... на померанцовую посмотришь, такъ даже во рту сохнеть!...

— А, Боже мой!... да что же это, господа, вы не обратите вниманія, вдругъ загорячился старшій офицеръ: закуска — какъ закуска, а доппель-кюммелю нѣтъ!... вѣдь нашъ «отецъ-командиръ» ничего другого не пьетъ....

И всѣ засуетились, отыскали татарина-распорядителя и командировали его за кюммелемъ. Между тѣмъ со двора дали знать, что командиръ пріѣхалъ. Старшіе офицеры пошли встрѣчать,

младшіе поправляли свои усы и шевелюры и выравнивались въ шеренги по сторонамъ стола,

Чрезъ нѣсколько минутъ въ зало вошелъ приземистый, широкоплечій, полный генераль; его мясистое, одутловатое, чисто выбритое лицо, заплывшее отъ жири, сѣрые безжизненные глаза, коротко остриженные волосы и щетинообразные торчкомъ торчащіе усы, его вросшая въ плечи огромная голова, нахмуренно-сонливый видъ и постоянное конвульсивное подергивание верхней губы, его раскидистая воинственная походка, его напускная савовитость и ежеминутное взбрасываніе плечъ — производили при встрѣчѣ съ нимъ самое тяжелое, непріятное впечатлѣніе. Это былъ типъ выслужившаго солдата николаевскихъ временъ, уснащенный высокомѣріемъ и фанфаронствомъ современного прусского юнкера. Онъ вошелъ, какъ-то подпрыгивая, стремительно пробѣжалъ зало и, остановясь посрединѣ ея, обвелъ глазами команду.

— Здравствуйте, проговорилъ медленно, поднимая плечи, генераль.

— Здравія желаемъ, ваше пр—во! отвѣтила громко команда.

— А вы еще не пьяны? задалъ вопросъ, становясь въ позу, генераль.

Отвѣта никакого не послѣдовало. Команда какъ будто оцѣнила: такъ неожиданно поразилъ ее подобный вопросъ.

Генераль между тѣмъ, потряхивая эполетами, эстетически наслаждался произведеннымъ имъ эффектомъ и, вскинувъ на носъ пенснѣ, продолжалъ:

— А между вами есть подлецы!..

Ропотъ неудовольствія пробѣжалъ по рядамъ людей, собравшихся мирно отпраздновать день своего патрона. Но никто не сдѣлалъ ни одного возраженія, — такъ страшно и свирѣпно было красное, какъ свекла, лицо начальника. Они только переглядывались, какъ бы ища въ средѣ своей смѣльчака.

Генераль, между тѣмъ, прошолся два раза взадъ и впередъ по комнатѣ, и молча щипалъ свой коротко остриженный щетинистый усы. Онъ видимо что то обдумывалъ.

— Ваше пр—во, вдругъ окликнулъ его выступившій изъ рядовъ молодой человѣкъ, мы не знаемъ, о комъ вы изволите говорить, и если есть среди насъ такой человѣкъ, то намъ нужно знать его, и тогда мы обсудимъ, что съ нимъ нужно сдѣлать. Не будете ли такъ добры назвать намъ этого человѣка?

— А, милостивый государь!.. вы смеете предлагать мнъ подобные вопросы!.. я не хочу называть имена!.. но я сказалъ, и повторю еще разъ: между вами есть подлецы!.. для васъ должно быть довольно этого... узнать о комъ я говорю—ваше дѣло.

— Но позвольте, ваше пр—во, хоть какое нибудь указаніе... дайте какой нибудь ключъ... какъ же иначе узнать?..

— Вы очень хорошо знаете, о комъ я говорю, называть я никого не хочу, но долженъ сказать, что съ подлецами я служить не намѣрѣнъ... слышите!.. я надѣюсь, что вы поймете, что вамъ нужно сѣѣтъ... А вы, молодой человѣкъ, обратился онъ къ говорившему, для нашей службы не годитесь.

Команда стояла какъ пораженная громомъ, и другого смѣльчака отвѣтить ему не нашлось.

— А есть у васъ кюммель? обратился генераль къ стоявшему неподалеку офицеру, дайте мнъ рюмку, я выпью.

— Сейчасъ принесутъ, ваше пр—во.

— Вотъ, видите ли, вы и праздника своего устроить какъ сльдуетъ не могли!.. Впрочемъ, дайте мнъ краснаго вина.

И генераль выпилъ рюмку вина. Потомъ, обращаясь къ командѣ, сказалъ:

— Пейте и вы... но смотрите, чтобы до пьяна не напиваться!.. Прощайте!

Его провожали съ поднятыми надъ его головой кулаками, но онъ шоль не оглядываясь, и уѣхалъ, не отдавъ даже прощального поклона.

Команда заговорила:

— Вотъ такъ хамъ!

— Вотъ такъ поздравилъ съ праздникомъ!

— Вотъ такъ милость привезъ!

— Онь не хочетъ служить съ нами, такъ пусть убирается къ дьяволу.

— Эхъ, да бросьте, господа, обращается къ товарищамъ съ просьбой старый служака: утро вечера мудренѣе, завтра обсудимъ это дѣло, а нынче пить будемъ, и гулять будемъ, а смерть придетъ, умирать будемъ...

— Какое тутъ гулянье, когда рюмка водки становится въ горлѣ коломъ, ворчить капитанъ съ лысиною.

— А ты налей другую побольше, да и осади первую пониже, а потомъ налей третью еще побольше и осади вторую еще пониже, смотришь всѣ три и пройдуть...

И товарищи вышли, но праздникъ былъ отравленъ: никто не зналъ, кого разумѣль командиръ, бросая имъ позорную бличку, и поэтому каждый торопился закусить и уйти скорѣй домой, проклиная въ душѣ ненавистнаго нѣмца, избравшаго день ихъ храмового праздника для ихъ оскорблениія и униженія.

На утро выяснилось, что никакихъ данныхъ къ сдѣланному командиромъ предположенію нѣтъ, и генераль только могъ сказать въ свое оправданіе, что «онъ такъ думалъ».

Наши администраторы.

Въ ноябрѣ 1872 года, въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ признали необходимымъ назначить экспедицію для покоренія Хивы. Въ видахъ обсужденія и разрѣшенія вытекавшихъ изъ того весьма сложныхъ вопросовъ организаціи и движенія экспедиціоннаго корпуса, были приглашены въ С.-Петербургъ нѣкоторые главные начальники округовъ, и въ томъ числѣ генералы Константина Петровича Фонъ-Кауфмана и Александръ Львовичъ Потаповъ. Какъ извѣстно, лица эти не питали другъ къ другу личныхъ симпатій, и потому взгляды ихъ на дѣло оказывались почти всегда крайне противоположными, что, конечно, не могло не вліять на неудовлетворительное разрѣшеніе дѣла. По пріѣздѣ въ Петербургъ, они остановились: одинъ на Большой Морской, въ домѣ Козлова, другой на Малой Морской, въ домѣ князя Щербатова. Казалось бы, такъ близко и для личныхъ совѣщаній удобно, но не тутъ то было: по личнымъ взглядамъ на дѣло они оставались: одинъ въ Вильно другой въ Ташкентѣ. На одномъ изъ экстренныхъ засѣданій у военнаго министра, рѣшено было послать нѣсколько маршевыхъ батальоновъ въ Туркестанъ изъ войскъ виленского округа, но съ тѣмъ, чтобы въ батальоны эти не были назначаемы поляки. Рѣшеніе въ деталяхъ предоставлялось разработать по взаимному соглашенію командующихъ войсками Туркестанскаго и Виленскаго округовъ. Генераль Фонъ-Кауфманъ изложилъ свои соображенія по сему предмету въ особомъ отзывѣ и послалъ ихъ на заключеніе генерала Потапова съ состоявшимъ при немъ для порученій чиновникомъ Петромъ Ивановичемъ Вигилиянскимъ, съ тѣмъ, чтобы онъ попросить Александра Львовича дать это заключеніе безотлагательно, и, если возможно, то чрезъ него же.

Вигилянскій пріѣхалъ къ Потапову въ то время, когда онъ принималъ просителей. Представясь ему и заявивъ, что онъ присланъ генераломъ Фонъ-Кауфманомъ съ бумагами, получилъ отвѣтъ: «подождите»!

Окончился пріемъ, и Потаповъ ушолъ въ кабинетъ. Проходить часъ, и два, а Вигилянскаго къ нему не приглашаютъ. Тотъ просить адъютанта доложить о себѣ, предполагая, что генераль забылъ о немъ, и получаетъ тотъ же отвѣтъ: «подождите»! Подождавъ еще нѣсколько времени, Вигилянскій опять просить адъютанта напомнить о немъ генераль-губернатору. Выходить генераль Потаповъ и спрашиваетъ: «что вамъ угодно»?

— Я присланъ къ вашему превосходительству генераломъ Кауфманомъ, отвѣчалъ Вигилянскій, представить вамъ вотъ это соображеніе по дѣлу о маршевыхъ батальонахъ, и просить вашего понимъ заключенія, и если возможно, то теперь же.

— Мнѣ теперь некогда.

— Дѣло экстренное, ваше превосходительство, тѣмъ болѣе, что ваше заключеніе должно быть завтра же доложено военному министру.

— Вы можете устраивать съ вашимъ Кауфманомъ какіе хотите походы, отвѣчалъ сердито Потаповъ, но я для васъ не намѣрѣнъ нарушать порядокъ своихъ занятій... Дайте сюда бумаги, отвѣть приплю.

Но отвѣта до самаго выѣзда Константина Петровича въ Туркестанъ онъ такъ и не прислалъ; войска же въ походъ были назначены по распоряженію Главнаго Штаба.

Ретивый инспекторъ.

Въ 1877 году, во время Восточной войны, генераль-маюру Устругову предписано было произвести инспекторскій смотръ конскому запасу дѣйствующей арміи, стоявшему тогда въ городѣ Александріи. Генераль этотъ имѣлъ репутацію человѣка строгаго, ставившаго каждое лыко въ строку. Прибыть въ Александрію, онъ на другой же день назначилъ смотръ. Вывели лошадей, вышли солдаты-конюхи, генераль идетъ по рядамъ и опрашиваетъ.

— Сколько ты дасши въ день сѣна лошади? обращается онъ къ первому конюху.

— Двадцать фунтовъ, ваше превосходительство.
— А ты? переходить генераль къ другому.
— Полпуда, ваше превосходительство.
— Это что за беспорядки! вскричалъ генераль. Начальникъ запаса, пожалуйте сюда! обратился онъ къ полковнику Соломкѣ, что это такое у васъ творится: одинъ конюхъ дасть лошади двадцать фунтовъ съна въ день, а другой—полпуда.

— Да вѣдь это одно и тоже, ваше превосходительство, отвѣтчаетъ начальникъ запаса.

— Отчего же вы не научили людей отвѣтчать начальству одно и тоже?.. а?..

И найдя тему, онъ началъ ее варьировать, то повышая, то понижая голосъ. Начальникъ запаса, приложивъ руку къ козырьку, стоялъ,танулъся и молчалъ. Видя, что его распекація произвела ожидаемое дѣйствіе, т. е. нагнала страхъ, генераль смягчился, и произвелъ смотръ весьма снисходительно.

СУВОРОВЪ ВЪ ССЫЛКѦ.

АЛЕКСАНДРъ Васильевич Суворовъ—легендарный русский герой. Имя его, какъ имя другого легендарного нашего героя—Петра Великаго, до сихъ поръ живеть въ пѣсняхъ, преданьяхъ и сказаньяхъ народа не только въ Россіи, но и въ другихъ странахъ.

Онъ прослужилъ солдатомъ слишкомъ девять лѣтъ, постепенно прошелъ всѣ нижнія званія: капрала, унтеръ-офицера и сержанта, и достигъ до самыхъ высшихъ степеней служебныхъ отличій, почета и уваженія. Его обширный умъ, геніальная способности, любовь къ военному дѣлу и знаніе людей доставляли ему побѣды и надъ ветеранами Фридриха Великаго, и надъ безчисленными турецкими и татарскими ордами, и надъ кичливыми польскими хоругвями и надъ считавшимися непобѣдимыми французскими легіонами. Равнини Пруссіи, лѣса и болота Польши и Волыни, берега Дуная, Рымника и Прута, косы и отмѣли Тавриды, скалы Финляндіи, твердыни Измайлова и Праги, поля Италии, ледяные хребты и пропасти Альповъ видѣли у себя нашего полководца во главѣ предводимаго имъ воинства, и слава его, съ каждымъ новымъ подвигомъ, распространялась и росла.

При маломъ ростѣ, сухощавый, нѣсколько сгорбленный, имѣлъ онъ видъ дряхлый; на головѣ его, рано посѣдѣвшей, осталось лишь нѣсколько клоковъ бѣлыхъ волосъ, собранныхъ впереди локономъ; лицо было въ морщинахъ, но выраженіе лица оживлялось умнымъ проницательнымъ взглядомъ, маленькие глаза его сверкали огнемъ энергіи; онъ сохранилъ до старости необычайную бодрость тѣлесную и душевную, бойко ъздила верхомъ, шутя прыгалъ и бѣгалъ, въ по-

ходъ не знать экипажа. Появление этого старика передъ войсками, не сколько словъ его, какая нибудь шутка, приводили солдатъ въ неизъяснимый восторгъ. Узнавъ солдатскій бытъ, во время своей продолжительной службы въ нижнемъ званіи, до самыхъ мелочей, онъ заботился о солдатѣ, входилъ въ его нужды, зорко слѣдилъ, чтобы все, слѣдуемое солдату по положенію, доходило до него полностью, а при случаѣ и баловалъ своихъ grenадеровъ, какъ дѣтей своихъ. Вотъ за что и любили его солдаты, не смотря на строгость и тяготы тогданий службъ.

Не менѣе солдатъ его любили и крестьяне. Имѣя значительныя помѣстія ¹⁾, онъ прилагалъ все заботы о поднятіи благосостоянія крестьянъ. Изъ собственноручныхъ его приказовъ и инструкцій управляющимъ видно, что онъ уничтожилъ въ своихъ вотчинахъ всякие поборы съ крестьянъ натураю, т. е. холстами, птицею и пр., заботился о бѣдныхъ, о дѣтяхъ, о здоровъ крестьянъ и способахъ ихъ довольствія лѣсомъ и солью, уничтожилъ рекрутскую повинность въ натурѣ, приказавъ нанимать за своихъ крестьянъ охотниковъ на сторонѣ, для чего назначилъ съ своей стороны часть денегъ изъ слѣдуемыхъ ему оброковъ. Всі его дѣятельности по улучшенію крестьянскаго хозяйства, народному образованію и развитию въ крестьянахъ нравственности проникнута высокой гуманностью и обрисовывается его, какъ одного изъ передовыхъ людей своего вѣка.

«Въ толпѣ царедворцевъ—говорить одинъ изъ нашихъ почтенныхъ историографовъ:—въ совѣтѣ царей, на развалинахъ Измаила и Праги, на берегахъ Требіи, на льдахъ Санъ-Готарда, въ улусѣ на-тайскомъ, на бивакѣ, въ сельскомъ уединеніи, Суворовъ вездѣ былъ самобытный, наизмѣненный, странный, великий»...

И этотъ великий Суворовъ не избѣжалъ жестокаго жребія: почти два года онъ находился въ немилости, въ опалѣ, въ ссылкѣ, подъ надзоромъ полиціи.

Причины немилости заключались въ слѣдующемъ.

Въ 1796 году, Императрица Екатерина II, вознамѣрившись послать русскія войска на помощь Австріи, поручила начальство надъ ними Суворову. Старикъ фельдмаршалъ, снѣдаемый честолюбіемъ,

¹⁾ Въ Московской губерніи, Владимирскомъ, Костромскомъ, Пензенскомъ и Новгородскомъ намѣстничествахъ, по свѣдѣніямъ за 1785 годъ, было у него 2626 душъ и въ Кобринскомъ имѣніи 7.000 душъ, дававшихъ дохода до 50 тыс. руб. въ годъ

рвался помѣряться силами съ геніальнымъ «мальчишкой», кото-
рый, по его словамъ, «шагалъ широко», и котораго «унять было
уже пора». Пользуясь довѣренностью императрицы, онъ былъ бли-
зокъ къ желанной цѣли, находясь во главѣ 80-ти тысячной арміи,
формировавшейся тогда на границахъ Новороссійскаго края.

Восшествіе на престолъ императора Павла измѣнило иностранную
нашу политику: готовая къ походу армія оставлена была на мѣстѣ.
Новѣніе это глубоко огорчило маститаго воина, онъ не переста-
валъ оплакивать кончину великой Екатерины, говоря всѣмъ: «безъ
матушки царицы не видать бы мнѣ Кинбурга, Рымника, Измаила
и Варшавы», и постоянно быть не въ духѣ.

Преобразованія по военной части, принятая тогачъ по воца-
реніи Павла I и имѣвшій цѣлью видоизмѣнить всю виѣшность рус-
скаго войска на манеръ прусскій, нашли, какъ извѣстно, въ фельд-
маршалѣ Суворовѣ открытаго и неосторожнаго порицателя. Онъ го-
ворилъ: «руssкіе прусскіхъ всегда бивали, что же тутъ иренять...
я лучше прусскаго покойнаго короля, я, милостію Божію, баталій
не проигрываю... Солдаты не веселы, унылы, разводы скучны, шагъ
уменьшаютъ въ $\frac{3}{4}$, и такъ на непріятеля вмѣсто 40—30 верстъ...
Я пахарь въ Кобринѣ лучше нежели только инспекторъ, каковымъ
я былъ подполковникомъ»... Получивъ въ войска палочки для образ-
цовъ и мѣры солдатскихъ косъ и буклѣй, Суворовъ отозвался:
«пудра не порохъ, букли не пушки, коса не тесакъ, я не нѣмецъ—
природный русакъ» ¹⁾.

Слова эти доходили до государя; нашлось не мало людей недоб-
рожелательныхъ, которые обрадовались слуху погубить «упрямаго
чудака»—и дѣйствовали не безъ успѣха.

Императоръ Павелъ разгнѣвался на то, что фельдмаршаль мед-
лилъ приведеніемъ въ исполненіе нѣкоторыхъ новыхъ его постано-
вленій. Желая уничтожить существовавшія при генералахъ много-
численныя свиты, отвлекавшія множество офицеровъ изъ строя, го-
сударь опредѣлилъ число лицъ для штаба каждого начальника, а
всѣхъ излишнихъ затѣмъ повелѣлъ возвратить немедленно въ полки.
Относительно производства офицеровъ, ихъ перемѣщений, отпусковъ,
увольненій, были изданы новыя правила. Вмѣстѣ съ тѣмъ воспре-
щено употреблять воинскихъ чиновъ на частныя работы, по домаш-

¹⁾ Письма и замѣтки Суворова, 2, 3, 12-го января 1797 года.

нимъ дѣламъ или въ курьерскія должностіи¹⁾). Между тѣмъ отъ Суворова былъ присланъ въ Петербургъ адъютантъ съ одними партікулярными письмами, уволенъ имъ въ отпускъ офицеръ безъ высочайшаго соизволенія и, наконецъ, присланъ офицеръ курьеромъ. Было ли это ослушаніемъ, или при тогдашихъ путяхъ сообщенія Суворовъ не могъ получить своевременно сказанныхъ повелѣній — положительныхъ данныхъ не имѣется. Но при всемъ томъ нельзѧ отвергать послѣдняго, такъ какъ въ высочайшемъ рескрипти по поводу присылки курьеромъ капитана Мерлина сдѣлана оговорка слѣдующаго содержанія: «заключая по присланному отъ вѣстъ донесенію, что вы не получили еще повелѣній нашихъ». Во всякомъ случаѣ престарѣлому фельдмаршалу было объявлено монаршее неудовольствіе. Выговоры объявлены въ высочайшихъ приказахъ 15-го и 23-го января 1797 года, а вслѣдъ за симъ, 27 января, фельдмаршалу повѣлено явиться въ Петербургъ и быть «безъ команды».

«Упрямый чудакъ» въ Петербургъ не поѣхалъ, но послалъ 3-го февраля прошеніе объ увольненіи въ отставку²⁾). Изъ письма къ фельдмаршалу графа Ростопчина, отъ 14-го февраля, видно, что желаніе его было императоромъ предупреждено: Суворовъ отставлѣнъ отъ службы 6-го февраля³⁾.

Графъ Д. А. Милютинъ, въ статьѣ своей «Суворовъ», напечатанной въ «Русскомъ Вѣстнику» 1856 года, говорить: «вѣроятно, кромѣ сего прощенія (т. е. отъ 3-го февраля) было еще и другое, оставшееся неизвѣстнымъ, ибо въ высочайшемъ приказѣ, отданномъ при паролѣ 6-го февраля 1797 года, изображено такъ: «Фельдмаршаль графъ Суворовъ отнесся къ его императорскому величеству, что такъ какъ войны нѣтъ, то ему дѣлать нечего; за подобный отзывъ отставляется отъ службы».

Вотъ все, что извѣстно по офиціальнымъ документамъ о про-

¹⁾ Высочайшія повелѣнія, 20, 22 и 26-го ноября 1797 года (Полное Собр. Зак., т. XXIV). Рескрипты, 2, 14 и 23-го января 1797 года.

²⁾ Въ прошеніи этомъ писалъ онъ: Моя многія раны иувѣчья убѣжддаютъ Ваше Имп. Вел. всеподданѣйшѣе просить для исправленія ото-дня въ день ослабѣвающихъ моихъ силъ о Всемилостивѣйшемъ увольненіи меня въ мои здѣшнія Кобринскія деревни на сей тѣкушій годъ.

³⁾ Растопчинъ писалъ: «Государь императоръ, получа донесеніе вашего сіятельства, отъ 3-го февраля, соизволилъ указать мнѣ доставить къ свѣдѣнію вашему, что желаніе ваше предупреждено было, и что вы оставлены еще 6-го февраля».

ступкахъ великаго полководца, навлекшихъ на него царскую опалу и долговременную ссылку.

Междуд тѣмъ, по частнымъ свѣдѣніямъ, за нимъ былъ грѣшокъ иного рода, простить который Павель, при вступлѣніи на престолъ, не могъ.

Н. И. Григоровичъ, въ статьѣ «Канцлеръ князь Безбородко», напечатанной въ «Русскомъ Архивѣ» 1877 года, привелъ нѣкоторыя доказательства въ пользу предположенія, что императрица Екатерина II оставила особый манифестъ въ родѣ духовнаго завѣщанія, подпісанный важнѣйшими государственными людьми, въ томъ числѣ Суворовымъ и Румянцевымъ-Задунайскимъ, о назначеніи наслѣдникомъ престола не Павла Петровича, а любимаго ея внука, Александра Павловича, и что документъ этотъ, по указанію Безбородко, сожгъенъ Павломъ въ день смерти матери. «Немилость къ первому, говорить Григоровичъ,—и внезапная кончина втораго тотчасъ, какъ онъ узналъ о восшествіи на престолъ Павла, произошли будто бы именно вслѣдствіе этого».

О времени и мѣстѣ, откуда Суворовъ былъ отправленъ въ ссылку, биографы его повѣствуютъ различно.

М. Д. Хмыровъ, въ статьѣ «Послѣднее четырехлѣтіе жизни Суворова», говорить, что фельдмаршалъ, узнавъ о своемъ увольненіи, выѣхалъ въ Москву, где располагалъ основаться въ домикѣ, унаследованномъ имъ послѣ родителя и находившемся на большой Никитской, въ приходѣ церкви Феодора Студита. Но не тутъ то было. Частный приставъ, явясь къ отставному фельдмаршалу, объявилъ ему, что, по случаю приближающейся коронаціи императора Павла, имѣть повелѣніе лично проводить его до новгородскаго помѣстья.

— Сколько мѣвъ назначено времени для приведенія въ порядокъ дѣлъ? спросилъ Суворовъ.

— 4 часа, отвѣчалъ приставъ.

— Слишкомъ много милости, продолжалъ фельдмаршалъ, для Суворова довольно одного часа.

Затѣмъ, вѣльвъ отложить поданную къ крыльцу дорожную карету, бодрый старикъ потребовалъ экипажъ, «въ какомъѣздилъ ко двору Екатерины или въ армію», и частный приставъ, волей-неволей, долженъ былъ въ тряской кибиткѣ проскакать съ Суворовымъ болѣе 500 верстъ¹).

¹) Словарь достопамятныхъ людей русской земли, Бантышъ-Каменского, т. III, стр. 338—339.

Между тѣмъ графъ Д. А. Милютинъ, въ упомянутой выше статьѣ «Суворовъ», разсказываетъ, что отставленный отъ службы фельдмаршаль, въ мартѣ 1797 года, перѣхалъ изъ Тульчина, гдѣ стояла его дивизія, въ свое Кобринское имѣніе, но 23-го апрѣля прибыль туда изъ Петербурга нарочный съ высочайшимъ повелѣніемъ опальному отправиться на жительство въ Новгородское его имѣніе, село Кончанское. Съ этимъ посланнымъ Суворовъ и отправился въ путь по назначению 25-го апрѣля.

Село Кончанское—родовое имѣніе Суворовыхъ, находится въ самой глупи Новгородской губерніи, въ съверо-восточной части Боровичскаго уѣзда, въ Сопинскомъ погостѣ¹⁾). По описи Кончанскаго, произведенной въ 1784 году, значилось въ немъ: домъ господской, двухъэтажный, ветхій, въ немъ имѣется 10 покоевъ; при немъ кухня, баня, погребъ, каретный сарай и конюшня. Господской домъ былъ настолько ветхъ, что знаменитый изгнаникъ въ немъ жить не могъ, а занялъ простую крестьянскую избу, верстахъ въ 3—4 отъ Кончанскаго, близъ церкви, гдѣ и жилъ зимою, а лѣтомъ уходилъ на близъ лежащую гору Дубиху, и тамъ, среди старинныхъ дубовъ и вязовъ, уединялся въ простой 2-хъ-этажной избѣ, состоявшей изъ двухъ комнатъ, по одной въ каждомъ этажѣ²⁾). Вблизи этой избы, на горѣ, подъ елями устроена была печка, гдѣ неизмѣнныи слуга Суворова, Прохоръ, награжденный впослѣдствіи отъ австрійскаго императора за заботы о здоровье фельдмаршала медалью, грѣль для него мѣдный чайникъ и приготовлялъ чай. За горой, въ нѣсколькихъ шагахъ, вырытъ былъ колодезъ, оттуда доставляли Суворову холодную воду для частыхъ его ваннъ. Далѣе шли липовая и березовая аллеи насажденного имъ сада, и въ саду церковь — прибѣжище въ часы душевныхъ мукъ и скорби. Изба была меблиро-

¹⁾ Въ 1761 г., новгородскія вотчины, Сопинская и Кривинская, гдѣ находится село Кончанское, принадлежали императрицѣ Елизавѣтѣ Петровнѣ. Послѣ ея смерти, они пожалованы гофмейстеринѣ Аннѣ Карловнѣ Воронцовой, урожденной Скавронской, которая продала ихъ генераль-поручику И. И. Шувалову, а сей послѣдній — В. И. Суворову, отцу фельдмаршала.

²⁾ Дубиха, самая возвышенная мѣстность близъ села Кончанскаго, дослѣ хранить хижину отшельника, опоясанную балкономъ и окруженню старыми елями — свидѣтельницами занятій и думъ героя. Чтоже касается большаго дома, то онъ впукомъ фельдмаршала сломанъ и на мѣстѣ его выстроено другой изъ бревенъ, заготовленныхъ по приказу его великаго дѣда еще въ 1789 году.

вана просто: кровать, столъ и нѣсколько стульевъ изъ еловаго дерева, диванъ, портретъ Петра Великаго, бюстъ Екатерины II, нѣсколько портретовъ семейныхъ и книгъ. Вотъ та обстановка, среди которой проводилъ невольный отшельникъ все время своего заточенія.

Поселясь въ Кончанскомъ, Суворовъ, всегда вѣрный себѣ, не измѣнилъ прежняго образа жизни, не имѣлъ ни одного зеркала въ домѣ, спалъ на сѣнѣ, вставалъ въ 2 часа пополуночи, окачивался лѣтомъ и зимой водой со льдомъ, потомъ пилъ чай, причемъ заказывалъ повару обѣдъ въ 4—5 блюдъ, за который садился въ 8 часовъ утра и Ѳль его не иначе, какъ въ четырехъ пяти маленькихъ горшечкахъ. Послѣ обѣда отыхалъ, въ 4 часа снова пилъ чай и въ 10 часовъ ложился спать. Въ знойные дни фельдмаршалъ ходилъ съ открытой головой, по субботамъ считалъ долгомъ париться въ жарко натопленной банѣ. Досугъ свой побѣдитель Турции и Польши наполнялъ тѣмъ, что устраивалъ свадьбы и присутствовалъ при вѣнчаніяхъ, примирялъ ссорившіяся семьи, участвовать въ крестьянскихъ заботахъ, играть съ деревенскими мальчишками въ бабки, а въ праздники читалъ въ церкви апостолъ, пѣть съ дьячкомъ на клиросѣ и звонить въ колокола.

Самъ онъ писалъ о себѣ къ своему племяннику, графу Д. И. Хвостову: «служу Богу небесному и вѣренъ Богу земному»... (отъ 27-го июля 1797 г.), или: «войскъ здѣсь нѣть, обращеніе мое двѣ трети съ дворянами. Государскіе дни званы были разъ пять-шесть ихъ не торжествовать я считалъ за грѣхъ. Незваные по дружбѣ въ другіе праздники и дни были у меня къ службѣ божіей и одному обѣду, разъ до восьми человѣкъ, отъ трехъ до полдюжины. Самъ я былъ въ гостяхъ менѣе 10 разъ; прочее время провождалъ я въ глубокомъ уединеніи самъ-другъ, самъ-третей со священникомъ»... (отъ 18-го декабря 1797 г.).

Судя по изложенному выше, можно было бы думать, что опальному фельдмаршалу и въ ссылкѣ жилось хорошо: любимый и уважаемый сосѣдями, онъ водилъ съ ними хлѣбъ-соль; обладая большими помѣстьями и хорошимъ здоровьемъ, благоденствуетъ и заботится о благоденствіи другихъ; веселый, среди народа, какъ прежде, онъ шутить, смѣяться и чудить. Но въ дѣйствительности положеніе престарѣлого героя было крайне непріятно и тяжело. Онъ находился подъ полицейскимъ надзоромъ весьма строгимъ, въ особенности, когда были присланы нарочно для этого особый чиновникъ

Николевъ¹⁾). Изъ документовъ, извлеченныхъ въ послѣднее время изъ архивовъ и переданныхъ въ мое распоряженіе редакціей «Исторического Вѣстника», мы узнаемъ, что геніальный полководецъ, любимый сынъ побѣды, надежда и гордость отечества, третировался въ деревнѣ приставниками, какъ уголовный преступникъ. Обстоятельство это такъ его огорчило, что онъ особымъ письмомъ къ государю просилъ о дозволеніи удалиться въ Нилову Пустынь, чтобы тамъ окончить свои дни, но отвѣта не получилъ.

Первоначально надзоръ за Суворовыемъ порученъ былъ боровичскому городничему, премьер-майору Алексѣю Львовичу Вындомскому, который и долженъ былъ находиться безотлучно при Суворовѣ въ Кончанскомъ²⁾), при чемъ ему было предписано наблюдать, чтобы Суворовъ никуда не отлучался и обо всемъ замѣченномъ доносить.

Изъ донесенія Вындомскаго, отъ 14-го іюля 1797 года, видно, что Суворовъ по переѣздѣ въ деревню недомогъ, но нѣсколько подкѣрпился пріѣздомъ къ нему на нѣсколько недѣль дѣтей его, графини Натальи Александровны Зубовой и графа Аркадія Александровича.

¹⁾ Поводомъ къ усиленію надзора за Суворовыемъ, нужно думать, послужило слѣдующее обстоятельство. Однажды въ Кончанско прибылъ курьеръ съ рескриптомъ отъ императора, засталъ Суворова парящимся на полѣ и немедленно былъ принятъ въ той же башнѣ. Прочитавъ на конвертѣ надпись: «генераль-фельдмаршалу графу Суворову-Рымникскому», Суворовъ хладнокровно возвратилъ конвертъ курьеру и сказалъ: «это не ко мнѣ: фельдмаршалъ при арміи, а я въ деревнѣ». Удивленный курьеръ напрасно старался увѣрить Суворова въ дѣйствительномъ назначеніи конверта и, по-рядочнѣ пропотѣвъ въ башнѣ, возвратился въ Петербургъ съ тѣмъ же, съ чѣмъ пріѣхалъ. Императоръ не обнаружилъ досады въ продѣлку старого героя и только велѣлъ усилить за нимъ надзоръ. (М. Д. Хмыровъ, въ статьѣ: «Послѣднее четырехлѣтіе жизни Суворова»).

²⁾ Доставленъ Суворовъ къ Кончанско коллежскимъ асессоромъ Юриемъ Николевымъ, въ предписаніи которому было сказано: «по высочайшему повелѣнію щать вамъ въ Кобринъ или другое мѣстопребываніе фельдмаршала Суворова, оттуда привезь его въ боровицкія его деревни, гдѣ и препоручить городничему Вындомскому; въ случаѣ же надобности требовать помощи отъ всякаго начальства». (Рапортъ новгородскаго губернатора къ кнзю Куракину, отъ 17-го іюня 1797 г.).

21-го июля Вынодомский донесъ: «г. фельдмаршаль Суворовъ на сихъ дняхъ въ слабомъ здоровъ и весьма скучаетъ, что состоящій домъ въ селѣ его Кончанскоѣ весьма ветхъ и не только въ зиму, но и осень пережить въ слабомъ его здоровъ вовсе нельзя и желаетъ перѣѣхать въ сорока пяти верстахъ состоящее свойственницы его Ольги Александровны Жербцовой, село Ровное. Пріѣхавшаго въ свитѣ графини Натальи Александровны Зубовой маюра Сиона его сіятельство отправилъ въ польскія его деревни для получения всѣхъ брилліантовыхъ вещей тамъ хранящихся у подполковника Корицкаго ¹), и какъ таковыхъ вещей по цѣнѣ можетъ быть слишкомъ на триста тысячъ рублей, то по привозѣ сюда имѣть ли мнѣ въ своемъ смотрѣніи и гдѣ хранить оные, ибо при жизни его сіятельства въ Кончанскоѣ, какъ въ самомъ лѣсномъ и опасномъ мѣстѣ, крайне опасно. Прибывши сюда евреи требовали у меня позволенія видѣть его сіятельство и объясниться съ нимъ въ поставленномъ провіантѣ изъ польскихъ его сіятельства деревень въ Варшавскую провіантскую комиссию и имѣть разсчетъ, но я тѣхъ евреевъ допустить къ его сіятельству не осмѣлился».

По доведеніи объ этомъ до свѣдѣнія императора Павла, 31-го июля 1797 года, послѣдовало повелѣніе: «дозволить графу Суворову перѣѣхать въ село Ровное и брилліантовыя вещи ему оставить при себѣ; но при томъ надлежащее наблюденіе имѣть какъ за образомъ его жизни, такъ равно и за поведеніемъ».

¹) Н. Рыбкинъ, въ книгѣ «Генералиссимусъ Суворовъ, жизнь его въ своихъ вотчинахъ и хозяйственная дѣятельность», говорить, что перѣѣздъ Суворова въ село Кончанскоѣ, въ 1797 году, исполненъ былъ вдругъ, такъ что фельдмаршаль, какъ слѣдуетъ, не могъ собраться въ дорогу и многихъ вещей съ собой изъ Кобрина не взялъ. У подполковника Корицкаго, по сообщенному Рыбкинымъ регистру, оставлены были слѣдующія вещи: эполетъ брилліантовый, жезлъ фельдмаршальскій, андреевскій крестъ и звѣзда, портретъ римскаго императора, брилліантовый бантъ къ шляпѣ, перо къ каскѣ, большая шпага и малая шпага, табакерка съ портретомъ Александра Македонскаго, табакерка съ вензелемъ ея величества, табакерка съ вензелемъ римскаго императора, табакерка съ гербомъ польской короны, крестъ шейный и звѣзда Александра Невскаго, тоже два креста 1-й степени, крестъ шейный св. Анны, тоже два креста 1-й степени, Чернаго Орла 1-й степени крестъ, Краснаго Орла 1-й степени два креста, крестъ св. Георгія 2-й степени, перстень золотой отъ ея величества безъ каменьевъ, трость камышевая съ золотымъ набалдашникомъ.

24-го июля, Суворовъ, находя крайне неудобнымъ жить въ старомъ домѣ въ Кончанскомъ, выѣхалъ въ другую свою усадьбу, отстоявшую въ 45 верстахъ, въ с. Камсинѣ, гдѣ жилье считалось болѣе помѣстительнымъ, но мѣстность ему показалась хуже, нежели въ Кончанскомъ, и онъ возвратился въ послѣднее 26-го июля.

Вынѣдомскій, донося объ этомъ, присовокупилъ, что Суворовъ въ проѣздѣ туда забѣжалъ въ г-жѣ Мякининой. Всѣдѣ за тѣмъ (отъ 4-го августа) онъ увѣдомилъ, что, «графъ на сихъ днѣхъ выѣждалъ къ соѣдѣкѣ въ семи верстахъ, Пелагеѣ Лупандиной, гдѣ отобѣдалъ и возвратился домой. Болѣе же ничего не замѣтилъ».

Междѣ тѣмъ новгородскимъ губернаторомъ было получено 3-го августа высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія: «Г. статскій дѣйствительный совѣтникъ Митусовъ! Имѣете смотрѣніе, что бы исключенный изъ службы маіоръ Антингъ, Грессеръ и рот-мистръ князь Четвертинскій и подобные ему свиты Суворова ¹⁾ не имѣли никакого сношенія и свѣдѣнія съ живущимъ въ Новгородской губерніи бывшимъ фельдмаршаломъ графомъ Суворовымъ ²⁾. Павель».

Губернаторъ, въ виду такого повелѣнія и донесенія Вынѣдомскаго, обращается къ генераль-прокурору князю Куракину съ вопросомъ: «могно ли графуѣздить въ гости?» На что получается отвѣтъ отъ 17-го августа: «Его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ: разѣзды по гостямъ графу Суворову запретить».

12-го августа, городничій донесъ, что Суворовъ «ни съ кѣмъ изъ свиты его свиданія не имѣлъ, кромѣ маіора Сиона, отправленаго въ Кобринъ за брилліантовыми вещами, а развѣ не слушаются ли онъ посредствомъ переписки живущей теперь у него дочери, которой писемъ онъ свидѣтельствовать не смѣть, а въ доказательство сего сомнительства» Вынѣдомскій представилъ перехваченные

¹⁾ Всѣ чины штаба Суворова, до 20 человѣкъ, при исключеніи фельдмаршала изъ службы, одновременно съ нимъ также были отставлены.

²⁾ Вѣроятно, Императоръ Павель, называя Суворова бывшимъ фельдмаршаломъ, не считалъ его состоящимъ въ этомъ званіи, что и могло подать поводъ старому воину, при приемѣ въ башнѣ посланаго къ нему курьера съ конвертомъ на имя фельдмаршала, не принять этого конверта.

сть почты и распечатанныя имъ письма, посланныя камердинеромъ Суворова къ графу Зубову и графу Хвостову ¹⁾.

Въ отвѣтъ на это Митусовъ предписалъ: перехватывать на почтѣ и доставлять къ нему всѣ письма какъ къ графу, такъ и къ его дочери и ко всѣмъ его людямъ. Когда же пріѣдетъ Сионъ, то не дозволять ему имѣть свиданія съ Суворовыми, а только допустить отдать бриллантовыя вещи.

22-го августа, прибыль въ Кончанское «одинъ изъ свиты Суворова», ротмистръ Павловскій, и просилъ Вынодомскаго допустить его къ фельдмаршалу.

Городничій объявилъ, что безъ разрѣшенія губернатора допустить его къ графу не можетъ. При этомъ отобрали у него находившіяся при немъ бумаги и, запечатывая ихъ, сказали, что за полученіемъ дозволенія ему придется щѣхать въ Новгородъ.

Павловскій догадался.

— Стало быть, я подъ присмотромъ? Не пойду. Вы сего сдѣлать не можете.

Городничій предъявилъ ему высочайшее повелѣніе.

— Я не могу щѣхать, я боленъ, развѣ связать велите...

Городничій взялъ у него шпагу и въ сопровожденіи сержанта и караульного отправилъ Павловскаго къ губернатору, при донесеніи, въ которомъ назвалъ его бывшимъ секретаремъ и клевретомъ Суворова.

Митусовъ отправилъ Павловскаго и отобранныя у него бумаги въ Петербургъ ²⁾). На допросѣ въ Тайной экспедиціи Павловскій по-

¹⁾ Камердинеръ Прохоръ Ивановъ, отъ 11-го августа, писалъ первому, что съ графа взыскивается казна 3.000 рублей по провіантскимъ разсчетамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и казна должна была графу по провіанту же до 12.000 рублей, второму: «графъ ни Бочеваль, ни Корыоланъ, ни Нарбекъ. Алексѣй Львовичъ Вынодомскій, здѣшній городничій, по Архарову приказанию, при его особѣ; судите же мучительство судьбы въ невинности его. Чѣмъ ему щѣхать въ Петербургъ, лучше бы отпустили въ чужія края. Еще извѣстно ли вамъ, присланы были отъ Николая Алексѣевича полковника Дьякова два жида прикащики прорядчика Эмина, якобы изъ Кобринскихъ деревень поставляли въ комиссию провіантъ, который нынѣ возвращается назадъ, и для полученія за онъ просить отъ графа 20.500 рублей.

²⁾ Донесеніе отъ 23-го августа, гдѣ, между прочимъ, Митусовъ писалъ: «такъ какъ многіе собираются щѣхать къ графу, то куда

казаль: въ службу вступилъ въ 1792 г., кадетомъ, въ 1794 г. переименованъ въ поручики, и съ рекомендацией отъ Михаила Васильевича Каховскаго къ гр. Суворову, прибылъ къ нему въ Петербургъ, въ 1796 г. съ графомъ пріѣхалъ въ Тульчинъ и произведенъ въ ротмистры Таврическаго конно-егерскаго полка. Когда графъ Суворовъ былъ уволенъ отъ службы, Павловскій поѣхалъ въ Кобринъ, гдѣ графъ подарилъ ему 50 душъ; вскорѣ потомъ, по Высочайшему повелѣнію, онъ былъ арестованъ въ числѣ 18-ти офицеровъ совсѣмъ Николевскимъ и отвезенъ въ киевскую крѣпость, черезъ два мѣсяца его вмѣстѣ съ другими освободили и уволили, съ позволеніемъ жить гдѣ кто пожелаетъ. Павловскій поѣхалъ въ пожалованную ему графомъ деревню, и по хозяйственнымъ дѣламъ имѣя надобность видѣть графа, поѣхалъ къ нему, гдѣ и былъ арестованъ и высланъ подъ карауломъ въ Петербургъ.

По докладѣ обѣ этомъ Императору Павлу, 28-го августа, послѣдовала резолюція: «Павловскаго выпустить, давъ ему помочь въ исправленіи его нуждъ по деревнямъ. Переписку графини Зубовой и ся людей не свидѣтельствовать. Сіону быть при графѣ Суворовѣ, яко воспитателю его сына, не возвращать, но другимъ никому къ графу пріѣздъ не дозволять».

25-го августа, городничій доносилъ: «Ничего не случилось, кромѣ разговора, состоящаго въ томъ, что графъ племянницу свою, которая пріѣхала изъ Петербурга съ его дочерью, дѣвчину Евпраксію Раевскую, выдастъ въ замужество за Боровицкаго помѣщика, капитанъ-лейтенанта Александра Румянцова, и дастъ въ приданое изъ своего имѣнія сто душъ, но съ тѣмъ, чтобы жить ему Румянцову, въ домѣ его сіятельства»; а отъ 1-го сентября повторилъ: «Суворовъ ожидаетъ разрѣшенія о дозволеніи будущему мужу его племянницы жить съ нимъ».

По доказаніи о семъ до свѣдѣнія государя, 26-го сентября, послѣдовала резолюція: «Сватъба сія не должна быть запрещена, равномѣрно и пребываніе ихъ при графѣ».

Но полицейскій надзоръ или не вполнѣ удовлетворялъ требованіямъ, или его признали нужнымъ усилить, только князь Куракинъ, собравъ справки о разныхъ сосѣдяхъ графа Суворова и избравъ

ихъ отправлять и откуда брать прогоны». Изъ этого можно заключить, что тюремщики Суворова смотрѣли на него, какъ на опаснаго заговорщика.

одного изъ нихъ, помѣщика, отставнаго коллежскаго совѣтника Феоктиста Афонасьевича Долгово-Сабурова, имѣвшаго въ 50-ти верстахъ отъ Боровичей 300 душъ крестьянъ, предложилъ ему имѣть секретный приемътъ за Суворовыемъ. На это достойный помѣщикъ, письмомъ отъ 14-го августа, отвѣчалъ генераль-прокурору, что по слабости здоровья, давнишнею чахоткою изнуреннаго, онъ не въ состояніи исполнить возложеннаго на него порученія, а что это правда— подтвердить и губернаторъ.

Императоръ Павелъ, по выслушаніи объ этомъ доклада, 4-го сентября, повелѣлъ: «Надзирать за графомъ Суворовыемъ поручить г. Николеву, который за нимъ былъ отправленъ, предписывая ему надзираніе сіе чинить наѣздами».

Николева командировали въ Боровичи, куда онъ и прибылъ 22-го сентября.

Въ «Чтепіяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1862 года, кн. IV напечатана «Секретная инструкція отправленному по Высочайшему повелѣнію въ Боровичи коллежскому ассессору Николеву для надзиранія за Суворовыемъ»¹⁾. Но

¹⁾ Инструкція эта слѣдующаго содержанія: «По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, опредѣляется генераль-фельдмаршаль графъ А. В. Суворовъ-Рымникскій въ житѣ въ деревняхъ его, состоящихъ въ Новгородской губерніи, въ Боровичскомъ уѣздѣ. На каковой конецъ, вслѣдствіе Его Императорскаго Величества соизволенія, и имѣете вы отпраffиться въ онъ городъ Боровичи, и жити тамо для надзиранія объ образѣ его жизни, поведеній и вообще всякаго рода поступкахъ, о коихъ увѣдомлять меня еженедѣльно, со всякою подробностью. Правила при семъ надзираніи предписываются вамъ слѣдующія: 1) Сколько возможно скрывать отъ него самого и его окружающихъ, что предметъ пребыванія вашего тамъ есть порученное вамъ надзираніе, а также вѣдавать знать о томъ никому, отводя всякую догадку собственными своими дѣлами, имѣющимися якобы по судебнѣмъ мѣстамъ, или каковыемъ-либо торговлямъ, или посторонними препорученіями. 2) Всемѣрно стараться вѣдать, отъ кого будетъ онъ имѣть посѣщенія, съ какимъ намѣреніемъ, въ чемъ онъ съ посѣщателями, или порознь, будетъ упражняться, какіе разговоры произнесены будутъ, и не произойдетъ ли каковыхъ-либо разыскокъ, отъ кого, куда, чреезъ кого, когда и зачѣмъ? Исключеными же изъ службы майорамъ Аянтигу и Грессеру, ротмистру князю Четвертинскому и подобнымъ свиты графа Суворова сношеніе и свиданіе запрещается, кромѣ майора Сиона, при сыне его находящагося. 3) О письменномъ его самаго и находящихся при немъ производствѣ наблюдать наи-

инструкція эта Высочайше утверждена не была. Николеъ при отъѣздѣ просилъ инструкціи. Князь А. Б. Куракинъ поручилъ Александру Семеновичу Макарову «изготовить надлежащую инструкцію» и повелѣніе о командировкѣ Николея записать въ списокъ секретныхъ указовъ. Инструкція была поднесена на монаршее возврѣніе 26-го сентября, при чёмъ исправлялось повелѣніе: оставаться ли

стражайше, въ чёмъ оно состоять будеть, чрѣзъ кого именно и гдѣ, а особливо имѣть въ неусыпной бдительности переписку писемъ, въ домъ его присыаемыхъ, какими-бы-то путями не было. Для лучшаго въ семъ случаѣ успѣха предписано отъ начальства, съ одной стороны, почтмейстеру Боровичской почтовой конторы изъ дому его приносимыя и по почтѣ приходящія въ ту контору, въ домъ къ нему слѣдующую, письмы присыпать, чрѣзъ городничаго, къ вамъ, а съ другой—тамошнему земскому исправнику, въ небытность вашу въ уѣздѣ, наблюдать и извѣщать васъ, чрѣзъ того же городничаго, какъ о письмахъ, съ нарочными присыпаемыхъ и отсыпаемыхъ, такъ и о посѣщеніяхъ и упражненіяхъ, для чего и нужно напередъ свидѣться вамъ со исправникомъ лично и объясниться обо всемъ. Вы же, получая извѣстія, должны стараться достигнуть о томъ близайшихъ свѣдѣній, и все доставлять ко мнѣ въ означенное обѣ увѣдомленіяхъ времія. Изъ сего исключается переписка дочери его и ея приближенныхъ, которая, по Высочайшему повелѣнію, есть свободная. 4) Если же бы вы, противу всякаго чаянія и ожиданія, примѣтили и подлинно удостовѣрились хотя о пѣкоторыхъ обстоятельствахъ, выше замѣчаніе заслуживающихъ, и подозрѣніе возбуждающихъ словахъ, дѣяніяхъ, перепискахъ, разсыпахъ и постороннихъ пріѣздахъ, то, не теряя времени, присыпать ко мнѣ увѣдомленіе съ нарочными, или со штафетою, и объяснить тотъ случай, или приключеніе, съ такой подробностью и доводами, чтобы никакого уже тутъ не было сомнѣнія и затруднительности. 5) А дабы преподать вамъ и способъ къ самому точному сего предписанія исполненію, то поручено отъ меня боровичскому городничему дѣлать вамъ всевозможныя пособія тамъ, гдѣ вамъ настоять будетъ невозможность и препоны къ исправленію повелѣнія. 6) Впрочемъ, будучи вы съ пѣкотораго времени ему самому знакомы, должны стараться всевозможнымъ образомъ сохранить къ нему должное почтеніе, и не подать ни малѣйшаго повода ни ему, ни приближеннымъ его, или домашнимъ людямъ, къ неудовольствію, во паче оказывать ласку и доброхотство. А потому, когда бы онъ, графъ Суровоъ, вознамѣрился куда-нибудь поѣхать въ гости, или на посѣщеніе кого-либо, то представлять ему утивымъ образомъ что, по теперешнему положенію его, того дѣлать не можно; если же бы онъ оказалъ тутъ свое усиленіе, то объявить ему о семъ Высочайшую Его Императорскаго Величества волю, и потому отказать на отрѣзъ, и меня увѣдомить».

Вынномскому при Суворовѣ. Императоръ Павель повелѣть соизволилъ: «Боровицкому городничему оставаться при его должностіи, а смотрѣніе за графомъ Суворовыи имѣть коллежскому асессору Николеву, которому особой инструкціи не давать, а предписать ему, чтобы онъ увѣдомлялъ о всѣхъ дѣйствіяхъ и упражненіяхъ графа Суворова».

22-го сентября, Вынномскій сдѣлалъ послѣднее донесеніе: «Вчера плахтичъ Красовскій, управляющій имѣніями Суворова, привезъ брилліантовыя вещи и оброку 3.000 р. и отдалъ графу, и отправленіе обратно въ экономію. Графиня Зубова, графскій сынъ Суворовъ, дѣвица Раевская и маюра Сиона жена вчера отправились въ Петербургъ. Здоровье графа въ прежнемъ положеніи, но самъ графъ говорить, что слабъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Вынномскій представилъ присланное на имя графа Суворова письмо маюра Антинга изъ Петербурга.

Отъ того же 22-го сентября, сдѣлалъ свое первое донесеніе и Николевъ. Отрапортовавъ о пріѣздѣ своемъ въ Кончанскоѳ 20-го сентября и выѣздѣ дѣтей Суворова со свитою въ Петербургъ 21-го сентября, въ ночь, онъ описалъ образъ жизни и встрѣчу съ Суворовыи слѣдующими словами: «Графа нашелъ въ возможномъ, по лѣтамъ его, здоровъ, ежедневныя его упражненія суть слѣдующія: встаетъ до свѣта часа за два, напившись чаю, обмывается холодной водою, по разсвѣтѣ ходить въ церковь къ заутренѣ и не выходитъ слушаетъ обѣдню, самъ поетъ и читаетъ; опять обмывается, обѣдаетъ въ 7 часовъ, ложится спать, обмывается, слушаетъ вечерню, умывается раза три и ложится спать. Скоромнаго не єсть, во весь день бываетъ одинъ, и по большей части безъ рубашки, разговаривая съ своими людьми; одежда его въ будни канифасный камзолчикъ, одна нога въ сапогѣ, другая въ туфлѣ, въ высокоторжественные дни — фельдмаршалскій безъ шитья мундиръ и ордена, въ воскресные и праздничные дни — военная егерская куртка и каска.

«По свиданіи со мною, встрѣтилъ меня печальнымъ видомъ, спрашивая: «откуда я пріѣхалъ?» Я сказалъ, что проѣздомъ въ Тихвинъ заѣхалъ, на что онъ мнѣ сказалъ: «я слышалъ, что ты пожалованъ чиномъ, правда и служба большая, все служилъ, выслужилъ... улыбаясь повторилъ: продолжай эдакъ поступать, еще наградятъ». Я въ отвѣтъ ему сказалъ, что исполнять волю монаршую первыйшій долгъ всякаго вѣрноподданаго; онъ на сіе мнѣ отвѣ-

чаль: «я бы сего не сдѣлалъ, а сказался бы больнымъ». Но какъ я ему сказалъ, что крайне удивляюсь, слыша отъ него такие соѣтвы, то и замолчалъ, и я тотчасъ вышелъ вонъ. На другой день, даже до сегодня уже гораздо нашелъ его спокойствіе и ласковѣ, а по причинѣ графинина отѣзда много плакалъ и сказывался больнымъ, признавая въ себѣ во многихъ членахъ припадки паралича, но ни мною, и никѣмъ здѣсь оные не видимы и не приѣчены. Шляхтичъ Красовскій сей день въ Кобринъ отправленъ, осмотрѣть и съ графомъ не видавшись».

Въ заключеніи Николеъ повѣствовалъ: «Позвольте, ваше сіятельство, объяснить невозможность въ здѣшнемъ мѣстѣ имѣть за графомъ надлежащій присмотръ, поелику живеть онъ одинъ въ избѣ, удаленной отъ селенія, подъ церкви, гдѣ приставнику помѣститься негдѣ, домъ же его такъ ветхъ, что осеню и зимой нельзя въ немъ жить, всесчно окружено бываетъ своими людьми, изъ коихъ самые близкайшіе: камердинеръ и два солдата отставныхъ, люди непокорливые и нетрезвые и имѣвъ въ повелѣніи свою тысячу душъ король, изъ коихъ весьма малое число по-русски худо разумѣютъ, а посему почти возможности нѣть усмотрѣть, чтобы онъ не могъ тайно отправить отъ себя кого съ письмами, или для другого чего, также и на оныя отвѣты получить, а по неимѣнію здѣсь никакой команды обѣи могущихъ случившихъ каковыхъ происшествіяхъ донесеній доставлять не съ кѣмъ и не начѣмъ. А посему всепокорнѣйше прошу ваше сіятельство оказать милость въ разсужденіе вышеписанныхъ обстоятельствъ снабдить меня вашимъ повелѣніемъ, или для личнаго объясненія позволить мнѣ быть въ Петербургъ, дабы въ невыполненіи порученнаго мнѣ не отвѣтствовать».

Въ свою очередь, и Суворовъ, озабоченный прѣездомъ Николея и опасаясь еще большихъ стѣсненій, 20-го же сентября, рѣшился обратиться къ императору Павлу съ слѣдующимъ письмомъ:

«Всемилостивый государь!

«Ваше императорское величество съ высокоторжественнымъ днемъ рождения всеподданнѣйшій поздравляю.

«Сего числа прѣѣхалъ ко мнѣ коллежскій совѣтникъ Николеъ. Великій монархъ! Сжалътесь: умилосердитесь надъ бѣднымъ старикомъ. Простите ежели въ чемъ согрѣшилъ.

«Повергая себя къ освященнѣйшимъ стопамъ вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій.

Г. А. Суворовъ-Рымникскій».

«20-го сентября 1797 года
«Боровичская деревня».

По докладѣ этого письма, 28-го сентября, императору Павлу, государь повелѣлъ «оставить безъ отвѣта».

10-го октября, князь Куракинъ докладывалъ государю о донесеніи Николева, но прямодушный Павелъ не согласился на предложенные мѣры, повелѣвъ: «растолковать Николеву, что онъ опредѣляется къ графу Суворову для надзора за нимъ непримѣтнымъ образомъ, слѣдовательно, сій намѣренія имъ смотрѣть г. Николева остановить». Вмѣстѣ съ тѣмъ докладывались присланыя губернаторомъ, полученные съ почты письма на имя Суворова и камердинера его Прохора Иванова отъ Сиона о дѣлахъ вотчинныхъ. Всѣю: возвратить ихъ Суворову.

Такимъ образомъ, стремленія надсмотрщиковъ съузить до крайнихъ предѣловъ и безъ того тѣсный кругъ свободы опального фельдмаршала были парализованы. Рвение ихъ смѣнилось полнѣйшей индифферентностью. Еженедѣльныя донесенія Николева приняли стереотипную форму: «графъ здоровъ, упражненія все тѣ же». Изрѣдка они иллюстрировались дополненіями: «графъ грустить, не имѣя извѣстій отъ дочери», или: «получа отъ дочери письмо, крайне бывъ обрадованъ».

Дни Суворова потекли спокойнѣе; уединенный отъ всего, что человѣку дорого и мило, онъ вель жизнь отшельника; изба и церковь, и изрѣдка деревня, дворовые люди и крестьяне, короли, языки которыхъ онъ сталъ изучать, замѣнили ему и дворъ, и общество, и свиту, и, наконецъ, обаяніе власти. Человѣкъ, по одному слову котораго шли въ огонь и умирали тысячи людей, теперь былъ одинъ, заброшенный въ лѣсную глушь Прюнѣжья, сосредоточенный въ самомъ себѣ, и только въ самомъ себѣ почерпавшій силы на дальнѣйшую борьбу съ несчастіемъ, которое не могло его сокрушить.

5-го октября, Суворовъ сильно ушибся, набѣжалъ ночью на лежавшую собаку, а въ декабрѣ у него болѣли ноги. Доктора не приглашали.

7-го октября, было получено съ почты на имя Суворова письмо изъ Пешта отъ барона Карабая, которымъ онъ просилъ увѣдомленія о здоровъ фельдмаршала. Письмо это представлено государю, и, по его повелѣнію, переписка съ Карабаемъ прекращена.

15-го ноября, въ избѣ, гдѣ жилъ Суворовъ, учинился пожаръ, отъ сѣбѣлнаго въ съняхъ очага, но скоро потушенъ. Избу поправили, и Суворовъ остался въ ней.

Въ образѣ жизни его перемѣнъ почти не было. Все, что Николевъ считалъ нужнымъ довести до свѣдѣнія правительства, заключалось въ слѣдующемъ: «теперь, ежедневно поутру и послѣ обѣда поеть духовные концерты, въ праздники болѣе мундира не надѣвается, а бываетъ въ обыкновенномъ своемъ бѣломъ канифасномъ камзолчикѣ, съ орденомъ св. Анны на шеѣ». О характерѣ Суворова Николевъ сообщалъ: «графъ ежедневно становится сердитѣе и не проходитъ почти ни одного дня, чтобы кого изъ людей своихъ не побилъ, даже и въ самый день праздника Рождества Христова, за обѣдней, при всѣхъ дворецкому своему даль пощечину. На меня (Николева), разсердился крайне за то, что я разговорился съ нимъ, ошибкою сказавъ ему «вы», а не «ваше сіятельство» ¹⁾».

Сношенія его съ виѣнніемъ міромъ ограничились посылкою въ ноябрѣ дворецкаго въ Петербургъ. По докладу о семъ Государю, приказано «взять выправку: къ кому и зачѣмъ пріѣхалъ». Оказалось, что дворецкій пріѣзжалъ къ графу Зубову по дѣлу о взносе взыскиваемыхъ въ казну денегъ.

Попытался было Николевъ завести опять рѣчь о трудности надзора. «Здѣсь, доносилъ онъ, отъ 4-го октября, князю Куракину:— между его людьми идѣть слухъ, что онъ собирается уѣхать въ Петербургъ, а какъ я и прежде доносилъ вашему сіятельству, что графъ живеть одинъ въ отдаленой отъ селенія избѣ, почему и не трудно ему сіе исполнить, равно и тайно кого съ письмами отпра вить, а посему всепокорѣйше прошу ваше сіятельство снабдить меня на сей случай вашимъ приказаниемъ, дабы мнѣ за сіе не отвѣтствовать. Отъ меня же бурмистру здѣшнему наистрѣжайше подтверждено, чтобъ онъ какъ лошадей, такъ и людей, не сказавъ мнѣ, не давалъ». Но донесеніе это осталось безъ отвѣта.

¹⁾ Допесенія отъ 7-го октября, 10-го ноября, 28-го декабря 1797 года и 11-го января 1798 года.

Въ октябрѣ, пріѣзжалъ къ Суворову изъ Москвы гонецъ съ письмомъ отъ жены его, графини Варвары Ивановны, въ которомъ она просила обѣ уплатѣ за нее долга 22.000 руб. и назначеніи ей содержанія, такъ какъ она не имѣла болѣе возможности жить у брата своего, князя Прозоровскаго¹). Извѣстно, что Суворовъ жилъ въ большихъ неладахъ съ женой и даже неоднократно возбуждалъ дѣло о разводѣ съ ней, обвиняя въ нарушеніи супружеской вѣрности, и потому гонецъ былъ отправленъ обратно съ словеснымъ отъ графа отвѣтомъ, что «онъ самъ долженъ, а посему и не можетъ ей помочь, а впредь будетъ стараться». Письмо это представлено Николе-

¹) Письмо это слѣдующаго содержанія: «Милостивый государь мой, графъ Александръ Васильевичъ. Крайность моя принудила безпокойтъ вѣсть мою просью; тридцать лѣтъ я ницѣмъ вѣсть не беспокоила, воспитывая нашего сына въ страхѣ Божіемъ, внушала ему почтеніе, повиновеніе, послушаніе, привязанность и всѣ сердечныя чувства, которыми онъ обязанъ къ родителямъ, надѣясь, что Богъ столь милосердъ, преклонить ваше къ добру расположение сердце къ вашему рожденію; вы, вида дѣтей, да и дѣтей нашихъ вспомните и несчастной ихъ мать, въ какомъ она недостаткѣ, получая въ разные годы и разную малую пенсию, воспитывала сына, вошла въ долгъ до 22.000 рублей, обѣ которыхъ прошу сдѣлать милость заплатить. Не имѣю дома, экипажу, услуги и къ тому принадлежащее къ домашней всей генеральной надобности, живу у брата и у благодѣтеля и отца моего, который подкрѣпляетъ мою жизнь своими благодѣяніями и добродѣтелями. Но уже, милостивый государь мой, пора мнѣ его оставить отъ оной тягости съ покоемъ, ибо онъ человѣкъ дѣловой, хотя я и виду отъ него не имѣю никакого противнаго, однако, чувствую сама каково долгъ имѣть на себѣ. А государю императору угодно, чтобы всѣ долги платили, то брагъ мой и продаѣтъ свой домъ, и такъ разсуди милостиво при дряхлости и старости, каково мнѣ прискорбно, не имѣть себѣ, пристанища вѣрнаго и скитаться по чужимъ угламъ; войдите, милостивый государь мой, въ мое состояніе, не оставьте мою просьбу, сплѣдите всѣмъ вышеписаннымъ моимъ прошеніемъ. Еще скажу вамъ, милостивый государь, развязите мою душу, прикажите дочери нашей меня несчастной мать знать, какъ Богомъ узаконено, въ чемъ надѣюсь, что великодушно поступите во всемъ моемъ прошеніи, о чемъ я есенискренне прошу васъ, милостивый государь мой, остаюсь въ надеждѣ неоставленія твоей ко мнѣ милости.

«Милостивый государь мой, всепокорная жена ваша графиня
«Варвара Суворова Рымникская.

«Октября 1-го дня
«1797 года.

вымъ князю Куракину, при докладѣ, что приказъ человѣку сказать черезъ графскаго камердинера, а человѣкъ графа не видаль¹⁾.

По докладѣ обѣ этомъ государю, послѣдовало повелѣніе: « сообщить графинѣ Суворовой, что она можетъ требовать съ мужа по законамъ». Графиня отвѣчала князю Куракину, что она не знаетъ куда подать прошеніе, что нужды ея состоять не въ одномъ долгѣ 22.000 р., но и въ томъ, что она не имѣть собственнаго дома и ничего потребнаго для содержанія себя и что, наконецъ, она была бы совершенно счастлива и благороднѣнно проводила бы остатки дней своихъ, если бы могла жить въ домѣ своего мужа съ 8.000 рублей годового дохода. Императоръ Павелъ потребовалъ справку обѣ имѣніяхъ графа Суворова. По доставленіи графомъ Д. И. Хвостовыемъ свѣдѣній²⁾, 26-го ноября высочайше повелѣно объявить Суворову, чтобы онъ исполнилъ желаніе его жены.

Повелѣніе это сообщено Суворову Николевымъ 6-го января 1798 года, и онъ тотчасъ вручилъ ему, для отсылки къ графу Н. А. Зубову, записку слѣдующаго содержанія: «Г. кол. ассесоръ Ю. А. Николевъ, чрезъ князя Куракина, мнѣ высочайшую волю объявилъ, по силѣ сего графинѣ В. И. прикажите отдать для пребыванія домъ и ежегодно отпускать ей по 8,000 рублей, примите ваши мѣры съ Д. И. Хвостовыемъ. Я вѣдаю, что г. В. много должна, мнѣ сіе постороннѣе».

Междудѣмъ тѣмъ политическія событія въ Европѣ шли своимъ чедомъ и день ото дня становились серьезнѣе. Французы, отторгнувъ у Австрии Нидерланды и Италию, присоединенныя по Камп-Формійскому договору къ Франціи, проникли въ Германію и, не дожидаясь окончанія конгресса въ Раштадтѣ, наложили руку на Римъ и Швейцарію. Успѣхи эти заставили императора Павла склониться къ мысли о заключеніи союзовъ для борьбы съ Франціей. Пока разыгрывалась и осуществлялась, въ формѣ договоровъ, задуман-

¹⁾ Донесеніе отъ 14-го октября.

²⁾ По сему свѣдѣнію у Суворова находилось: имѣній родовыхъ 2080 душъ, пожалованныхъ 7000 душъ, всего 9080 душъ, оброку съ нихъ 50,000 рублей, каменный домъ въ Москвѣ стоять 12,000 р. Пожалованныхъ алмазныхъ вещей на 100,000 рублей. Долгъ на графѣ Суворовѣ: въ Воспитательномъ Домѣ 10,000 рублей, графу Апраксину 2,000 рублей, князя Шаховскому 1,900 рублей, Обрѣзкову 3,300 рублей, всего 17,200 рублей. Графинѣ Суворовой выдавалось ежегодно по 3,000 рублей. Предназначено въ подарокъ: графу Зубову 60,000 рублей, Арсеньевой—30,000 рублей.

нам идея, государь внезапно пожелалъ увидѣть непобѣдимаго дотолѣ вождя и пригласить его на службу.

12-го февраля 1798 года, генераль-прокурору князю Куракину данъ указъ слѣдующаго содержанія: «Генераль фельдмаршалу графу Суворову-Рымникскому всемилостивѣйше дозволяя прѣѣхать въ Петербургъ, находимъ пребываніе коллежскаго ассесора Николева въ Боровицкихъ деревняхъ не нужнымъ. Пребываюши благосклонны. Павель».

14-го февраля, прѣѣхалъ въ Кончанское флигель-адъютантъ, полковникъ князь Горчаковъ, съ высочайшимъ повелѣніемъ Суворову быть въ Петербургѣ.

Престарѣлый фельдмаршаль не только не обрадовался полученному отъ государя приглашенію, но даже отказывался ѿѣхать въ Петербургъ, отговариваясь старостью и плохимъ здоровьемъ. Лишь послѣ долгихъ и настоятельныхъ убѣжденій князя Горчакова, старикъ отправился въ путь на своихъ лошадяхъ и ѿѣхалъ не торопясь, какъ говорится, на долгихъ. Императоръ между тѣмъ нетерпѣливо ожидалъ съ нимъ свиданія и по нѣскольку разъ въ день присыпалъ узнавать: не прїѣхалъ ли Суворовъ?

Принятый Павломъ, по прїѣздѣ въ Петербургъ, въ кабинетѣ, Суворовъ находился тамъ съ глазу на глазъ съ государемъ болѣе часа. Государь остался недоволенъ свиданіемъ, какъ оказалось впослѣдствіи изъ собственныхъ его словъ князю Горчакову. Онъ говорилъ Суворову о заслугахъ, которыя онъ можетъ оказать еще отечеству и ему, и наводилъ его на то, чтобы онъ попросился въ службу, а Суворовъ начинаетъ рассказывать про штурмъ Измаила. Государь слушаетъ и снова наводить рѣчь на свое, а Суворовъ разсуждаетъ о Прагѣ, или объ Очаковѣ. Приглашенный къ разводу, Суворовъ оказывалъ явное невниманіе: то отворачивался отъ проходившихъ взводовъ, то шутилъ надъ окружающими, и, наконецъ, сказавшись больнымъ, уѣхалъ, не дождавшись конца развода.

Государь посыпаетъ князя Горчакова узнать: что значить все это? Суворовъ отвѣчаетъ: «инспекторомъ я былъ въ генераль-маиорскомъ чинѣ, а теперь уже поздно опять идти въ инспекторы. Пусть сдѣлаютъ меня главнокомандующимъ, да дадутъ мнѣ прежній мой штабъ, да развязутъ мнѣ руки, чтобы я могъ производить въ чины, не спрашиваясь, тогда пожалуй пойду на службу. А не то лучше назадъ, въ деревню, я старъ и дряхлъ, хочу въ монахи»... Князь Горчаковъ не могъ доложить этихъ словъ государю и передалъ, что

Суворовъ былъ очень смущенъ въ присутствіи его величества и крайне сожалѣть о своемъ неловкости.

Проживъ въ Петербургѣ около трехъ недѣль, знаменитый полководецъ бывалъ у высочайшаго стола, бывалъ на разводахъ, но чудилъ попрежнему и въ службу не просился. Императоръ обращался за объясненіями къ князю Горчакову, тотъ ъздила къ Суворову и привозилъ государю отвѣты своего собственного вымысла.

Наконецъ, однажды въ разговорѣ съ государемъ, Суворовъ прямо попросилъ, чтобы его отпустили въ деревню, на отдыхъ, и государь съ видимымъ неудовольствіемъ отпустилъ его ¹⁾.

«Упрямый чудакъ» вернулся въ свое негостепріимное Кончанскоѳ, гдѣ и жилъ до февраля 1799 года, когда, по настоянію англійскаго и австрійскаго дворовъ, императоръ Павелъ снова вызвалъ его въ Петербургъ и поставилъ во главѣ побѣдоносныхъ войскъ, пред назначеныхъ «спасать народы и царей».

¹⁾ «Суворовъ», ст. гр. Д. А. Милитина «Русскій Вѣстникъ» 1856 года, книга 6.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ

II

ОБЕРЪ-ВАГЕНМЕЙСТЕРЪ СОЛОМКА.

БОНЧИВЪ борьбу съ Наполеономъ и умиротворивъ Европу, императоръ Александръ I возымѣлъ намѣреніе ближе ознакомиться съ внутренней жизнью, нуждами и потребностями своего народа, и съ этой цѣлью неоднократно предпринималъ путешествія по имперіи. Такимъ образомъ, въ 1817 году, совершилъ онъ поѣзdkу по центральной Россіи; въ 1819 году, въ Петрозаводскъ и Архангельскъ, а оттуда въ Торнео и Финляндію; въ 1820 году, государь снова путешествовалъ по Россіи, и затѣмъ отправился въ Варшаву; въ 1822 году, обозрѣвалъ Псковскую и Витебскую губерніи и былъ въ Вильнѣ; въ 1824 году, посѣтилъ губерніи: Псковскую, Смоленскую, Калужскую, Тульскую, Рязанскую, Тамбовскую, проѣхалъ въ Пензу, обозрѣлъ Оренбургскій край, Екатеринбургъ, Вятку, Вологду и Новгородъ; въ 1825 году, наѣхствѣлъ Ригу и Ревель, и незадолго передъ кончиной осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ землю войска Донскаго и Крымъ.

Въ путешествіяхъ государю сопутствовали постоянно: генералъ-адъютантъ князь П. М. Волконскій, лейбъ-медикъ баронетъ Вилліе и полковникъ А. Д. Соломка, иногда—баронъ И. И. Дибичъ и другія лица.

Аѳанасій Даниловичъ Соломка поступилъ на службу въ главный штабъ его императорскаго величества въ 1815 году, а въ 1818 году былъ назначенъ на должность оберъ-вагенмейстера, и въ этомъ званіи

неизмѣнно сопровождалъ государя во всѣхъ его путешествiяхъ, какъ по Россiи, такъ и за границею. Это былъ честный, прямой и преланный слуга, находившiйся постоянно при особѣ царя и готовый, по его мановенiю, идти въ огонь и воду. Императоръ Александръ I высоко цѣнилъ подобную преданность и, съ своей стороны, оказывалъ ему полное довѣрiе и дружбу. Какъ близкому лицу, онъ поручалъ ему принимать подаваемыя на высочайшее имя прошенiя, вести имъ подробный журналъ и лично докладывать по нимъ. Наиболѣе же рельефное значенiе приобрѣтала служба Аѳанасiя Даниловича во время путешествiй государя.

Изстари путешествiе государя составляло эпоху для народа. Объявленное заблаговременно, оно дѣлалось извѣстнымъ въ отдаленныхъ уголкахъ назначеннiй къ обозрѣнiю мѣстности и волновало ихъ. По всему пути, гдѣ долженъ быть проѣхать государь, собирались массы городскаго и сельскаго люда, въ особенности много стекалось народу въ мѣстѣ остановокъ царя для отдыха или дневокъ. Одни приходили взглянуть на батюшку царя, пожелать ему всякаго счастiя и благословить на дальнѣйшiй путь; другiе же шли повергнуть къ стопамъ монарха просьбу о защитѣ или помощи, повѣдать свои кручини и нужды.

Съ этими то кручинами и нуждами приходилось вѣдаться дѣвренному оберъ-вагенмейстеру и немало было ему съ ними дѣла. Императоръ Александръ I придавалъ особенное значенiе личному обращенiю къ нему подданныхъ съ прошенiями, вникаль въ сущность ихъ и старался, по возможности, удовлетворять ихъ. Онъ желалъ, чтобы прошенiя принимались вездѣ, во всякое время и отъ всѣхъ, безъ различiя пола, возраста и состоянiя. Если государственные дѣла мѣшиали ему заняться прiемомъ прошенiй самому, то онъ поручалъ это Аѳанасiю Даниловичу, приказать ему разъ навсегда: подаваемыя прошенiя при прiемѣ прочитывать и, если окажется нужнымъ, то тутъ же, на мѣстѣ, и дополнять ихъ опросомъ и объясненiями просителей. Затѣмъ онъ долженъ былъ занести ихъ въ журналъ и непремѣнно въ тотъ же день повергнуть на монаршее воззрѣнiе. По полученiи же резолюцiи тотчасъ сдѣлать исполненiе. Замедленiй государь не допускалъ. Онъ самъ занимался неустанно, прочитывая нужные бумаги или доклады даже во время пути, въ колесѣ. Резолюцiи его по дѣламъ, зависѣвшимъ отъ непосредственнаго монаршаго благоусмотрѣнiя или милости, въ тотъ же день сообщались просителямъ. По дѣламъ же, требовавшимъ справокъ или

заключеній начальствующихъ лицъ и правительственныхъ учреждений, писалось подлежащимъ властямъ, съ обязательствомъ доставить по нимъ исполнительное донесеніе въ наикратчайший срокъ (обыкновенно двухнедѣльный или мѣсячный). За исполненіемъ этого государь наблюдалъ лично, просматривая въ журналѣ отмѣтки о времени исполненія предписаній, — и горѣ тому, кто осмѣялся бы стать между просителями и царемъ, хотя бы даже неумышленно. Нижеслѣдующій случай, произшедший съ Аѳанасіемъ Даниловичемъ, во время путешествія государя по сѣверу Россіи, можетъ служить яснымъ доказательствомъ тому, что малѣйшее уклоненіе отъ данныхъ царемъ инструкцій не проходило даромъ: виновный наказывался болѣе, чѣмъ строго.

Поѣздъ царскій обыкновенно слѣдовалъ такимъ порядкомъ. Впереди коляска государя, затѣмъ экипажъ оберъ-вагенмейстера, далѣе коляски свиты, лейбъ-медика и другихъ лицъ. Ночью же впереди Ѣхъ экипажъ оберъ-вагенмейстера, съ козакомъ Овчаровымъ на козлахъ, имѣвшимъ въ рукахъ особый освѣтительный аппаратъ, и за нимъ уже коляска государева и свитскіе экипажи.

Поѣздка на сѣверъ Россіи продолжалась съ 4-го іюля по 25-е августа. Въ Петрозаводскѣ, по расписанію, назначена была дневка. Прибыли туда въ сырую, ненастную погоду. Громадная толпа народа, въ надеждѣ увидѣть императора, не смотря на проливной дождь, стояла подъ окнами дома, гдѣ онъ остановился, и ждала его появленія. Пока государь переодѣвался, Аѳанасій Даниловичъ, по его порученію, приступилъ къ прѣму отъ просителей прошений. Мѣстныя власти, желая услужить царскому приближенному, распорядились подостлать ему подъ ноги нѣсколько досокъ, и хлопотунъ оберъ-вагенмейстеръ, стоя на нихъ, опрашивалъ просителей и заносилъ ихъ отвѣты въ памятную книжку. Государь, подойдя къ окну, замѣтилъ, что уполномоченное имъ для принятія прошений лицо стоитъ на деревянномъ помостѣ, а окружающіе его просители вязнутъ въ грязи. Это ему не понравилось; онъ отошелъ отъ окна и въ волненіи прошолся нѣсколько разъ по комнатѣ, но никакихъ замѣчаній не сдѣлалъ. Подойдя же черезъ нѣсколько минутъ снова къ окну, онъ увидѣлъ, что Аѳанасій Даниловичъ прекратилъ прѣмъ прошений, не обративъ вниманія на то, что невдалекѣ отъ него стоялъ какой-то не то больной, не то сильно взволнованный бѣднякъ, явно имѣвший нужду въ помощи. Это окончательно прогнѣвило государя, и онъ приказалъ позвать къ себѣ своего довѣренного слугу.

— Скажите мнѣ, пожалуйста,—встрѣтилъ Александръ Павловичъ явившагося къ нему оберъ-вагенмейстера:—зачѣмъ я вѣсъ вожу съ собою...¹⁾ какъ куклу, или для исполненія моихъ приказаній?

Полковникъ Соломка, не зная причины гнѣва государя, оторопѣлъ и ничего не могъ отвѣтить.

— Что вы,—горячился между тѣмъ государь:—принимая прошенія, оказываете свои личныя милости, или служите мнѣ и исполняете мою волю? Вы позволили себѣ потребовать подъ ноги подстилку, чтобы стоять съ удобствомъ и комфортомъ, а люди, пришедши ко мнѣ съ просьбами, должны вязнуть въ грязи! Вы такъ высоко себя поставили, что, вамъ кажется, иначе и быть не должно, тогда какъ вамъ небезъизвѣстно, что мое расположеніе одинаково ко всѣмъ, какъ къ людямъ, близко стоящимъ ко мнѣ, такъ и къ тѣмъ, которые вонъ тамъ вязнутъ въ грязи. Вы знаете, что всѣ мои вѣрноподданные одинаково близки моему сердцу.

— Виновать, ваше императорское величество, что я позволилъ себѣ стать на доски,—отвѣчалъ, собравшись съ мыслями, Аѳанасій Даниловичъ: — но моего приказанія не было, чтобы устроить для меня какія либо удобства; это не что иное, какъ простая любезность со стороны здѣшнихъ властей.

— А что это за личность, стоявшая въ числѣ просителей, блѣдная, блѣдно одѣтая, съ большими, кудрявыми, черными волосами? Вы не могли не замѣтить ее; это, судя по наружности, навѣрно, одинъ изъ наиболѣе нуждающихся. Можете вы доложить мнѣ, кто это и въ чемъ заключается его просьба?

— Государь, этого человѣка я замѣтилъ, но кто онъ такой и въ чемъ заключается его просьба, я сказать не могу, такъ какъ онъ ко мнѣ не подходилъ и просьбѣ никакихъ не заявлялъ.

— Да! вы стояли на подмосткахъ! Вамъ трудно было сойти въ грязь къ нуждающимся, чтобы опросить ихъ и доложить мнѣ обѣ ихъ нуждахъ! — вѣдь такихъ, можетъ быть, много... Позвольте сейчасъ-же отправиться, собрать самыя подробныя свѣдѣнія обѣ этомъ человѣкѣ и немедленно донести мнѣ.

Но «человѣка этого» уже не было, онъ куда то улетучился, и Аѳанасій Даниловичъ долженъ былъ ограничиться собраніемъ о немъ свѣдѣній у мѣстныхъ властей. Оказалось, что это дѣйствительно

¹⁾ Лицамъ, на которыхъ государь гнѣвался, онъ говорилъ уже не «ты», а «вы».

несчастный человѣкъ. Жилъ онъ неподалеку отъ города, въ своей усадьбѣ, въ полномъ достаткѣ, былъ женатъ и имѣлъ пятерыхъ дѣтей. Но нѣсколько времени тому назадъ у него случился пожаръ, усадьба и все имущество сгорѣли. Но что всего ужаснѣе—во время пожара погибла его жена и трое дѣтей. Спасли только двухъ малолѣтковъ, которыхъ и пріютили у себя добрые люди. Утраты эти такъ подѣйствовали на несчастнаго, что онъ впалъ въ болѣзненное состояніе, близкое къ умопомѣшательству, но помочи ни отъ кого принять не хотѣлъ. Подобныя свѣдѣнія ошеломили почтеннаго оберъ-вагенмейстера, и, пока онъ составлялъ всеподданѣйшій докладъ о несчастномъ, государь присыпалъ за нимъ три раза.

— Читайте! — сказалъ императоръ, когда Аѳанасій Даниловичъ представилъ ему докладъ.

— Не могу, государь, — отвѣчалъ трепещущій докладчикъ:— я такъ потрясенъ...

— Читайте! — повторилъ Александръ Павловичъ болѣе строго.

Бѣдный оберъ-вагенмейстеръ окончательно потерялся. У него дрожали руки и рѣбло въ глазахъ, онъ чувствовалъ, что спазмы сдавили ему горло, хотѣлъ что-то сказать, но не могъ выговорить ни одного слова.

— Читайте! я вамъ говорю! — возвысилъ между тѣмъ голосъ разгневанный монархъ, и въ словахъ его звучала нота раздраженія.

Запинаясь и съ разстановками, чуть слышно, едва-едва могъ прочитать Аѳанасій Даниловичъ, царю докладъ о несчастномъ больномъ, сознавая себя въ десять разъ несчастнѣе его.

— Ну, что вы мнѣ на это скажете? — спросилъ его немногого успокоившійся тѣмъ временемъ царь.

— Виновать, ваше императорское величество.

— Виноваты, а онъ-то чѣмъ виноватъ, что вы не исполняете моихъ приказаний! — внушительно возразилъ Александръ Павловичъ и, взявъ перо, положилъ на докладъ резолюцію: «назначить доктора для попеченія о больномъ, дѣтей его помѣстить въ учебныя заведенія и содержать отца до выздоровленія, а дѣтей—до поступленія на службу на счетъ собственныхъ моихъ суммъ. На постройку же усадьбы и обзаведеніе — выдать изъ того же источника пособіе, въ размѣрѣ стоимости сгорѣвшаго имущества».

— А вѣсъ я больше видѣть не могу, — присовокупилъ государь, отдавая Аѳанасію Даниловичу резолюцію свою для исполненія.

На другой день, когда император садился въ экипажъ, полковникъ Соломка, по обязанности своего званія, подошелъ къ экипажу, чтобы помочь государю подняться на подножку; Александръ Павловичъ уклонился отъ услугъ своего опального оберъ-вагенмейстера, замѣтивъ холодно: «вы помните, что я сказалъ вамъ вчера».

Аѳанасій Даниловичъ стушевался. Положеніе его при главной квартирѣ сдѣлалось ненормальнымъ. Онъ исполнялъ обязанности оберъ-вагенмейстера, но къ царю подходить не смѣлъ. Каждый день онъ ждалъ назначенія себѣ преемника, но преемника ему не назначали. Время шло, а обстоятельства не измѣнялись. Такъ близко къ царю, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ далеко отъ него! Сознаніе подобнаго, ничѣмъ необъяснимаго порядка не могло не вліять на впечатлительную натуру честнаго царскаго слуги. Онъ осунулся, похудѣлъ и постарѣлъ до неузнаваемости. Въ особенности гнѣла его мысль, что государь на него еще гнѣвается.—«Душа вся изныла за это время,—говорилъ потомъ Аѳанасій Даниловичъ:—но дѣлать нечего, нужно было терпѣть—и терпѣль».

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Но вотъ наступилъ постъ. Императоръ началъ говѣть. Съ нимъ вмѣстѣ говѣли и близкіе къ нему люди. Аѳанасій Даниловичъ тоже началъ говѣть, но, приходя въ церковь, становился въ алтарѣ и государю не показывался. Передъ исповѣдью Александръ Павловичъ послалъ своего камердинера позвать къ себѣ полковника Соломку и, по приходѣ его въ кабинетъ, государь, по обряду православной церкви, троекратно поклонился ему и просилъ у него прощенія.

— Ваше императорское величество, я также говѣю,—воскликнула, заливаясь слезами, опальный царскій слуга:— ради самого Господа, простите мнѣ мои вольныя и невольныя прегрѣшенія!—и упала царю въ ноги.

— Богъ тебя проститъ, Аѳанасій Даниловичъ,—сказалъ императоръ, поднявъ и поцѣловавъ его:— забудемъ прошлое! я знаю тебя, ты—вѣрный слуга мой, вотъ почему я тебя и не оттолкнулъ отъ себя. Я зналъ, что ты неумышленно сдѣлалъ это, и я, любя тебя, далъ тебѣ урокъ. Никогда не слѣдуетъ пренебрегать въ жизни людьми, которыхъ мы не знаемъ. Но я радъ, что ты доставилъ мнѣ случай исполнить долгъ не только царя, но и христіанина. Теперь все забыто! и ты опять мнѣ такъ же дорогъ, какъ и прежде. Ступай и исполняй свои обязанности, какъ ты исполняешьъ всегда.

Послѣ принятія св. тайнъ государь принималъ поздравленія своихъ близкихъ и свиты. Послѣднімъ подошелъ поздравить его Аѳанасій Даниловичъ. Окружающіе, незнавъ о происшедшемъ на-канунѣ примиреніи, смотрѣли съ любопытствомъ, какъ примѣтъ царь поздравленія своего опального слуги. Удивленію ихъ не было границъ, когда Александръ Павловичъ съ улыбкою протянулъ ему руку, обнялъ и поцѣловалъ, говоря:—«Дважды поздравляю тебя Аѳанасій Даниловичъ, съ принятіемъ св. тайнъ и съ возвращеніемъ прежняго моего къ тебѣ расположенія! Смотри же, постараися оправдать его!»

И преданный слуга оправдалъ его. Болѣе пятидесяти лѣтъ онъ состоялъ на службѣ при главной квартирѣ: сперва въ званіи оберъ, а потомъ генераль-вагенмейстера, и умеръ, заслуживъ признательность и уваженіе трехъ императоровъ: Александра Павловича, Николая Павловича и Александра Николаевича.

«Урокъ», данный ему Александромъ Павловичемъ, не пропалъ безслѣдно: онъ сталъ болѣе чуточъ къ горю и бѣдамъ близняго, и не только старался помогать людямъ, обращавшимся къ нему съ просьбами, но самъ розыскивалъ несчастныхъ и представительство-валъ за нихъ передъ царемъ.

«С к и ф ы».

Путешествія императора Александра I не могли не быть плодо-творны для народа. Извъ дальнихъ уголковъ нашего обширнаго оте-чества рѣдкій изъ нуждающихся, и то въ крайнемъ случаѣ, шелъ въ Петербургъ просить у царя защиты или помощи. Но если «на-дежа-государь» прѣѣжалъ самъ и былъ вблизи отъ нихъ, они всѣ приходили къ нему съ своими слезными грамотками и челобит-ными. Пусть иѣкоторые изъ нихъ просили невозможнаго, но большинство получало отъ щедротъ царя то, зачѣмъ они никогда не дерзнули бы пойти въ далекій, безсердечный Питеръ.

На одной станціи, во время путешествія Александра I по во-сточнымъ губерніямъ Россіи, императоръ имѣлъ отдыхъ. Уставъ съ дороги, онъ прилегъ на диванъ и задремалъ. Оберъ-вагенмей-стеръ Соломка занялся пріемомъ прошений отъ просителей. Окон-чивъ пріемъ, онъ замѣтилъ, что не вдалекъ отъ дома, занимаемаго

императоромъ, стоять два молодыхъ человѣка въ крестьянскихъ армякахъ, весьма подержанныхъ, и въ изношенныхъ лаптяхъ. Въ рукахъ у нихъ были палки, за плечами—котомки. Предполагая, что юноши эти имѣютъ какую либо просьбу къ царю, онъ подошелъ къ нимъ и сталъ разспрашивать: кто они и зачѣмъ тутъ находятся. Молодые люди, снявъ шапки и вѣжливо поклонившись Аѳанасію Даниловичу, отвѣчали, что они—старшіе сыновья сосланного императоромъ Павломъ въ Сибирь Василія Пасека—Леонидъ и Діомидъ Пасеки, узнавъ о проѣздѣ царя, пришли изъ Сибири пѣшкомъ просить по-милованія и пощады своему старику-отцу и ждуть случая подать просьбу государю лично.

— Отчего вы не подошли ко мнѣ, когда я принималъ прошенія отъ другихъ?—спросилъ Соломка.

— Намъ отецъ приказалъ подать прошеніе лично государю, и мы не смѣли преступить его волю, хотя и знали, что вы принимаете прошенія.

— Государь теперь отдыхаетъ, и потому подать ему прошенія теперь невозможно,—отвѣчалъ Аѳанасій Даниловичъ:—но если вы непремѣнно желаете подать ему прошеніе лично, то всего лучше было бы, если бы вы отправились на слѣдующую станцію; тамъ государь будетъ обѣдать и, по всей вѣроятности, приметъ ваше прошеніе.

— Но какъ мы отправимся, когда у насъ ни копѣйки нѣтъ денегъ? Мы и то уже нѣсколько дней пробиваемся по крестьянамъ.

Оберъ-вагенмейстеръ вынулъ изъ кармана бумажникъ и, доставъ оттуда бѣлую ассигнацію, далъ имъ, сказавъ, чтобы они отправились немедленно и были на слѣдующей станціи къ часу дня непремѣнно.

Черезъ нѣсколько времени Аѳанасій Даниловичъ увидѣлъ ихъѣдущими верхомъ на одной лошади и подозрѣвать къ себѣ.

— Что это вы чудите, господа?—спрашиваетъ ихъѣдущими верхомъ.

— Ни чуть ни чудимъ, отвѣчаютъ они, лошади все забраны подъ царскій поѣздъ, и намъ едва-едва удалось раздобыться вотъ этой клячей у крестьянина, за которую мы и заплатили ему вашу бѣлую ассигнацію.

— Да вѣдь вы на ней, пожалуй, опоздаете.

— Что же дѣлать!.. пѣшкомъ идти и вовсе не успѣшь, а на лошади, все-таки, какъ-нибудь доберемся.

— Ну, поѣзжайте съ Богомъ!

На утро царскій поѣздъ обогналъ ихъ на дорогѣ. Государь на ихъ привѣтствіе отдалъ имъ поклонъ и внимательно осмотрѣлъ. На станціи, во время стола, Александръ Павловичъ замѣтилъ, что къ окнамъ столовой комнаты подходили нѣсколько разъ и робко заглядывали въ окна какіе-то крестьяне. Всмотрѣвшись въ нихъ, онъ обратился къ полковнику Соломкѣ и сказалъ:— «Да это, кажется, наши юные скииы, которые давеча утромъ гарцевали по дорогѣ на одной лошади... Выйди къ нимъ, Аѳанасій Даниловичъ, и спроси ихъ, что имъ нужно?»

Оберъ-вагенмейстеръ рассказалъ государю, кто они и какъ онъ распорядился доставить ихъ сюда.

— Дѣло!—сказалъ государь:—ну, поди, позови ихъ ко мнѣ!

Полковникъ Соломка ввелъ юношь. Они бросились къ ногамъ монарха, обняли ихъ руками и, не отнимая прильнувшихъ къ нимъ головъ, съ рыданіями воспили:—Милосердія, государь, милосердія!.. одного только милосердія, государь, къ безвинно пострадавшему старику и его несчастнымъ дѣтямъ!

Картина вышла поразительна. Александръ Павловичъ даже прослезился.

— Встаньте, встаньте!—говорилъ онъ имъ. Я сдѣлаю все отъ меня зависящее, но мнѣ надо разобрать дѣло.

Юноши встали.

— Возвратитесь къ отцу, — продолжалъ растроганный царь:— и скажите ему, что я разсмотрю его дѣло самъ. Въ милостяхъ моихъ онъ сомнѣваться не можетъ... ну, а вѣсъ за то, что вы такъ усердно исполнили отцовскую волю, я велю помѣстить въ учебныя заведенія; повидавшись съ отцомъ, пріѣзжайте въ Петербургъ,— и, обратившись къ Аѳонасію Даниловичу, добавилъ: выдать имъ проходы на проѣздъ къ отцу и оттуда въ Петербургъ.

Въ тотъ же день полетѣлъ фельдъегерь съ запросомъ о старикѣ Пассекѣ и, по получении отвѣта и разсмотрѣніи дѣла, императоръ повелѣлъ возвратить ему дворянство, а также отобранное у него въ казну имѣніе и дозволить ему возвратиться въ Россію. Сыновей его, Леонида и Діомида, принять въ учебныя заведенія, куда окажутся способны, и воспитать на казенный счетъ. Дѣтей же, рожденныхъ въ Сибири, считать принадлежащими къ дворянскому сословію.

Въ сороковыхъ годахъ «юные скииы» пріѣзжали къ Аѳонасію

Даниловичу благодарить его за все сдѣланное для нихъ на станціи подъ Екатеринбургомъ; но это уже были не крестьянскіе парни, въ рваныхъ зипунахъ, а блестящіе представители тогданинаго молодаго поколѣнія: одинъ (Леонидъ) морякъ, капитанъ, а другой (Діомидъ) храбрецъ-генераль, въ скорости затѣмъ такъ геройски погибшій на Кавказѣ.

Изумительныя цифры.

Императоръ Александръ I, отѣзжая однажды для путешествія по Россіи, поѣхалъ Александро-Невскую лавру, поклонился мощамъ угодника Божія и зашоль къ схимнику испросить на предстоявшій путь благословеніе. Бесѣда съ монахомъ царя была довольно продолжительна, онъ искалъ у него утѣшенія и надежды и, какъ казалось, не напрасно: царь вышелъ успокіеній и довольный. Привозя государа, схимникъ благословилъ его и сказалъ: «и послѣ мірови ангела кротости». Александръ Павловичъ, недоумѣвая, что значать слова эти, взглянула на него вопросительно. Схимникъ повторилъ сказанное имъ и вновь благословилъ царя. Царь уѣхалъ, но пожелалъ, чтобы монастырское начальство разъяснило ему значеніе словъ этихъ. Долго искали разгадки, но, наконецъ, нашли. Въ славянскомъ языке цифры нѣть, онъ изображаются буквами. Обращая буквы сказанного схимникомъ изреченія въ цифры получается:

и	п - о - с - л - а	м - і - р - о - в - и	а - и -
8,	80, 70, 200, 30, 1,	40, 10, 100, 70, 2, 8,	1, 50,
г - е - л - а	к - р - о - т - о - с - т - и		—1777, т.-е.
3, 5, 30, 1,	20, 100, 70, 300, 70, 200, 300, 8		

годъ рождения императора Александра Благословленнаго.

Замѣтительно также и нижеслѣдующее совпаденіе цифръ при сложеніи годовъ, мѣсяцевъ и число рожденія, вступленія и кончины Александра Павловича.

Онъ родился 1777 г. декабря 12, вступилъ на престолъ 1801 г. марта 12, скончался 1825 г. ноября 19 дня.

Если цифры эти поставить вертикально, то итогъ цифръ, получаемыхъ отъ сложенія годовъ, дастъ число лѣтъ жизни, а итогъ цифръ, получаемыхъ отъ сложенія мѣсяцевъ и числа, дастъ число лѣтъ царствованія. Именно:

	годы	месяцы	числа	исчисляя вертикально
				годы месяцы числа.
Родился . . .	1777	декабря или 12-й	12	1 7 1 1 7 7 2 2 7 7 2 2
Вступилъ на престоль . . .	1801	марта или 3-й	12	1 8 3 1 8 0 3 2 1 1 3 2
Скончался . . .	1825	ноября или 11-й	19	1 8 1 1 8 2 1 9 2 5 1 9
				48 24
				число годы цар- мѣтъ ствованія жизни

Императоръ Николай I и генераль Пенхержевскій.

Въ «Разсказахъ бабушки» А. Я. Бутковской, помѣщенныхъ въ «Историческомъ Вѣстнике» за 1884 годъ, переданы нѣкоторыя черты изъ жизни императора Николая I, между прочимъ, соображенъ разсказъ о выговорѣ, сдѣланномъ государемъ на маневрахъ генералу Пенхержевскому и послѣдовавшемъ вслѣдъ затѣмъ, когда генералъ оказался невиноватымъ, извиненіи.

Случай этотъ разсказантъ чрезвычайно отвлеченно, сжато и не полно, даже года, когда это случилось не указано. А такъ какъ подобная черта изъ жизни покойнаго государя вполнѣ обрисовывается его рыцарскій характеръ, то я и приведу о ней болѣе полный и достовѣрный разсказъ.

Это было въ августѣ 1836 года. На маневрахъ войскъ, собранныхъ при Красномъ селѣ, которыми распоряжался самъ государь,

генералу Пенхержевскому, командовавшему 2-ю легкую кавалерийскую дивизией, было послано приказание, при взятии штурмом двух деревень перед Красным селом, обскакав артиллерийскую батарею, сдѣлать кавалерийскую аттаку на противника. Но маневр этот не удался: генерал не исполнил его въ точности.

По окончании маневровъ, государь созвалъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ частей и, благодаря ихъ за успѣшныя дѣйствія, тутъ же при всѣхъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ сдѣлать выговоръ Пенхержевскому.

— Ты своего дѣла не знаешь! Тебѣ надо вернуться въ школу, закончилъ свою рѣчь разгневанный императоръ.

Трудно оправдываться передъ царемъ, но труднѣе вынести такой строгій выговоръ, въ особенности, когда не чувствуешь себя виновнымъ, и генералъ Пенхержевский рѣшился отвѣтить государю, что онъ никакихъ уклоненій отъ данныхъ инструкцій не сдѣлалъ, и что аттаку произвелъ во всей точности, какъ его величеству угодно было приказать ему чрезъ одного изъ своихъ флигель-адъютантовъ.

Еще пуще разгневался царь.

— Генералъ лжетъ! воскликнулъ онъ, обращаясь къ стоявшимъ вокругъ генераламъ.—Отъ меня такихъ приказаний отдано не было... А если вы, господа, и получите когданибудь подобное... приказание, то, не дѣйствуя, пошлите съ моимъ адъютантомъ, который привезетъ вамъ его, своего адъютанта ко мнѣ, чтобы увѣриться, точно ли я далъ такое распоряженіе.

Государь былъ разсерженъ до такой степени, что Пенхержевскому досталось такъ, какъ не доставалось еще ни одному прaporщику. Это чрезвычайно огорчило и самого Пенхержевского и старика генералъ-адъютанта Бистрома, командовавшаго войсками, за отсутствіемъ великаго князя Михаила Павловича, и знаящаго, что Пенхержевский не виноватъ.

Вечеромъ на Дудергофѣ былъ «чай».

Всѣ начальники находились въ сборѣ, но Бистромъ не пріѣхалъ. Государь крайне удивился, не видя «старика командира».

— А гдѣ же Карлъ Ивановичъ? спросилъ онъ дежурного генерала.

Тотъ отвѣтчалъ императору, что генералъ не могъ пріѣхать по тому, что разстроены утреннимъ происшествіемъ.

— Что такое?.. Отчего? изумился Николай Павловичъ.

Дежурный генералъ замялся, видимо затрудняясь отвѣтить.

— Говори правду! возвышая голосъ нетерпѣливо сказалъ государь.

Въ это время изъ толпы окружавшихъ царя военачальниковъ выдѣлился любимый его флигель-адъютантъ князь Радзивилль, пошоль къ государю и объявилъ себя виновнымъ въ томъ, что онъ утромъ невѣроно передалъ генералу Пенхержевскому приказаніе его величества. Государь былъ скученъ цѣлый вечеръ.

На другой день, въ 9 часовъ утра, приказано было собраться всѣмъ генераламъ (въ томъ числѣ и Пенхержевскому) передъ палаткой Его Величества. Всѣ ждали новой грозы, и даже самые близкіе къ особѣ государя не знали чѣмъ она разразится, недоумѣніе и боязнь ясно выражались на ихъ лицахъ.

Но вотъ въ назначенный часъ, государь вышелъ изъ палатки и, поздоровавшись съ собравшимся генералитетомъ, обратился къ нему съ рѣчью.

— Господа, я сорокъ лѣтъ живу на свѣтѣ и до сихъ порть не могу отучить себя отъ непростительной горячности. Труднѣе всего намъ владѣть собой, когда мы не въ спокойномъ духѣ. Генераль Пенхержевскій,—обратился онъ къ стоявшему впереди генералу,—я радъ, что могу при всѣхъ генералахъ, въ присутствіи тѣхъ, которые были свидѣтелями вчерашиней моей ссоры съ вами, просить у васъ прощенія... Я виноватъ... я былъ неостороженъ, и потому прошу васъ, генераль, простить меня и сказать при всѣхъ, что вы прощаете меня.

Генераль Пенхержевскій бросился обнимать колѣна великодушнаго монарха; государь поднялъ и поцѣловалъ его. Присутствующіе были растроганы до того, что нѣкоторые прослезились.

Императоръ Николай I и пажи.

Императоръ Николай съ особенной заботливостью относился къ развитію въ средѣ войскъ образования и при каждомъ удобномъ случаѣ провѣрялъ лично степень этого развитія. Хорошіе результаты его всегда радовали, напротивъ, при каждомъ признакѣ равнодушія или беззечности лицъ, коимъ ввѣрялось образованіе юношества онъ взыскивалъ строго.

Всѣ военно-учебныя заведенія, находящіяся въ С.-Петербургѣ, лѣтомъ 1852 года стояли лагеремъ въ Петергофѣ. Въ іюль мѣсяцѣ приказано было произвести воспитанниками практическую съемку различныхъ мѣстностей Петергофа. Руководителемъ работы назначенъ

полковникъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ (впослѣдствіи военный министръ и графъ). Воспитанники раздѣлялись на партіи въ нѣсколько человѣкъ и получали приказаніе снять ту или другую мѣстность. Такимъ образомъ, снять мѣстность, гдѣ находится Монплезиръ, съ прилагающимъ къ нему садомъ, фонтаны и шахматную гору выпало на долю одной изъ партій пажескаго корпуса, состоявшей изъ пажей Сергѣя Соломки, Михаила Мирковича, Андреяна Мазараки и Дмитрія Порова, подъ наблюденіемъ инспектора классовъ корпуса, капитана Сухонина. Пажи вышли и, пользуясь отсутствіемъ капитана Сухонина, отправились въ кусты полежать, позавтракать и покурить, при астролябіи же остался одинъ Соломка. Вдругъ, какъ будто выросшій изъ земли, появился у Монплезира, прогуливавшійся въ саду императоръ Николай Павловичъ. Онъ былъ въ спортукѣ лейбъ-гвардіи коннаго полка и бѣлой фуражкѣ, впереди его бѣжала небольшая собачка. Подойдя къ Соломкѣ, снявшему фуражку и ставшему во фронтъ около астролябіи, онъ спросилъ его:

- Что ты тутъ дѣлаешь?
- Произвожу съемку, ваше императорское величество.
- Покажи!

Соломка вынулъ планшетъ и, развернувъ тетрадь вычисленій, подалъ ихъ государю. Николай Павловичъ, посмотрѣвъ, началъ привѣрять знанія пажа, задавая ему вопросы: «съ чего онъ началъ? какія мѣры принялъ для измѣренія? какіе углы ставилъ? какіе румбы бралъ? какъ нужно дѣлать вычисленія съ помощью Нонніуса? какъ опредѣлить высоту предмета по астролябіи?»

Получивъ удовлетворительные отвѣты, государь, взявъ двумя пальцами руки за лицо пажа, спросилъ его:

- А какъ твоя фамилія?
- Соломка, ваше императорское величество.
- Сынъ Афанасія Даниловича?
- Такъ точно, ваше императорское величество.
- Скажи твоему отцу, что я тобой доволенъ, ты отвѣчалъ мнѣ молодцомъ, вилно, что занимался хорошо... Спасибо!

Проходя далѣе по нижнему саду, онъ встрѣтилъ партію юнкеровъ дворянскаго полка, шалившихъ на берегу пруда и бросавшихъ въ рыбу, появлявшуюся на поверхности воды, камнями.

- Зачѣмъ вы здѣсь и что тутъ дѣлаете? спросилъ ихъ царь.
- Присланы на съемку, ваше императорское величество, отвѣчали юнкера.

— Съемка состоять не въ распугиваніи рыбы въ пруду! — проповеди наставительно Николай Павлович, — когда вѣсъ пускаютъ гулять, тогда гуляйте, а когда вы идете учиться и дѣло дѣлать, исполняйте что вамъ приказали. Дворане и такъ ведете себя... я вами не доволенъ!

О замѣченномъ государь въ тотъ же день сообщилъ генераль-адъютанту Якову Ивановичу Ростовцеву, бывшему тогда начальникомъ штаба военно-учебныхъ заведеній, и на утро всѣмъ сестрамъ досталось по серыгамъ, не исключая, конечно, и Дмитрія Алексѣевича Милютина.

Императрица Александра Феодоровна и смолянки.

Государыня Императрица Александра Феодоровна съ чисто материнскою нѣжностію заботилась о дѣвицахъ, воспитывавшихся въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Замѣчательно добрая эта монархія ежегодно лично присутствовала при выпускѣ воспитанницъ Смольного монастыря, но въ 1836 году, не имѣя возможности, по болѣзни, исполнить добровольно принятой на себя обязанности, она почтила дѣвицъ выпускса этого года слѣдующимъ собственпоручнымъ письмомъ, замѣчательнымъ въ томъ отношеніи, что оно адресовано было не на имя начальницы заведенія, а самимъ дѣвицамъ.

«Я надѣялась видѣть васъ, мои дорогія дѣти, передъ выпускскомъ, писала императрица, но здоровье мое не позволило мнѣ этого. Я должна избѣгать усталости и волненій, а ваше пѣніе, всегда столь гармоничное, меня бы сильно тронуло, напомнивъ мнѣ, что я вижу васъ въ послѣдній разъ, и мысль объ этомъ причинила бы мнѣ большое горе. Но не желая лишить васъ моего материнского благословенія, я посыпаю его вамъ письменно. Прощайте, мои дорогія дѣти, молю Бога хранить васъ на вашемъ новомъ поприщѣ жизни. Сѣмена всѣхъ добродѣтелей посыпаны въ сердца ваши и отъ васъ самихъ теперь зависить развивать и разрабатывать ихъ. Ваше доброе поведеніе убѣждаетъ меня въ томъ, что вы никогда не забудете тѣхъ добрыхъ началь, которыхъ вы получили въ дѣствѣ. Воспоминанія о вашей молодости, проведенной вмѣстѣ, да послужить вамъ спутникомъ при всѣхъ невзгодахъ и неудачахъ, ожидающихъ васъ въ свѣтѣ, вамъ еще совершенно не извѣстномъ. Различные положенія, которыхъ

каждая изъ васть должна занять, даются не по уму и таланту, но только по скромности, по знанимъ и женской добродѣтели. Не ищите же лишь случая блестать, но старайтесь исполнять строго ваши обязанности, и благословеніе Божіе будетъ надъ вами. Прощайте! прощайте! Молитвы мои да сопровождаютъ васть». Подписано: «Александра», 3 марта 1836 года.

Письмо это вполнѣ обрисовываетъ характеръ и добродѣту души достойной супруги императора Николая Павловича и служить самымъ нагляднымъ доказательствомъ тѣхъ материнскихъ отношеній, которые существовали между русской царицей и дѣтьми ея подданныхъ.

Николай I въ 5 московской гимназіи.

Въ 1833 году, въ бытность свою въ Москвѣ, императоръ Николай I посетилъ 5-ю гимназію, напечь ее въ отличномъ состояніи и благодарили какъ директора Оленина, такъ и все прочее начальство ея. Въ особенности ему понравилось, что нѣсколько воспитанниковъ, обученные находившимся въ гимназіи сыномъ А. Х. Бенкендорфа, прошли мимо государя церемоніальнымъ маршемъ и сдѣлали руками примѣрно ружейные приемы «на плечо» и «на караулъ». Онъ подозрѣвалъ къ себѣ командира этого дѣтскаго отряда и поѣзовалъ его. Для дальнѣйшихъ упражненій воспитанниковъ въ ружейныхъ приемахъ, государь приказалъ доставить изъ кадетскаго корпуса деревянныя ружья, а лучшихъ — перевести въ новгородскій графа Аракчеева кадетскій корпусъ, тогда только что устроившійся.

Затѣмъ, Николай Павловичъ, находясь въ хорошемъ расположении духа, войдя въ зало, расположился посрединѣ и сталъ играть съ воспитанниками. Онъ разстегнулъ сюртукъ и, взявъ нѣсколько мальчиковъ въ распластertyя руки, началъ возиться съ ними; масса дѣтей бросилась къ нему — всякому хотѣлось хотя дотронуться до государя, и они принялись теребить его. Государь сѣлъ на полъ, бралъ дѣтей десятками и клалъ рядомъ съ собою. Воспитанники лѣзли на государя все болѣе и болѣе и, наконецъ, совсѣмъ повалили на полъ. Долго возился съ ними разнеслившійся царь и, когда всталъ на ноги, у него не оказалось ни одной пуговицы на

сюртукъ, — воспитанники ухитрились во время игры обрѣзать ихъ.

— Ахъ, мальчуганы! — засмѣялся государь: — что это вы надѣлали?

— Это на память о вѣсѣ, ваше императорское величество, — отвѣчали тѣснившіеся вокругъ его воспитанники.

— Но какъ же я теперь дѣду домой?

— Какъ нибудь дѣдете!.. завернитесь въ шинель, — весело смѣялись воспитанники, цѣляя его руки.

— Ну, хорошо! — сказаълъ, прощаюсь, государь: — только смотрите, будьте молодцами, и я буду любить васъ.

— Постараемся, — кричали воспитанники ему вслѣдъ: — прощайте, ваше величество, не забывайте насть!...

Декабристъ Тизенгаузенъ.

Во время политическихъ волненій въ Австрии, въ 1848—1849 годахъ, дежурный штабъ-офицеръ управления киевскаго генераль-губернатора, маоръ Михаилъ Дмитріевичъ Поздняковъ, по распоряженію генераль-адъютанта Бибикова, неоднократно былъ командированъ по дѣламъ службы на австрийскую границу.

Въ одну изъ такихъ командировокъ, городничій представилъ ему заарестованаго имъ страннаго арестанта. Это былъ приличный на видъ старикъ, съ длинною, сѣдою бородою и отпущенными чуть не до плечъ волосами, въ ценснѣ, и ветхомъ крестьянскомъ армякѣ, въ карманѣ котораго найдена книга на англійскомъ языке: «Король Лиръ» Шекспира. Человѣкъ этотъ не имѣлъ никакого вида и, при допросѣ, назывался бродягой, непомнящимъ родства.

На всѣ просьбы маора Поздняка открыть свое званіе и положеніе, старикъ отвѣчалъ отказомъ и просилъ, въ видѣ особой милости, отправить его въ Киевъ, къ генераль-губернатору, которому онъ откроется, кто онъ такой и съ какими намѣреніями сюда прибылъ.

И спросивъ разрѣшеніе, дежурный штабъ-офицеръ доставилъ счапика въ Киевъ и представилъ генераль-адъютанту Бибикову.

— Кто вы такой? — обратился къ старику съ вопросомъ генераль-губернаторъ,

— Простите, ваше высокопревосходительство, если я вамъ не

отвѣчу на вашъ вопросъ въ присутствіи посторонняго лица,— отвѣчалъ старикъ, намекая на присутствіе при свиданіи Поздняка.

— У меня нѣть секретовъ отъ моего дежурнаго штабъ-офицера,—вразилъ гордо генераль-адъютантъ Бибиковъ:—отвѣчайте на мой вопросъ!

— Я — Тизенгаузенъ.

— Какъ Тизенгаузенъ?!—воскликнулъ Дмитрій Гавриловичъ, отступая въ изумленіи:—декабристъ?

— Да, декабристъ! Не вѣришь? — ощущай на затылкѣ шрамъ отъ раны, полученной въ 1812 году въ сраженіи, гдѣ и ты участвовалъ.

Бибиковъ коснулся рукой головы старика и, удостовѣрившись въ справедливости его словъ, обнялъ его и расцѣловалъ.

— Фома невѣрный! — сказалъ, покачавъ головой Тизенгаузенъ. Ну, что-жъ думаешь, — продолжалъ онъ: — отправляй въ тюрьму, закуй и бей кнутомъ, вѣдь я — бѣглый каторжникъ!

— Садись-ка лучше вотъ здѣсь, со мною, на диванъ, любезный другъ,—успокоивъ старика Дмитрій Гавриловичъ: — и разскажи, какими судьбами ты очутился здѣсь?

— Соскучился!.. Тоска изгрызла сердце и душу изсущила... Вѣдь двадцать слишкомъ лѣтъ, какъ мы уже тамъ... Пойми, терпѣнья не хватило... хотѣлось дѣтей увидѣть, а тамъ что будетъ!.. собрался и пошолъ... что было не спрашивай: хорошаго немногого... вѣдь дочери мои, ты знаешь, при дворѣ, принять боялись... хотѣ видѣть я ихъ мелькомъ, невзначай... узналъ, что имъ нехудо, рукой махнулъ, ну, и пошолъ... и шоль... куда-жъ идти какъ не къ тебѣ, товарищъ старый, родственникъ и другъ... Пріими и сдѣтай, что тебѣ Господь на умъ положить... въ руки твои отдаю судьбу мою — казни иль милуй, мнѣ все равно, вѣдь жить осталось недолго...

— Но что мнѣ съ тобою дѣлать, что, мнѣ съ тобою дѣлать, другъ, — повторялъ въ раздумы Бибиковъ: — просить царя?... но, бѣжалъ изъ Сибири, ты совершилъ снова преступленье и снова подлежишь наказанію: кто знаетъ, какъ взглянетъ государь на это... тѣмъ болѣе, что онъ о васъ не хочетъ даже слышать. Лучше я думаю дождаться его пріѣзда сюда, здѣсь я лично могу просить его за тебя, а до того времени ты будешь жить у моего дежурнаго штабъ-офицера, ко мнѣ же приходи по вечерамъ. Только знай, что передъ самыми пріѣздомъ сюда государя я долженъ буду посадить тебя въ крѣпость.

Тизенгаузенъ отъ всей души поблагодарилъ Бибикова, и старые друзья долго бесѣдовали, вспоминая о прошломъ, одинаково близкомъ обоимъ, о капризныхъ ударахъ судьбы, разъединившихъ ихъ такъ жестоко.

Спустя нѣсколько времени, императоръ Николай I прибылъ въ Киевъ. Осмотрѣвъ войска и городъ, государь принялъ обѣдъ у генераль-губернатора. Избравъ минуту, когда государь находился въ милостивомъ настроеніи духа, Бибиковъ рассказалъ ему о побѣгѣ и прибытіи въ Киевъ Тизенгаузена, сталь просить его о помилованіи старика.

— Развѣ ты не знаешь, что я запретилъ просить о помилованіи декабристовъ! — возразилъ гнѣвно монархъ.

— Государь, — сказалъ Бибиковъ: — я осмѣливаюсь просить вѣсть, вопреки прямаго вашего запрещенія, и прошу потому, что бѣглый декабристъ — мой родственникъ. Я обѣщалъ ему ваше помилованіе, и если онъ не достоинъ его, то накажите меня, злоупотребившаго вашимъ именемъ. Руку мою я потерялъ за царя и отечество и теперь преклоняю мою голову передъ вами, дѣлайте съ нею, что хотите... я виноватъ — велите снять ее, но я дѣйствовалъ вашимъ именемъ, зная, что вы и въ гнѣвѣ справедливы и милостивы...

— Нѣть, Дмитрій Гавриловичъ, такую голову не снимаютъ, а цѣлюютъ, — сказалъ государь и поцѣловалъ его. — Пусть будетъ по твоему; если ты обѣщалъ помилованіе моимъ именемъ, то пусть онъ и будетъ помилованъ! Завтра ты мнѣ покажешь его, гдѣ онъ у тебя?

— Въ крѣпости, государь.

— Ну, и прекрасно, въ крѣпости я и увижу его, — сказалъ развеселившися царь: — а теперь пойдемъ къ хозяйкѣ.

На другой день, императоръ, осматривая крѣпость, подошелъ къ каземату гдѣ временно былъ помѣщенъ Тизенгаузенъ, взглянуль на него въ отворенную дверь и, покачавъ головою, промолвилъ тихо: «несчастный!» Выходя же изъ каземата, спросилъ Бибикова: «а что, никто обѣ нѣмъ не знаетъ здѣсь?»

— Никто не знаетъ, ваше величество, — отвѣчалъ Дмитрій Гавриловичъ: — кромѣ меня и дежурнаго штабъ-офицера.

— Смотри же, чтобы и теперь никто не зналъ о немъ, — сказалъ вполголоса государь.

Бибиковъ молча поклонился.

По отѣздѣ Николая Павловича, Тизенгаузенъ поселился въ

Киевъ и жилъ на средства Бибикова въ скромной квартиркѣ надъ Днѣпромъ, никому неизвѣстный, даже полицій, которой было со-общено, что ему дозволяется жить, не объявляя своего имени.

Освобожденіе же прочихъ декабристовъ послѣдовало уже по всту-
плениі на престолъ императора Александра II, именно въ 1856
году, во время его коронаціи.

Митрополитъ Филаретъ и ротмистръ Соломка.

Лѣтомъ 1856 года, Москва готовилась къ коронаціи. Гостей на-
ѣхало со всѣхъ концовъ свѣта. Гвардія прибывала частями. Нѣ-
сколько молодыхъ офицеровъ съ дамами, 5-го юля, въ день св. Сер-
гія, побѣхали осмотрѣть Троицко-Сергіевскую лавру. Пожелавъ послѣ
литургіи отслужить молебень, они обратились къ очередному іеро-
монаху. Лаврская братія по случаю праздника разрѣшила вино и
елей, но очередной іеромонахъ оказался слабѣе другихъ и, обращаясь
къ офицерамъ, требовалъ то покупки свѣчей, то покупки смолы
св. Сергія. Ротмистръ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка, Соломка, не
могъ стерпѣть подобнаго обращенія и обратился съ жалобою къ
митрополиту Филарету. Тотъ выслушалъ его и сурово отвѣтилъ ему:
«какой же ты христіанинъ, когда не можешь простить ближнему
твоему... Стуйай!»

Великій князь Михаилъ Павловичъ и отставной солдатъ.

Въ сороковыхъ годахъ, жилъ въ Петербургѣ именитый купецъ
Василій Григорьевичъ Жуковъ, производившій обширную торговлю
табакомъ и извѣстный своею добротою ко всѣмъ, кто поступалъ къ
нему въ услуженіе или на работу. Онъ былъ городскимъ головой
и содержалъ хоръ отличныхъ пѣсельниковъ, извѣстныхъ всему Петер-
бургу. Прускій король, посѣтившій Петербургъ, по случаю открытия
Александровской колонны, и пожелавшій послушать пѣсельниковъ
Жукова, пришелъ отъ нихъ въ восхищеніе и подарилъ Жукову
великолѣпную брилліантовую табакерку. Василій Григорьевичъ лю-
билъ нашихъ солдатъ и выходившихъ въ отставку принималъ къ

себѣ на фабрику, платилъ имъ хорошее жалованье, часто разговаривалъ съ ними и награждалъ. Однажды, великий князь Михаилъ Павловичъ, любившій въ свободное отъ службы время побалагурить съ солдатами, проходя по лагерю подъ Краснымъ Селомъ, встрѣтилъ старого солдата, подлежащаго увольненію въ отставку, остановилъ его и разговорился съ нимъ.

— Ну, что, братъ, пора намъ съ тобой и на покой! — сказа-
зать ему великий князь весьма серьезно.

— Да, ваше высочество, приходитъ время къ отставкѣ, — отвѣ-
чалъ солдатъ также серьезно.

— Куда же пойдешь?

— Еще не знаю, ваше высочество.

— Ну, братъ, и мнѣ хочется на покой, да также не знаю, гдѣ
бы мѣстечко потеплѣе найти; а? какъ ты мнѣ посовѣтуешь? — про-
должалъ пресерьезно Михаилъ Павловичъ.

— Ахъ, ваше высочество, — отвѣчалъ солдатъ, не запинаясь, съ
желаніемъ отъ души всего хорошаго любимому имъ великому князю: —
у купца Жукова жить хорошо; вотъ бы куда!

— Пожалуй, не примѣть? — засмѣялся великий князь.

— Какъ не принять! — ваше-то высочество! — отвѣчалъ убѣж-
денно старый воинъ: — первѣюще мѣсто вамъ предоставить.

— Спасибо за совѣтъ, любезный товарищъ! — смѣялся великий
князь, хлопая по плечу солдата: — придется, значитъ, поклониться
Василію Григорьевичу, завтра же увижу его и попрошу.

— Попросите и за меня, ваше высочество, — отвѣчалъ невозму-
тимо серьезно старикъ.

— Конечно, конечно! — закончилъ великий князь разговоръ: — ужъ
если служить, такъ опять вмѣстѣ.

И дѣйствительно, солдатъ, по просьбѣ великаго князя, былъ
принятъ по выходѣ въ отставку Жуковымъ и находился у него на
службѣ до самой смерти.

Императоръ Николай I и французы.

Въ 1836 году, императоръ Николай I пригласилъ въ Петер-
бургъ знаменитаго французскаго баталиста Ораса Верне, для напи-
сания нѣсколькихъ картинъ изъ нашего военнаго быта. Съ нимъ

вмѣстѣ пріѣхалъ сотрудникъ «Gazette de France», Веймарсь, нападавшій въ газетѣ постоянно на русскихъ, въ особенности за «тиранію поляковъ». Имъ показали лагерь; они были въ свитѣ государя на маневрахъ, видѣли знаменитый Петергофскій праздникъ и, наконецъ, были приглашены въ тѣсный, семейный кружокъ императорской фамилии. Г. Веймарсь увидѣлъ монарха въ кабинетѣ и въ кругу его семейства, которое онъ любилъ больше чѣмъ съ отеческой нѣжностью. Когда Веймарсь смотрѣлъ на дѣтскія игры маленькихъ великихъ князей съ своими сверстниками, между которыми было нѣсколько мальчиковъ изъ польскихъ фамилій, государь подошелъ къ нему и сказалъ: «vous voyez bien que je ne mange pas les polonais» (вы видите, что я неѣмъ поляковъ).

Кадеты въ Александрії.

Императоръ Николай очень любилъ молодежь, воспитывавшуюся въ кадетскихъ корпусахъ. Всегда и вездѣ онъ отличалъ кадетовъ и старался приблизить ихъ къ себѣ и своему семейству.

Въ 1843 году юля 22-го, онъ праздновалъ день именинъ сестры своей, великой герцогини Саксенъ-Веймарской, Маріи Павловны, въ Александрії, близъ Петергофа. На праздникъ приглашены были близкіе царю люди, тѣсный кружокъ друзей, дипломатический корпусъ и избранные особы первыхъ классовъ.

Кадеты стояли лагеремъ подъ Петергофомъ. Государю угодно было пригласить ихъ на праздникъ. Гонецъ полетѣлъ, и чрезъ нѣсколько времени известное число кадетовъ, въ большинствѣ случаевъ выпускные, появились въ саду Александрії.

— А! вотъ и дѣти,—сказалъ Николай Павловичъ и сошелъ къ нимъ съ террасы. Поздоровавшись съ ними, онъ спросилъ ихъ: «знаютъ ли они какой нынче день?»

— Знаемъ, ваше императорское величество,—отвѣчали кадеты.

— Какой?

— День тезоименитства сестры вашего величества, великой герцогини Саксенъ-Веймарской, Маріи Павловны, съ чѣмъ и имѣть счастіе поздравить,—отвѣчали кадеты.

— Благодарю васъ дѣти,—и государь поклонился.

— Васъ благодаримъ, государь, что вспомнили объ нась,—закричали кадеты.

Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ стоялъ на эстрадѣ. Императоръ позвалъ его къ себѣ и, когда онъ подошелъ, сказаъ ему:—что же ты не поздороваешься съ кадетами?

Великій князь поздоровался, и на поздравленіе кадетовъ поклонился.

— Кланяйся ниже!—сказаъ ему государь:—твоимъ будущимъ слугамъ можешь поклониться въ поясъ.

И наслѣдникъ цесаревичъ поклонился въ поясъ.

Затѣмъ императоръ привелъ за руки двухъ младшихъ дочерей своихъ, великихъ княжень, Ольгу Николаевну и Александру Николаевну, и приказалъ имъ поблагодарить кадетовъ за поздравленіе съ именинницей.

Великія княжны сдѣлали реверансъ.

— Развѣ такъ кланяются русскимъ дворянамъ,—сказаъ государь и, положивъ имъ руки на плечи, заставилъ ихъ поклониться до пояса.

Разрѣшивъ кадетамъ «вольно», императоръ вошелъ въ ихъ кругоѣ и сталъ заставлять ихъ играть.—Берите примѣръ съ меня, смотрите, я упаду сейчасъ на землю,—и, сказавъ это, государь сдѣлалъ движеніе, какъ будто хочетъ опрокинуться назадъ. Кадеты бросились къ нему, подхватили его на руки и съ крикомъ: ура! стали качать.

Послѣ троекратнаго поднятія, Николай Павловичъ сказаъ:—ну, дѣти, довольно! спасибо вамъ!

— Ради стараться!—и ура! снова огласило садъ.

Въ это время французскій посланникъ, сойдя съ эстрады, подошелъ къ государю и выразилъ ему свое беспокойство о томъ, что онъ чуть было не упалъ, еслиъ кадеты его не поддержали.

— Вы не знаете моихъ дворянъ; это вѣдь все дворяне,—отвѣчалъ съ гордостью государь:—они никогда не дадутъ упасть не только мнѣ, но даже никому изъ членовъ моего дома.

Великій князь Михаилъ Павловичъ въ новгородскихъ поселеніяхъ.

Въ сороковыхъ годахъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ, ежегодно весною или въ началѣ лѣта, прѣѣзжалъ въ новгородскій округъ

нахатныхъ солдатъ для смотровъ расположенныхъ тамъ гвардейскихъ частей. Въ одинъ изъ такихъ прѣздовъ, Его Высочество прибылъ въ мѣсто квартированія лейбъ-гвардіи Уланскаго полка довольно поздно и остановился для ночлега въ устроенномъ для прѣзда высочайшихъ особы домикѣ. Отходя ко сну, Михаилъ Павловичъ, запирая дверь на ключъ, повернулъ его такъ неловко, что сломалъ бородку ключа и остался въ спальни запертымъ. На утро дали знать капитану Иванову, завѣдывавшему военнорабочими командаами. Пока онъ явился со слесаремъ и вышиливаль изъ двери замокъ, прошло около часу и Великій Князь не могъ вовремя выѣхать къ собранному полку на смотръ. Когда дверь была открыта, онъ вышелъ къ собравшемуся въ залѣ начальству и гнѣвно сказалъ начальнику округа.

— Хороши у васъ замки!

— Замокъ былъ хороший, ваше императорское высочество, отвѣчалъ начальникъ округа, но и хороший замокъ можетъ сломаться.

— Да я вѣсъ и не виню, разсмѣялся Великій Князь, но я желалъ бы знать, что съ нимъ сдѣлалъ бы Аракчеевъ — и онъ указалъ на Иванова, — если бы онъ его, какъ меня, посадилъ подъ арестъ на цѣлую ночь?

Борщовъ и медвѣженокъ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, адъютантъ конно-пioneerнаго дивизиона, поручикъ Борщовъ, находясь на завтракѣ у одного изъ извѣстныхъ охотниковъ-магнатовъ, получилъ отъ него въ подарокъ только что привезенного съ охоты маленькаго медвѣженка, оставшагося послѣ убитой медвѣдицы. Возвращаясь домой въ собственныхъ саняхъ, онъ посадилъ медвѣжонка рядомъ съ собою и придерживалъ его рукой. На поворотѣ съ Невскаго на Владимірскую, его повстрѣчалъ великий князь Михаилъ Павловичъ.

— Стой! закричалъ ему гнѣвно великий князь, что это такое?

— Мишка, медвѣжонокъ, ваше императорское высочество, отвѣчалъ высокившій изъ саней и подѣжавшій къ великому князю поручикъ.

— Мишка! медвѣжонокъ! передразнилъ его великий князь, это я вижу. Но для чего ты разъѣзжаешь съ нимъ? Что ты фокусникъ,

или содергатель звѣринца, что ли? Развѣ это прилично офицеру?
на гауптвахту!

И бѣдный поручикъ съ медвѣжонкомъ очутился на гауптвахтѣ. На другой день великий князь приказалъ Борщова освободить. Но когда приказаціе было получено, на гауптвахтѣ возникъ вопросъ: что дѣлать съ медвѣжонкомъ — выпустить его или оставить, такъ какъ о немъ въ приказаніи ничего не говорилось. Кончилось тѣмъ, что офицера выпустили, а медвѣжонка оставили. Доложили великому князю, и онъ, погрозивъ пальцемъ, разсмѣялся: это все проказы Борщова. Отдать ему моего тѣзку, съ тѣмъ, чтобы онъ о его житьѣ-бытьѣ мнѣ при слушаѣ рапортовалъ.

И потомъ встрѣчая Борщова, великий князь нѣсколько разъ спрашивалъ его: «Ну, что, какъ поживаетъ мой тѣзка?»

ОТВЕРЖЕНЦЫ И ОТЩЕПЕНЦЫ ОБЩЕСТВА.

Въ 1870 году наша литература обогатилась одним изъ замѣчательныхъ сочиненій по предмету изслѣдованія жизни русскаго народа, именно: сочиненіемъ С. В. Максимова «Сибирь и каторга», въ которомъ онъ описываетъ бытъ нашихъ ссыльныхъ—этихъ отверженцевъ и отщепенцевъ общества.

Имя г. Максимова давно уже пользуется извѣстностью талантливаго изслѣдователя жизни въ Архангельской губерніи и Пріамурскомъ краѣ. Первые его очерки Бѣломорья появились въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ «Морскомъ Сборникѣ» и обратили на себя общее вниманіе. Новизна предмета и добросовѣстное его изученіе, интересный подборъ фактовъ, своеобразность, бойкость и картинность мысли и языка зарекомендовали автора какъ личность талантливую, сильную интеллигентными средствами и дѣятельную, и сразу выдвинули его изъ толпы. Уяснивъ свое положеніе въ литературѣ, молодой писатель посвятилъ себя всецѣло изслѣдованію народной жизни. Такъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ «Русскомъ Словѣ» и другихъ изданіяхъ мы читаемъ его замѣтки и путевые письма о только что присоединенномъ къ Россіи Пріамурскомъ краѣ¹⁾. Затѣмъ, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, на страницахъ «Вѣстника Европы» и «Отечественныхъ Записокъ» печатался длинный рядъ статей его о бытѣ ссыльныхъ, гдѣ затронутъ одинъ изъ тѣхъ «проклятыхъ» вопросовъ, которые составляютъ гангрену современного

¹⁾ Очерки Бѣломорского и Пріамурского краевъ вышли отдельными изданіями, подъ заглавіями: «Годъ на Сѣверѣ» и «На Востокѣ».

общества и принадлежать къ разряду не разрѣшенныхъ при настоящемъ соціальномъ и экономическомъ его положеніи, а именно: вопросъ о болѣе человѣчной карѣ отверженцевъ и отщепенцевъ общества. Эти послѣднія статьи значительно, впрочемъ, дополненныя авторомъ, и составили упомянутое нами выше трехтомное сочиненіе подъ названіемъ «Сибирь и Каторга».

Что такое каторга?... Это понятіе, которымъ опредѣляется кара за самыя важныя, самыя тяжкія преступленія, нѣчто продолжительное, безконечно-долгое, невыразимо-страшное, охватывающее душу ужасомъ и леденящее кровь у человѣка сть самыми крѣпкими все-выносящими первами, говорять одни. Это — юридический терминъ, подъ которымъ подразумѣваются усиленныя, наиболѣе тяжелыя работы, *travaux forcés*, говорять другіе. Это—адъ, по мнѣнію третьихъ... Но что это такое въ дѣйствительности—работа, пытка или нѣчто болѣе ужасное, и какіе вытекаютъ изъ того результаты—объ этомъ общество до послѣднаго времени интересовалось очень мало, такъ какъ все это касается только его отщепенцевъ и отверженцевъ... Но отщепенцы и отверженцы общества тоже люди, и мы позволяемъ себѣ коснуться значенія каторги и, вообще, вопроса: соотвѣтствуетъ ли самое существованіе ея современнымъ потребностямъ общества.

Ссылка въ Сибирь въ XVII вѣкѣ, когда обладаніе ею было окончательно закрѣплено, имѣла значеніе колонизаціи вновь пріобрѣтенной, богатой и обширной страны. За исключеніемъ ссыльныхъ за государственные преступленія, по которымъ назначалось тюремное заключеніе, всѣ прочіе сажались на пашню¹⁾, и такимъ образомъ исторія ссылки въ Сибирь начинается исторіею поселеній. Извѣстный указъ Петра Великаго: «бить кнутомъ нещадно, и заорля въ щеку, ссылать на каторгу на вѣчное житѣ» открываетъ исторію каторги; но въ прошломъ вѣкѣ каторжныя работы, въ настоящемъ ихъ значеніи, были не въ Сибири, а въ Россіи. Азовъ былъ первымъ каторжнымъ мѣстомъ, затѣмъ каторга была образована въ Петербургѣ, въ Рогервикѣ (нынѣ Балтійскій портъ), въ Шлиссельбургѣ, въ Оренбургѣ, въ Ригѣ, въ Херсонѣ, словомъ — везде, гдѣ были даровыя земляныя или другія крѣпостныя работы. Только въ концѣ XVIII вѣка, когда оказалась необходимость въ рабочихъ рукахъ на заводахъ и золотыхъ прискахъ, пошли въ Сибирь по ука-

¹⁾ Указы 1669 и 1679 годовъ.

замъ: солдаты за побѣги, нищіе, бродяги, членовредители, а съ отмѣною смертной казни и всѣ преступники, освобожденные отъ смерти. Въ текущемъ столѣтіи Сибирь приобрѣтаетъ значеніе главнаго ссыльного мѣста, и только въ 1867—1869 годахъ были произведены иѣкоторыя реформы въ системѣ тюремъ и ссылки. Каторжныя работы въ крѣпостяхъ уничтожены, и воинскіе чины, присуждаемыя къ каторжнымъ работамъ, сконцентрированы въ двухъ пунктахъ: въ Усть-Каменогорскѣ и Тобольскѣ, а изъ числа лицъ гражданскаго вѣдомства повѣльно отправлять въ Восточную Сибирь, для обращенія на существующа тамъ каторжныя работы, только тѣхъ преступниковъ, которые содержатся въ тюрьмахъ Сибири и Зауральской части Пермской и Оренбургской губерній, а изъ Россіи—женщинъ и женатыхъ преступниковъ, за которыми посылаютъ семейства. Всѣхъ же прочихъ преступниковъ, присужденныхъ къ каторжнымъ работамъ, предписано размѣщать въ особо учрежденныхъ для того центральныхъ тюрьмахъ: Новоборисоглѣбской и Новобѣлгородской (Харьковской губерніи), Симбирской, Виленской и другихъ.

«Вѣчно горькій міръ есть адъ», говорить Данте (Рай XVII, 121). «Какъ вещественная смерть уничтожаетъ наше земное существованіе, такъ смерть нравственная лишаетъ насть яснаго сознанія свободнаго проявленія нашей воли, а потому нравственная смерть не много лучше самой смерти вещественной», поясняетъ ученый толкователь Данте—Штрекфусъ. Слѣдовательно, ссыльно-каторжные, какъ лишенные правъ свободнаго проявленія своей воли,—ничто иное, какъ нравственные мертвцы, а пребываніе ихъ въ каторгѣ, представляющее, конечно, горькій міръ, можетъ быть названо адомъ.

«Сравнительный методъ одинаково полезенъ и необходимъ, какъ въ анатоміи отдельнаго человѣка, такъ и въ соціальной наукѣ, которую можно назвать анатоміею общества», восклицаетъ Писаревъ въ одной изъ статей своихъ. Но для опредѣленія значенія каторги, трудно найти въ жизни вѣрное сравненіе, такъ какъ каторга по своей цѣли и назначенію—карать и карать отверженцевъ и отщепенцевъ общества, карать въ квадратѣ и кубѣ, карать сторицю, карать, наконецъ, безъ мѣры и конца,—можетъ быть сравнена только съ адомъ.

Адъ имѣть своихъ пѣнопѣвцевъ. Гомеръ, Вирgilій, Данте сходили въ преисподнюю земли и обезсмертіли ее въ своихъ поэтическихъ описаніяхъ. Сибирскіе рудники хотя также видѣли въ своихъ пѣдрахъ поэтовъ и писателей, но до С. В. Макеймова воспѣты не

были. Въ нашей литературѣ нѣть ничего, на что можно было бы указать и сказать: вотъ наша преисподняя. «Мертвый домъ» Достоевскаго — частица каторги, это, дѣйствительно, мертвый домъ, преддверіе ада, и только...

Но передъ нами лежитъ разсказъ С. В. Максимова о посѣщеніи имъ одного изъ Нерчинскихъ серебряныхъ рудниковъ (Зерентинскаго). Вотъ какъ онъ описываетъ каторгу.

«Мы у подошвы горы, которая отлого взбирается въ высъ и тамъ, гдѣ-то не на виду у насть сливается съ другими горами, а можетъ быть и съ цѣлою грядою горъ. Гора наша, по наружному виду, ни чѣмъ не отличается отъ окрестныхъ: тѣ же голыши и камни, обѣщающіе скучную растительность въ живое время, тоже обимѣ моху и по мѣстамъ примѣчательно ничтожное количество снѣгу, когда все кругомъ завалено имъ. Разница одна: у нашей горы, по-зади насть, и въ недалекомъ разстояніи, раскинулось, довольно большое селеніе со старыми гнилыми домами, разбросанными въ беспорядкѣ и доказывающими наружнымъ видомъ своимъ, что хозяева ихъ самые бѣдные и несчастные люди во всемъ свѣтѣ: нѣть ни одного дома, который говорилъ бы даже о кое-какомъ достаткѣ.

«Селеніе это казенное и приписано къ руднику; въ горѣ нашей находится самый рудникъ серебряный, давно уже существующій, какъ сказано выше.

«Прямо передъ нами бревенчатый сарайчикъ, по мѣстамъ обши-тый досками и однимъ краемъ своимъ вплотную примкнутый къ горѣ у самой подошвы ея. Досчатая дверь вводить насть въ этотъ теплый и наталиваемый домикъ; здѣсь предлагаютъ намъ снять шубу на томъ основаніи, что безъ нея будеть свободнѣе ходить по руднику, гдѣ, говорять, теплоѣ, чѣмъ въ этомъ домикѣ, тепло какъ въ банѣ. Но, помня, что на дворѣ слишкомъ 30° мороза, мы не рѣшаемся разстаться съ шубой (въ чёмъ, однако, пришлось намъ потомъ раскаяться). Намъ надѣваютъ на шею, на длинной веревкѣ, плоскій фонарь съ зажженой свѣчей, и мы направляемся въ то чистилище, о которомъ съ самаго дѣтства слышали такъ много страшнаго. Вотъ за этой-то новою дверью (и опять досчатою) — думалось намъ на тотъ разъ — тѣ каторжныя норы, гдѣ мучилось столько несчастныхъ и погибло въ нихъ безъ слѣда и воспоминаній. За ней-то, за дверью этой, одинъ изъ тѣхъ рудниковъ, о которыхъ ходить по всей Россіи такие мрачные и страшные разсказы. И теперь мы съ трудомъ отѣлываемся отъ непріятнаго чувства боязни,

бесознательного страха и тоски, до такой степени неодолимых, что были моменты, когда были готовы оставить наше намѣреніе и вернуться назадъ изъ опасенія не подвергать себя крупнымъ и тяжелымъ впечатлѣніямъ; потребовалось энергическое усиленіе воли, чтобы направиться дальше за эту таинственную дверь, и, разъ рѣшившись идти впередъ, мы принудили себя безропотно подчиниться провожатымъ, но непріятное чувство душевной тяжести и безотчетнаго сердечнаго трепета насть не покидаютъ. Отворилась дверь, — словно въ адъ, и истинное подобіе его представилось намъ тотчасъ же, какъ только глаза наши встрѣтили за дверью непроглядный, мертвенный сумракъ; къ тому же по нѣсколько ступенямъ мы опустились внизъ, на нѣсколько аршинъ ниже подошвы горы. Высокая гора, всей массой, всей громадой своей стояла теперь надъ нами, усиливая тяжесть нашихъ впечатлѣній. Мы — въ горѣ, подъ землей, словомъ — мы въ рудникѣ.

«Слишкомъ рѣзкій, крайній переходъ отъ дневнаго свѣта прирудниковской свѣтлицы — передней во мракъ самаго подземелья, не позволяетъ глазамъ нашимъ что либо видѣть, что либо понять изо всето того, что творится передъ нами, сзади насть, по бокамъ. Мы слышимъ голоса, но они кажутся намъ такими глухими и робкими, что какъ будто они, какъ и нашъ голосъ, выходятъ изъ сдавленной и натужненной груди. Гдѣ-то впереди, какъ волчьи глаза, мелькаютъ огоньки, но свѣтъ ихъ, поглощаемый густотой окрестнаго мрака, до того слабъ, что кажется особеннымъ, рудниковымъ. Висящій на груди у насть фонарь намъ дѣлаетъ не больше того: свѣтъ его чуть брезжится, ударяетъ въ спину проводниковъ, освѣщаю дѣвѣ три заплаты на полушубкахъ. При поворотахъ въ сторону, свѣтъ сальной свѣчки успѣваетъ обнаружить въ себѣ присутствіе силы на столько, что мы различаемъ досчатыя стѣны, мокрыя, сырья, и такія же доски на верху, на потолкѣ. И когда глазъ успѣлъ привариться, мы, что называется — оглядѣлись: предъ нами и позади насть оказался несомнѣнныи коридоръ, такой же точно, какъ и тѣ, до которыхъ такие охотники петербургскіе домовладѣльцы и архитекторы, показывающіе этимъ безсиліе своей изобрѣтательности и несостоительность своей науки; этотъ коридоръ намѣревался доказать противное. Онъ былъ такой же узкій и теплый, и въ такомъ же прямомъ направленіи тянетсѧ куда то вдалъ. Мы идемъ ни выше, ни выше, идемъ также свободно и теперь, какъ шли сначала, и идемъ какъ будто уже много саженъ, не одинъ десятокъ саженъ.

и — останавливаемся. Передъ нами третья дверь и обитый досками коридоръ кончился.

« — Что это значитъ?

« — Коридоръ (отвѣчаютъ намъ), — тунель этотъ называется штолней. Та часть штолни, которую мы прошли и которая сверху, снизу и съ боковъ забрана досками, уже выработана и къ дѣлу не годится. Рабочіе въ ней только для того, чтобы положить досчатыя заплаты тамъ, гдѣ старыя доски прогнили до слезъ. Разрабатывается вотъ эта...

« Отворили дверь — и мы снова погрузились во мракъ, который кажется намъ еще туще и непроягнѣе. Мы съ трудомъ передвигаемъ ноги, которая на каждомъ шагу встрѣчаютъ какія-то рѣвины, какіе-то камни, и между ними, по самой серединѣ дороги нашей, тягнется цѣлый жолобъ. По бокамъ, въ стѣнахъ каменныя глыбы; наверху, на потолкѣ, такіе же голые, неправильной формы, обитые камни: и тѣ, и другіе на ощупь холодны, сыры, слизисты, фонарная свѣча на большей части изъ нихъ освѣщаетъ ржавчину, окиси. Ощущенія становятся еще тяжелѣ: каменныя груды начинаютъ давить насъ нравственно всей тягостью виѣшняго вида своего, и мы снова съ трудомъ владѣемъ собою при объясненіяхъ.

« Это извѣстнякъ и глинистый сланецъ — подпороды; а вотъ и самая порода — наше богатство; изъ нея то мы добываемъ достославное серебро, которое и въ нашихъ рукахъ стало въ рѣдкость, какъ говорить, рѣдко оно и у васъ въ Россіи.

« Черезъ груды этихъ подпородъ и между глыбами породы пробираемся мы дальше, начинаемъ примѣтно уставать, намъ становится не только жарко, но даже душно. Духота, наполняющая на этотъ разъ штолню, напомнила намъ ту насыщенную влагой атмосферу бани, когда разрядился паръ, въ обилии сорвавшійся съ каменки. Въ духотѣ этой (думалось и выговорилось нами) — одинъ изъ видовъ катоги и духота эта, между прочимъ, полагалась одною изъ мѣръ наказанія нѣкогда работавшимъ здѣсь преступникамъ: духота эта едва выносима.

« — Отворите дверь! закричалъ одинъ изъ проводниковъ въ отвѣтъ на замѣчаніе наше.

« Крѣпкая струя морознаго воздуха мгновенно и съ неудержимой силой ворвалась въ штолню и выхватила, и унесла впередъ въ широкое отверстіе шахты весь тотъ удушливый и гнилой воздухъ, который до этой поры тяготилъ насъ. Пока задняя входная дверь

стояла открытою, мы съ трудомъ удерживали на головахъ шапки: до того была сильна тяга воздуха, которая, имъя для нась значеніе сквознаго вѣтра, становилось уже излишнею, и дѣлалась опасною для здоровья. Пока мы подвигались дальше, въ штолынѣ опять накопилось достаточно топлоты, чтобы снова жаловаться на шубу.

«Въ однѣмъ мѣстѣ, влѣво отъ нась, изъ штолыни потянулся глухой и тупой, безъ пролета, коридоръ, никуда не выходящій, и, въ отличіе отъ штолыни, на горномъ языкѣ известный подъ именемъ лихтлога. Свѣтъ фонаря освѣтилъ намъ его начало и изныть въ той густотѣ мрака, которую не разрѣшалъ ниразу лучъ солнечнаго свѣта, и съ которою ведеть по временамъ борьбу свѣтъ шестериковыхъ сальныхъ свѣчей въ фонаряхъ рабочихъ.

«Войти въ лихтлогъ мы не рѣшились и не пошли туда по той простой причинѣ, что лихтлогъ—также штолыня только поперечная, боковая, безъ выхода: боковая оттого, что увела ее туда серебряная жила, ударившаяся въ бокъ отъ основной, давшей направленіе штолынѣ, а безъ выхода лихтлогъ потому, что на тупомъ концѣ его оборвалась надежда на добычу, серебра стало меньше; и дальнѣйшая работа не обѣщала возврата затраченныхъ силь и капитала. Штолыня повела нась дальше и прямо, одинъ лихтлогъ остался въ сторонѣ на право; другой—на лѣво.

«Каменные груды съ боковъ и надъ ними, неукрѣпленныя искусствомъ и сдерживаемыя только силою взаимнаго тигоѣнія и упора,—грозить опасностью. Вода, въ избыткѣ просачивающаяся между камнями, усиливаетъ представленіе этой опасности для нась, непривычныхъ, безсильныхъ схватить всѣ подобности дѣла и на тотъ разъ понять всю систему предосторожностей. Мы радуемся за каждый шагъ, который завоевываемъ при выходѣ изъ штолыни и не-безсознательно вздрагиваемъ, въ боязни за себя, когда слышимъ предостереженіе провожатыхъ спрятаться на бокъ, гдѣ нибудь около стѣнки въ первое попавшееся углубленіе въ ней. Примѣръ тому видимъ на всѣхъ нашихъ спутникахъ, и, спрятавшись какъ умѣли и успѣли, мы вздрагиваемъ во второй разъ отъ сильнаго удара, который глухимъ и тупымъ раскатомъ потрясъ всю штолыню и исчезъ безъ эха и отголоска.

«— Что это такое?

«— Забой дѣлали! взрывъ произведенъ.

«Ощущаемъ пороховой запахъ, видимъ впереди себя новую вепышку и тотчасъ новый глухой стукъ взрыва, и снова ощущаемъ

запахъ пороха. Идемъ къ тому мѣсту и видимъ, или, лучше, слѣпо различаемъ на полу какія-то дыры, видимъ буравы въ рукахъ рабочихъ, намъ объясняютъ:

«— Буравъ вертить въ землѣ скважину, и оттого скважинѣ этой даемъ название буровой. Она заряжается порохомъ; порохъ рветъ часть грунта, выхватываетъ тѣ камни, которые мынаютъ намъ прокладывать жолобъ. Жолобъ этотъ по срединѣ пола штолни надобенъ намъ для стока воды. Вода одолѣваетъ наши работы безгранично; оставить ее на собственный произволъ и не выводить воинъ — значитъ поступиться всѣмъ рудникомъ; вода зальетъ его, какъ залила уже всѣ разработанные и покинутые или по волѣ начальства, или потому, что они уже и сами по себѣ перестали служить свою полезную службу.

«— Жолоба для стока воды мы закрываемъ досками, чтобы легче ходить и работать; жолобъ облегчить работы въ забояхъ; поль облегчить перевозку руды въ тачкахъ по штолни до шахты.

«— Но гдѣ же каторга, гдѣ тѣ работы, которыя мы привыкли считать самыми тяжелыми, называть каторжными?

«— Такихъ работъ нѣть въ рудникахъ. Здѣсь мы даемъ молотокъ и ломъ. Молоткомъ рабочій обиваетъ породу, освобождая ее отъ сопровождающихъ ненужныхъ намъ подпородъ; ломомъ вынимаемъ ту глыбу, которую намъ нужно и которую указываетъ и объясняетъ знающій дѣло распорядитель работъ. Глыба эта подается на ломъ, когда молотъ стѣмѣль хорошо распорядиться около нея. Вынутая изъ своего мѣста, она кладется на носилки или въ тачку и рабочій везеть одинъ или несетъ съ товарищемъ къ бадью, спущенной на дно широчайшей трубы, идущей отъ вершины горы до самой подошвы ея и называемой шахтой. Когда рабочій опростає свою ношу, то кричитъ на верхъ; бадью верхніе рабочіе поднимаютъ воротомъ на самый верхъ горы. Тамъ опоражниваютъ бадью, складывая руду на носилки. Тачкѣ рабочіе не любятъ и предпочитаютъ имъ носилки, всегда предполагающіе товарища, когда и трудъ раздѣленъ и есть съ кѣмъ перекинуться разговоромъ. Добытую породу сносятъ верхніе рабочіе въ указанное мѣсто въ кучу, изъ которой она уже поступаетъ для сортировки въ такъ называемую рудораздѣльную свѣтлицу. Выдѣмъ черезъ шахту на верхъ, я вамъ и это все покажу.

«И вотъ, до нась начинаютъ добираться лучи дневнаго свѣтѣ, падающіе сверху. Свѣтѣ нашего фонаря блекнеть, мы стоимъ подъ

крутоя деревянной лѣстницѣ; мы взбираемся по этой отвѣсно поставленной лѣстницѣ, съ широко-разставленными приступками, съ обязательно неизбѣжными перилами. Лѣстница плотно придѣлана желѣзными закрѣпами къ каменной стѣнѣ шахты. Съ трудомъ и надсаживая грудь, при помощи перилъ, поднимаемся мы на верхъ и съ трудомъ переводимъ дыханіе, очутившись на первой площадкѣ. Площадка эта однимъ краемъ опять уходитъ въ сырой и непроглядно-мрачный лихтлогъ, идущій параллельно нижней штолѣ и составляющей въ рудникѣ какъ бы второй этажъ его. Другой конецъ площадки обрывается въ ту огромную яму, которая прорыта до самой подошвы горы до dna той штолѣни, въ которой мы были, и освѣщается такой же широкой, какъ нижняя яма, трубой, составляющей ея продолженіе и выходящей на верхушку горы. Отдохнувши, осиливаемъ вторую лѣстницу, такую же отвѣсную и крутую, такую же неподатливую, съ такими же крѣпко захватанными перилами — снова устаемъ до изнеможенія и съ радостю узнаемъ на второй площадкѣ, что конецъ мученіямъ близокъ. Узнаемъ здѣсь, что Зерентуйская шахта, которая кажется намъ теперь глубокимъ и широкимъ колодцемъ, имѣть глубины 24 сажени: первая лѣстница 11 сажень, вторая 13; что бревенчатый сарай надъ шахтой-колодцемъ сооруженъ уже на крайней вершинѣ горы, что вся зерентуйская штолѣни длиною въ 160 сажень, но что дѣлаютъ новую — «Надежду», которая будетъ еще больше, еще длиннѣе, но въ другомъ мѣстѣ.

«Отрадно было, по выходѣ изъ шахты, взглянуть на свѣтъ Божій; весело было вздохнуть свѣжимъ, хотя на этотъ разъ и крѣпко-морознымъ воздухомъ, и еще краше и веселѣе глядѣли теперь на насъ со всѣхъ сторонъ окрестные валуны — эти застывшія морскія волны и еще сумрачнѣе, тяжелѣе и каторжнѣе показалась намъ вся темная мгла подземельевъ — штоленъ, лихтлоговъ и тяжелый полумракъ шахты.

«Цѣлыми десятками лѣтъ, не одной тысячию преступныхъ и непреступныхъ рукъ, рылись эти каторжныя подземелья, и рудникъ, оцѣненный десятками тысячъ рублей, неизмѣримо высоко поднимается въ цѣнѣ отъ того множества слезъ и стоновъ, которые вызваны были среди сумрачныхъ каменныхъ стѣнъ на тяжелой, опасной работѣ, и которые ввѣрены были тѣмъ же бездушнымъ стѣнамъ и тѣмъ же безгласнымъ и холоднымъ камнямъ. Черезъ чистую и свѣжую ключевую воду проходить все то золото, кото-

рымъ покупается цѣлый свѣтъ, и только въ немногихъ мѣстахъ въ ключевой водѣ этой примѣщаются и мутаты, и темнить эту воду горькія слезы несчастныхъ; но все серебро, накипѣвшее въ нѣдрахъ земныхъ, добытое въ сибирскихъ рудникахъ, прошло черезъ горькія и также ключемъ бьющія слезы несчастныхъ. И сколько смертей, нежданныхъ, негаданныхъ, накидывалось тамъ, въ этихъ темныхъ, и сырыхъ подземельяхъ, на терпѣлівую, замѣчательно выносливую и крѣпкую натуру русского человѣка, хотя на этотъ разъ и обездомленную крутымъ житейскимъ переломомъ и крѣпкимъ, болѣею частію непредвидѣннымъ несчастіемъ».

«Каторжна жизнь рудниковаго рабочаго, пишетъ далѣе С. В. Максимовъ, не только потому, что она бесплатна, обязательна, казенная, но и потому, что подвергается случайностямъ, недалека отъ несчастій и граничитъ съ нечаянною, скоропостижною смертію.

«Диркой бѣть»—кладеть на смерть и увѣчить рабочаго при быстромъ нечаянномъ взрывѣ буровой скважины, сопровождаемомъ неизбѣжными камнями, осколки которыхъ брызжутъ по сторонамъ съ быстротой и силой. Эта опасность для неопытныхъ рабочихъ на каждомъ шагу, потому что на каждомъ шагу эти буровыя скважины, и потому, что при спѣшныхъ работахъ на каждый шагъ не напасешь осторожности и оглядки, если и та и другая не обратились въ привычку.

«Горой давить» рудниковаго рабочаго также опасность, тоже несумѣнѣе, а часто и невозможность спохватиться во время,—именно въ то время, когда онъ сдѣлалъ подработку молоткомъ своимъ подъ породу, и отломится отъ нея плохо слипшійся или хорошо отбитыя груды известняка или глинистаго сланца. Горой этой и увѣчить, и давить до смерти..

«Новичокъ арестантъ, приходящій на крайнюю каторжную работу—на карійскіе золотые промыслы—назначается обыкновенно хвосты убирать. Хвостами называются тѣ пустые, ненужные пески, которые остаются на разрѣзѣ послѣ промывки золота и отъ которыхъ золото уже отдѣлено: вода, унося пески, какъ вещества легчайшее, и не сладивъ съ крупинками золота — веществомъ тяжелѣйшимъ, оставила ихъ осѣвшими на днѣ промывнаго жолоба. Уборка хвостовъ или пустыхъ песковъ—работа каторжная и потому, что требуетъ усиленныхъ уроковъ и нѣкоторой поспѣшности, чтобы принять съ дороги старую ненужную дрянь и дать мѣсто новой драгоценности и потому хвостовая работа тяжела главнымъ обра-

зомъ тѣмъ, что не заключаетъ въ себѣ и не даетъ того, чѣмъ красна всякая работа. Она мало питаетъ сознаніе, что въ трудѣ этомъ заключаются тѣ же животворные, осязательные и наглядные результаты, какъ и во всякомъ другомъ трудѣ рукъ существа разумного и мыслящаго. Этотъ трудъ на хвостахъ какъ будто даже бесполезно истрачиваетъ физическая силы и безъ того значительно истощенный и, во всякомъ случаѣ, нисколько не укрепляетъ духъ, не поддерживаетъ жизни его. Носить цѣлые дни съ ранняго утра до поздняго вечера пустые пески, носить ихъ по заказу, на урокъ, въ виду наказанія за неисполненіе полной задачи и безъ всякаго существеннаго и нравственнаго вознагражденія на случай честнаго исполненія долга и обязанности: дѣло равносильное и равноправное древнему монастырскому наказанію—толочь въ ступѣ воду. Сверхъ того сознаніе, что вся эта работа направлена ни ближе, ни дальше, какъ къ безцѣльному сооруженію на крутыхъ рѣчныхъ берегахъ новыхъ береговъ, цѣлыхъ горъ песчаныхъ, такъ называемыхъ отваловъ, сознаніе это беспредѣльно мучить и терзаетъ несчастныхъ арестантовъ, твердо убѣжденныхъ и сознательно убѣждаемыхъ въ томъ, что исполняютъ они тѣ самыя работы, которыя по всемъ правамъ принадлежать воламъ, лошадямъ, животнымъ...

«Солеваренная каторга вся тяжела; тяжка она больше всего для организма, которому представляются многотрудныя задачи, особенно въ сибирскихъ заводахъ, построенныхъ на старый образецъ: черно и грязно, старо и грубо. Прежде, когда гнали человѣческою силою разсоль изъ соляныхъ источниковъ по жолобьямъ и поднимали бадьями въ бунфы посредствомъ насосовъ—солеваренная каторга была настоящая, тяжелѣ и мрачнѣ вѣхъ. Ссыльные качали насосы на высокихъ каланчахъ иногда при 30° морозу, одѣтыми въ казеннную рвань; насосы были первобытной формы, какъ на простыхъ баркахъ, однако требовали, при каждомъ движениѣ, силы и поклона вѣдь тѣломъ почти до земли. Разсоль долженъ былъ пробѣгать по жолобьямъ безпрерывно; платье на рабочихъ сначала мокло отъ брызговъ, потомъ замерзло. Рабочій, отбывъ свою сѣмьну, все стоя на ногахъ, дѣйствительно побывалъ на каторгѣ. Тяжелая качалка таѣ утомляла троихъ людей, обязаннныхъ урокомъ свыше ста раскачиваний, что они часто падали на мѣстѣ въ беспамятствѣ отъ крайняго истощенія силъ. Журавцы были замѣнены ручными насосами въ 1836 г.; къ насосамъ, для большаго облегченія работы, приблѣзаны маятники,—стало легче: балансиръ маятника стали поталкивать отъ

себя уже меньшее количество рукъ съ наименьшими усилиями; люди могли это дѣлать, сидя въ особо приложенныхъ бесѣдкахъ. Затѣмъ постарались (1838 г.) къ насосамъ приспособить лошадиную силу и двѣ лошади стали дѣлать то, что прежде производили двѣнадцать человѣкъ. Но и послѣ тѣхъ приспособленій для каторжныхъ осталось довольно мѣста, чтобы видѣть ясно, что силь ихъ не щадить и не цѣнить, о человѣческомъ достоинствѣ ихъ не заботятся и ихъ тѣло почитаютъ не выше лѣсной гнилушки. Жарь, который скопляется въ томъ сараѣ, гдѣ варится соль, въ громадномъ чренѣ или сковородѣ, становится во время горячихъ и спѣшныхъ работъ до того тяжелымъ и невыносимымъ, что арестанты принуждены скидывать съ себя все платье и работать голыми до обильнаго пота. Но и при этихъ условіяхъ духота и жаръ до того неодолимы, что каждый рабочій обязанъ выбѣгать изъ варницы въ бревенчатую холодную пристройку, плохо мшонную и безъ печки, гдѣ такимъ образомъ ожидаетъ мокре и потное тѣло рабочаго свѣжий, морозный, уличной температуры, воздухъ. Многія варницы отъ неправильнаго устройства пролетовъ накопляли такой дымъ, что рабочіе, для поправленія огня, не могли и по землѣ ползать. Въ вѣтряное время они задыхались; на лучшій конецъ добивались безвременнаго страданія и боли глазъ, и до потери аппетита. Малыйшій порѣзъ какого нибудь члена, на разѣдающихъ соляныхъ парахъ варницы, производить опасныя жгучія раны. Присоединя къ нимъ неизбѣжную простуду, при быстрой и крайней перемѣнѣ температуръ, мы встрѣчаемъ тотъ положительный фактъ, что рѣдкій рабочій выдерживаетъ больше двухъ мѣсяцевъ: многіе уходятъ въ госпиталь, всегда наполненный больными ревматизмомъ, тифомъ, потерю аппетита, но еще большее число рабочихъ, не успѣвшихъ заболѣть или поправившихся отъ болѣзни уходить въ лѣсъ и въ бѣга при первомъ благопріятномъ случаѣ, на какіе особенно щедръ и богатъ Иркутскій солеваренный заводъ или такъ называемое Иркутское Усолье...

«На винокуренныхъ заводахъ степень каторжной тяжести видоизмѣняется, значеніе каторги своеобразнѣе. Тамъ круглый годъ тяжело живутъ, обязанными подкладывать дрова въ печь и, стало быть, цѣлые сутки стоять у огня въ тѣсномъ подвалѣ, среди нестерпимой духоты, около удушливаго печнаго жара. Здѣсь значеніе каторги сходствуетъ съ тѣмъ, которое даетъ соляная варница и получаетъ разительное подобіе, когда припомнимъ то обстоятельство, что каторжный рабочій — не вольнонаемный; по отношенію къ нему

нѣть уже никакихъ уступокъ ни вынужденныхъ, ни естественныхъ; возвышенной плагы онъ не потребуетъ, отъ тяжелой работы не откажется и не посмѣть заявить открыто и гласно всѣ тѣ права, о которыхъ всегда готовъ напомнить свободный человѣкъ, вольный рабочий, старожиль — сибирякъ крестьянинъ. Зимою, во время холодовъ, заводская винокуренная каторга, всей своей тяжестью, налегаетъ на заторщиковъ, обязанныхъ чистить квашни, промывать въ нихъ прилипшее къ стѣнкамъ этого огромнаго ящика тѣсто, когда намоченные руки знобить Ѣдкимъ, невыносимымъ ознобомъ, когда рабочий, отъ пребыванія въ пару, постепенно охлаждаемомъ, успѣваетъ даже закуржавѣть, т. е. покрыться инеемъ до подобія пущистой птицы. Послѣдствія извѣстны врачамъ и даже дознаны на практикѣ: это постоянная дрожь во всѣмъ тѣлѣ, отсутствіе аппетита и лихорадка, которую сначала больные презираютъ, а оттого вгоняютъ въ тѣло глубоко и близить посѣднѣе къ гробовой доскѣ. Нерѣдко накрывала посѣднѣя рабочихъ, опущенныхъ въ лари, гдѣ бродила брага, прежде чѣмъ выходилъ оттуда весь углеродный газъ, накопившійся во время броженія браги: рабочіе эти тамъ задыхались и ихъ на другой день выносили оттуда уже мертвыми холодными трупами»...

А вотъ и очеркъ одной изъ тюремъ, гдѣ помышлаются каторжны (Нижнекарійской). Снаружи казарма ветхая, рѣшетки ржавыя, крыльцо погнившее, крыша полинялая, но за то все остальное, обрядовое, въ совершенномъ порядкѣ и надлежащей форменности. Внутренность казармы... Впрочемъ, мы предоставимъ разсказать это самому автору.

«Передъ нами отворилась дверь, говорить г. Максимовъ, и словно изъ погреба, въ которомъ застоялась нѣсколько лѣтъ вода и не было сдѣлано отдушинъ, насы облила струя промерзлаго, спершагося гнилаго воздуха, теплаго, правда, но едва выносимаго для дыханія. Мы съ трудомъ переводили посѣднѣе, съ трудомъ могли опомниться и прийти въ себя, чтобы видѣть, какъ суетливо и торопливо соскочили съ нары всѣ закованыя ноги и totчасъ же, тутъ подѣль, вытянулись въ струнку, руки по швамъ, по-солдатски. Многіе были въ заплатанныхъ полушубкахъ въ накидку, на сколько успѣли; большая часть просто въ рубашкахъ, которыхъ когда-то были бѣлые, но теперь были грязны до невозможности. Мы все это видѣли, видѣли на этотъ разъ большую казарму, въ срединѣ которой въ два ряда положены были деревянныя нары; тѣ же нары обходили

кругомъ, около стѣнъ казармы. Видъ извѣстный, неизбывный во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ держать людей для казенной надобности въ артели, въ ротахъ, въ батальонахъ. На нарахъ валялись кое-какіе лоскуты, рвань, тоненькие какъ блинъ матрацы, измызганные за долгій срокъ полушибки, и вся эта ничтожная, неимѣющая никакой цѣны и достоинства собственность людей, лишенныхъ добра го имени, лишенныхъ той же собственности. Вопиющая, кричащая бѣдность и нагота кругомъ нась, бѣдность и несчастіе, которыя въ добавокъ еще замкнуты въ гнилое жилище, окружены гнильмъ воздухомъ, дышать отравой его до цынги, ступаютъ босыми ногами съ жесткихъ наръ на грязный, холодный и мокрый полъ. Нечистота пола превзошла всякое вѣроятіе: на немъ пальца на два (буквально) накипѣло какой-то зловонной слизи, по которой скользили наши ноги, не разъ ходило сильное властю и средствами начальство,— и не замѣтило, а если и замѣтило — то навѣрное забыло. Половина смрада въ казармѣ копилась на полу и наполнила потомъ всю ее до самаго потолка, который также оказался неспособнымъ отправлять свою трудную службу. Отворялись и форточки — и не помогали дѣлу ни мало; топятся и уродливыя огромныя печи и оказываются безсильными. И вся сила спасенія не въ планочкахъ, которыя мы, набалованные повадкой, охотно прибиваемъ ко всякому мѣсту, которое сквозить, свистить и просвѣчивасть, не въ загрунтовкѣ мѣстъ, которыя пробѣлѣли до того, что заразились гноемъ и сочатся гнилой, порченной кровью: вся сила,—въ коренной перетрускѣ старого и въ рѣшительномъ созданіи новаго ¹⁾...

Наконецъ, представимъ и портреты иѣкоторыхъ, выслужившихъ срокъ, ссыльнокаторжныхъ:

« — Иванушко, подико сюда! кричать приставъ промысла встрѣчному. Изъ воротъ съѣдняго дома вышелъ человѣкъ въ рваной шапочкѣ, съ всклокоченной рѣденькой бороденкой. Шея его была голая;

¹⁾ Лѣтомъ 1857 г. въ тюрьмахъ карійскихъ гнѣздились повальная и смертная цынга. Люди заболѣвали отъ великихъ усиленныхъ работъ ради историческихъ ста пудовъ золота, когда всѣ ссыльные каторжные сгруппированы были здѣсь и размѣщены въ тѣсныхъ и сырыхъ помѣщеніяхъ. Въ результатѣ было то, что свыше тысячи человѣкъ умерло, да въ архивахъ осталось свидѣтельство мѣстнаго лекаря, гдѣ онъ писалъ, что причина тому больше всего обетшалость острожныхъ зданій, въ особенности же зависящая отъ того сырость внутри оныхъ...

армячинко совсѣмъ слѣзъ съ плечь, и даже рубаха подъ нимъ была рваная. На ноги этого человѣка я уже и рѣшимости не имѣлъ посмотреть. Иванушку всего подергивало, голова не твердо держалась на плечахъ; онъ то приклонить ее къ правому плечу, то быстро отдернуть къ лѣвому. Лѣвое плечо худономъ ходить, и самого Иванушку какъ будто всего ведутъ судороги, какъ будто чувствуетъ онъ, что всѣ его конечности не на своихъ мѣстахъ и онъ употребляетъ теперь всѣ усилия, чтобы вправить ихъ кости въ чашки, въ надлежащія и пристойныя мѣста. Видно, тяжело Иванушкѣ носить свою головушку, да и съ остальнымъ тѣломъ мудрено ему ладить, а повидимому онъ не тяготится этой работой; на дворѣ слишкомъ тридцать градусовъ мороза, а у него оба плеча буквально голы.

« — Гдѣ ты былъ? ласково спрашиваетъ его приставъ.

« — Сиѣжку отгребаль: покормили за то! отвѣчаль Иванушко и брызгалъ. Голова какъ будто еще сильнѣе заходила на плечахъ. Лѣвое плечо такъ и приподнялъ онъ до самыхъ ушей.

« — А кто ты такой? продолжаль разспрашивать приставъ.

« — Я—Божій человѣкъ! гнусливо растянуль стариочекъ.

« — Какъ прозываешься-то?

« — Послѣнцемъ велять зваться.

« — Откуда ты родомъ?

« — Съ Вятки родомъ.

« — За что присланъ-то сюда?

« — Я и самъ не знаю. Мнѣ бы ужъ домой идти надо. На родину пора... Тамъ у меня тятька съ маткой остались.

« — Да вѣдь ужъ нельзя тебѣ возвращаться-то...

« — Можно, говорить вонъ тамъ.

Иванушко указаль рукой на тюрьму.

« — Надо, слыши, только бумагу этакую достать; безъ бумаги-де не пропустить и назадъ вернуть. Дай ты мнѣ такую бумагу, чтобы мнѣ въ Россію уйти, сколько прошу!.. (и въ послѣднихъ словахъ послышался упрекъ).

« — Всякій разъ обращается онъ ко мнѣ съ этой просьбой!— объяснилъ потомъ приставъ, когда оставили Иванушку.

« — А вотъ и другой экземпляръ ссылочно-каторжнаго, говорилъ тотъ же карійскій приставъ, указывая на высокаго старика, сѣдого какъ лунь, тщательно выбритаго и чистенько одѣтаго. Старикъ привокалъ мое вниманіе, продолжаетъ г. Максимовъ, необыкновенно правильными чертами лица, въ глазахъ его еще было много жизни

и во всѣхъ чертахъ лица много мягкости и ничего злодѣйскаго ни во взглядѣ, ни въ улыбкѣ; даже и верхняя челюсть не была развита въ ущербъ остальнымъ частямъ лица. Глядѣлъ онъ бодро, честно и открыто, ишѣлъ смѣло и увѣренно. Сложеніе онъ было превосходно и даже той сутуловости, которая характеризуетъ всякаго ссыльнаго, битаго кнутомъ, и даже той запуганности, которая заставляетъ прятать взоръ куда-нибудь въ сторону, въ уголъ, мы въ немъ не замѣтили. Наконецъ, той робости, которая велитъ скидывать шапку всякому встрѣчному (что такъ любятъ и привыкли дѣлать всѣ, просидѣвшіе долгое время въ каторжной тюрьмѣ)—въ старики нашемъ также замѣтно не было. Виѣшній видъ расположилъ меня въ его пользу и я готовъ былъ усомниться въ подлинности и вѣроятнѣи рекомендаціи пристава; но послѣдній настаивалъ на своемъ:

«— Три года въ Акатубъ на цѣпи сидѣлъ.

И самъ старики разсказывалъ потомъ:

«— Въ Калугѣ, на родинѣ, почту мы ограбили и почтальона съ ямщикомъ убили.

«И откуда онъ взялъ столько хладнокровія, чтобы совершенно спокойно выговорить эти послѣднія слова изъ разсказа своего.

«— А за что тебя на цѣпи посадили?—спрашивалъ приставъ.

«— Сами знаете, ваше благородіе!—отвѣчалъ старики: и мягкая, кроткая улыбка пробѣжалась по лицу его. Улыбка эта, можетъ быть, въ то время меня обманула, продолжаетъ г. Максимовъ, но я и теперь за нее. Далеко ходить въ оправданіе ей; но лицо старика при дальнѣйшихъ разспросахъ оставалось невозмутимо спокойнымъ. Думалъ ли онъ на тотъ разъ, что передъ прямымъ, непосредственнымъ своимъ начальникомъ скрываться нечего: онъ все знаетъ. Или сообразилъ онъ, что нѣтъ грѣха сознаться въ томъ преступлѣніи, которому минула законная давность и тяжесть котораго давно уже искуплена цѣпью и одиночнымъ заключеніемъ, сопроточивающимъ всѣ помыслы въ самомъ себѣ,—старикъ обо всемъ этомъ вслухъ не сознался, но повѣдалъ другое:

«— На цѣпи я сидѣлъ за то, что изъ тюрьмы бѣжалъ, на дорогѣ бурятскую юрту ограбилъ и одного братскаго задушилъ.

«И опять хладнокровный тонъ въ показаніи, какъ будто въ свидѣтельство того, что старики теперь не боится за себя. Знать «умыкали бурку крутыя горки».

«— Взять я его къ себѣ въ водовозы, и не нахвалиюсь стара-

ніемъ и усердіемъ; запиваетъ иногда, но очень рѣдко — говорилъ приставъ. У нашего начальника жила въ кормилицахъ женщина, сослана сюда за убийство собственного ребенка, и исполняла свою обязанность съ такой любовью, что иная мать не прилагаетъ столько нѣжности и ласки къ собственному дѣтищу. Мы объяснили это порывами раскаявшейся натуры, жаждавшей искусственно, подогрѣтою любовью замыть кровавый грѣхъ ужаснаго преступленія,—но баба эта наѣла обманула. Теперь она осталась нянѣкою при многихъ дѣтиахъ и вотъ уже четвертый годъ такая же неустанныя, безсонная, честная и нѣжная работница.

«Третій, Мокѣевъ, и также случайно попавшій на глаза, былъ именно изъ тѣхъ боязливыхъ и робкихъ, которые привыкли прятать свой взглядъ, привыкли быть замкнутыми и неоткровенными на любой изъ вызововъ вашуихъ. Ссыльный этотъ писалъ, напр. стихи, и одно время исполнялъ даже обязанность полковаго пѣты: написалъ по заказу начальства пѣсню на отправленіе первой экспедиціи, снаряженной для завоеванія Амура. Мокѣевъ пришелъ въ Нерчинскіе заводы по дѣлу обѣ ограбленіи и умерщвленіи какого-то купца, гдѣ-то въ степныхъ губерніяхъ, и принесъ съ собой рекомендательныя письма. По письмамъ этимъ онъ оказался виновнымъ только въ томъ, что былъ при убийствѣ свидѣтелемъ, но не участникомъ. Письма говорили, между прочимъ, и то, что онъ, нося веселое званіе купеческаго сына или брата, вѣль въ тоже время и жизнь, приличную этому званію, т. е. ничего не дѣлалъ, кромѣ кутежей, ничего не видѣлъ, кромѣ трактиръ и погребовъ. Онъ жилъ такимъ образомъ долго и весело, пока не истощились отцовскія деньги. Недостатокъ денегъ вывелъ его изъ трактира въ кабакъ. Въ кабакѣ онъ попалъ на развеселыхъ товарищѣ, которые образовали шайку, имѣвшую намѣреніемъ поправить свои обстоятельства и подсластить пропойную жизнь на чужія средства. Средствомъ для этого дру즈ья придумали грабежъ на большой дорогѣ. Желая ограничиться грабежемъ, они сгоряча и въ противоборствѣ совершили убийство, но безъ участія Мокѣева, хотя и въ его присутствіи. Какъ соучастникъ и другъ убийцъ, не давшій во время знать начальству о преступленіи, онъ отъ товарищества судомъ выдѣленъ не былъ, и вмѣстѣ съ ними попалъ на каторгу. Сюда, когда онъ освободился изъ тюремы, богатые родные присыпали ему деньги. На деньги, при посредствѣ промысловаго начальства, вознаградившаго его тѣмъ снисхожденіемъ и участіемъ, которыхъ не получилъ онъ отъ судей, Мокѣевъ

къевъ успѣль затѣять кое-какую торговлю. Торговалъ онъ удачно и деньги наживать началь, да вдругъ вспомнилъ о своемъ бездольѣ и родинѣ—и запилъ. Запой сокрушилъ всѣ его средства; новые присылки денежной помощи шли въ кабакъ. Сколько не валили потомъ щебня въ болото: гати не сдѣлали, разъ прососавшаяся вода по знакомому ложу смыvalа всѣ преграды. На время (и только на время) простоявилась было вода на мельницѣ, не рвала гати и обѣщала по ней прямое и надежное русло туда куда надо: Мокѣевъ полюбилъ вольную казачку, полюбился и ей—и женился, торговля опять пошла на ладъ; колеса на мельницѣ завертѣлись; мука была и покупателей было довольно, да вдругъ загуль, и опять прорвало плотину. Суетилась жена, хлопотали сосѣди, суетились и хватали много и долго, а добились одного только, что больной сталъ пить не загулами, а запоемъ, что какъ извѣстно, и безнадежно и неизлечимо. Сталь Мокѣевъ человѣкомъ убитымъ и потеряннымъ и скрежещетъ теперь зубами на свою шаль и дурь; и жену любить и всѣми сосѣдями быть бы любимъ за кроткій податливый нравъ, да слабость свалила и не позволяетъ встать на ноги. Мокѣевъ теперь на все рукой махнулъ.

«— Ничего съ нимъ не подѣлаешь—говорила жена его: самый безпутный человѣкъ! пѣсни писать пуще прежняго началь, станеть тебѣ читать какую,—слезой прошибеть. Лучше бы ужъ въ гробъ скорѣе ложился да гробовой доской накрывался. Вотъ и вчера пьянеонекъ домой пришелъ и завтра такой же будетъ».

Маколѣй въ одной изъ своихъ статей говорить: «Дантовская поэзія своею картиноштю превосходить все что когда-нибудь было написано. Впечатлѣніе, производимое ею, напоминаетъ впечатлѣнія, которыя мы чувствуемъ, смотря на произведенія живописи или рѣзца». Если подъ сущностю поэзіи, какъ полагаетъ знаменитый ученый, историкъ и поэтъ Англіи, понимать только искусство употреблять слова въ такомъ видѣ, который производить съ помошью словъ то, что живописецъ производить съ помошью красокъ, то въ описаніи каторги С. В. Максимова нельзя не видѣть высоко-поэтическаго, художественнаго очерка. Это описание своей жизненностью, своей поражающею оригинальностью, своей безотрадной правдой превосходить даже мрачныя картины дантовскаго ада. Это не иллюзія, не миражъ, обманывающіе органъ зрѣнія, не театральныя сцены, увлекающія воображеніе; это—жизнь со всѣми ея страстями, жизнь безрадостная, безнадежная, свитая изъ зла и горести, ползущая, пресмыкаю-

щая какъ гадина и возбуждающая въ душѣ отвращеніе до нес plus ultra; это—съидна ядовитая и безпощадная; это, наконецъ, сама Медуза, смертельно поражающая всю нервную систему, Медуза живая, во всемъ своемъ грозномъ величиі, съ выющимися и шипящими горгонами на головѣ... Читая очеркъ Максимова, вы видите передъ собой и чутъ не осязаете это чудовище, называемое каторгой, видите, какъ оно постепенно и безъ всякой пользы для дѣла и для самихъ ссылочно-каторжныхъ истязаетъ и истощаетъ до изнеможенія физическая ихъ силы, губить жизнь духа, развивается и поддерживаетъ съ заботливостью, достойною лучшихъ цѣлѣй, заразительныи и неизлечимыи между ними болѣзни, дѣлаетъ людей идиотами, мономанами, существами дряхлыми и ни къ чему неспособными, живыми мертвѣцами и скелетами до времени—и ужасъ охватываетъ ваши члены, волосъ становится дыбомъ, окончности коченѣютъ и языкъ невольно лепечетъ стихъ Данта:

«Почто нашъ грѣхъ караетъ насъ такъ строго?..

По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ г. Максимовымъ, въ теченіе тридцати восьми лѣтъ (съ 1823 по 1861 г.) въ Сибирь изъ Россіи ушло всего обоего пола лицъ 289,514, сосланныхъ по судебнѣмъ приговорамъ и административнымъ порядкомъ, не считая пришедшихъ по волѣ женъ и дѣтей. Въ этомъ числѣ сослано въ каторжныи работы 39,601 мужч. и 4330 женщ. и на поселеніе 207,604 мужч. и 37,179 женщ. Цифра не маленькая, надъ которой нельзя не призадуматься.

Хотя учрежденіемъ внутри Россіи центральныи тюремъ для содержанія нѣкоторой части преступниковъ, приговоренныхъ къ каторжныи работамъ, и положенъ краеугольный камень основанія новой тюремной системы, но какъ старый порядокъ ссылки на каторгу въ Сибирь, такъ и вновь усвоенныи на западѣ системы тюремнаго заключенія, не удовлетворяютъ рациональнымъ потребностямъ современниаго, гуманнаго взгляда на содержаніе подъ стражею людей, признанныхъ судомъ преступными.

Существующая въ настоящемъ видѣ каторжныи работы—наслѣдіе доброго старого времени, когда каторга считалась продолженіемъ нещаднаго битья кнутомъ и заорленія щекъ. Сибирь, какъ ссылочное мѣсто, обречена была прикрывать грѣхи Россіи. Она залита слезами, оглушенна стонами и усѣяна костями отверженцевъ и отщепенцевъ общества. Каторга по своему значенію даже не кара, не наказанье, не возмездіе, но нѣчто большее... Это—пытка, и пытка тѣмъ болѣе

страшная и мучительная, что она продолжается не день, не два, не три, но годы, десятки лѣтъ и даже безсрочно. Это—ничто иное, какъ безконечная нравственная ветряска, дыба безъ отдыха, медленный огонекъ безъ предѣла и конца. Каторга противна не только человѣчеству, но даже самому принципу кары и возмездія. Окончательное уничтоженіе ея будетъ принято съ восторгомъ всѣми здравомыслящими людьми и займетъ, безъ сомнѣнія, видное мѣсто на страницахъ современной исторіи.

Но высказываясь за окончательное уничтоженіе традиціонныхъ каторжныхъ работъ, мы не можемъ не коснуться и новыхъ тюремныхъ системъ. За границей существуютъ двѣ системы заключенія: келейная и, такъ называемая, молчанія.

Въ началѣ настоящаго столѣтія, въ видахъ предупрежденія развитія преступлений, исправленія преступниковъ и устраненія рецидивизма, квакеры-филантропы изобрѣли келейную систему заключенія. Въ основаніе этой системы легла та мысль, что преступникъ, заключенный въ приличной, опрятной и чистой комнатѣ, снабженной всѣмъ нужнымъ, и, слѣдовательно, изолированный отъ всѣхъ вредныхъ влияний со стороны другихъ преступниковъ, не можетъ не исправиться, такъ какъ вся его обстановка должна располагать его къ размышленіямъ и раскаянію. Но эта система оказалась хоронею только въ теоріи. Примѣненная первоначально въ Оборнскій тюрьмѣ въ Америкѣ, она дала страшные результаты. Большая часть преступниковъ въ самое короткое время погибла. Одни впали въ идиотизмъ, другіе сошли съ ума, треты умерли. Изъ числа всѣхъ заключенныхъ въ этой тюрьмѣ испытаніе вынесли только 26 человѣкъ. Тюремное начальство, боясь отвѣтственности за такие неутѣшительные результаты, освободило всѣхъ заключенныхъ, вынесшихъ пробные эксперименты, но изъ числа освобожденныхъ 26 человѣкъ—14 въ самомъ непродолжительномъ времени вновь попали подъ судъ и были приговорены къ заключенію въ той же тюрьмѣ за повторенные преступленія. Другія тюрьмы въ Америкѣ, гдѣ производились подобные опыты, дали почти такие же результаты: въ Нью-Джерси, напр. десять человѣкъ умерли одинъ вслѣдъ за другимъ. Примѣненіе этой системы (съ допущеніемъ, впрочемъ, работъ), во Франціи повело къ болѣе худшимъ результатамъ—къ развитію между преступниками самоубийства. Въ одномъ 1866 году насчитывалось до 46 самоубийствъ, происшедшихъ, по преимуществу, въ кельяхъ. Вторая система (молчанія) выродилась изъ первой. Преступники находятся на

работахъ и на прогулкахъ вмѣстѣ, но имъ предписывается сохранять повсемѣстно безусловное молчаніе. Но смотря на то, что тюремныи начальствомъ были принимаемы всѣ зависиція отъ него мѣры къ развитію этой системы, она не пустила корни во Франціи: правительство вынуждено было заявить, что оно отказывается отъ этой системы. Система молчанія на сколько неизѣпа, на столько и чудовищна. Для того, чтобы правила молчанія были выполняемы во Франціи, въ 1864 году, 18713 преступниковъ перенесли въ тюрьмѣ 59841 наказаніе, въ томъ числѣ были 10604 случая заключенія въ карцеръ, и это одно наказаніе составило 94563 дня, т. е. почти по 10 дней карцера на каждого преступника. Приведенные нами статистическія данныя сами собою краснорѣчиво говорятъ о достоинствахъ системы молчанія и не требуютъ никакихъ коментарій.

Безъ сомнѣнія, тюрьмы, построенные по новѣйшей системѣ, какъ зданія для помѣщенія отверженцевъ и отщепенцевъ общества, наиболѣе соответствуютъ идеѣ гуманности, нежели тѣ постройки, которыя такъ характеристично и вѣрно описаны г. Максимовыи, но какъ учрежденія, какъ системы для содержанія подъ стражею людей, признанныхъ судомъ преступными, они стоять на ряду съ нашими традиціонными каторжными работами въ Сибири, если еще не ниже ихъ. Какъ тѣ, такъ и другія—плоды долголѣтнихъ измышленій криминалистики, основанной исключительно на принципѣ возмездія и устрашенія, съ тою только разницею, что каторга изобрѣтена тогда, когда работаль застѣнокъ, свирѣпствовалъ кнутъ и производились церемоніи торжественнаго и всенароднаго заорленія щекъ; а системы заключеній—келейная и молчанія—дѣло филантропіи XIX вѣка, который работу застѣнка, свистъ бича и клеймо щекъ воспроизводить въ другой болѣе изысканной формѣ, но безъ всякой пощады и снисхожденія, казнить съ соблюденіемъ приличій, но въ высшей степени мучительно и жестоко.

Намъ кажется, что прежде нежели остановиться окончательно на одной изъ системъ содержанія подъ стражею отверженцевъ и отщепенцевъ общества, нужно пересмотрѣть и согласить съ духомъ новаго уголовнаго судопроизводства и самое уложеніе о наказаніяхъ, вдунуть въ него, такъ сказать, душу бессмертную. Хотя современное уголовное право и усвоило нынѣ болѣе гуманный взглядъ на преступленія, нежели это было прежде, но основныя начала его ничѣмъ не отличаются отъ началъ уголовнаго права древніхъ народовъ. Это—сочетаніе принциповъ кары, возмездія, абстрактной спра-

ведливости и устрашеннія. При такомъ характерѣ уголовныхъ кодексовъ вообще въ Европѣ караются одни преступленія, на источники же происхожденія преступленій, на тѣ неблагопріятныя условія нравствен-наго, соціальнаго и экономического положенія человѣка, которыхъ имѣютъ подавляющее вліяніе на проявленіе его личной воли, не обращается никакого вниманія, вслѣдствіе чего и самыя средства къ излеченію общественныхъ болѣзней и язвъ найдены быть не могутъ. Нисходя въ глубь вѣковъ, мы видимъ, что первобытный человѣкъ, въ дѣлѣ расправы за обиды и оскорблѣнія, руководился только чувствомъ мести. Древніе греки считали месть наслажденіемъ боговъ. Первые законодатели народовъ узаконили месть: Моисей опредѣлилъ въ видѣ возмездія: душу за душу, око за око, зубъ за зубъ¹⁾. Солонъ предписалъ выкальывать оба глаза тому, кто выколеть глазъ у криваго. Вотъ начало тѣхъ принциповъ, которыми руководствуется и до нынѣ уголовное право. Хотя съ развитіемъ человѣческихъ общинъ и государствъ, область уголовнаго права и отдѣляется отъ области права войны, регулируются правила и цѣлъя системы, казнь безъ различія запрещается, но основными принципами уголовнаго права, до нашихъ временъ остаются принципы возмездія, абстрактной справедливости и устрашеннія. Народы руководятся этими принципами съ беззастѣнчивостью, доходящею до попранія понятій о существованіи самого уголовнаго права. Такъ, напримѣръ, римскія власти тиранятъ и казнятъ христіанъ. Монголы воздвигаютъ пирамиды изъ человѣческихъ головъ; турки толкнуть въ ступахъ и сажаютъ на коль десятки тысячъ людей; святая инквизиція пытаетъ и сожигаетъ на кострѣ безчисленное количество жертвъ для примѣра; малороссіяне производятъ Уманскую рѣзню; революція гильотинируетъ, а реставрація производить болѣль терроръ. Наконецъ, на нашихъ глазахъ представители комуны и Макъ-Магонъ, каждый въ свою очередь, совершаютъ кровавыя вакханалии, и массы народа погибаютъ во имя принципа возмездія и устрашеннія. Человѣческій разумъ не можетъ отрѣшиться отъ этой безчеловѣчной идеи. Въ Римѣ, во время императора Нерона, рабъ, мстя за обезщеменную жену, убилъ своего господина; судъ, чтобы навѣсть ужасъ на всѣхъ рабовъ, приговорилъ къ смерти, вмѣстѣ съ убийцемъ, четыреста другихъ рабовъ, жившихъ подъ одной съ нимъ кровлею. Катерина Медичи воспроизводить Варфоломеевскую ночь. У насъ переходить въ легенду

¹⁾ Кн. Исход. XXI, 23.

судъ Шемаки. Никто—ни сумашедший, ни идотъ, не избавлялся отъ уголовнаго наказанія. Кредиторъ имѣлъ право продать своего должника въ кабалу, или вырѣзать изъ его тѣла иѣсколько кусковъ мяса. Смертная казнь опредѣлялась за такія преступленія, которыя нынѣ преслѣдуются слабо; напр., во Франціи: за покупку свинцу и пороху больше, чѣмъ нужно въ домъ, за сопутствованіе ворамъ, за ввозъ табаку и ситцевъ посредствомъ контрабанды; въ Англіи: за воровство въ лавкѣ на 5 шиллинговъ, за воровство писемъ или за воровство на мануфактурахъ льна. И не только люди, но даже животныя и даже неодушевленные предметы несли уголовную отвѣтственность. Суды присуждали: лошадь, если она убила человѣка—къ повѣщенію; свинью, если она пожрала ребенка—къ сожженню; дерево, если оно во время бури или вѣтра давило или убивало человѣка или животное—къ сожженню. Новѣйшіе ученые мыслители и философы идутъ по стопамъ криминалистовъ каменнааго, желѣзного и бронзоваго вѣковъ. Такъ, ученый Силвелла проводить идею, что смертная казнь должна существовать вслѣдствіе взаимнаго нравственнаго обязательства людей, на основаніи котораго всѣ нарушающіе законы справедливости соглашаются на самоуничтоженіе. Аббетъ защищаетъ смертную казнь во имя примиренія преступника съ небомъ. Жозефъ де-Местръ, Донаzo Кортезъ, Луи Вельо и др. провозглашаютъ законы Ману. По ихъ мнѣнію, кровь очищаетъ и удобряетъ землю, топоръ палача и плаха составляютъ великие акты справедливости, гильотина нужна для примѣра, для развитія нравственности и огражденія общества. Ученіе Банта проповѣдуетъ воздаяніе злому за зло—какъ идею, присущую человѣку, категорическій императивъ. Философія Гегеля признаетъ звеньями трахтоміи, трехчленнымъ діалектическимъ развитіемъ идеи: право, нарушеніе права—преступленіе; и отрицаніе преступленія и примиреніе съ правомъ—наказаніе. Англійскій криминалистъ Джемсъ Стифенъ полагаетъ даже, что самое умопомѣшательство не должно служить поводомъ къ отклоненію вмѣненія.

Такимъ образомъ уголовное право подъ давленіемъ подобныхъ рутинныхъ взглядовъ переживало различные фазы своего развитія,—и если, съ теченіемъ времени, гуманная идея и проникла въ уголовные кодексы Европы; если смертная казнь не назначается болѣе за кражу въ лавкѣ на 5 шиллинговъ или съ фабрики иѣсколькихъ фунтовъ льна, а въ иѣкоторыхъ государствахъ и совсѣмъ отмѣнена; если наказаніе животныхъ и неодушевленныхъ предметовъ уничто-

жено; если къ принципу абстрактной справедливости присоединился новый—исправление преступника посредствомъ работы, то и за всѣмъ тѣмъ, уголовное право не могло не отстать отъ поступательного движения современного общества на пути прогресса и цивилизациі.

Безъ сомнѣнія, владычество грозной Немезиды рано или поздно должно кончиться, и современнымъ криминалистамъ предстоитъ великая задача—примирить гуманныя требования современного общества съ суровыми тенденціями уголовнаго права,—изыскать мѣры, которыя могли бы вести не только къ изолированию лицъ, признаваемыхъ судомъ преступными, безъ обремененія ихъ участіи и къ уничтоженію рецидивизма, но и къ уменьшенію числа преступленій въ народѣ, дѣйствуя преимущественно на причины преступленій, какъ корень всему существующему въ мірѣ злу.

Переходя къ устройству нашихъ центральныхъ тюремъ, нельзя не замѣтить, что мы привыкли все перенимать и во всемъ подражать западу, ловить, по знаменитому выражению М. Н. Каткова, хвостики мыслей. Неужели и въ тюремномъ дѣлѣ мы должны также пересаживать на нашу почву то, что не привилось, не принялось на западѣ. Тюремы, не говоря уже о ихъ значеніи какъ учрежденій для содержанія преступниковъ, требуютъ много денегъ для ихъ возведенія и приспособленія. Это—игрушки дорогія. Постройка Мазаской тюремы въ Парижѣ обошлась въ 5 миллионовъ франковъ. Мы еще не такъ богаты, чтобы бросать миллионы рублей на одни эксперименты, бросать съ увѣренностью, что эксперименты эти ни къ чему, кромѣ траты денегъ, не поведутъ. Тюремъ у насъ, слава Богу, и безъ того довольно. Есть тюремы гражданскія, есть тюремы военные, есть тюремы морскія; есть тюремы губернскія, уѣздныя и этапныя; есть тюремы центральныя, постоянныя и временные; есть тюремы исправительныя, смирительныя и для неисправныхъ должниковъ; есть тюремы подсѣдѣственныя, пересыльныя и крѣпостныя... На недостатокъ тюремъ мы пожаловаться не можемъ, хотя, говоря откровенно, было бы ни сколько не хуже, если бы число тюремъ не увеличивалось, а уменьшалось. Мы думаемъ, что было бы вполнѣ рационально, еслибы вопросъ объ организаціи тюремъ былъ подвергнутъ всестороннему обсужденію при посредствѣ людей свѣдущихъ; еслибы подумали наконецъ и надъ тѣмъ, какъ бы освободиться совсѣмъ отъ тюремъ. Денре, въ изданномъ имъ въ 1868 года сочиненіи «De l'abolition de l'emprisonnement», говорить, что обходиться безъ тюремъ не только можно, но даже должно,

если исходною точкою пенальной системы признать не одно только желаніе общества, во чтобы то ни стало, и какъ бы то ни было, отдѣльваться отъ преступниковъ, но заботиться и о дѣйствительномъ ихъ исправлениі и о противодѣйствіи тѣмъ печальнымъ результатамъ современной криминалистики, которые главнѣйшимъ образомъ обусловливаютъ явленія рецидивизма въ преступленіяхъ. Знаменитый докторъ правъ рекомендуетъ трудъ виѣ тюрьмы, рациональную организацію исправительно-земледѣльческихъ колоній. Мы, съ своей стороны, укажемъ на организуемыя военнымъ министерствомъ изъ штрафованныхъ нижнихъ чиновъ рабочія бригады, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ своей цѣли; укажемъ на работы арестантскихъ ротъ гражданского вѣдомства на курско-харьковской желѣзной дорогѣ въ 1868 году, гдѣ роты эти работали безъ конвоя, за круговымъ поручительствомъ, и побѣговъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ случаевъ, не было; укажемъ, наконецъ, на предложеніе бывшаго генераль-губернатора Восточной Сибири, генерала Синельникова, сибирскимъ золотопромышленникамъ принимать для работы на прискахъ ссыльныхъ. Все это, взятое вмѣстѣ, можетъ дать результаты болѣе блестящіе, нежели думаютъ приверженцы *status quo*. Конечно, современнымъ криминалистамъ и специалистамъ тюремнаго дѣла необходимо поработать надъ этимъ вопросомъ, но работа эта должна удовлетворить самое громадное самолюбіе, такъ какъ она, въ случаѣ успѣха, открыла бы новую эпоху въ исторіи развитія человѣчества.

РЕЗОЛЮЦІИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

ИМПЕРАТОРЪ Александръ II обращалъ, какъ извѣстно, особенное вниманіе на устройство вооруженныхъ силъ имперіи, любилъ военное дѣло и прилагалъ всевозможныя попеченія къ улучшенію быта какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ. Онъ хорошо изучилъ организацію, числительный составъ и хозяйство войскъ. Онъ въ совершенствѣ зналъ хронику полковъ, время ихъ основанія, въ какихъ войнахъ они участвовали, въ какихъ сраженіяхъ отличались и чѣмъ награждены. Онъ обладалъ отличной памятью и безошибочно перечислялъ: какія части войскъ имѣютъ георгіевскія знамена, владимірскія ленты, серебряныя трубы, петлицы, знаки за отличія. При прочтении докладовъ, онъ указывалъ иногда на такія частности дѣла, которыя ускользали отъ вниманія ихъ составителей-специалистовъ. Я могу привести нѣсколько примѣровъ подобныхъ указаний, но въ настоящемъ случаѣ ограничусь пока однимъ, именно замѣчаніями государя на докладъ военнаго министра, генералъ-адъютанта Сухозанета, отъ 23-го іюля 1857 года, о знаменахъ гвардейскихъ и гренадерскихъ полковъ.

Генералъ-адъютантъ Сухозанетъ, какъ извѣстно, грамотностію не отличался. Нѣкоторыя его резолюціи сдѣлались общеизвѣстными, даже болѣе извѣстными, чѣмъ знаменитыя резолюціи графа Аракчеева. Напримеръ, такія, буквально списанныя нами съ подлинниковъ, резолюціи: «Сумляваюсь что палковникъ И. обѣзванилъ сіэ дело юлю» (сомнѣваюсь, чтобы полковникъ И. обѣзванилъ сіе дѣло къ юлю), или: «Неспособныхъ многа кто пладить лѣкаря, али чиства, нада разъ обратца» (неспособныхъ много, кто

плодить: лекаря, или части, надо разобраться), — могут служить красноречивымъ тому доказательствомъ. Въ его докладахъ государю, конечно, проходили и неясности, и неточности изложения. Императоръ Александръ строго относился ко всѣмъ подобнымъ недомолвкамъ и дѣлалъ замѣчанія, несовсѣмъ лестныя для составителей такихъ докладовъ.

Послѣ Крымской войны гвардейскіе и гренадерскіе полки, имѣвшіе (съ резервными) по шести баталіоновъ, должны были состоять въ трехбаталіонномъ составѣ (въ томъ числѣ 3-й баталіонъ резервный). Возбуждился вопросъ: какъ поступить со знаменами упраздненныхъ баталіоновъ?

Генералъ Сухозанеть излагалъ въ докладѣ: «Поставленіе знаменъ упраздняемыхъ вовсе третьихъ баталіоновъ полковъ лейбъ-гвардіи въ тѣхъ дворцахъ, где нынѣ стоять знамена остающихся первыхъ и вторыхъ баталіоновъ тѣхъ же полковъ, было бы неудобно, потому что первыя знамена (т. е. третьихъ баталіоновъ) принадлежать частямъ, которыя не будутъ уже существовать». Государь противъ этого пункта написалъ: «Совершенный вздоръ, ибо третьи баталіоны не упраздняются, а только распускаются на мирное время и переименовываются въ трети резервные баталіоны по примѣру 4-хъ резервныхъ баталіоновъ, коихъ знамена стояли во дворцахъ».

Далѣе Сухозанеть говорилъ: «Предполагаемая замѣна знаменъ первыхъ и вторыхъ баталіоновъ гвардейскихъ полковъ, если оны пришли въ ветхость, знаменами пятыхъ и шестыхъ баталіоновъ въ полкахъ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ, Семеновскомъ, Измайловскомъ, Московскомъ, Гренадерскомъ и Литовскомъ, была бы излишнею, потому что означенные баталіоны вѣдь получили новыя знамена». Государь отмѣтилъ: «Никогда обѣ этомъ и рѣчи не было».

Такимъ образомъ, весь докладъ оказывается испещреннымъ замѣтками: «они не упраздняются», «все это вздорныя разсужденія», «это одно спрашививо» и проч. Наконецъ, самая резолюція его величества, помѣченная 26-го июля 1857 года, гласила такъ: «Вздорный докладъ. Исполнить — какъ показано въ концѣ». Въ концѣ же доклада государемъ собственноручно начертано слѣдующее:

«Въ полкахъ лейбъ-гвардій:

«Гатчинскомъ,

«Шавловскомъ,

«Финляндскомъ,

«Волынскомъ,

«Гренадерскихъ:

«Императора Австрійскаго,

«Короля Фридриха Вильгельма III.

«Въ 1-ые и 2-ые и въ 3-и резервные баталіоны передать знамена, имѣвшіяся въ резервныхъ баталіонахъ сихъ полковъ 4-хъ, 5-хъ и 6-хъ, съ перемѣнною только скобъ.

«Старыя знамена гвардейскихъ полковъ перенести съ почестью въ полковыя церкви, гренадерскихъ полковъ знамена сдать въ С.-Петербургскій арсеналъ.

«Во всѣхъ прочихъ полкахъ гвардіи знамена бывшихъ резервныхъ баталіоновъ 4-хъ, 5-хъ и 6-хъ перевести съ почестями изъ дворцовъ на храненіе въ полковыя церкви.

«Въ Гренадерскомъ корпусѣ знамена 3-хъ баталіоновъ, переименованныхъ въ 3-и резервные, сдать въ арсеналъ, гдѣ будетъ храниться оружіе для сихъ резервныхъ баталіоновъ. Прочихъ резервныхъ баталіоновъ, нынѣ вовсе упраздненныхъ, сдать на храненіе въ С.-Петербургскій арсеналъ. 26-го іюля 1857 года».

По разумности и ясности изложенія, это—дѣйствительно царская резолюція.

Генераль Клугинъ.

3-го декабря 1868 года, помощникъ начальника главнаго штаба, генераль-маіоръ Клугинъ подалъ по командѣ рапортъ слѣдующаго содержанія: «Сегодня, въ 8^{3/4} часа утра, идя по Невскому проспекту въ пальто, я встрѣтилъ оберъ-офицера, который не отдалъ мнѣ установленной чести. Спросивъ этого офицера, на основаніи § 19

дисциплинарного устава, о причинѣ, по которой онъ не отдастъ чести генераламъ, я получилъ отвѣтъ отъ шедшаго возлѣ него штабъ-офицера, что я имѣлъ честь обратиться съ вопросомъ къ его высочеству. Считаю долгомъ донести объ этомъ вашему сиятельству».

Когда доведено было объ этомъ до свѣдѣнія государя, императоръ Александръ II отозвался: «По уставу онъ долженъ быть сдѣлать замѣчаніе офицеру, не отдавшему чести, но я не понимаю, какъ это — генералъ служить въ Петербургѣ и не знать моихъ дѣтей».

— Ваше величество, онъ близорукъ.

— А, тогда дѣло другаго рода,—засмѣялся государь:—тогда я не вправѣ на него сердиться, дисциплину поддерживать нужно.

Генералъ Рамзай.

Генералъ-маіоръ баронъ Рамзай (впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, командиръ grenадерскаго корпуса) во время командованія grenадерскимъ полкомъ, стоявшимъ въ Новгородѣ, чрезвычайно строго относился къ солдатамъ и жестоко наказывалъ ихъ во время учений. Въ зимнее время полкъ учился въ манежѣ кадетскаго корпуса, куда приводили на ученье и кадетовъ. Однажды, во время совмѣстнаго ученья въ манежѣ какой-то роты полка и кадетовъ, когда баронъ Рамзай немилосердно бичевалъ солдатъ, въ манежѣ пріѣхалъ директоръ кадетскаго корпуса, генералъ-маіоръ Бородинъ. Увидавъ истязанія солдатъ, онъ подозрѣвалъ къ себѣ барона и передъ фронтомъ сказалъ ему: «ваше превосходительство, я предоставилъ въ ваше распоряженіе манежъ для обученія солдатъ, а не для варварскихъ экзекуцій надъ ними, вредно вліяющихъ на воображеніе моихъ кадетовъ. Не угодно ли вамъ ваши экзекуціи производить въ казармахъ, иначе я вамъ не могу предоставить пользоваться манежемъ».

Съ этого времени экзекуціи въ манежѣ болѣе не повторялись. Барону Рамзаю кадеты дали прозваніе «генералъ Крамсай», которое и сохранилось за нимъ на всю жизнь.

Графъ М. Ю. Віельгорскій.

6 апрѣля 1835 года, графъ Матвѣй Юрьевичъ Віельгорскій назначенъ шталмейстеромъ двора ея императорскаго высочества, великой княжны Маріи Николаевны, и вотъ по какому поводу. Въ великую субботу, у всенощной во дворцѣ, прикладываясь къ плащаницѣ, графъ уронилъ нечаянно съ одной ноги башмакъ и за тѣснотой не могъ его поднять. Государь замѣтилъ это и, подозревъ графа, сказалъ ему: «Mais, mon cher comte, pour que vous ne perdiez pas une autre fois vos souliers, je vous donne les bottes», (любезный графъ, чтобы вы въ другой разъ не теряли башмаковъ, я даю вамъ сапоги).

Генералъ Бурмейстеръ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, кронштадтскимъ комендантомъ состоялъ генералъ-лейтенантъ Бурмейстеръ. Это былъ деликатный, добрый и любимый всѣми подчиненными начальникъ. Но у него была своя слабость— муштровать молодыхъ офицеровъ въ отношеніи знанія караульной службы, для чего онъ ихъ держалъ по цѣлымъ часамъ въ манежѣ, производя разводы и заставляя ихъ по нѣскольку разъ подходить къ нему съ рапортомъ.—«Не такъ, отставъ», «рапортуйте снова», «вы салютовать не умѣете», «вотъ какъ надо!»—распекалъ ихъ генералъ и только послѣ нѣсколькихъ приемовъ отпускалъ разводъ. Молодые моряки, выходившіе въ караулъ съ своими экипажами, зная слабость генерала, нарочно школьничали и выводили его изъ терпѣнія.

Какъ-то былъ назначенъ разводъ въ высочайшемъ присутствіи. Генералъ Бурмейстеръ, зная, что императоръ Николай I строго относился къ строевой службѣ, и будучи неувѣренъ въ знаніи флотскими экипажами караульной службы, началъ производить каждый день репетиціи разводъ.

Лейтенантъ Лазаревъ-Станицевъ, бывшій въ образцовомъ полку и знаяшій службу хорошо, былъ назначенъ командиромъ 1-го взвода. Ему генералъ сталъ объяснять, какъ надо вести взводъ, что ему скомандовать, и закончилъ словами: «Когда вы доведете взводъ до конца манежа, поверните и остановите его противъ печки, по ва-

шему взводу будуть строиться другіе взводы». Лазаревъ, какъ образцовый офицеръ, все это зналъ, но, желая подшутить надъ генераломъ, привелъ взводъ, остановилъ его и, не повертывая, направился къ генералу и обратилея къ нему съ вопросомъ.

— Ваше превосходительство, вы изволили приказать остановить взводъ въ концѣ манежа?

— Да!

— Вы изволили приказать повернуть его?

— Да!

— Вы изволили приказать поставить его противъ печки?

— Да! ну, что-же? — и генераль начинай видимо волноваться.

— Но я, ваше превосходительство, не знаю: остановить ли взводъ противъ самой заслонки печки, или же нѣсколько продвинувшись?

— А! какого это офицера вы назначили въ первый взводъ, — обратился комендантъ къ командиру экипажа: — онъ ничего не знаетъ. Смѣнить его сейчасъ же!

Лазареву это и было нужно; онъ ушелъ куда-то къ знакомымъ, и на репетиціи не участвовалъ. Когда же командиръ экипажа объяснилъ генералу шутку лейтенанта, онъ призвалъ его къ себѣ, извинился и сказаълъ: «отчего вы не сказали мнѣ, что вы — «образцовый», тогда бы я васъ не муштровалъ».

Не смотря на то, что при императорѣ Николаѣ во всѣхъ сухопутныхъ войскахъ строго наблюдалось, чтобы стрижка волосъ какъ у офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ была короткая, моряки носили и височки, и алякоки, а нѣкоторые даже позволяли себѣ запускать и затылки. Въ 1-мъ флотскомъ экипажѣ наиболѣе длинными волосами отличался мичманъ Выгодчиковъ. Генераль Бурмейстеръ неоднократно замѣчая ему о неумѣстности ношения длинныхъ волосъ, и мичманъ постоянно объщалъ остричься, но не стригся и являлся каждый разъ еще съ болѣе отросшими волосами. Комендантъ, выведенный изъ терпѣнія, однажды передъ разводомъ замѣтилъ ему о длиннотѣ волосъ, предупредилъ его, что, если онъ осмѣлится явиться въ слѣдующій разъ съ такими же волосами, то онъ велитъ цирульнику остричь его передъ фронтомъ на барабанъ. Всѣ знали, что Бурмейстеръ шутить не любить и, если что скажетъ, то исполнить. Но каково же было всесобщее удивленіе, когда Выгодчиковъ явился на слѣдующій разводъ съ такими же длинными волосами. Бывши въ разводѣ офи-

церы ждали спектакля, и онъ состоялся, но совершенно въ другомъ родѣ.

— Честь имъю явиться!—рапортуетъ генералу мичманъ самымъ серьезнымъ образомъ.

— Вижу,—перебиваетъ его генераль:—что вы «имъете честь явиться», но въ какомъ видѣ? Третьяго дна я приказалъ вамъ остричься, а вы осмѣливаетесь явиться еще съ болѣе длинными волосами. Да я васъ не только остиригъ здѣсь сейчасъ, но еще на три дня на гауптвахту посажу.

— Я остирился, ваше превосходительство, — отвѣчаетъ кротко мичманъ.

— Да какъ вы остирились! Развѣ такъ стригутся?—горячился генераль:—смотрите, у васъ волосы лежать на воротникѣ мундира.

— Короче нельзя остиричься, ваше превосходительство,—отвѣчалъ съ невозмутимымъ хладнокровiemъ мичманъ.

— Какъ нельзя?—свирѣпѣстъ генераль:—я вамъ сейчасъ докажу, что можно.

— Нельзя, ваше превосходительство,—повторяетъ болѣе оживленно мичманъ и, пародируя генерала, говоритъ:—я вамъ сейчасъ докажу, что нельзя.

Генераль въ изумлениі отступаетъ на шагъ и, скрестивъ на груди руки, принимаетъ грозную позу оскорбленного начальника.

Мичманъ, между тѣмъ, неторопливо вкладываетъ полусаблю въ ножны, растегиваетъ у кивера чешую и, снимая лѣвой рукой киверъ, въ то же мгновеніе правой сдернулъ съ головы парикъ. Изумленному взору генерала предсталъ совершенно голый черепъ, такъ какъ мичманъ не выстригъ, но выбрилъ себѣ голову бритвой.

— Короче остиричься нельзя, ваше превосходительство,—проговорилъ почтительно мичманъ.—Что же касается парика, то я его надѣлъ, чтобы не простудить головы. Нынче большой морозъ!

Всѣ захохотали. Генераль только развелъ руками.

— Всего я отъ васъ ждалъ,—проговорилъ онъ смѣясь:—но этого никакъ не ожидалъ. Идите, да смотрите, въ самомъ дѣлѣ не простудитесь!

Гвардейцы въ Калишѣ.

Въ августѣ 1835 года, происходили въ Калишѣ маневры, въ которыхъ участвовала гвардія. Конные части отправились походнымъ порядкомъ, а пѣхотные отвезли на корабляхъ. Тѣ и другія вступили въ одинъ день. Гвардейскіе офицеры, принадлежавшіе къ богатымъ фамиліямъ, заняли лучшую въ городѣ гостинницу, и завтраки, обѣды, угощенія, попойки и кутежи шли своимъ чередомъ каждодневно. О расходахъ не было рѣчи. Всякій думалъ только объ одномъ, чтобы не посрамить имени русскаго. Требованія вина и разныхъ гастрономическихъ деликатесовъ были такъ велики, что нѣмецъ, содржатель гостинницы, первоначально завѣль было счета для своихъ постояльцевъ и гостей, а потомъ сбился и машинально на все руки, исполнялъ капризы своихъ посѣтителей, ничего не записывая.

Кончились маневры, назначень былъ день выступленія войскъ въ Россію, нѣмецъ загоревалъ: онъ не зналъ, съ кого сколько нужно было получить ему денегъ. Нѣкоторые офицеры, узнавъ о его со-крушеніяхъ, нарочно начали надъ нимъ подшучивать, говоря ему, что онъ ничего не получитъ, такъ какъ у него никакихъ доказательствъ о томъ, кто и что забралъ, не имѣется. Нѣмецъ заболѣлъ. Въ день выступленія войскъ, офицеры имѣли въ гостинницѣ послѣдній завтракъ, окончивъ который потребовали, чтобы хозяинъ подалъ имъ счетъ за все время нахожденія ихъ въ его гостиницѣ.

Выходить полубольной хозяинъ и объявляетъ, что онъ никакихъ счетовъ не вѣртъ, а потому и не знаетъ, сколько ему слѣдуетъ получить съ нихъ.

— Ну, и прекрасно, Карлъ Ивановичъ,—смѣются офицеры:— вы поступили точно такъ же, какъ ваши отцы въ 1813 году, когда русскіе шли вмѣстѣ съ ними противъ французовъ. Они тогда съ русскіхъ денегъ не брали. Очень вамъ благодарны за это! Но позвольте намъ съ вами по этому случаю чокнуться. Дайте шампанскаго.

Нѣмецъ, повѣсивъ голову, выпилъ и, спустя нѣсколько времени, вернулся съ большими подносомъ, уставленнымъ бокалами съ виномъ. Офицеры окружили его, выпили за его здоровье и, поблагодаривъ его за особенное его довѣріе къ русскимъ, пожелали съ нимъ разсчитаться.—«Вы, Карлъ Ивановичъ, не знаете, сколько

съ насъ слѣдуетъ получить, а мы не знаемъ, сколько нужно вамъ заплатить. Позвольте же вамъ отдать, сколько мы можемъ».—И молодежь стала класть на подносъ, который держалъ трактирщикъ, золото: кто горстъ, кто двѣ, кто три... Подносъ сталъ наполняться, вотъ онъ ужъ полонъ, трактирщикъ не можетъ держать его, становится на одно колѣно, а молодежь, а за ней и усачи-старики все бросаются и бросаютъ монету. Золото сыпается уже съ подноса на полъ, а офицеры всесыплютъ. Наконецъ, нѣмецъ не въ силахъ держать подноса, опускаетъ его на полъ, а самъ наклоняется надъ нимъ и плачетъ.

— Довольны ли вы, Карлъ Ивановичъ? — спрашиваютъ его офицеры. Но бѣдный нѣмецъ ничего не могъ отвѣтить и только шепталъ: «o mein Gott! o mein Gott! нашъ великий король и толькъ не имѣеть столько золота!»

Нилусъ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ въ Москвѣ проживалъ извѣстный картежный игрокъ Нилусъ. Пріобрѣтъ покупкою старинный домъ свѣтлѣйшаго князя Салтыкова на Мясницкой улицѣ, онъ поставилъ его на широкую ногу, завелъ тысячныхъ лошадей, англійскіе экипажи и грумовъ, давалъ роскошные завтраки, обѣды и вечера, стараясь привлечь на нихъ высшее общество, и вообще изощрялся дѣлать все то, чѣмъ можно было обратить на себя всеобщее вниманіе.

Однажды явился онъ къ митрополиту Филарету и, послѣ обычныхъ привѣтствій, попросилъ у него благословенія на отлитіе тысяче-пудового колокола для какого-то монастыря. Владыка посмотрѣлъ на него внимательно и спросилъ его:

— Что вы желаете: сдѣлать-ли доброе дѣло, или только по-звонить?

— Конечно, сдѣлать доброе дѣло, отвѣчалъ развязно Нилусъ.

— Въ такомъ случаѣ, проговорилъ кротко, но внушительно святитель, лучше пожертвовать рублей тысячу бѣднымъ, нежели тратить десятки тысячъ на колоколъ: добро нужно дѣлать, какъ завѣщалъ Спаситель, чтобы шуйца не знала, что творить десная.

Нилусъ вполнѣ согласился съ мнѣніемъ архипастыря, и предоставилъ въ его распоряженіе для раздачи бѣднымъ тысячу рублей.

Москва, узнавъ объ этомъ, только покачала головой. Но когда пѣсна Нилуса была спѣта, графъ Закревскій потребовалъ его къ себѣ и стала упрекать его въ предосудительной картежной игрѣ, онъ хладнокровно отвѣчалъ:

— Ничего предосудительного въ моей игрѣ нѣть, я въ точности исполню совѣтъ митрополита Филарета: моя шуйца не знаетъ, что творить десная.

Бодиско.

Лѣтомъ, 1852 года, проѣздомъ на Иматру, капитанъ Бодиско и чиновникъ Ивановъ посѣтили Выборгъ. День былъ праздничный, и они отправились осматривать городъ. Состоявшій при капитанѣ деньщикъ пошелъ въ костель. Во время служенія ксендзъ сдѣлалъ обычное возглашеніе: «Dominus vobiscum!» Деньщику показалось, что онъ спрашивается: «дома ли Бодиско?» и во все горло гаркнулъ: «никакъ нѣть-съ, ушли по дѣлу». Конечно, его сейчасъ же удалили изъ костела, но капитанъ Бодиско долженъ былъ сѣздиТЬ къ ксендзу и коменданту, чтобы разъяснить дѣло.

Лазаревичъ.

Въ томъ же 1852 году, на похороны какого-то генерала, отправился одинъ изъ солидныхъ чиновниковъ военнаго министерства Лазаревичъ. Это былъ почтенный пѣнистый старикъ, дома и на службѣ онъ ходилъ безъ парика, а въ торжественныхъ случаяхъ имѣлъ обыкновеніе надѣвать большой рыжій парикъ. Отправляясь на похороны, онъ облекся въ парадную форму и надѣлъ парикъ. Подѣважаچ къ лаврѣ, онъ снялъ передъ воротами трехъуголку и взялъ ее подъ мышку, помолился образу. Входя въ церковь Св. Духа, онъ снялъ парикъ и, перекрестясь, вошелъ, имѣя шляпу подъ мышкой, а парикъ въ лѣвой руцѣ.

— Надѣньте парикъ, замѣтилъ ему товарищъ Ивановъ, а то, смотрите, люди смѣются.

Лазаревичъ переконфузился, растерялся, и въ попыхахъ на-

дѣль на голову, вмѣсто парика, свою трехъугольную шляпу, и сталъ молиться. Это обратило всеобщее вниманіе и его попросили выйти изъ церкви. На утро ему сдѣланъ быль начальствомъ выговоръ.

Статья-секретарь А. Д. Комовскій.

Въ числѣ общественныхъ дѣятелей послѣднихъ двухъ царствованій, имѣвшихъ собственный свой обликъ, не тускнѣвшій даже при яркомъ блескѣ административныхъ свѣтиль первой величины, занималъ видное мѣсто покойный сенаторъ и статья-секретарь Александръ Дмитріевичъ Комовскій ¹⁾). Окончивъ курсъ въ лицѣ, въ 1832 году, онъ поступилъ на службу въ канцелярию Государственного Совѣта. Потомъ быль зачисленъ въ морское министерство. Во время крымской войны состоять при главнокомандующемъ князь Меньшиковѣ и, по своей близости къ нему, имѣть большую силу. По возвращеніи же въ Петербургъ, занялъ видный постъ по морскому вѣдомству, назначенъ статья-секретаремъ и сдѣланъ сенаторомъ.

Въ ранней молодости онъ вращался въ литературныхъ кружкахъ, имѣть въ нихъ связи и знакомства, поэтизировалъ, писалъ и печатался въ периодическихъ изданіяхъ того времени. Изъ числа стихотвореній его наиболѣе извѣстна: «Переписки старика со свѣтской дѣвушкой», вышедшая впослѣдствіи особымъ изданіемъ. Статьи его: «Подъ громомъ Крымской войны» печатались лѣтъ 10—15 тому назадъ въ «Русскомъ Вѣстнике», а записки, относившіяся къ 1859—1862 годамъ, подъ названіемъ «Шумные годы», помѣщены въ журналѣ «Колосъ» за 1884 годъ.

Это быль человѣкъ высокаго образованія, наблюдательный и умный. Вращаясь въ лучшемъ обществѣ, онъ много видѣлъ, много слышалъ и много испыталъ. Вотъ что разсказывалъ онъ о жизни въ Петербургѣ и петербургскомъ обществѣ въ 1835 и 1836 годахъ.

Лѣтомъ 1835 года, въ Петербургѣ распространился слухъ, что извѣстный поэтъ, графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ скончался. А. Д. Комовскій почтилъ эту утрату слѣдующимъ стихотвореніемъ:

¹⁾ Скончался въ 1864 году.

Окончивъ дни свои, цѣвецъ,
Ты въ лучшій міръ переселился,
И жизни праведной вѣнецъ
Тебѣ воздастъ благій Творецъ,
Кому усердно ты молился.

* *

Оплаканный своей семьею,
Землѣ холодной преданъ ты,
Но старца съ пылкою душою
И поэтически младою
Забуду-ли когда черты?

* *

Ты твердый памятникъ оставилъ,
Себя потомству закрѣпиль,
Бывъ гражданиномъ честныхъ правилъ,
Ты музъ и Аполлона славилъ,
И слово русское любилъ.

* *

Почай же въ мирѣ и покой!..
Теперь блаженъ ты!.. но кому,
Какого смертнаго уму
Постичь блаженство не земное!
Поэть, миръ праху твоему!

Стихи, конечно, вполнѣ достойны почившаго поэта. Но они, къ сожалѣнію, должны были остаться въ портфѣль автора, такъ какъ графъ Хвостовъ вовсе не умираль. Это была чья-то злая шутка.

Вскорѣ послѣ того Комовскій встрѣтился съ графомъ Хвостовымъ на вечерѣ у известнаго Александра Семеновича Шишкова и между ними произошелъ слѣдующій разговоръ.

— Вы, графъ, скучы въ отношеніи: «Бібліотеки для чтенія» обратился Комовскій къ графу Хвостову, мы давно уже не имѣли удовольствія видѣть въ ней ваше имя.

— Кто-жъ виноватъ, отвѣтъ съ добродушной улыбкой по чтенійшій Дмитрій Ивановичъ, я имъ посыпаю исправно, да они не печатаются... А развѣ вы тамъ что nibудь помышдаете?

— Ничего, графъ, рѣшительно ничего.

— Въ какіе же журналы вы посылаете свои стихи?

— Я ихъ не пишу.

— Какъ не пишете!.. мнѣ говорили, что вы написали даже стихи на мою кончину...

— Да, графъ, написаль, но стихи эти я никуда не посыпалъ... и молодой человѣкъ, переконфузясь, не зналъ, что отвѣтить, не зналъ, какъ выйти изъ своего затруднительного положенія.

Произошла долгая пауза.

— Бываете-ли вы у Греч? заговорилъ графъ Хвостовъ, чтобы прервать молчаніе.

— Бываю, графъ, только рѣдко, потому что четверги его не всегда веселы.

— Пріѣзжайте ко мнѣ!.. у меня середы... и хотя на нихъ собирается не такое множество людей, какъ у Греча по четвергамъ, но не менѣе того все люди умные и лучшіе наши литераторы!.. Пріѣзжайте и сравните наши вечера!.. Кстати, я имѣю къ вамъ и прошьбу... Давно я занимаюсь составленіемъ—не біографій нашихъ словесниковъ, поп, c'est un nom qui demande trop d'etende—а такъ сказать «словаря любителей русской словесности».

— Но, позовольте, графъ, возразилъ Комовскій, послѣдній трудъ требуетъ еще большей обширности... Кто у насъ не любитель?..

— Желаю, чтобы некоторые добрые люди помогали мнѣ, отвѣчать Дмитрій Ивановичъ, я попрошу и васъ принести мнѣ двѣ статейки въ будущую среду. Напишите біографію вашу и вашего брата ¹⁾... Вы вкратцѣ изложите о вашей молодости, о воспитаніи и вашей прикосновенности къ литературѣ—и будетъ прекрасно, и я вамъ буду очень благодаренъ.

Комовскій отвѣталъ молчаливымъ наклоненіемъ головы и разговоръ прекратился. Но быть ему у Хвостова не пришлось, такъ какъ онъ вскорости заболѣлъ и дѣйствительно умеръ.

У Николая Ивановича Гречи, какъ извѣстно, были, такъ называемые, «четверги». По словамъ Комовскаго, это было мѣсто личныхъ литературно-ученыхъ пререканій и критическихъ турнировъ, гдѣ пріѣзжіе пѣвцы и музыканты появлялись рекламироваться. Иногда дѣти хозяина и близкіе знакомые устраивали домашніе спектакли и исполняли легкія піески довольно удачно. Николай Ивановичъ старался казаться любезнымъ и остроумнымъ хозяиномъ и, дѣйствительно, шутки и *beau mots* его были иногда остроумны и забавны, но большинство остротъ его имѣли непозволительную вульгарность и тяжеловѣсность. *Theta. B.* Булгаринъ занималъ гостей болѣе разска-

¹⁾ Братъ его Василій Дмитріевичъ Комовскій редактировалъ тогда «Академическія вѣдомости».

зами о своей дерптской жизни, но той живости, веселости и ума, о которыхъ тогда кричали всѣ, въ его разговорахъ не проявлялось. Рѣчъ его была неправильна и неблагозвучна, въ особенности ему не давались длинные періоды, на которыхъ онъ постоянно спотыкался, такъ что казалось даже страннымъ, какъ это человѣкъ, такъ прекрасно, плавно и гладко излагающій свои мысли на бумагѣ, въ обществѣ не умѣть говорить. «Инвалидный литераторъ», какъ называли въ шутку Воейкова, издававшаго «Литературныя прибавленія» къ «Русскому Инвалиду», производилъ своей виѣшнотью и рѣчью самое непріятное впечатлѣніе. Этотъ неуклюжій, нахальный и грубый человѣкъ старался казаться авторитетнымъ, говорилъ отрывисто и рѣзко, такъ что рѣчъ его напоминала собою рубку сѣчкою капусты. Вообще литературныя стычки и споры на «гречневыхъ четвергахъ», какъ называли четверги Греча его антагонисты, отличались особенной безцеремонностью и безалаберностью, переходили въ личности и кончались часто ссорами, хотя въ общей оживленности отказать имъ было нельзя: ихъ находили непріятными, но посѣщали.

Съ Александромъ Сергеевичемъ Пушкиннымъ Комовскій познакомился лѣтомъ 1836 года, встрѣтившись случайно въ купальня. Они оба любили воду и купались ежедневно. Однажды Пушкинъ подошелъ къ Комовскому и, пожавъ ему руку, сказалъ: «благодарю васъ за письмо, очень радъ! очень радъ»!

— Какое письмо? Я не посыпалъ къ вамъ письма, отвѣчалъ изумленный Александръ Дмитріевичъ, не зная о какомъ письмѣ говорилъ Пушкинъ.

— Полно, полно скрываться и скромничать, улыбался Пушкинъ, я по глазамъ вижу, что анонимъ разгаданъ. Это вы прислали миѣ свои стихи: очень милы, очень милы...

— Послушайте, Александръ Сергеевичъ, прерваль его Комовскій, если-бы дѣйствительно письмо со стихами было отъ меня, то ваша похвала, ваше одобреніе заставили бы мое самолюбіе признаться, но я, какъ ни желаю нравиться вамъ своими сочиненіями, не смѣю взять на себя того, что не мое.

— Да кто же другой? Вѣдь вы пишете стихи?

— Пишу... И кто же, скажите, проведя шесть лѣтъ въ стѣнахъ лицея, имѣя предшественниками Пушкина, Дельвига и др., не соблазнится ихъ примѣрами?

— А вы изъ лицея?.. значить, мы съ вами вышли изъ-подъ

одной крыши! Дайте-же руку, теперь мы съ вами совершенно въ другихъ отношеніяхъ. Я и не зналъ, что вы лицейской!.. Пожалуйте ко мнѣ, ко мнѣ на цѣлый вечеръ, да заберите-ко съ собой пукъ своихъ стиховъ, мы съ вами кое о чёмъ потолкуемъ.

Комовскій далъ слово быть, но, по обстоятельствамъ, не могъ сдержать его, а по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ поэты скончался.

О графѣ Михаилѣ Юрьевичѣ Віельгорскомъ Комовскій отзывался такъ: по свойствамъ души своей это былъ скорѣе поэтъ, нежели вельможа, но барское тщеславіе и великосвѣтская жизнь подавляли въ немъ художника. Онъ отличался свѣтской любезностью и обходительностью и въ сущности былъ добрый человѣкъ, съ нѣжною артистической душой и большими музыкальными способностями, но все это утопало въ морѣ своеобразнаго диллентантизма, и, потому, никакого серьезнаго слѣда по себѣ не оставило. Въ материальной его обстановкѣ постоянно царилъ лирическій беспорядокъ, а разсѣянность и забывчивость его причиняли ему не мало хлопотъ. Но все это, однако, не мѣшало ему принадлежать къ масонской ложѣ и быть даже ся секретаремъ. Александръ Дмитріевичъ, разбирая его библіотеку, нашелъ почти цѣлый шкапъ, наполненный сочиненіями масоновъ, сочиненіями о масонахъ или о масонскихъ сектахъ, а также много тетрадей, рукописей, патентовъ, аттестатовъ, рапортовъ и другихъ бумагъ, касавшихся участія графа въ дѣлахъ масонскихъ ложъ.

Назначеніе въ 1836 году государственнымъ секретаремъ барона М. А. Корфа произвело большую сенсацію въ высшихъ сферахъ. Старики не особѣнно радушно встрѣтили назначеніе имъ молодаго руководителя. Но любезность и предупредительность барона слаживало понемногу первоначальное нерасположеніе и примирило его съ большою частію антионистовъ. Будучи самъ лицейцомъ, онъ составилъ о лицейстахъ самое своеобразное понятіе. «Всѣ они—говорилъ онъ—или очень хороши, или очень худы, а средины у нихъ нѣтъ».

Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Н. Н. Новосильцевъ, въ 1836 году, возведенъ въ графское достоинство. Никто не посмѣть отказать въ умѣ сему государственному мужу — отозвался о немъ Комовскій,—но кто не зналъ его какъ безнравственнаго человѣка. Кто не былъ свидѣтелемъ его явныхъ волокитствъ въ Лѣтнемъ саду и на другихъ публичныхъ гуляньяхъ. Имѣя домъ близъ Лѣтняго сада, онъ, по обыкновенію, ежедневно гулялъ въ немъ, и большей частію—en grande soci t  des dames. Убѣленный сѣдинами маститый

старець открыто соперничалъ съ молодыми повѣсами въ дѣлѣ воло-
китства. Конечно, подобныя ухаживанія не могли не волновать обще-
ственного мнѣнія, — отъ первого государственного мужа требовали
примѣровъ болѣе соотвѣтственнаго его положенію поведенія, но вспо-
миная, что лучшіе годы жизни онъ провелъ въ Царствѣ Польскомъ,
ищащими ему старческія увлеченія.

Наибольшей симпатіей публики пользовались молодые члены Го-
сударственнаго Совѣта, принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій и
графъ А. Ф. Орловъ. Первый, по словамъ Комовскаго, былъ въ душѣ
истинно русскій, а въ наклонностяхъ — совершенный нѣмецъ, пред-
анный Царю и усыновившему его отечеству, и старавшійся дока-
зать свою преданность добросовѣтнымъ исполненіемъ возлагаемыхъ
на него обязанностей. Второй же — съ головы до ногъ русскій человѣкъ и вѣрный царскій слуга, котораго нѣмцы любили и цѣнили
по достоинству. Баварскій король охарактеризовалъ его вполнѣ, на-
звавъ: «это — настоящій генераль-адъютантъ Императора всероссій-
скаго».

Наибольшую же автипатію возбудилъ во всѣхъ слояхъ общества
извѣстный членъ государственнаго совѣта князь Рѣпнинъ-Волконскій,
который за корыстолюбіе и злоупотребленіе довѣріемъ монарха во
время своего генераль-губернаторствованія въ Малороссіи, отставленъ
въ 1836 году отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей. Казнокрад-
ство и тогда пускало глубокіе корни, но отъ царской кары не спа-
сали ни чины, ни званія, ни положеніе, ни связи: императоръ Ни-
колай I воздавалъ каждому по дѣламъ его.

Графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская была крестной ма-
терью Владимира Дмитріевича. «Это — женщина феноменъ нашего
вѣка», сказаль про нес Гермогенъ, архимандритъ Московскаго Ан-
дроньевскаго монастыря. Дѣйствительно, въ жизни этой женщины и
до сихъ порь еще многое остается невыясненнымъ. Ея отношенія
къ Фотію, архимандриту Юрьевскаго монастыря, ея слѣпая непости-
жимая покорность ему, ея вклады и приношенія на монастырскія
нужды изумляли всѣхъ и, конечно, не мало толковъ, укоризнъ и
подозрѣній возбуждало. въ обществѣ ея загадочное поведеніе Комов-
скій часто посѣщалъ ее, изучалъ ея образъ жизни и сферу миро-
воззрѣній, и пришло къ убѣждѣнію, что эта женщина — жертва
утрированной религіозности и благочестія. Она высоко цѣнила ея
мужественный характеръ, неуступавшій никакому давленію со сто-
роны приличій свѣта. Она говорилъ, что толпа не понимала ее, и

основывала свои суждения о ея жизни на пошлыхъ слухахъ злорѣчной молвы. Ея дружба, ея покорность, ея безусловное служеніе волѣ своего духовнаго вождя зиждились на основахъ вѣры и религіозныхъ убѣжденіяхъ. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ она воспитывалась въ страхѣ Божіемъ. Ея законоучитель и духовникъ, отецъ Иннокентій, посыпалъ въ ея юномъ воспріимчивомъ сердцѣ сѣмена чистаго христіанскаго ученія и заставилъ ее полюбить уставы церкви и православное богослуженіе. Онъ велье ея духовное развитіе, полагая стимуломъ жизни подчиненіе всякой человѣческой воли волѣ высшаго авторитета, строгаго и безупречнаго. Молодая графиня про никлась къ нему уваженіемъ и любовью, и дорожила его поученіями. Умирая, отецъ Иннокентій завѣщалъ ей сохранить на вѣки чистоту души и кротость сердца. Примѣромъ же строгой и безупречной жизни поставилъ отца Фотія, бывшаго тогда еще законоучителемъ кадетскаго корпуса, но вскорѣ затѣмъ постригшагося въ монахи. Графиня дала обѣтъ исполнить данный ей ея первымъ наставникомъ и духовникомъ завѣтъ. Не зная Фотія лично, она, по разсказамъ Иннокентія о его жизни, прильпилась къ нему всей силой своей дѣвственной души и пожелала съ нимъ увидѣться. Уединившійся монахъ отвергъ сдѣланное ему предложеніе. Самолюбіе графини было затронуто, и она задалась цѣллю сломить упорство монаха. Послѣ долгихъ исканій и, какъ при содѣйствіи самаго митрополита, ей удалось, наконецъ, упасть къ ногамъ того, кого она давно уже считала своимъ духовнымъ вождемъ. Шли годы, но графиня осталась вѣрна разъ принятому рѣшенію: она отдала монаху свою душу и совѣсть, и гордилась тѣмъ, что служитъ ему. Съ мнѣніемъ свѣта было покончено разъ навсегда: служеніе Богу, при посредствѣ его служителя, и спасеніе души сдѣгалось цѣллю всей ея жизни, и отъ нея уже уклоненій никакихъ не допускалось.

Въ гостиной ея (она жила на Царицыномъ лугу, въ домѣ, принадлежащемъ нынѣ принцу Ольденбургскому), собирались представители высшаго петербургскаго общества, но желанными гостями были только лица духовныя, а изъ свѣтскихъ—отличавшіяся преданностью дѣлу благотворенія и религіи. Андрей Николаевичъ Муравьевъ, графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, графъ Алексѣй Федоровичъ Орловъ наиболѣе часто появлялись на ея обѣдахъ, «съ монахами».

Графъ В. Н. Панинъ, тогда еще молодой человѣкъ, производилъ странное впечатлѣніе своей наружностью. Его сухощавая фигура напоминала—какъ замѣтилъ Комовскій—длинную докладную записку,

нескладно написанную, неловко сформированную, но, впрочемъ, весьма толковую. Онъ говорилъ съ разстановкой, обдуманно, умно, ни слова лишняго, ни слова пустого, все гладко, кругло и къ мѣсту. Держался онъ солидно и, не смотря на свои молодые годы, смотрѣлъ уже министромъ.

А. Н. Муравьевъ старался казаться скромнымъ и глубоко религиознымъ человѣкомъ. Всѣ его разговоры касались исключительно дѣлъ церкви, вѣры и благочестія, хотя подъ его религиозными сужденіями нельзя не замѣтить было порой большей дозы лицемѣра и лукавства.

Но самыи неподходящимъ гостемъ графини былъ, безъ сомнѣнія, молодой жандармскій офицеръ, числившійся при штабѣ адъютантомъ, Казаковъ, юноша лѣтъ 22—23-хъ, довольно высокаго роста, красивый и статный, съ лицомъ звербнаго херувима, завитыми въ кольчики усами и грудью колесомъ. Его шпоры были чрезвычайно звонки, сабля то и дѣло бренчала, таія затянута въ рюмочку, на головѣ, по модѣ, а ла кокѣ. Онъ пользовался особымъ расположениемъ графини и выдѣльвалъ вещи непозволительныя: являлся на обѣды въ сюртукѣ, когда старики были во фракахъ и мундирахъ, вмѣшивался въ разговоры солидныхъ людей и заставлялъ ихъ выслушивать разныи глупости, рассказывая то про балы во дворцѣ, то про заутрени и всенощныи съ приключеніями. Это былъ enfant terrible, но его невѣжество сносили и терпѣли изъ уваженія къ графинѣ, которая явно оказывала ему какое-то непонятное, исключительное снисхожденіе, извиняя его, какъ она называла, увлеченія молодостью лѣтъ.

Изъ лицъ духовныхъ болѣшимъ авторитетомъ пользовался ректоръ Киевской духовной академіи, архимандритъ Иннокентій, знаменитый богословъ, авторъ «Святой седьмицы» и впослѣдствіи архипастырь Таврическій и Новороссійскій. Бесѣда его заставляла смолкать даже Казакова. Но онъ говорилъ такъ тихо, что за другимъ концомъ стола не всегда возможно было слѣдить за его рѣчью. Росту онъ былъ небольшого и немного сутуловатъ, лицо имѣлъ полное, глаза выразительные, горѣвшіе внутреннимъ огнемъ. Рѣчъ его начиналась протяжнымъ звукомъ, какой обыкновенно слышенъ въ классахъ, когда спрашиваютъ ученика, была плавна, внушительна и образна, но въ голосѣ его было что-то непрѣятное, — онъ говорилъ въ носъ и дѣлалъ удареніе на букву е. Знанія свои онъ выказывалъ охотно и любилъ, чтобы его въ обществѣ слушали вни-

матерью. Большей частью онъ говорилъ одинъ, изрѣдка прерываемый вопросами графа А. Ф. Орлова, который, къ стыду всѣхъ генераль-адъютантовъ, не зналъ, что въ Киевѣ есть Софійскій соборъ.

— Впрочемъ, почему и знать ему,—сказалъ, узнавъ объ этомъ графъ М. М. Сперанскій,—разводовъ тамъ не дѣлаютъ.

ПОСЛѢДНЯЯ ЭМИГРАЦІЯ ТАТАРЪ ПЗЪ КРЫМА

ВЪ 1874 ГОДУ.

РЫМЪ,— эта драгоценная жемчужина въ коронѣ царей русскихъ, какъ называла его императрица Екатерина II,— обезлюдѣлъ, вслѣдствіе неоднократнаго выселенія изъ него татаръ въ Турцію. Въ 1871 году, ему грозила опасность потерять и остальное свое татарское населеніе, если-бы правительство принятіемъ нужныхъ мѣръ не предотвратило ея.

Бывшій новороссійскій и бессарабскій генераль-губернаторъ, генераль-адъютантъ (впослѣдствіи графъ) Коцебу, 30-го ноября 1873 г., писалъ военному министру: «При недавнемъ объясненіи нашемъ въ Ливадіи, по случаю возникшаго между крымскими татарами стремленія къ переселенію за границу, въ виду ожидаемаго изданія закона о всеобщей воинской повинности, генераль-адъютантъ графъ Шуваловъ заявилъ мысль свою, что, въ видахъ успокоенія крымскихъ татаръ и облегченія для нихъ воинской повинности, полезно было-бы привлекаемыхъ на службу татаръ назначать въ отдѣльный отрядъ, не распредѣляя новобранцевъ по различнымъ частямъ войскъ. Ваше высокопревосходительство изволили отвѣтить на это, что, при множествѣ у насъ инородческихъ группъ, вводить объясненную мѣру въ законъ неудобно, но что она можетъ быть приведена въ дѣйствіе административнымъ порядкомъ. Вполнѣ сознавая и съ своей стороны неудобство введенія въ законъ объясненной мѣры, я считаю

обязанностю сообщить лишь вашему высокопревосходительству, что принятие ея было бы самымъ действительнымъ средствомъ къ прекращеню возбужденаго между крымскими татарами броженія. Сколько можно судить по собраннымъ мною въ послѣднее время свѣдѣніямъ, они не страшатся воинской повинности, а опасаются лишь того, чтобы новобранцы ихъ не разсѣявались по разнымъ мѣстамъ, такъ какъ иначе они стѣснены были бы въ исполненіи духовныхъ требъ и вообще правиль ихъ вѣры. Посему, и пользуясь тѣмъ, что крымскіе татары съ малолѣтства пріоѣзываютъ къ верховойъ єзда, я полагалъ бы возможнымъ: изъ призывныхъ на службу крымскіхъ татаръ образовывать особые эскадроны при полкахъ, входящихъ въ раионъ 7-го корпуса, или назначать ихъ группами въ эскадроны тѣхъ же полковъ. Татаръ мужескаго пола въ Крыму считается нынѣ всего около 60,000 душъ, и процентъ новобранцевъ изъ этого населенія будетъ столь не великъ, что исполненіе объясненной мѣры едва-ли представить какія-либо затрудненія. Назначеніе же ихъ именно въ конницу совершенно совпадало бы съ собственнымъ желаніемъ татаръ. Засимъ, если приведенное предположеніе будетъ окончательно одобрено, то я полагалъ бы полезнымъ, вслѣдъ за изданіемъ устава о всеобщей воинской повинности, объявить крымскимъ татарамъ о принятой относительно ихъ мѣрѣ. Можно надѣяться, что это успокоитъ все татарское въ Крыму населеніе, предупредивъ ложные толки и слухи, которымъ отчасти слѣдуетъ приписать возникшее среди его въ послѣднее время движеніе».

Генераль-адъютантъ (впослѣдствіи тоже графъ) Милютинъ, прочитавъ это сообщеніе, отозвался: «Надобно заблаговременно сообразить, какимъ образомъ осуществить это предположеніе. Для этого необходимо прежде всего имѣть въ виду точную цифру ожидаемаго ежегоднаго контингента съ крымскіхъ татаръ». Такимъ образомъ дѣло отложили въ долгій ящикъ, и оно затянулось до весны.

Между тѣмъ, 1-го января 1874 года, послѣдовалъ указъ о введеніи всеобщей воинской повинности, а вслѣдъ затѣмъ, съ начала весны, въ средѣ крымскіхъ татаръ началось движеніе. Въ газетахъ появились корреспонденціи, въ которыхъ сообщалось, что у береговъ Крыма появились турецкіе фелуки, что съ нихъ спустили лодки, на которыхъ турки плаваютъ вдоль береговъ и, подъ видомъ охоты на дельфиновъ, охотятся попрежнему на татаръ, попрежнему смущаю ихъ разными небылицами и, смущивъ, перевозятъ ихъ на фелуки, которыя и отвозятъ ихъ въ Турцию. Втеченіе двухъ мѣся-

цевъ съ южнаго берега вышло до 300 человѣкъ, изъ которыхъ нѣ-
торые ушли съ женами и дѣтьми.

Необходимо припомнить прежнія переселенія татаръ въ Турцію. Еп masse татары эмигрировали изъ Крыма въ 1785—1788 годахъ, въ 1812 году и въ 1860—1863 годахъ. Первое переселеніе обусловливалось волей на то князя Потемкина. Вышло изъ Крыма, по словамъ бывшаго крымскаго судьи Сумарокова, до 300.000 татаръ и ногайцевъ. Второе состоялось на основаніи Бухарестскаго мирнаго трактата, согласно которому Россія обязалась не препятствовать къ переходу въ области Порты Оттоманской буджакскихъ и эдисанскихъ татаръ. Ушло, по офиціальнымъ источникамъ, 3,199 человѣкъ. Третье имѣло много причинъ: одни, въ томъ числѣ и офиціальные донесенія, объясняли его поведеніемъ татаръ во время крымской кампаниіи, когда они не только сочувствовали союзникамъ, но и помогали имъ; другіе—религіознымъ ихъ фанатизмомъ; треты—подстрекательствомъ турецкихъ эмиссаровъ. Самы же бѣжавшіе объясняли его обезземленіемъ ихъ, притѣсненіями и обремененіемъ налоговъ. Не вдаваясь въ изысканіе причинъ послѣднаго переселенія, такъ какъ это выдвинуло бы насть изъ границъ предпринятой статьи, мы скажемъ только, что въ 1860—1863 годахъ выселилось изъ Крыма, по офиціальнымъ источникамъ, 192,360 человѣкъ. Это было какое-то повальное бѣгство. Эмигрировали цѣлые семьи, поколѣнія и даже орды. Шли всѣ: мужчины, женщины и дѣти, работники и старики. Пустѣли сотни ауловъ и деревень. Имущество продавалось за безцѣнъ или бросалось задаромъ. Народъ бѣжалъ, не зная куда, не зная зачѣмъ, не зная, что ждеть его въ чужомъ краю, не зная даже, нужно ли кому-нибудь изъ нихъ это бѣгство, но, всетаки, бѣжалъ. Не пріостанови правительство выдачу паспортовъ, Крымъ обезлюдиѣлъ бы совершенно: изъ всего татарскаго населенія въ Крыму осталось менѣе 100,000 человѣкъ.

Вотъ почему, когда въ 1874 году среди татаръ началось движеніе, и канцелярію таврическаго губернатора стали заваливать прошеними о выдачѣ заграничныхъ паспортовъ, правительство взглянуло на эмиграцію татаръ совершенно иначе, чѣмъ въ шестидесятыхъ годахъ.

Военный министръ, 16-го марта 1874 года, писалъ начальнику главнаго штаба: «Государь Императоръ, получивъ извѣстіе, что крымскіе татары, встревоженные новымъ указомъ о воинской повинности, опять намѣреваются покинуть Крымъ, изволилъ признать нужнымъ,

для успокоенія этого населенія, командировать въ Крымъ генераль-адъютанта князя Воронцова¹), который и отправляется завтра же. Князю Воронцову, между прочимъ, приказано повторить татарамъ отъ Высочайшаго имени то, что уже было имъ объявлено и въ прошломъ году, т. е., что они будутъ отбывать воинскую службу не въ разныхъ полкахъ и частяхъ арміи, но будутъ составлять особую часть, на подобіе того, какъ быль въ прежнее время лейбъ-гвардіи крымско-татарскій эскадронъ. Часть эта въ мирное время будетъ расположена, по возможности, или въ самомъ Крыму, или вообще въ Новороссійскомъ краѣ.

17-го марта, генераль-адъютантъ Милютинъ представилъ Государю Императору Александру Николаевичу записку слѣдующаго содержанія: «По случаю командировки генераль-адъютанта князя Воронцова въ Крымъ, полагалось бы нынѣ же официально объявить, на какихъ главныхъ основаніяхъ Вашему Императорскому Величеству угодно установить для крымскихъ татаръ отбываніе на будущее время воинской повинности. Если Ваше Величество соизволите одобрить представляемый при семъ проектъ отношенія къ министру внутреннихъ дѣлъ, то копіи съ него будутъ вручены сегодня же князю Воронцову, съ тѣмъ, чтобы одну изъ нихъ онъ могъ немедленно по прибытіи въ Крымъ передать таврическому губернатору».

Въ проектѣ отношенія къ министру внутреннихъ дѣлъ было изложено: «Въ Высочайшемъ указѣ 1-го января сего года правительствующему сенату о введеніи всеобщей воинской повинности, хотя и не сдѣлано исключенія для крымскихъ татаръ собственно по отбыванію этой повинности, но въ отношеніи самого порядка ея выполнения постоянно имѣлось въ виду установить для нихъ такія облегченія, которыя соотвѣтствовали бы ихъ образу жизни и понятіямъ, о чемъ Государю Императору, въ бытность Его Величества въ Ливадіи, благоугодно было лично объявить представителямъ татарскаго населенія Крыма. Въ настоящее время составляется особое по этому предмету положеніе на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

¹) Князя Семена Михайловича, сына фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова, бывшаго въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ новороссійскимъ генераль-губернаторомъ и сдѣлавшаго такъ много для развитія благосостоянія крымскихъ татаръ.

крымскіе татары будуть поступать на службу въ особыя части, расположенные въ Новороссійскомъ краѣ, и на первое время предлагаются образовать отдѣльный эскадронъ въ предѣлахъ Крымскаго полуострова, съ тѣмъ, чтобы они имѣли полную возможность исполнить всѣ правила ихъ вѣры и сохранить образъ жизни, соотвѣтственный ихъ религіознымъ требованиямъ. При этомъ имѣется въ виду даже форму обмундированія эскадрона примѣнить къ національной ихъ одеждѣ. Съ Высочайшаго Государя Императора разрѣшенія, имѣю честь сообщить о семь вашему высокопревосходительству для объявленія татарскому населенію Крымскаго полуострова».

Государь соизволилъ одобрить. На запискѣ собственnoю его величества рукою начертано: «Очень хорошо».

Татарское населеніе Крыма, по своему происхожденію, образу жизни, характеру и языку, раздѣляется на двѣ категоріи, рѣзко отличающіяся другъ отъ друга, а именно: на татарь-степняковъ и татарь-горцевъ. Первые—прямые потомки монголовъ, вторые происходятъ преимущественно отъ генуэзцевъ и грековъ, принявшихъ мусульманскую религию во времена владычества въ Крыму татарь. Степняки населяютъ уѣзды Переокопскій и Евпаторійскій и плоскости уѣздовъ Симферопольскаго и Феодосійскаго; горцы же занимаютъ весь Ялтинскій уѣздъ и горныя части уѣздовъ Симферопольскаго и Феодосійскаго. Занятія степняковъ состоять въ хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ. Горцы занимаются, большую частью, садоводствомъ, огородничествомъ, табаководствомъ и винодѣліемъ. Послѣдніе, какъ всѣ вообще ренегаты, отличаются большими фанатизмомъ, нежели степняки, и нелюбимы послѣдними, которые зовутъ ихъ «татами» (сокращенно отъ слова «муртать», что значитъ: ренегатъ). Поэтому всѣ выселенія татарь изъ Крыма не были общі. Эмиграція 1860—1863 годовъ коснулась въ наиболѣе значительной степени татарь-степняковъ, а переселеніе 1874 года задумано и развило преимущественно среди татарь горцевъ.

17-го марта, князь Семенъ Михайловичъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга. Обѣзжая горные уѣзды Таврической губерніи, онъ постыль всѣ наиболѣе значительныя татарскія общества, входилъ съ народомъ въ объясненія, выслушивалъ ихъ жалобы, обнадежилъ царскимъ словомъ—и остановилъ переселеніе.

Вотъ что доносилъ государю, по возвращеніи въ Петербургъ, князь Воронцовъ 14-го апрѣля 1874 года.

«Вашему императорскому величеству благоугодно было повелѣть,

мнѣ: изслѣдовать на мѣстѣ о причинахъ, вызвавшихъ стремленіе крымскихъ татаръ къ выселенію изъ предѣловъ Россіи, собрать свѣдѣнія о томъ, въ чьи руки, на какихъ условіяхъ и за какія цѣны продаются татары принадлежащія имъ земли и составить предположеніе о тѣхъ способахъ, какими было бы всего удобнѣе, не прибѣгая къ принудительнымъ мѣрамъ, остановить означенное стремленіе и удержать необходимое для края населеніе.

«Во исполненіе такого высочайшаго вашего величества повелѣнія, посѣтить населенные татарами Симферопольскій, Феодосійскій, Ялтинскій и Евпаторійскій уѣзды Таврической губерніи, имѣю счастіе донести вашему императорскому величеству, что волненіе между татарскимъ населеніемъ произошло, главнѣйшимъ образомъ, вслѣдствіе изданія новаго закона, подчиняющаго татаръ отбыванію воинской повинности, отъ которой до сего времени они были свободны.

«Къ этой новой повинности татары отнеслись тѣмъ болѣе несочувственно, что у нихъ составилось убѣждѣніе въ чрезмѣрной ея обременительности; такъ, напримѣръ, татары полагали, что весь 20-тилѣтній будуть ежегодно поголовно забираемы въ солдаты, что, кроме того, все мужское населеніе до 40-лѣтняго возраста будетъ обязано нести службу и т. п. Причина такого ложнаго пониманія устава о воинской повинности заключалась въ томъ, что уставъ, написанный на чуждомъ для нихъ языкѣ, не былъ своевременно растолкованъ имъ надлежащимъ образомъ административными властями, вслѣдствіе чего толкованіе устава попало въ руки полуграмотныхъ писарей и разныхъ мелкихъ ходатаяевъ, видѣвшихъ въ этомъ случаѣ возможность поживы и дѣйствительно извлекшихъ изъ населенія болѣе 10,000 рублей за написаніе просьбы о выселеніи. (Противъ этого пункта государь императоръ положилъ резолюцію: «желательно обнаружить этихъ лицъ»). Съ другой стороны, необъясненіе татарамъ вмѣстѣ съ обнародованіемъ устава о воинской повинности предположенной относительно ихъ мѣры, состоящей въ томъ, что они будутъ назначаемы въ отдѣльныя части, поселило у татаръ мысль, что призванные изъ нихъ на службу будутъ разсѣяны по разнымъ полкамъ и лишатся возможности исполнять свои религіозные обряды.

«Такимъ образомъ возникшее между татарами стремленіе къ выселенію было, такъ сказать, естественнымъ послѣдствіемъ совокупности изложенныхъ причинъ, неблагопріятно подѣйствовавшихъ на

умы населенія; какихъ либо виѣшнихъ подстрекательствъ къ выселенію мною не замѣчено.

«Но, независимо этой главной причины, существуютъ еще издавна нѣкоторыя побочныя, которыя въ значительной степени поддерживали у татаръ разъ возникшее намѣреніе оставить предѣлы Россіи. Все татарское населеніе Крыма можно раздѣлить: на степныхъ татаръ, населяющихъ сѣверные уѣзды губерніи, горныхъ судакскихъ и южнобережскихъ. Степные татары, въ значительномъ большинствѣ, не имѣютъ собственныхъ земель. Они живутъ десятинщиками на земляхъ помѣщичьихъ и казенныхъ, отдаваемыхъ въ аренду, и терпятъ большія притѣсненія, въ особенности отъ арендаторовъ казенныхъ земель. Экономическое положеніе этихъ татаръ крайне дурно, а пятилѣтній неурожай и падежъ скота привель ихъ въ самое бѣдственное положеніе, такъ что выселеніе изъ предѣловъ Россіи представлялось имъ воображенію дѣломъ, могущимъ только улучшить ихъ положеніе. Горные татары, проживающіе въ окрестностяхъ Судака, болѣе обеспечены въ средствахъ къ жизни, но, насыая горная ущелья и не имѣя, по отсутствію путей сообщенія, сношеній съ другими народностями, они представляются народомъ совершенно невѣжественнымъ и полудикимъ, въ которомъ сильно развитъ религіозный фанатизмъ. Намѣреніе выселиться они объясняютъ внушеніемъ, ниспосланнѣемъ имъ свыше, и никакихъ другихъ мотивовъ къ переселенію не высказываютъ. Что касается татаръ южнобережскихъ, то они пользуются большимъ благосостояніемъ, гораздо развитѣе остальныхъ татаръ, почти вѣдь знаютъ русскій языкъ, и между ними были волости, какъ, напримѣръ, Байдарская, изъ которой ни одинъ татаринъ не подавалъ прошенія о дозволеніи выселиться.

«До моего прїезда въ Крымъ прошеній о выселеніи было подано губернатору около двухъ тысячъ и во всѣхъ почти прошеніяхъ употреблялась стереотипная фраза: «если со стороны закона нѣть къ этому препятствій». Причемъ указывалось на дозволеніе, данное въ 1861 году татарамъ, выселяться изъ предѣловъ Россіи. Если бы съ самаго начала прошеній были возвращаемы съ отказомъ въ выдачѣ паспортовъ, какъ это неоднократно совѣтовалъ таврическій муфтій, то это значительно бы ослабило начавшееся волненіе. Невозвращеніе же прошеній поселило у татаръ убѣжденіе въ законности просьбы и надежду на удовлетвореніе оныхъ, что вынуждало и другихъ просить о томъ же, дабы не отстать отъ своихъ единомышленниковъ.

върцевъ. Хотя губернаторъ, предъ моимъ пріѣздомъ, и предложилъ циркулярно полицейскимъ управлѣніямъ объявить по городамъ и волостямъ, что прошенія о выселеніи будутъ оставлены безъ послѣдствій, но татары этого не поняли, объясняя, что если прошенія не возвращены, то, значитъ, надежда на получение паспорта не потеряна.

«Съ моимъ пріѣздомъ въ Крымъ, по высочайшему вашего императорскаго величества повелѣнію, о чѣмъ татары, къ сожалѣнію, узнали лишь частнымъ путемъ, дальнѣйшая подача прошеній о выселеніи хотя прекратилась, но, тѣмъ не менѣе, я вездѣ встрѣчалъ въ населеніи беспокойство, недоумѣніе, страхъ и рѣшиимость настойчиво продолжать домогательство о дозволеніи выселиться за границу; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полагали даже, что правительство само желаетъ ухода ихъ на подобіе 1861 года.

«Переданный мною, по высочайшему вашего величества повелѣнію, привѣтъ татарскому населенію и увѣреніе въ неизмѣнной къ нему благосклонности вашей, наравнѣ съ остальными подданными вашего величества, а также всемилостивѣйше дарованныя вами облегченія татарамъ по отбыванію воинской повинности, гарантирующія свободу ихъ религіозныхъ вѣрованій, видимо обрадовали и успокоили народъ, вездѣ возносиившій теплые молитвы о здравіи и долголѣтии вашего величества.

«Сдѣланныя мною затѣмъ разъясненія сущности нового устава о воинской повинности и необременительности ея для населенія, а также указанія на обязанности всѣхъ вѣрноподданныхъ по отношенію къ престолу и отечеству и на всѣ невыгоды для благосостоянія татаръ послѣдствія отъ переселенія, окончательно разсѣяли беспокойствъ ихъ опасенія и примирили татаръ, исключая населяющихъ Феодосійскій уѣздъ, съ необходимостью отбыванія воинской повинности.

«Смѣю думать, что такое примиреніе совершиенно искренно и чистосердечно, такъ какъ желаніе подчиниться новой воинской повинности почти вездѣ, а особенно въ городахъ Бахчисарай и Кара-субазаръ, главныхъ центрахъ волненія, было изъявлено населеніемъ добровольно, послѣ долгихъ размышеній и колебаний и безъ малѣшаго съ моей стороны давленія. (Противъ этого пункта государь изволилъ отмѣтить: «Дай Богъ!»).

«Составленные обществами благодарственные приговоры имѣю счастіе повергнуть къ стопамъ вашего императорскаго величества.

«Поданныя татарами прошенія о дозволеніи выселенія, по моему

распоряженію, возвращены просителямъ на руки, и каждый, получившій обратно свою просьбу, видимо былъ доволенъ такимъ исходомъ дѣла. Вездѣ татарское населеніе принялось за обыкновенныя свои занятія и обработку полей, садовъ и виноградниковъ, такъ что волненіе между татарами можно считать оконченнымъ и населеніе успокоившимся.

«Что касается татаръ, населяющихъ Феодосійскій уѣздъ и нѣкоторыя смежныя съ нимъ горныя деревни, принадлежащія къ Алуштинской волости, Ялтинскаго уѣзда, какъ-то: Туакъ, Искутъ и др., то хотя они остались при прежнемъ своемъ намѣреніи домогаться выселенія, но едва ли они думаютъ теперь обѣ этомъ серьезно. Съ одной стороны, примѣръ осталънаго татарскаго населенія, особенно городовъ Бахчисарая и Карасубазара, произвѣль на нихъ, какъ я убѣдился, довольно сильное впечатлѣніе, а, съ другой стороны, возвращеніе прошений о выселеніи показало имъ бесполезность ихъ домогательствъ. Подобно прочимъ татарамъ, они также принялись за свои обыкновенныя занятія, и нѣть сомнѣнія, что волненіе между ними само собой утихнетъ, если они будутъ оставлены въ покой и дѣло обѣ ихъ стремлѣній къ выселенію будетъ предано забвенію. (Тутъ государь изволилъ написать: «Оно, къ сожалѣнію, не согласуется съ послѣдне-полученными свѣдѣніями»).

«Зная довольно близко татарское населеніе, его характеръ и привычки, смѣю выразить предъ вами императорскимъ величествомъ мою увѣренность, что служба въ кавалеріи, и при томъ въ особомъ эскадронѣ, весьма полюбится татарамъ, и они съ удовольствіемъ будутъ поступать въ войска, въ особенности, когда на практикѣ убѣдятся въ необременительности этой повинности. Въ настоящемъ случаѣ важны тѣ способы, какими будетъ вводиться между татарами новая повинность; чѣмъ гуманнѣе и примѣнительнѣе къ ихъ нравамъ и обычаямъ будутъ эти способы, тѣмъ прочнѣе и скорѣе привьется къ татарамъ любовь къ военной службѣ. Сообразно дарованнымъ татарамъ облегченіямъ, казалось бы необходимымъ, для сформированія отдѣльного эскадрона изъ татаръ, составить для татарскаго населенія Крыма особые отъ прочаго народонаселенія призывные списки; командованіе же будущимъ эскадрономъ было бы полезно поручить русскому офицеру, не изъ татарскихъ мурзъ, о чѣмъ всѣ безъ исключенія волости и города просили меня ходатайствовать предъ вами въ величествомъ, какъ обѣ особой для нихъ милости. (Государь положилъ резолюцію: «Это довольно любо-

пытный фактъ, который имѣть въ виду при назначениіи).

«Слухи о томъ, что татары распредѣляютъ свои земли, оказались неосновательными, никто изъ татаръ продажъ не совершилъ.

«Для вищааго успокоенія татарскаго населенія Крыма и для того, чтобы привязать его болѣе прочными узами къ своей родинѣ и предотвратить въ будущемъ возможность волненій, подобныхъ настоящему, считаю долгомъ повергнуть на всемилостивѣйшее вашего императорскаго величества возврѣніе нижеслѣдующія предложения:

«1) Степнымъ татарамъ отвести изъ казенныхъ земель надѣлы, если не даромъ, то за умѣренную плату съ разсрочкою платежей на продолжительное время. Въ случаѣ неимѣнія въ достаточномъ количествѣ казенныхъ земель для полевыхъ надѣловъ, дать имъ, по крайней мѣрѣ, землю для ихъ усадебной осѣдлости. (Резолюція государя: «Передать для соображенія министру государстvenныхъ имуществъ»).

«2) Горныя поселенія возлѣ Судака соединить шосейными дорогами съ Алуштою, Феодосіею и Карасубазаромъ. Означенная мѣстность, изобилующая самыми давними въ краѣ виноградниками, производить большое количество вина, и удобныя пути сообщенія, поднявъ ея благосостояніе, вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ содѣйствовать смягченію нравовъ горныхъ жителей посредствомъ сближенія ихъ съ другими болѣе цивилизованными народностями. Устройство указанныхъ путей было предположено и частію началось приводиться въ исполненіе еще бывшимъ новороссійскимъ и бессарабскимъ генераль-губернаторомъ княземъ Воронцовъмъ, но, за выбытіемъ его изъ края, дальнѣйшія работы оставлены, а произведенныя заброшены. (Резолюція государя: «Сообразить, какъ сіе исполнить»).

«3) Ускорить окончаніемъ спорныхъ дѣлъ о лѣсныхъ дачахъ, отобранныхъ казною отъ южнобережскихъ татаръ въ 1838 году, съ учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ, противъ какового завладѣнія казною энергически протестоваль бывшій генераль-губернаторъ князь Воронцовъ. (Резолюція государя: «То же»).

«4) Подвергнуть справедливому разсмотрѣнію жалобы татаръ на завладѣніе казною принадлежащими имъ землями и домами, а также удовлетворить, если не встрѣтится особыхъ препятствій, ходатайства нѣкоторыхъ обществъ о разрѣшении выкупить у казны отдаваемыя въ аренду земли для устраниенія разныхъ притѣсненій,

испытываемыхъ татарами отъ арендаторовъ. По этому предмету мнѣ подано нѣсколько просьбъ, которыхъ я не счѣлъ себя вправѣ не принять при настоящихъ обстоятельствахъ. (Резолюція государя: «Тоже»).

«5) Отмѣнить существующія стѣсненія въ выдачѣ татарамъ паспортовъ для путешествія въ Мекку и подчинить татарское населеніе въ отношеніи получения разнаго рода паспортовъ общимъ законамъ, наравнѣ со всѣми русскими подданными. (Резолюція государя: «Тоже»).

«Кромѣ сего, во многихъ мѣстностяхъ Крыма татары заявили мнѣ словесныя жалобы по поводу возбужденаго бывшимъ губернаторомъ генераломъ Жуковскимъ вопроса о вакуфахъ, который сильно тревожить и волнуетъ какъ населеніе, такъ и магометанское духовенство. Вакуфныя земли и капиталы составились втеченіе многихъ лѣтъ изъ пожертвованій по завѣщаніямъ на содержаніе мечетей и духовенства. Населеніе просить объ оставлѣніи этихъ имуществъ и распоряженіи оными по прежнему въ веденіи обществъ. Удовлетвореніе такого ходатайства, въ существѣ своемъ справедли-
ваго, оказало бы благотворное вліяніе на настроеніе умовъ татар-
скаго населенія. (Резолюція государя: «Тоже»).

«Взаключеніе считаю долгомъ упомянуть, что во всѣхъ посѣщен-
ныхъ мною уѣздахъ Таврической губерніи были распространены слухи о томъ, что на праздникъ Воскресенія Христова татары собираются рѣзать христіанъ. При всей очевидной нелѣпости такихъ слуховъ, не имѣвшихъ ни малѣйшаго основанія и истекавшихъ изъ сомнительныхъ источниковъ, мѣстное начальство, къ сожалѣнію принимало по этому поводу нѣкоторые мѣры и заводило переписку, что крайне обидѣло и огорчило татарское населеніе. Оно горячо просило меня снять съ него незаслуженное пятно и оправдать его предъ лицомъ вашего императорскаго величества. Я обѣщалъ это, и вмѣстѣ съ тѣмъ осмѣлился отъ августейшаго вашего имени выскажать татарамъ, что вы—первый государь Россіи, счастли-
вій Крымъ своимъ присутствіемъ, что вамъ извѣстна предан-
ность татарскаго народа и что зная честные убѣженія и правила татаръ, ваше величество ни на минуту не повѣрите подобной возвѣденной на нихъ клеветѣ». (Противъ сего пункта государь написалъ: «Нѣть»).

Независимо частныхъ резолюцій, на лицевой сторонѣ доклада императоръ Александръ II собственноручно начерталъ: «Сообщить

военному министру то, что касается воинной части».

Генераль-адъютантъ Милютинъ, получивъ высочайшее повелѣніе 18-го апрѣля представилъ государю слѣдующія главныя основанія отбыванія татарами воинской повинности.

Общая числительность крымскихъ татаръ простирается до 60,000 душъ мужескаго пола. Съ этого числа, при наборѣ пяти съ половиною человѣкъ съ тысячи, будеть причитаться 330 рекрутъ ежегодно, вслѣдствіи чего, при шестилѣтнемъ срокѣ службы, число крымскихъ татаръ въ войскахъ достигло бы, за исключеніемъ $\frac{1}{2}$ убыли, до 1,900 человѣкъ. Помѣщая весь контингентъ въ особыя части, пришлось бы сформировать особые три кавалерійскіе полка. Но, такъ какъ въ подобномъ увеличеніи кавалеріи въ мирное время надобности не предстоитъ, тѣмъ больше, что мѣра эта потребовала бы нового расхода до 500,000 р. въ годъ, то и полагалось бы: 1) изъ общаго числа новобранцевъ изъ крымскихъ татаръ ежегодно назначать до 150 человѣкъ, желающихъ служить въ конницахъ на собственномъ конѣ, въ составъ особаго крымскаго эскадрона, нарочно для того формируемаго. 2) Новобранцевъ этихъ содержать въ эскадронѣ до десяти мѣсяцевъ, т. е. съ января по 1-е ноября, отпуская ихъ, послѣ этого, вмѣстѣ съ лошадьми по домамъ. Въ послѣдующіе затѣмъ два года собирать ихъ при эскадронѣ на три лѣтнихъ мѣсяца для занятій. 3) Прослужившихъ такимъ образомъ три года зачислять на остальные 12 лѣтъ въ запасъ, призываю ихъ втеченіе этого времени, два или три раза для занятій при эскадронѣ на срокъ до четырехъ недѣль. 4) Остальныхъ затѣмъ татарскихъ новобранцевъ назначать на службу въ ближайшіе полевые полки на общемъ основаніи. 5) Новобранцы, поступающіе въ крымскій эскадронъ, обязаны являться на собственномъ конѣ и съ собственнымъ сѣдломъ и прочимъ конскимъ уборомъ, но обмундированіе и оружіе имъ выдается отъ казны.

Предположенія эти высочайше одобрены и къ осени 1874 года крымскій эскадронъ учреждентъ. Но подобная мѣра, какъ она ни была гуманна и соотвѣтственна обстоятельствамъ, къ сожалѣнію, не могла удовлетворить вполнѣ татарскаго населенія. Были довольны люди зажиточные, которые могли являться на службу съ своимъ конемъ и конской сбруей. Но бѣдные, подлежащіе отправленію въ войска на общемъ основаніи, конечно, не сочувствовали ей, и глаухое броженіе среди татаръ не прекращалось.

Правда, общее выселение татаръ изъ Крыма усилиями князя Воронцова было остановлено, но одинокий уходъ молодыхъ татаръ, опасавшихся поступлений въ службу, и побѣги усилились. Въ одномъ официальномъ донесеніи говорилось: «Бѣгство татаръ совершается въ Гурзуфѣ, Севастополѣ, Евпаторіи и Судакѣ. Пробираются они по ночамъ, въ одиночку или по нѣскольку человѣкъ, и турецкіе баркасы, плавающіе около нашихъ береговъ для ловли дельфиновъ, принимаютъ ихъ и перевозятъ въ Турцію».

Осенью 1874 года, находясь въ Крыму, я былъ въ Гурзуфѣ. Это—татарская деревня, на южномъ берегу Крыма, въ 11-ти верстахъ отъ Ялты и 30-ти отъ Алушты, амфитеатръ скалъ, утесовъ и громадныхъ камней, оторванныхъ вулканическимъ изверженіемъ отъ хребта Яйлы и разбросанныхъ на большомъ пространствѣ до самаго моря, съ прильпавшимися къ нимъ татарскими домиками и хижинами. Вотъ выдается въ море и склоняется надъ его волнами высокій конической утесъ, на которомъ еще видны стѣны старинной крѣпости, обломки стѣнъ и лѣстницы. Вотъ тихая гурзуфская бухта, закрытая отвѣсной скалой Аю-Дага, у подошвы которой тихо плещутся волны и баюкаютъ, какъ въ колыбели, пріютившіяся въ бухтѣ рыбакія лодочки съ садками сребристой кѣфали. Вотъ семья скатившихся въ море, еще во время вулканическаго изверженія, каменныхъ иголь-пирамидъ, возвышающихся надъ беспредѣльной водной равниной до 170 футовъ. Вотъ само беззаботное и игривое какъ дитя, сѣро-синее какъ дымъ, безбрежное Черное море, спокойно катящее свои исполинскіе волны, подъ яркимъ горячимъ лучомъ полуденного солнца, и мѣрнымъ, ровнымъ прибоемъ разстилающее ихъ по берегу, и вотъ вдали на этихъ волнахъ качаются два-три морскихъ судна... Это—турецкія фелуки, охотящіяся въ нашихъ водахъ на дельфиновъ, а при случайѣ забирающія и татаръ.

Я видѣлъ, что фелуки эти появлялись, большей частью, на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. Порой на нихъ какъ будто появлялись условные знаки: днемъ рѣзъ какой-то странный флагъ, ночью выкидывался фонарь съ разноцвѣтными огнями. Въ отвѣтъ на эти сигналы на плоскихъ крышахъ, двухъ-трехъ домовъ, какъ говорили, служившихъ притонами для бѣглецовъ, раскидывались простыни, на высотахъ горь зажигались небольшіе костры, въ прибрежныхъ ущельяхъ скаль раздавались выстрѣлы или протяжный дикий крикъ. Раза два миѣ приходилось встрѣтить идущихъ съ горъ чабановъ,

зашитыхъ въ свои бараны куртки, съ ножами у пояса и кожаными футлярчиками съ молитвами изъ корана на перевязи черезъ плечо, въ буйволовыхъ сандалияхъ и остроконечныхъ надвинутыхъ на брови бараныхъ шапкахъ, раза два мнѣ приходилось встрѣтить собравшуюся въ дорогу сельскую молодежь, въ сопровождѣніи родственниковъ, женщинъ и дѣтей. Съ тѣми и другими шелъ извѣстный ходжа. Я спрашивалъ, кто это? Мнѣ говорили, что это люди, уходящіе на заработки. Между тѣмъ, какъ впослѣдствіи оказывалось, это были бѣглецы, молодежь, уходившая въ Турцию, чтобы не служить въ русскихъ войскахъ.

По официальнымъ свѣдѣніямъ, втеченіе 1874 года (съ 1-го января по 1-е ноября) бѣжало татаръ: изъ Ялтинскаго уѣзда—мужчинъ 193, женщинъ и дѣтей 32, изъ Симферопольскаго—мужчинъ 78, изъ Феодосійскаго—мужчинъ 80, Перекопскаго—мужчинъ 9 и Евпаторійскаго—мужчинъ 61, женщина 1, всего 474 человѣка. Бѣглецы были преимущественно призывааго возраста (21 года).

Съ началомъ призыва, первого призыва въ 1874 году, мнѣ пришлось быть въ ялтинскомъ и симферопольскомъ воинскихъ присутствіяхъ при вынужденіи жеребья на пріемъ въ службу татаръ. Они являлись въ присутствія безъ понужденій, зорко, съ напряженіемъ вниманіемъ слѣдили за всѣмъ, что происходило въ присутствіяхъ. Подлежавшіе призыву вынимали жеребій или сами лично, или透过 стариковъ и волостное начальство, безъ всякаго стѣсненія и боязни, за исключеніемъ горныхъ чабановъ, которые со страхомъ и недовѣріемъ подходили къ столу присутствія, понуривъ голову и смотря на всѣхъ изъ-подлобья. При раздѣваніи татаръ для освидѣтельствованія и пріема, некоторые изъ нихъ стѣснялись раздѣваться вслѣдствіе прирожденаго чувства стыдливости, но выраженное ими при этомъ замѣшательство, кроме одного случаевъ, въ сопротивленіе властямъ не переходило. Но, за всѣмъ тѣмъ, общий результатъ первого пріема новобранцевъ изъ татаръ въ 1874 году нельзя назвать благопріятнымъ. Принято на службу во всѣхъ присутствіяхъ Тавріческой губерніи 203 молодыхъ татарина, не явившихся же къ освидѣтельствованію, по вынутымъ младшимъ нумерамъ, было 130 человѣкъ, т. е. болѣе 68 процентовъ общаго числа поступившихъ на службу. Неявившиеся къ призыву замѣнены другими не были.

Въ 1875 году, уходъ татаръ продолжался, хотя и не въ такихъ, какъ прежде, значительныхъ размѣрахъ. Это вызвало новую коман-

дировку. На этот разъ въ Крымъ былъ отправленъ директоръ департамента полиції исполнительной, тайный совѣтникъ Косаговский, которому было поручено, независимо отъ мѣръ, необходимыхъ для усиленія надзора за крымскими берегами, найти средства успокоить татарское населеніе. Г. Косаговский, по возвращеніи въ Петербургъ, могъ предложить только мѣры, которыя слѣдовало бы принять много и много лѣтъ назадъ, а именно: а) постараться привлечь на свою сторону мусульманское духовенство, т. е. не трогать до времени вопросъ о вакуфныхъ имѣніяхъ; б) порѣшить какъ можно скорѣе вопросъ обѣ отобранныхъ у татаръ земляхъ; в) постановить, что татары, живущіе на помѣщичихъ земляхъ, могутъ быть удаляемы не иначе, какъ при существованіи письменныхъ условій; г) издать сборникъ на татарскомъ языкѣ, который ознакомилъ бы татаръ съ ихъ правами и обязанностями и д) устроить пути сообщенія въ горной части Крыма и по берегу моря отъ Судака до Алушты.

Предложенные г. Косаговскимъ мѣры оказались буквальнымъ повтореніемъ того, о чмъ ходатайствовалъ князь С. М. Воронцовъ.

Предложеніе г. Косаговского передано было на обсужденіе особо учрежденной для того комиссіи, которая полагала, прежде чѣмъ будутъ приняты какія либо другія мѣры, на первый разъ: 1) даровать помилованіе бѣжалішмъ въ Турцію татарамъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые бѣжали, уклоняясь отъ воинской повинности, или совершили, помимо побѣга, другое какоенибудь уголовное преступленіе; 2) отмѣнить сборъ на содержаніе крымско-татарского эскадрона; 3) воспретить иностраннымъ судамъ производить рыбный и звѣринный промыслы въ чертѣ нашихъ территоріальныхъ водъ и не дозволять имъ приставать къ крымскимъ берегамъ для жиротопленія и рыболовного промысла и 4) учрежденіе крейсеровъ и усиленіе береговой таможенной стражи.

Съ пріѣздомъ государя императора Александра Николаевича въ Крымъ въ 1876 году, именно 30-го августа, крымскимъ татарамъ объявлена монаршая милость о прощеніи тѣхъ бѣжалішъ въ Турцію татаръ, которые возвратились на родину ко дню объявленія этой милости. Приведеніе же въ исполненіе прочихъ мѣръ, какъ требующихъ болѣе продолжительныхъ соображеній, отложено.

Затѣмъ наступила восточная война. Татары, сознавая долгъ присяги, прекратили эмиграцію, и теперь число побѣговъ совершенно ничтожно. Но накопленные съ годами жалобы и домогательства до сихъ поръ все еще остаются не разрѣшеными.

ТРИ ВСТРѢЧИ.

І.

Встрѣча А. С. Пушкина съ А. А. Бестужевымъ на Кавказѣ.

 УШКИНЪ, какъ извѣстно, совершилъ въ 1829 году путешествіе въ Арзерумъ, гдѣ находились тогда войска кавказскаго корпуса подъ предводительствомъ графа Паскевича. Пробѣхавъ Тифлисъ и углубившись, слѣдя направлению воинской дороги, въ горы, онъ встрѣтилъ тамъ совершенно нечаянно Александра Александровича Бестужева (Марлинскаго) и описалъ эту встрѣчу въ своемъ дневникѣ, изданномъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ «Путешествіе въ Арзерумъ».

Дневникъ этотъ появился въ первой книжкѣ «Современника» за 1836 годъ, съ большими измѣненіями, такъ, напримѣръ, страница о встрѣчѣ Пушкина съ Бестужевымъ и нѣкоторый другія мѣста были выпущены изъ дневника, по указанію императора Николая Павловича, прочитывавшаго, какъ извѣстно, всѣ сочиненія поэта прежде появленія ихъ въ свѣтъ. Съ измѣненіями дневникъ вошелъ и въ «Собрание сочиненій А. С. Пушкина».

Затѣмъ, съ теченіемъ времени, нѣкоторыя исключенные мѣста возстановлены¹⁾), но страница о встрѣчѣ Пушкина съ Бестужевымъ до настоящаго времени еще не включена; даже въ послѣднѣй изданіи, вышедшемъ подъ редакціей П. А. Ефремова, ея нѣть.

¹⁾ Сочиненія А. С. Пушкина, т. V, стр. 260, 262, 263, 264.

Такъ какъ все, что ни вышло изъ-подъ пера бессмертнаго поэта, имѣть для публики большое значеніе, то мы и возстановляемъ эту такъ долго лежавшую подъ спудомъ страничку, подлинность которой несомнѣнна. Колія съ нея снята въ 1835 году поэтомъ Александромъ Дмитріевичемъ Комовскимъ (впослѣдствіи сенаторъ и статье-секретарь), когда подлинная рукопись Пушкина, по возвращеніи ея отъ императора Николая, съ его помарками, находилась въ канцеляріи шефа жандармовъ графа А. Х. Бенкендорфа. Отъ Комовскаго она и дошла до наст.

Вотъ какъ описалъ Пушкинъ свою встрѣчу съ А. А. Бестужевымъ.

«Я кочевалъ съ утеса на утесь, ободряя то шпорами въ бока, то гладя по шею моего борзаго горца. Привыкшій ко всѣмъ ужасамъ кавказскихъ картинъ, конь мой, прядая ушами и осторожно переступая съ ноги на ногу, морщилъ свои огненные ноздри. Я завидѣлъ вдали всадника въ чудной одеждѣ, онъ летѣлъ и, казалось издали, падалъ со скалы на скалу. Мы поровнялись—то былъ Бестужевъ! Цѣлованья, обниманья, безотвѣтные вопросы и отвѣты не на вопросы были слѣдствіемъ этой неожиданной и пріятной для насъ обоихъ встрѣчи. Мы еще—и въ сотый разъ обнялись, и пошли дальнѣе другъ другу вопросы. Бестужевъ разсказывалъ мнѣ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Я его слушалъ, читая половину его жизни въ этихъ слезахъ, которая нежданно оросили его огненные очи. Я понялъ, каково его существованіе, я понялъ, что жизнь ему не дороже полуушки. Онъ говорилъ мнѣ, что давно уже ищетъ возможности окончить со славой и честью свое опятненное плаваніе по океану жизни.—«Я жажду вѣтровъ,—говорилъ онъ:—я жажду бурь, гдѣ бы могъ явить себя спасителемъ существъ, счастливыхъ болѣе, чѣмъ я... О, если бъ эта рука когданибудь могла покрыться кровью враговъ отечества и смыть печать заблудшаго сердца, я съ радостью, съ благословеніемъ тому, кто мнѣ послалъ бы этотъ случай, принесъ на жертву самого себя, а что мнѣ жизнь теперь!.. Онъ не кончилъ еще рассказа, я не успѣлъ еще стражнутъ слезу ребячества, несносно щекотившую мнѣ глазъ,—какъ всадникъ мой исчезъ. Гляжу, оглядываюсь—нѣтъ его! Въ пять прыжковъ конь вынесъ меня на острѣ скалы; внизу, въ ужасной глубинѣ, шумитъ рѣка—и въ волнахъ плещется Бестужевъ! Я обмеръ отъ страха. Онъ рухнулъ стремглавъ въ чернѣющую бездину, я испугался, а онъ, шалунъ Бестужевъ, онъ махаетъ шапкой и кричитъ:—«не

бойся, Пушкинъ, я не умръ... я живъ еще, къ несчастью моему... но вотъ, мой другъ, какъ дорого цѣню ея жизнь!».

Кто не узнаетъ въ этой сценѣ пера Пушкина характера Бестужева!..

II.

Встрѣча И. С. Тургенева съ Д. И. Писаревымъ.

Знаменитый романистъ и даровитый представитель такъ называемой «либеральной критики», не смотря на общность многихъ интересовъ, ихъ сближившихъ, лично не симпатизировали другъ другу и видѣлись только однажды. Самое свиданіе ихъ, отъ кото-раго Иванъ Сергеевичъ Тургеневъ ожидалъ такъ много хорошаго, не только не сблизило ихъ, но, къ величайшему огорченію обоихъ, окончательно разъединило и разорило на всю жизнь. Вотъ какъ это случилось, по разсказу очевидца встрѣчи, Петра Павловича Суворова, пользовавшагося расположениемъ обоихъ антагонистовъ.

Въ зиму 1865 года, Тургеневъ достигъ зенита своей извѣстности и славы: романъ «Отицы и дѣти» вышелъ въ свѣтъ и произвелъ въ публикѣ сенсацію. Все заговорило о немъ. Не было ни одного журнала, который не посвятилъ бы его разбору иѣсколькихъ печатныхъ листовъ. Лучшая рецензія, по широтѣ взгляда и глубинѣ анализа, принадлежала перу Д. И. Писарева, напечатавшаго ее въ журналѣ «Русское Слово» (послѣ «Дѣло»). Авторъ романа не могъ не согласиться съ тѣми выводами, къ которымъ пришелъ, разбирая романъ, талантливый критикъ, и въ разговорѣ съ однимъ изъ видныхъ нашихъ литераторовъ отнесся къ этимъ выводамъ сочувственно, и даже выразилъ желаніе познакомиться съ Дмитриемъ Ивановичемъ лично. Между тѣмъ, тогдашній редакторъ «Русскаго Слова», Григорій Евлампіевичъ Благосвѣтловъ, давно хотѣлъ завербовать Ивана Сергеевича въ число своихъ сотрудниковъ, и теперь, услышавъ о сдѣланномъ имъ отзываѣ о рецензіи Писарева и желаніи познакомиться съ нимъ, поручилъ Петру Павловичу Суворову написать къ Тургеневу письмо: не пожелаетъ ли онъ помѣстить въ «Русскому Словѣ» приготовляемый имъ въ то время къ печати новый романъ («Дымъ»), причемъ, конечно, на похвалы

и обещания не скучились. Но знаменитый романист не пошел на заброшенную ему удачу: въ самыхъ вѣжливыхъ и деликатныхъ выраженияхъ, онъ отвѣчалъ, что не успѣлъ еще хорошо познакомиться съ журналомъ, редактируемымъ Благосвѣтловымъ, но современемъ, когда хорошенко узнаетъ изданіе, не прѣчѣ помѣстить въ немъ одно или нѣсколько своихъ произведеній. На этомъ остановились первыя попытки къ сближенію, но редакція «Русскаго Слова» сочла письмо Ивана Сергеевича за нѣчто для него обязательное.

Прошла зима. Въ февралѣ 1866 года, Тургеневъ приѣхалъ въ Петербургъ и остановился у Боткина на Караванной. Въ городѣ распространился слухъ, что онъ привезъ съ собою новый романъ, что онъ прочелъ уже нѣсколько отрывковъ изъ него въ интимномъ кружкѣ друзей и что всѣ слышавшіе его чтеніе восторгаются романомъ. Редакція «Русскаго Слова» встрепенулась, и П. П. Суворовъ получилъ отъ нея порученіе посѣтить Тургенева, страдавшаго тогда подагрой. На утро онъ сидѣлъ уже въ кабинетѣ больнаго романиста, принятый имъ весьма предупредительно и радушно. Завязался разговоръ обѣ идеалахъ общественнаго развитія, и Иванъ Сергеевичъ высказалъ о Писаревѣ самое лестное мнѣніе.

— Въ то время,—говорилъ онъ, между прочимъ:—когда вся критика обрушилась на меня и бичевала нещадно моихъ злополучныхъ «Отцовъ и дѣтей», Дмитрій Ивановичъ одинъ отнесся къ нимъ совершенно безпристрастно. Какъ критикъ, онъ вполнѣ добросовѣтно обрисовалъ характеры выведенныхъ въ романѣ лицъ и чрезвычайно остроумно и мѣтко опредѣлилъ ихъ значеніе съ точки зреянія современного общественнаго развитія. Скажу болѣе: онъ сумѣлъ отѣбнить и выдвинуть на первый планъ такія черты въ нихъ, которыя я, когда писалъ романъ, сознавалъ какъ бы отвлечено и смутно, и только, прочитавъ его резензію, онъ стали для меня опредѣленны и ясны... Не смотря на то, что онъ еще очень молодъ и не чуждъ увлечений, я его уважаю и буду очень радъ, если мнѣ представится случай познакомиться съ нимъ лично.

— Это не такъ трудно,—отозвался Суворовъ:—если позволите, я привезу его къ вамъ, и вы съ нимъ навѣрно сойдетесь: вашъ строгій рецензентъ—чрезвычайно симпатичная личность и, что всѣго важнѣе, убѣжденный честный человѣкъ...

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь,—улыбнулся Иванъ Сергѣевичъ, и, подумавъ немнogo, прибавилъ:—итакъ, рѣшено, вы привезете его ко мнѣ!..

— Съ большимъ удовольствiемъ!—отвѣчалъ Петръ Павловичъ, вставая со стула, чтобы откланяться:—только скажите, когда вы можете принять насть?

— О, это все равно, когда хотите!—сказалъ Тургеневъ, пожимая Суворову руку:—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!..

Вечеромъ того же дня, не смотря на отиѣкиванья и явное нежеланіеѣхать, какъ говорилъ Дмитрій Ивановичъ, на поклонъ къ отцу «Отцовъ и дѣтей», Суворовъ повезъ его къ Тургеневу. Войдя въ кабинетъ, они нашли Ивана Сергѣевича сидящимъ въ креслѣ у письменного стола; большая нога его была вытянута и лежала на другомъ креслѣ. На столѣ горѣла лампа подъ темнымъ абажуромъ, такъ что въ кабинетѣ царилъ полумракъ. Въ руки у него находилась рукопись, по всей вѣроятности, привезенного имъ романа: онъ читалъ ее, вокругъ сидѣло нѣсколько человѣкъ друзей—нашъ извѣстный военный историкъ, генераль Богдановичъ, и двѣ три литератора.

При входѣ Писарева и Суворова въ кабинетъ, Иванъ Сергѣевичъ прекратилъ ченіе, положилъ рукопись на столъ и очень любезно поздоровался съ пришедшими. Послѣ обычныхъ привѣтствiй и рукопожатiй, гости взяли стулья, сѣли и начался разговоръ. Врацавшійся всю жизнь въ лучшемъ обществѣ, изучивши до тонкости свѣтскіе пріемы, Тургеневъ, съ свойственнымъ ему тактомъ, въ самыхъ изысканныхъ выраженiяхъ заявилъ Дмитрію Ивановичу, что онъ давно искалъ слутия обмѣняться съ нимъ мыслями, что признаетъ въ немъ большой критической талантъ и глубоко его уважаетъ, уважаетъ за то, что онъ безпристрастно и съ такимъ художественнымъ пониманiемъ относится ко всѣмъ выдающимся явленiямъ художественного творчества.

Произошла маленькая пауза. Писаревъ сидѣлъ и молчалъ.

Потомъ, вдругъ, съ свойственной ему живостью, повернувшись на стулѣ въ полоборота, онъ спросилъ Тургенева:

— Правда ли, Иванъ Сергѣевичъ, я слышалъ, мнѣ вотъ говорилъ Петръ Павловичъ (и онъ указалъ на Суворова), что вы привезли новый романъ?—и если правда, то нельзя ли мнѣ ознакомиться съ нимъ, прежде чѣмъ онъ будетъ напечатанъ?.. Кстати,

гдѣ вы думаете его печатать?.. Вы, кажется, обѣщали одно изъ вашихъ произведеній дать «Русскому Слову?».

— Да,—замялся какъ будто въ отвѣтъ Тургеневъ:—современемъ я исполню мое обѣщаніе... но этотъ романъ я еще изъ-за границы отослалъ въ Москву, Михаилу Никифоровичу Каткову, и теперь вотъ жду отъ него отвѣта.

— Какъ!—вскричалъ Писаревъ и какъ ужаленный вскочилъ со стула:—вы!.. вы—нашъ лучший писатель, доступный современному движенію молодого поколѣнія и имъ за то чтимый!.. вы—человѣкъ независимый, имѣющій громадное состояніе, работающій не для заработка, вы отдаете свой романъ Каткову!.. Для чего?.. съ какой цѣлью? Что общаго между вами и этимъ!.. (тутъ слѣдовало нѣсколько жесткихъ эпитетовъ по адресу Михаила Никифоровича). Или вамъ деньги нужны?.. За деньги вы готовы идти на сдѣлку съ совѣтствомъ?.. Кто же вы послѣ того?.. Что я долженъ въасъ думать!.. И какъ вы могли, какъ вы рѣшились, послѣ этого, приглашать меня къ себѣ?.. Нѣтъ, я не только не радъ слушаю, который свѣтъ меня съ вами, но кляну ту минуту, когда я первый разъ подумалъ объ этой!.. Кто же вы такой? кто? говорите?.. Пётръ Павловичъ,—обратился онъ въ сильнѣй раздраженіи къ Суворову:—гдѣ мы находимся?.. Куда вы меня привезли?..

Иванъ Сергеевичъ, сидѣвшій все это время въ креслѣ прямо, подавшись нѣсколько впередъ, сконфуженный горячими упреками Писарева, не могъ отвѣтить ему ни слова, лицо его было блѣдно, по мѣрѣ того, какъ ажитація Дмитрія Ивановича увеличивалась и рѣчь его становилась злѣй и безпощаднѣй, онъ блѣднѣлъ все больше и больше и вдругъ, какъ бы изнемогая подъ тяжестью взвѣденныхъ на него обвиненій, откинулся всѣмъ тѣломъ на спинку кресла; спинка не выдержала, откололась и отлетѣла прочь, и Иванъ Сергеевичъ рухнулъ съ больной ногой, чрезъ голову, на полъ.

Произошла суматоха. Одни бросились подымать Ивана Сергеевича, другие обратились къ Писареву съ упреками, поставляя ему на видъ всю неумѣтность его горячности, и просили его удалиться. Дмитрій Ивановичъ ничего не отвѣтилъ, повернулся, взялъ фуражку и уѣхалъ домой.

Спустя нѣсколько времени, на страницахъ «Русскаго Вѣстника» появился новый романъ Тургенева «Дымъ». Писаревъ написалъ рецензію, въ которой не только раскритиковалъ новое произведеніе знаменитаго художника-романиста, но и самаго его низвелъ на сте-

пень человѣка, который не знаетъ, что творить. Рецензія эта была отдана Г. Е. Благосвѣтлову, одобрена, набрана и прочитана въ корректурѣ. Она представляла собою статью болѣе пяти печатныхъ листовъ и, поѣтому, въ одномъ нумерѣ журнала появиться не могла. Ее раздѣлили на двѣ половины, и первая приготовлялась уже къ выпуску. Вдругъ, утромъ рано, за нѣсколько дней до выхода книжки, влетаетъ въ редакцію разстроенный и блѣдный Писаревъ. Поздоровавшись съ редакторомъ и сотрудниками, онъ обратился къ Благосвѣтлову съ просьбой возвратить ему рукопись его статьи и вѣсъ корректуры.

— На что она вамъ? — спрашиваетъ его изумленный редакторъ.
— Я не желаю ее печатать.
— Да вы съ ума сошли!.. Что съ вами?
— Вотъ посмотрите, что онъ написалъ мнѣ! — и Писаревъ подалъ Благосвѣтлову письмо Тургенева.

Въ письмѣ этомъ Иванъ Сергеевичъ писалъ Дмитрію Ивановичу, что онъ очень сожалѣтъ о томъ, что, по болѣзни, ему не удалось, при личномъ свиданіи съ нимъ въ февралѣ, объясниться и тѣмъ избѣжать оставшихся неразъясненными недоразумѣній. Воздавъ таланту критика всевозможныя куренія, онъ обращался къ нему съ просьбой не печатать написанной имъ рецензіи на его новый романъ, прежде чѣмъ онъ не сообщитъ этой рецензіи ему для прочтенія. Причемъ обѣщался дать вѣсъ нужныхъ разъясненій.

— Ну, что я буду дѣлать, когда онъ такъ пишетъ! — воскликнула, горячась, Дмитрій Ивановичъ! — я не могу напечатать моей рецензіи... я не такой... и онъ схватилъ письмо Тургенева, изорвалъ его въ мелкіе кусочки и бросилъ на полъ. Потомъ свернуль въ трубку рукопись рецензіи и корректуры ея, распрошался съ сотрудниками и ушелъ.

Но, взявъ рецензію изъ редакціи, Писаревъ не послалъ ее Тургеневу, какъ послѣдній просилъ его. Онъ послалъ ему только письмо, въ которомъ писалъ, что онъ всего ждалъ отъ него, но только ужъ никакъ не просьбы о непечатаніи критики на его романѣ. Убѣжденія свои и взгляды, — писалъ онъ, — вы могли измѣнить; и я, порицая ваши идеалы, могъ бы уважать васъ какъ человѣка. Но теперь, послѣ вашей просьбы, я васъ не уважаю и уважать не могу. Вы пережили себя, вы одряхлѣли, вы не понимаете стремлений молодаго поколѣнія. Вы идете, сами не зная куда. Вы похожи на человѣка, который самъ добровольно садится въ

муравейникъ, и поэтому... (следовалъ выводъ, весьма нелестный для Ивана Сергеевича).

Этимъ, казалось бы, и должны были окончиться пререканія Тургенева съ пылкимъ критикомъ, такъ какъ разрывъ между ними состоялся полный и всякия личные отношенія прекратились. И действительно, почти три года пререканій не было. Но вотъ, въ 1869 году, умираетъ Д. И. Писаревъ—и Тургеневъ послѣшилъ отклиknуться. При жизни Дмитрія Ивановича онъ не обмолвился о немъ ни однимъ печатнымъ словомъ, но едва глаза талантливаго его антагониста смежились, Иванъ Сергеевичъ пожелалъ свести счеты съ нимъ и въздалъ ему, съ свойственнымъ ему талантомъ, сторицею. Въ воспоминаніяхъ своихъ о В. Г. Бѣлинскомъ, напечатанныхъ вскорѣ послѣ смерти Писарева, въ одной изъ книжекъ «Вѣстника Европы», онъ посвятилъ одну—двѣ странички и своему безпощадному рецензенту, вспомнилъ о своемъ свиданіи съ нимъ въ 1866 году и заклеймилъ его позорной кличкой главы петербургскихъ нигилистовъ; по его словамъ, выходило, что Писаревъ—человѣкъ беспокойный, бездушный, и только...

Кто же изъ нихъ правъ?

Встрѣча А. О. Писемскаго съ «самоуправцами».

Нѣсколько лѣтъ назадъ, проѣзжая чрезъ Москву, я остановился въ ней на нѣсколько дней и послѣшилъ повидаться съ нѣкоторыми изъ наиболѣе близкихъ знакомыхъ. Сдѣлавъ нѣсколько визитовъ, я заѣхалъ и къ Алексѣю Феофилактовичу Писемскому. Встрѣча давно не видавшихся людей обыкновенна: восклицанья, цѣлованья и разспросы. Поздоровавшись какъ принято, перебросившись замѣчаніями о перемѣнахъ, найденныхъ другъ въ другѣ, поговоривши о дѣлахъ, интересовавшихъ насъ обоихъ, справившись о знакомыхъ и друзьяхъ, мы перешли, по обыкновенію, къ новостямъ.

— Что новаго въ Москвѣ?—спрашиваю я Писемскаго.

— Ничего!.. все постарому!.. такъ же пьемъ, такъ же Ѣдимъ и такъ же спимъ,—отвѣчалъ Алексѣй Феофилактовичъ.

— Но вѣдь что нибудь дѣлаетъ же Москва?

— Дѣлаетъ—какъ не дѣлать!..— отвѣчалъ съ добродушной

улыбкой Писемский! — нѣсколько времени тому назадъ исконочили твоего покорнѣйшаго слугу.

— Какъ такъ! за что?

— Ни за что, ни про что, а такъ здорово живешь.

— Нельзя же человѣка бить за «здраво живешь».

— Въ Москвѣ можно!.. въ Москвѣ все можно!..

— Да какъ же такъ? — объясни, пожалуйста.

— Очень просто. Возвращаюсь я однажды домой вечеркомъ, въ сумерки не совсѣмъ поздно, но было уже темно, взошелъ на дворъ и иду сторонкой къ крыльцу. Вдругъ, откуда ни возьмись, какъ будто выросли изъ-подъ земли, наскакивають нѣсколько здоровенныхъ мужиковъ, въ рубахахъ, фартукахъ и картузахъ, въ родѣ биржевыхъ рабочихъ, бросаются на меня, накидываютъ полы моей хламиды мнѣ на голову, такъ что я кричать уже никакъ не могъ, валить меня на землю и накладываютъ мнѣ подъ бока, по шеѣ и по зубамъ. Быть и приговаривають: «Не пиши, пакостникъ, про хорошихъ людей мерзостей!.. не клепли!.. не порочь!.. житья отъ тебя никому не стало, перелаяли ты всѣхъ здѣсь, песь цѣпной!.. Что, чувствуешь ли, какъ это хорошо!.. Чувствуешь?.. а? не будешь больше? говори!.. да говори же, Николай Ивановъ! не то еще прибавимъ, да такъ, что не скоро и забудешь!»... — «Да я не Николай Ивановъ, — взмолился я подъ кулаками: — я — Алексѣй Феофилактовъ, что вы дѣлаете со мной, душегубы!» — «И впрямь, это не тотъ!» — отозвался одинъ изъ нихъ, вглядываясь мнѣ въ лицо: — «это самъ хозяинъ дома! простите, сударь, мы васъ приняли за Пастухова ¹⁾). Намъ хозяева вѣльки потрепать Николая Иваныча, ошибка, сударь, вышла, ужъ вы простите, Бога ради!». — И мужики бросились бѣжать. Конечно, я ихъ не преслѣдоваль, а поторопился убраться домой да растереться перцовкой, чтобы синяковъ не было... Такимъ-то родомъ вить въ чужомъ пиру похмѣлье и принимаешь... Что, хороши наши московскіе порядки?

Я пожалѣль отъ души «честнѣйшаго и славнѣйшаго Феофилактыча», какъ звали Писемскаго въ шутку москвичи, и разразился страшной филиппикой по поводу «самоуправства» и «же-

¹⁾ Извѣстный газетный репортеръ того времени, не дававшій покоя москвичамъ; въ настоящее время издастъ газету «Московскій Листокъ».

стокости нашихъ нравовъ»... Смотрю—Писемскій откинулся въ кресль и заливается громкимъ смѣхомъ.

— Чему ты радъ?—спрашиваю я его въ недоумѣніи.

— А ты и повѣрилъ моей встрѣтѣ съ «самоуправцами»... Это я тебѣ рассказалъ легенду о самоуправцахъ нашей прессы... Набрасываются они изъ-за угла и бѣть встрѣчнаго и поперечнаго, не разбирая даже тотъ ли это, кого имъ нужно.

— Ну, это дѣло другаго рода, къ этому боку наши привычны,— засмѣялся и я въ свою очередь.

«Встрѣча съ самоуправцами»—послѣдній разсказъ, который я слышалъ отъ А. Ф. Писемскаго.

М. И. ГЛИНКА У ГРАФА ВІЕЛЬГОРСКАГО.

ГРАФЪ Михаиль Юрьевич Віельгорскій, какъ извѣстно, былъ художникъ-любитель, музыкантъ и виртуозъ. Онъ игралъ роль мецената и своимъ вліяніемъ въ обществѣ и связями при дворѣ могъ сдѣлать многое. Поэтому нѣть ничего удивительнаго, если художники, артисты и музыканты тѣснились вокругъ него и искали его покровительства. М. И. Глинка не избѣгъ общей участіи. Окончивъ первую свою оперу «Іванъ Сусанинъ» (переименованную потомъ въ «Жизнь за царя»), 28-го февраля 1836 года, онъ явился къ Михаилу Юрьевичу и просилъ его ходатайства о постановкѣ пьесы на сценѣ Большаго театра. Графъ обѣщалъ ему всяческое содѣйствіе и просилъ его заѣхать къ нему чрезъ нѣсколько времени.

Живой, нервный Глинка неособенно остался доволенъ прѣмомъ графа. Но слава его, какъ композитора, еще не стояла высоко, и поэтому нужно было дорожить расположениемъ вельможи. 10-го марта, въ залахъ графа Віельгорскаго состоялась первая репетиція оперы. Оркестръ былъ хотя и неполный, но его составляли театральные музыканты. Хоры исполняли придворные пѣвчіе, тріо и дуэты пропѣли артисты. Дирижировалъ оркестромъ самъ Глинка. Музыканты недостаточно разучили партитуру, а потому первое исполненіе увертюры вышло неудачно. Пришлось сыграть второй разъ. Хоры вышли лучше. Артисты исполнили прекрасно. Глинка суетился, бѣгалъ, билъ тактъ и морщился. Его разгорѣвшееся лицо и блестѣвшіе глаза выдавали внутреннее волненіе. Но когда пьеса была окончена и залъ огласился дружными рукоплеска-

ніами, онъ просіяль: всеобщія поздравленія, одобренія и рукопожатія побѣдили неувѣренность и недовольство, композиторъ развеселился и благодарилъ отъ души всѣхъ посѣтителей.

— Это *chef d'oeuvres!* — говорилъ графъ Михаилъ Юрьевичъ. Послѣ «Фенеллы» и «Роберта» страшно сочинять оперы. Кто посмѣеть поставить на судь публики свое сочиненіе, когда она избалована «Нѣмою изъ Портичи» и «Дьяволомъ». Опера же Глинки замѣчательна своею оригинальностью. Отъ начала до конца она носить на себѣ характеръ исключительно русско-польскій. А это не бездѣлица! Притомъ финалъ и послѣдній романъ написаны гениально. Я увѣренъ, что это сочиненіе будетъ имѣть несравненно болѣе успѣха въ чужихъ краяхъ, нежели у насть. Мы еще далеки отъ того, чтобы восхищаться своей оригинальностью. Мы согласимся скорѣе признать это стариною, нежели мастерскимъ произведеніемъ великаго таланта.

Съ этого времени Глинка сталъ чаше посѣщать графа Віельгорскаго. Сидя однажды въ его кабинетѣ, въ ожиданіи возвращенія домой графа, онъ вступилъ въ разговоръ съ работавшимъ у графа какимъ-то живописцемъ и высказалъ слѣдующее: «Я всегда завидую живописцу. Я вижу, какъ постепенно наслаждается онъ своимъ произведеніемъ, и какъ прочно это наслажденіе. При одинаковомъ расположеніи души, оно всегда одинаково, между тѣмъ какъ наслажденіе отъ музыки даруется не всегда, и для того, чтобы вкусить его, должно имѣть много терпѣнія, пока не услышишь всего цѣлаго. Часто отдѣльныя части ничего не носятъ на себѣ необыкновеннаго, а все цѣлое представляетъ удивительный даръ, отличное произведеніе. Въ живописи же, напротивъ, душа каждымъ штрихомъ восхищается, и этотъ штрихъ вѣченъ, неизмѣнъ, а въ музыкѣ все зависитъ отъ исполненія».

Въ другой разъ онъ говорилъ: «Я не вѣрилъ бы въ будущее блаженство, еслибы не видѣлъ на землѣ этихъ трехъ высшихъ искусствъ: музыки, живописи и ваянія; они суть представители грядущаго счастія. Человѣкъ, приходи отъ нихъ въ восторгъ, позабываетъ о землѣ, душа его блаженствуетъ, и онъ считаетъ себя въ ту минуту совершенно счастливымъ, потому что состояніе его духа не требуетъ ничего высшаго, ничего сильнѣйшаго. И эта точка, на которой мы останавливаемся въ своихъ желаніяхъ и стремленіяхъ къ лучшему, — есть точка истиннаго счастія. Будущее блаженство, должно быть, такое же состояніе нашей души, только бо-

лѣс продолженное. Мы приходимъ здѣсь въ восторгъ на одно мгновеніе—тамъ же оно будетъ безъ границъ и мѣры».

Въ концѣ года, опера Глинки, благодаря хлопотамъ и представительству графа Віельгорскаго, была поставлена на сцену. Нужно ли говорить, что она произвѣла фуроръ. Михаилъ Юрьевичъ отозвался о ней слѣдующими словами: «Глинка совершенно изучилъ и постигъ духъ нашей гармоніи. Въ его мотивахъ вы найдете все русское и ни одной русской пѣсни, которую бы вамъ когда нибудь слушалось слышать. Вы будете много узнавать, вамъ покажется, что всѣ пассажи его оперы суть мѣста вамъ знакомыя, а переберите въ памяти вашей всѣ русскія пѣсни, вы ни одной не найдете, которая бы пѣлась на голосъ аріи Глинки. О томъ, какъ хороши и удачны хоры польскіе, — и говорить нечего. Мазурочный кадансъ этихъ хоровъ есть самая счастливая мысль, которую не мастеръ своего дѣла могъ бы довѣсть до тривіальности. Что же касается тріо и послѣдняго дуэта, это то,—повторю,—*chef d'oeuvres* Глинки».

Впослѣдствіи, Глинка, въ пріятельскомъ кружкѣ, называлъ графа М. Ю. Віельгорскаго «своимъ Иоанномъ Крестителемъ».

МОЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗНАКОМСТВА.

ГОДЪ 1865.

I.

Первые литературные работы.—Переписка съ Н. А. Некрасовымъ и Д. Д. Минаевымъ.—Приѣздъ въ Петербургъ.—Поѣздка въ Лѣсной.—Встрѣча съ А. П. Швабе и Ф. С. Харламовымъ.—Д. Д. Минаевъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ моя дѣятельность началась въ 1863 году. Служа еще въ нижнемъ званіи въ одномъ изъ пѣхотныхъ полковъ, я помѣстилъ въ «Военному Сборнику» статью объ обезпечении нижнихъ чиновъ въ отставкѣ и въ солдатскихъ журнальчикахъ—нѣсколько стихотвореній изъ солдатской быта. Дѣятельность эта продолжалась и въ 1864 году, по производствѣ меня въ офицеры. Дмитрій Дмитріевичъ Минаевъ¹)

¹) Дмитрій Дмитріевичъ Минаевъ — извѣстный талантливый и остроумный поэтъ-сатирикъ скончался въ г. Самарѣ 10 июля 1889 года и до сихъ поръ еще не оцененъ, по достоинству, нашей партійной критикой, съ которой у покойнаго были свои счеты.

Почти двадцать пять лѣтъ я былъ знакомъ съ нимъ, бывалъ у него, принималъ у себя, водилъ, по русскому обычаю, хлѣбъ-соль, дружилъ иссорился, вновь сходился и расходился, жилъ одно лѣто вмѣстѣ съ нимъ на лачѣ, и встрѣчался съ нимъ на послѣдніхъ дніяхъ передъ отѣзdomъ его на родину. При такихъ условіяхъ, я имѣлъ возможность видѣть его жизнь и его работу, каторжную работу для наполненія бездонной бочки Даваидъ житейскихъ по-

замѣтилъ одно изъ моихъ стихотвореній и въ «Русскомъ Словѣ», гдѣ онъ вель фельетонъ подъ псевдонимомъ «Темнаго человѣка», поставилъ его въ примѣръ поэту М. П. Розенгейму, писавшему, какъ извѣстно, тягучіе и вязкіе стихи. Я написалъ ему благодарственное

требностей, имѣль возможность узнать его характеръ, личныя достоинства, способности, средства и, наконецъ, увлечений и слабости, и, поэтому, смѣю думать, что на мѣрѣ лежитъ обязанность сообщить для будущаго его биографа нѣкоторыя характерныя черты изъ его жизни.

Сынъ даровитаго отца, тоже извѣстнаго въ свое время поэта, автора «Волжскихъ думъ» и переводчика «Слова о полку Игоревѣ», Дмитрия Ивановича Минаева, Дмитрий Дмитріевичъ принадлежалъ къ числу дворянъ помѣщиковъ Симбирской губерніи. Родился онъ 21 октября 1835 года, получилъ воспитаніе въ домѣ отца, который предназначалъ его къ военной службѣ и въ 1850 году помѣстилъ въ бывшій Дворянскій полкъ. Молодой юнкеръ учился хорошо, но ни какъ не могъ освоиться со строгой военной дисциплиной. Не чувствуя въ себѣ призванія, какъ онъ выражался самъ, къ созданию себѣ карьеры посредствомъ обращенія живой человѣческой личности въ картоннаго манекена на проволокахъ, онъ окончилъ курсъ въ 1852 году и вышелъ изъ полка для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, съ чиномъ XIV класса. Отецъ его былъ очень не доволенъ подобнымъ самоволъніемъ поступкомъ сына, но поправить сдѣланнаго было невозможно и огорченный родитель, послѣ нѣсколькихъ чувствительныхъ домашнихъ вишеній, долженъ былъ, скрывъ сердце, помѣстить молодого упраимца на службу въ Симбирскую казенную палату. Гражданская служба тоже не удовлетворяла кипучую натуру поэта. Послѣ Севастопольской войны, Россія встрепенулась, ее охватила жажда реформъ и свободы, молодое поколѣніе горячо сочувствовало подобнымъ стремленіямъ и, поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что Дмитрий Дмитріевичъ потянула разгоравшаяся ширь столичной жизни, онъ оставилъ службу въ провинціи и перешелъ въ Петербургъ, гдѣ и причислился къ земскому отдѣлу министерства внутреннихъ дѣлъ. Служба его, однако, продолжалась недолго. Онъ предался литературѣ — и вышелъ въ отставку. Въ 1858 году онъ дебютировалъ въ нѣкоторыхъ мелкихъ Петербургскихъ періодическихъ изданіяхъ. Въ 1860 году издалъ подъ псевдонимомъ Д. Свіжскаго «В. Г. Бѣлинскій», первый опытъ биографіи знаменитаго критика, съ 1861 года дѣлается со-трудникомъ «Современника» и «Русскаго слова», потомъ «Искры», «Дѣла», «Отечественныхъ Записокъ», «Вѣстника Европы» и многихъ другихъ ежемѣсячниковъ и еженедѣльниковъ либерального направлѣнія. По своей талантливости и трудолюбію — это былъ русскій Бальзакъ, писавшій безъ перерыва слишкомъ тридцать лѣтъ. Онъ писалъ все и обо всмѣ съ такой легкостью и плодовитостью, что самые ожесточенные враги его должны были признать за нимъ

письмо, а Николаю Алексеевичу Некрасову посвятилъ «Солдатскую думку», посланную ему при слѣдующемъ посланіи:

Тебѣ посвящаю, пѣвецъ,
Тяжолую луму солдата,
Быть можетъ, хоть ты, наконецъ,
Признать пожелаешь въ немъ брата.

Ты отдалъ всю жизнь мужику;
Солдатское горе похуже:
Нельзя ли помочь бѣдняку
Въ его невѣщественной «и у жѣ»?..

Что нужно ему—ты поймешь,
Что сдѣлаешь—будетъ все ладно,
Одно уже то, что прочтешь
О горѣ его ты—отрадно...

несовѣтный талантъ. Преобладающимъ элементомъ его разносторонняго таланта была прирожденная способность схватывать моментально юмористическую сторону извѣстнаго лица, типа, характера или событий и факта и передавать схваченное впечатлѣніе въ остроумнѣ, сильной и оригинальной формѣ сатирическаго или шутливаго стихотворенія. Поэтому главнѣйшюю его специальностю былъ фельетонъ. Въ ряду талантливѣйшихъ фельетонистовъ того времени, какими были А. С. Суворинъ, Л. К. Панютинъ, И. Ф. Василевскій и др., онъ занималъ одно изъ выдающихся мѣстъ, которое, за смертью его, и по настоящее время не замѣщено и, можетъ быть, еще долго будетъ вакантнымъ. Его легкій остроумный фельетонный жанръ многимъ не нравился, потому что задѣвалъ и осмѣивалъ часто личные недостатки, стремленія или увлеченія извѣстныхъ дѣятелей, но это было нужно для того времени, когда никакой иной узды для рыцарей и джентльменовъ-дѣльцовъ тогдашняго времени не было, и они сами, со скрежетомъ зубовъ, порой сознавали мѣткость и правдивость «Минаевской», какъ они прензительно выражались, «сатиры». Съ теченіемъ же времени, когда все эти господа улигутся въ сырой землѣ, отзывамъ и вообще «бичу его» будетъ сдѣлана надлежащая опѣнка. Покойный сатирикъ весьма удачно писалъ литературия пародіи на великія произведенія лучшихъ нашихъ поэтовъ, какъ, напр., на «Евгения Онѣгина» А. С. Пушкина и «Демона» М. Ю. Лермонтова. Ни до него, ни послѣ него, въ нашей отечественной литературѣ, мы ничего подобнаго не знаемъ. Онъ владѣлъ необыкновенной бойкостью, ловкостью и легкостью стиха и законченностью рифмы, отличавшейся особенной, ему только одному свойственною, виртуозностью. Какъ великосвѣтская красавица, знающая цѣну своей очаровательной

Николай Алексеевич отвѣчалъ, что онъ совсѣмъ не знаетъ солдатскаго быта, но ознакомится и что нибудь напишетъ. И, дѣйствительно, въ непродолжительномъ времени появилась его «Орина, мать солдатская». Минаевъ же прислалъ мнѣ оттискъ статьи своей съ отзывомъ о стихахъ моихъ и надписью на немъ:

«Поэтъ-солдатъ, снимай скорѣе ранецъ,
Въ цейхгаузъ сдай патроны и ружье,—
И въ главный штабъ поэтовъ, новобранецъ,
Спѣши къ намъ въ Питеръ, на житѣе».

улыбкѣ, поэтъ-юмористъ зналъ цѣну звонкости и закругленности рифмы и доводилъ ее, какъ онъ самъ выражался, «до трехъаженности». Но независимо этого легкаго специально-фельзтонааго творчества, ему не чужда была также и область серьезной лирики. Онъ переводилъ Ювенала, Байрона, Шелли, Виктора Гюго, Альфреда де-Винни, Барбье, Гейне и многихъ другихъ старыхъ и новыхъ иностраннѣхъ поэтовъ. Его упрекали, что онъ переводить, не зная языковъ, съ которыхъ переводить. Но это не виной вѣрно. Онъ не зналъ языковъ въ совершенствѣ, для бонтонной рѣчи и изящныхъ всликовѣтскихъ козеръ, но изучилъ ихъ, какъ многие наши литераторы, начиная съ Н. А. Полеваго и кончая А. Н. Островскимъ и С. А. Юрьевымъ, книжно, т. е. значеніе словъ, управлѣніе и смыслъ рѣчи, и руководился этими при переводѣ классиковъ или англійскихъ поэтовъ, французскій же и вѣмецкій языки зналъ какъ разговорные. Всѣ его переводы, не говоря уже о необыкновенной легкости и гладкости стихотворной формы, отличаются строгимъ литературнымъ вкусомъ, въ особенности при замѣнѣ не переводимыхъ латинизмовъ, галлицизмовъ и британизмовъ соотвѣтственными русскими словами. У него никто не можетъ указать на такія наивности перевода, какими блещутъ современные переводчики, какъ, напримѣръ, П. П. Гнѣдичъ, при переводѣ «Гамлета», маленький кинжалъ преобразилъ въ сапожницкое «шило». Единственнымъ исключеніемъ въ данномъ случаѣ можетъ быть перевод «Божественной Комедіи» Данте, сдѣланный съ подстрочнаго перевода, но и онъ, какъ всѣ прочіе Минаевскіе переводы иностраннѣхъ поэтовъ, чрезвычайно изященъ и легокъ и оставляетъ далеко за собою быть можетъ болѣе близкіе къ подлиннику, но тяжеловѣсные и прозаичные переводы прочихъ нашихъ переводчиковъ, вродѣ Мина и другихъ. Переводами этими, однако, не исчерпывается серьезная литературная дѣятельность поэта-сатирика. Онъ написалъ также иѣсколько пѣсъ: «Либераль», «Слѣтая пѣсня», «Не въ бровь, а въ глазъ», «Разоренное гнѣздо». На сколько онъ удовлетворяли литературному вкусу — можно судить потому, что одна изъ нихъ была увѣничата Академіей наукъ Уваровскою пре-

Въ маѣ 1865 года, по усмирѣніи польскаго возстанія, я взялъ отпускъ и въ юнѣ явился въ Петербургъ. Покончивъ съ служебными порученіями и дѣловыми визитами, я толкнулся къ Н. А. Некрасову, но его въ городѣ не оказалось, онъ жилъ лѣто въ деревнѣ. Минаевъ-же перѣхалъ на дачу, но куда—никто не зналъ. Въ адресномъ столѣ онъ значился отмѣченнымъ за городъ. Въ редакціи «Русскаго Слова» сказали, что адреса онъ еще не присыпалъ, а въ редакціи «Искры» отвѣтили, что онъ живетъ въ Лѣсномъ, но гдѣ именно—не знаютъ. Приходилось ждать до первого редакціоннаго дня, когда сотрудники собирались. Но желаніе поскорѣе познакомиться съ поэтомъ превозмогло и въ первый же праздничный день, облекшись въ парадную форму и накинувъ на плечи пальто, утромъ я отправился въ Лѣсной, съ предвзятой мыслию—обойти весь Лѣсной, но найти. Пришлось щѣхать въ пресловутомъ «Щапинскому ковчѣгу», ходившемъ тогда отъ Гостиаго

міей. Онъ писалъ много, работалъ усидчиво и съ любовью къ труду. Его не пугалъ никакой трудъ, и чѣмъ онъ былъ больше и серьезнѣй, тѣмъ легче онъ справлялся съ нимъ, принимался за него съ удвоенной энергией и не оставлялъ, пока не одолѣвалъ той части, которая была нужна къ извѣстному времени. Особенный успѣхъ въ работѣ ему давало то, что онъ писалъ почти безъ помарокъ, такъ что у него не оставалось даже черновыхъ. Изъ всѣхъ русскихъ поэтовъ Дмитрій Дмитріевичъ былъ самый плодовитый. Если собрать все имъ написанное, то однихъ стиховъ, мнѣ кажется, наберется болѣе двадцати томовъ. Такого количества стиховъ нѣть даже у Виктора Гюго, прожившаго 80-ть лѣтъ и считавшагося феноменомъ по стихотворной плодовитости. Въ 1883 году друзья и почитатели таланта отпраздновали 25-ти лѣтній юбилей литературной дѣятельности поэта-сатирика. Стъ этого времени, по обстоятельствамъ, о которыхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, и по приключившейся болѣзни, дѣятельность его значительно ограничилась, онъ долженъ былъ уѣхать изъ Петербурга для лечения на югъ, а не задолго передъ кончиной ему удалось исполнить свое давнишнее желаніе—перебраться на родину, въ Симбирскъ, гдѣ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ и угасъ въ такомъ возрастѣ (ему было всего 54 года), когда отчизна могла ожидать отъ него болѣе крупнаго, серьезнѣо-обдуманнаго и вполнѣ интереснаго творчества. Онъ умеръ почти одинокимъ, семья его оставалась въ Петербургѣ, и похороненъ, по его собственному желанію, выраженному еще задолго передъ смертію, на оставленномъ и давно заброшенномъ Симбирскомъ кладбищѣ «у Сопштвія», на самомъ берегу любимой имъ Волги, рядомъ съ могилою отца, поэта Д. И. Минаева.

двора, день стоял жаркий, народу, по слуху праздничного дня, набилось больше положенного, так что четверка худых заморенных клять съ трудом дотащила насъ въ Лѣсной къ полудню. Измученный и весь въ поту я обошелъ пол-Лѣснаго, исходилъ весь Англійский проспектъ, Старопарголовскую дорогу, Обѣздину и съ десятокъ другихъ улицъ и переулковъ, заходилъ въ каждую дачу, разспрашивалъ дворниковъ, городовыхъ, разносчиковъ,—и никто не могъ указать мнѣ, где живетъ поэтъ Минаевъ. Прошло часа два, я уже отчаялся въ успѣхѣ моихъ поисковъ, какъ вдругъ случайно спросилъ въ одной мясной лавкѣ, хозяинъ ся не только что сообщилъ мнѣ адресъ его дачи, но и послалъ мальчика проводить меня къ нему ближайшей дорогой. «Эврика!» воскликнулъ я и отправился съ провожатымъ. Мы прошли два-три переулка, и на дворѣ во флигель одной изъ угловыхъ дачъ я обрѣлъ жилище поэта. Не безъ тревоги и волненія я поднялся на крылечко дачки и освѣдомился у вышедшей прислуги: «дома ли баринъ?»

— Дома-то дома, да еще спить, отвѣчала бойкая горничная, оглядывая меня съ головы до ногъ.

— А скоро ли встанетъ?

— Не знаю.

Для человѣка, привыкшаго вставать въ четыре часа утра, казалось страннымъ, что люди могутъ спать до двухъ и больше часовъ дня. Я оглянулся, посмотрѣлъ вокругъ и, увидѣвъ на дворѣ у палисадника, скамейку, сказалъ горничной: «хорошо, я подожду, когда баринъ встанетъ!» сошоль съ крылечка, сбросилъ пальто, снялъ кепи и расположился на скамейкѣ.

Не прошло пяти минутъ, изъ дачки вышелъ и подошелъ ко мнѣ довольно высокій, худощавый и блѣдный молодой человѣкъ, въ потертой пиджачной парѣ, надѣтой на рубаху (какъ оказалось потомъ Вороновъ, авторъ «Московскихъ норъ и трущобъ», жившій тогда, какъ и некоторые другие впослѣдствіи, у Минаева «изъ милости на кухнѣ»). Не поклонившись, и смотря куда-то въ сторону, онъ спросилъ меня, какъ будто мимоходомъ: «зачѣмъ мнѣ нуженъ Дмитрій Дмитріевичъ?»

Я посмотрѣлъ на него, и, отвернувшись въ сторону, отвѣчалъ: «это дѣло мое».

— Въ такомъ случаѣ вамъ придется долго ждать, онъ не скоро встанетъ.

— Ну, что дѣлать, подожду.

Юноша повернулся и исчезъ.

Я вынуль недочитанный дорогую нумеръ «Голоса» и принялъ читать. Окна, выходившія на дворъ, были открыты. Тамъ и здѣсь мелькали мужскія и женскія головы, съ крылецъ сбѣгала и проѣгала прислуга, на дворѣ въ пескѣ играли дѣти, слышались ихъ возгласы, крики и смѣхъ, съ улицы входили и выкрикивали свой товаръ разносчики. Вотъ пронесъ воду дворникъ, вотъ пробѣжалъ горничная съ ворохомъ накрахмаленныхъ юбокъ, пріѣхалъ на лошади мясникъ, пришелъ шарманщикъ и затянуль безконечную «Травіату», за угломъ завыла собака. Я сидѣть, закрывшись листомъ газеты, и посматривалъ внимательно вокругъ. Не прошло пяти минутъ, на крылечко Минаевской дачки вышла молодая, съ сильно напудреннымъ лицомъ, щеголеватая дама, въ бѣломъ распашномъ капотѣ и бѣлокурами, распущенными по плечамъ волосами,

— Кого вы ждете? обратилась она ко мнѣ съ вопросомъ.

Я подошелъ къ крыльцу, вѣжливо поклонился, назвалъ свою фамилию и сказалъ, что я пріѣзжай изъ провинціи, нахожусь въ Петербургѣ временно и желалъ бы видѣть Дмитрия Дмитріевича.

— На что вамъ нужно его видѣть? задала она мнѣ второй вопросъ.

— По одному литературному дѣлу, отвѣчалъ я уклончиво.

— Но его нельзя видѣть, заговорила она горячо и торопливо, онъ еще спитъ... Онъ всю ночь работалъ до утра и встанетъ нескоро... Я — его жена и говорю это вамъ, чтобы вы не тратили напрасно времени на ожиданіе.

— Въ такомъ случаѣ, сударыня, мнѣ не остается ничего болѣе какъ уйти, сказалъ я ей, откланиваясь, и попросилъ ее передать Дмитрію Дмитріевичу мое почтеніе и визитную карточку, съ тѣмъ, что не найдетъ ли онъ возможнымъ увѣдомить меня: когда я могу его видѣть?

Потерпѣвъ неудачу, я вышелъ за ворота въ самомъ дурномъ расположениіи духа и не зналъ что дѣлать. Солнце пекло невыносимо. Меня мучила жажда и чувствовался аппетитъ, такъ какъ я съ утра ничего неѣль. Къ счастію, въ Лѣсномъ паркѣ, подъ сѣнью вѣковыхъ деревъ, оказался ресторанъ Тиханова (впослѣдствіи сгорѣвшій), и я направился туда.

Въ паркѣ гуляло много дачниковъ. Вокругъ ресторана, на галлереѣ и за столиками, сидѣло нѣсколько семействъ. Вокругъ бѣгали и рѣзвились дѣти. Я прошелъ на галлерею ресторана и присѣѣль къ

одному изъ столиковъ, за которымъ сидѣлъ и пилъ пиво весьма почтенный господинъ. Я освѣдомился: не обезпокою ли его? На что онъ отвѣтилъ, что считаетъ за большое удовольствіе, такъ какъ онъ прѣѣхалъ изъ города въ Лѣсной къ знакомымъ и, не заставть ихъ дома, не знать что дѣлать. Я разсмѣялся и заявилъ, что нахожусь въ такомъ же положеніи. Мы представились другъ другу: господинъ этотъ оказался академикомъ Швабе, извѣстнымъ придворнымъ портретистомъ лошадей, собакъ и другихъ животныхъ. Время близилось къ тремъ часамъ и я вѣдѣлъ подать себѣ обѣдъ. Швабе рассказалъ, что онъ живеть въ городѣ, но каждый праздникъ, а иногда и въ будни єздить въ окрестности и проводить время въ тѣсномъ кружкѣ знакомыхъ. Въ особенности, по своей простотѣ, его привлекаетъ Кушелевка на Певкѣ, гдѣ его знакомый Бене содержитъ «Тиволи», и устраиваетъ тамъ крестьянскія скачки, борьбу и бѣгъ въ мѣшкахъ, на призы. Графъ Кушелевъ, которому принадлежитъ Тиволи и вообще вся окрестность, носящая название Кушелевки, поощряетъ эту мысль и назначилъ въ одно изъ слѣдующихъ воскресеній большую скачку, на которую записалось уже до 20 єздоковъ, а на бѣгъ въ мѣшкахъ—12 мальчиковъ и дѣвочекъ. На это зрѣлище, узнавъ, что я прѣѣзжий, Швабе, какъ любитель подобныхъ увеселеній, и пригласилъ меня. Я поблагодарилъ его и обѣщалъ прїѣхать. Въ это время къ столику подошелъ и, поздоровавшись съ Швабе, подсѣлъ съ противоположной стороны весьма симпатичный молодой человѣкъ, котораго мой собесѣдникъ назвалъ художникомъ Харламовымъ. Слово-за-слово мы разговорились. Я рассказалъ ему о моей неудачной попыткѣ увидѣться съ Минаевымъ и пожаловался на ненормальную жизнь поэта, просыпающаго самую лучшую часть дня—утро.

— Не можетъ быть, чтобы онъ спалъ до третьяло часа, разсмѣялся Харламовъ, это штуки его жены, которая терпѣть не можетъ, когда къ нему приходятъ гости. Да вотъ онъ—легокъ на поминъ! И Харламовъ показалъ глазами на вышедшаго изъ-за угла поэта.

Я быстро повернулъ голову по сдѣланному указанию. На лѣсенку нашей галлереи поднимался съ палкою и простынею на рукѣ высокій, стройный и красивый молодой человѣкъ, съ длинными, вьющимися чуть не по плечамъ волосами, небольшой русой бородой и улыбающимися, симпатичнымъ, румянымъ, мясистымъ лицомъ. Онъ былъ въ легкой лѣтней коломянской парѣ, широкополой соломен-

ной шляпѣ и золотыхъ, сильно подтянутыхъ къ глазамъ, очкахъ. Походка его была непринуждenna и легка, взглядъ присталенъ и серьезенъ. Онъ вглядывался въ лица сидѣвшихъ вокругъ ресторана и на галлереѣ дачниковъ и съ нѣкоторыми раскланялся. Пройдя мимо нашего стола, онъ остановился, пожалъ руку Харламову и посмотрѣлъ на меня въ упоръ. Я привсталъ и назвалъ свою фамилию.

— Такъ это вы у меня дежурили нынче на дворѣ, разсмѣялся Минаевъ, пожимая мнѣ руку, жена перепугалась и говоритъ, что приходилъ какой-то полицейскій!... Насилу я ее разувѣрилъ.

Харламовъ пододвинулъ ему стулъ и онъ присѣлъ. Я рассказалъ ему, какъ я его разыскивалъ въ Петербургѣ и потомъ въ Лѣсномъ, и какъ найдя его, хотѣлъ, не смотря на весь комизмъ моего положенія, добиться свиданія съ нимъ.

— Ничего, отозвался онъ, сейчасъ видна военная настойчивость, это мнѣ нравится, я самъ военный, воспитывался въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, а вышелъ статскимъ.

Между тѣмъ Харламовъ распорядился по части благородныхъ напитковъ—принесли вино. Къ Швабе подошли какіе-то «нѣмецкіе человѣкі» и увѣли его съ собой. Мы остались втроемъ и стали бѣсѣдовать самымъ непринужденнымъ манеромъ. На радости свиданія, по обыкновенію, выпили, а спустя полчаса «поэтъ-солдатъ» и «подпрапорщикъ-поэтъ», по-военному чокнулись, поцаловались и выпили «на ты». Вспоминая утреннее мое дежурство, Дмитрій Дмитріевичъ, все еще находившійся подъ вліяніемъ сдѣланной женою неловкости, сказалъ мнѣ:

Ну, не сердись, поэтъ-солдатъ,
Я извиняюсь за жену,
Но въ этомъ я не виноватъ,—
Я нахожуся самъ въ цѣнѣ....
Межъ нами—преклови свой слухъ!—
Моя жена—мой злой евнухъ...

— Ну, вотъ и экспромтъ! браво! браво! задвигался шумно Харламовъ, по этому случаю я предлагаю выпить.

Выпили. Разговоръ оживился. Къ Минаеву подошли еще два-три знакомыхъ и присѣли къ столу. Заговорили о музыкѣ грэнадерскаго полка, игравшей въ Лѣсномъ, объ оркестрѣ Рейнбольдта, о тирольцахъ Райнера и акробатахъ Томсонѣ и Шуманѣ, восхищав-

шихъ Лѣнную публику. Кто-то рассказалъ анекдотъ о тогдашнемъ петербургскомъ генераль-губернаторѣ князѣ Суворовѣ. Наконецъ, когда разговорный материалъ сталъ изсякать, Харламовъ обратился къ Минаеву съ просьбою сказать экспромтикъ на злобу дня. Минаевъ посмотрѣлъ на него, улыбнулся, пыхнувъ раза два папиросой и сказалъ:

Пріятный, говорять, вамъ данъ судьбой,
Харламовъ, посты:
Должны вы будете намъ выстроить второй
Харламовъ мостъ.

— А вотъ не угадали, засмѣялся художникъ, напротивъ, я думаю о соборѣ.

Минаевъ откинулся голову и, ядовито улыбнувшись, отвѣчалъ:

Пусть такъ! Я не вступаю съ вами въ споръ,
Вопросъ такъ простъ:
Вѣдь строить выгоднѣй большой соборъ,
Чѣмъ малый мостъ.

Харламовъ насупился. Минаевъ всталъ, потрепалъ его по плечу, и наставительно замѣтилъ:

— Ну, какъ не стыдно сердиться! Вѣдь это къ вамъ не относится: я сказалъ вообще о строителяхъ. И обратясь ко мнѣ, спросилъ: ну, а ты, поэтъ-солдатъ, что думаешь строить?

— Ничего, отвѣчалъ я, не подумавъ, солдаты ничего не строятъ.

— Неправда! проговорилъ, смотря мнѣ въ глаза, Минаевъ, и солдаты кое-что строятъ. И, пыхнувъ раза два папиросой, добавилъ:

Солдаты строятъ фронть и цѣпи,
Каре, колонны, кучки,
Мундиры, ранцы, шапки, кепи,
Портянки и онучки!

Всѣ захохотали.

— Откуда вы это знаете, Дмитрій Дмитріевичъ? вопросилъ его одинъ изъ присѣвшихъ къ нашему столу знакомыхъ его, вы въ солдатахъ не служили.

— Да, я хотя и не солдатъ, отвѣчалъ Минаевъ, усаживаясь поглубже въ кресло, стоявшее въ концѣ стола, но я штыкъ-юнкеръ

русского слова (намекая этимъ на свою принадлежность и къ литературу, и къ Благосвѣтловскому журналу «Русское Слово»), и потому обязанъ знать всѣ солдатскіе обиходы.

Но не успѣлъ онъ кончить этой фразы, какъ изъ-за угла ресторана показалась его супруга, пришедшая въ сопровожденіи Боронова.

— А я за тобой пришла, Митя, проговорила она, подойдя къ галлерею, пойдемъ домой, пора обѣдать!

— Ступай, я приду, отвѣтилъ нѣбрежно, но нерѣшительно поэтъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, перебила его настойчиво супруга, пойдемъ!.. а то ты засидишься и кушанье перестоится.

Минаевъ вскочилъ какъ ужаленный скорпиономъ, развелъ руками и, кивнувъ на жену головою, быстро проговорилъ: «рекомендую: любящая супруга!.. безъ мужа не можетъ обѣдать»...

Компания смолкла и смотрѣла съ какимъ-то напряженнымъ любопытствомъ то на поэта, то на его «любящую супругу», которая стояла молча, опустивъ голову, и чертила узоры на пескѣ зонтикомъ. Минаевъ выпилъ заливомъ стаканъ вина, отступилъ шагъ назадъ, усиленно пыхнувъ нѣсколько разъ папиросой и живо проговорилъ:

Отъ любви подобной да избавитъ Богъ!
День и ночь супруга глазъ съ меня не сводитъ,
Шага не пускаеть сдѣлать за порогъ,
Даже... всюду, всюду, вслѣдъ за мною ходитъ.

Компания сосредоточенно молчала. Но Минаевъ взглянувъ на жену, продолжавшую выводить на пескѣ узоры, какъ будто сконфузился, и быстро повернувшись, сталъ собираться домой. Надѣвъ шляпу и взявъ простыню и палку, онъ сказалъ; пожимая наѣмъ руки: «а впрочемъ, прощайте, господа, обѣдать дѣйствительно нужно». Затѣмъ онъ быстро сѣѣжалъ съ лѣсенки и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, но вдругъ, какъ бы одумавшись, вернулся на галлерею и, подойдя ко мнѣ, сказалъ: «По праздникамъ я всегда дома, прошу безъ церемоній, обѣдать иль гулять, жена будетъ рада». Я не успѣлъ поблагодарить его, какъ изъ-за балюстрады галлереи раздался снова голосъ жены Минаева: «пойдемъ же, Митя! и поэтъ торопливо сошелъ съ лѣсенки и, въ сопровожденіи своей супруги и ея аттаме, исчезъ за угломъ ресторана.

II.

Визитъ Минаеву. — Знакомство съ Н. С. Курочкинымъ. — Бесѣда. — Экзаменъ. — Обѣдъ и чтеніе. — Вечерній чай и возвращеніе домой.

Спустя недѣли двѣ, въ какой то праздничный день, я повторилъ визитъ въ «лѣсныя палестины».

— Дома? спрашиваю, поднявшись на знакомое крылечко, у служанки.

— Дома-съ, пожалуйте, бытъ отвѣтъ. И меня провели въ кабинетъ Дмитрія Дмитріевича.

Это была большая съ двумя выходившими на дворъ окнами комната, заставленная всевозможной мебелью и заваленная бумагами, книгами и газетами. Въ простѣнкѣ между окнами стоялъ письменный столъ и бокомъ къ нему придинутое кресло, на которомъ возвѣдалъ самъ хозяинъ, въ русской выпущенной поверхъ брюкъ и подпоясанной пояскомъ рубашкѣ и туфляхъ. Онъ только что возвратился изъ купальни, пилъ чай и пробѣгалъ новыя газеты. У противоположной стѣны стоялъ диванъ, на которомъ, облокотясь на подушку, полулежалъ, накрившись простиною, человѣкъ съ большою лысиною, мясистымъ краснымъ лицомъ, маленькими, живыми, зорко смотрѣвшими глазками и черной съ простѣдью курчавой бородой, а прямо стоялъ переддинувший съ двумя креслами столъ, уставленный чайнымъ приборомъ и закусками. Тамъ и сямъ по стульямъ лежало пальто, на полу валялись сапоги, туфли, калоши, разныя домашнія принадлежности; дѣтскія игрушки, прочитанные газеты, и бумаги, бумаги безъ конца.

— А, поэтъ-солдат! опривѣствовалъ меня, поднявшись съ кресла и сдѣлавъ шагъ впередъ, поэтъ сатирикъ, ну, вотъ и отлично, что пріѣхалъ! панинъка-мальчикъ! а я уже вспоминалъ о тебѣ и думалъ самъ заѣхать за тобою, говорилъ онъ миѣ, сердечно пожимая руку, садись пожалуйста! не хочешь-ли чаю?

Я поблагодарилъ его, сказавъ, что въ такой жаркій день и безъ чаю жарко.

— А я такъ весь день пью чай, въ особенности когда работаю, сказалъ Дмитрій Дмитріевичъ, усаживаясь въ кресло.

— Не врите, Минаевъ, раздался голосъ съ дивана, полдня вы спите, а полдня болтаетесь.

— А, я и забылъ васъ познакомить, воскликнулъ весело Ми-

наевъ и схвативъ меня за руку, подвель къ дивану. Эта туша — мой кумъ, Николай Степанычъ Курочкинъ, поэтъ и черноножникъ!

Я поклонился и мы пожали другъ другу руки.

— Позвольте! я еще не кончилъ представления, засмѣялся Минаевъ, это книжоръ и людоморъ, питается одиѣми книгами, кромѣ, конечно, всякихъ гастрономическихъ пищевыхъ деликатесовъ, до которыхъ онъ также большой охотникъ, и морить людей, но не лѣкарствами морить, а ядомъ своихъ морить людей со смѣху.

Курочкинъ молчалъ и только — улыбался.

— Впрочемъ, я долженъ сказать откровенно, продолжалъ Минаевъ, человѣкъ хороший, я его люблю, даже больше, чѣмъ люблю, уважаю. Онъ для меня — авторитетъ во всѣхъ мелочахъ жизни, не исключая даже самыхъ важныхъ, именно домашнихъ. И онъ сталъ на одно колѣно, сдернулъ съ Курочкина простыню, (Курочкинъ лежалъ совершенно голый, даже безъ бѣлья) и, перекрестясь, съ возгласомъ: «отче, Николае, моли Бога о насть!» поцѣловалъ его въ животъ.

— Ну, а это — вставъ и накрывь опять Курочкина простынею. онъ проговорилъ ему: — Мартыновъ, поэтъ-солдатъ, ты его уже знаешь!

— Опять скажу: не врите, Минаевъ, перебилъ его съ добродушной улыбкой Николай Степановичъ, я вовсе не знаю поэта Мартынова, первый разъ въ жизни вижу его. Г. Мартыновъ, обратился онъ ко мнѣ, позовите и мнѣ, какъ Дмитрю, обращаться съ вами короче, и называть васъ поэтъ-солдатъ.

— Сдѣлайте одолженіе!

— Ну, такъ вотъ что, поэтъ-солдатъ, прежде всего мнѣ было бы пріятно узнать вашу біографію: не потрудитесь-ли вы ознакомить меня съ нею?

— Съ большимъ удовольствіемъ.

Минаевъ усѣлся за газеты, а я, прохаживаясь по кабинету изъ одного угла въ другой, стала разскѣзывать эпопею своей жизни. Курочкинъ ворочался, кашлялъ, но молчалъ. Минаевъ сдѣлалъ два-три восклицанія, перебившіе разскѣзъ.

— Молчите, Минаевъ, провозгласилъ наставительно Николай Степановичъ, не вамъ разскѣзываютъ, мнѣ! Иначе, мы должны будемъ уйти въ ванну гинекей.

— Отче, Николае, моли Бога о насть! запѣль Минаевъ.

— Молчите, Минаевъ, повторяю вамъ! окрикнулъ Курочкинъ, и

Минаевъ умолкъ. Продолжайте, поэтъ Мартыновъ, обратился онъ къ мнѣ. И я снова стала ходить по комнатѣ и рассказывать.

Прослушавъ разсказъ до поступления моего въ военную службу, Николай Степановичъ остановилъ меня.

— Хорошо-сь! сказалъ онъ. Но знакомы-ли вы съ русской литературой? Знаете-ли вы Пушкина?

Не сказавъ ни слова въ отвѣтъ, я остановился передъ нимъ и прочель наизусть нѣсколько строфъ изъ «Евгенія Онѣгина».

— Хорошо. А Лермонтова знаете?

Я прочиталь «Бородино» и «Новоселье».

— О Некрасовѣ имѣете понятіе?

Я прочиталь «Огородника» и «Зеленый шумъ», и рассказалъ, что я ему посвятиль «Думку солдатскую».

— Вене! отозвался Николай Степановичъ. А что вы знаете изъ другихъ поэтовъ.

Я стала читать «Ватерло» Бенедиктова.

— Хорошо-сь, перерваль меня Курочкинъ, дальше, но читайте только по одной строфи изъ каждого поэта.

Я прочиталь строфу «Клермонтскаго собора» Майкова, «Отойди отъ меня, сатана» Мая, «Двухъ grenadierъ» въ переводѣ В. С. Курочкина и «Какъ яблочко румянъ» его же.

— Optime! произнесъ одобрительно Николай Степановичъ. Да это у насъ, въ Петербургѣ, немногіе поэты знаютъ.

— Я хотя знаю, вмѣшался Минаевъ, но прочитать—не прочитаю.

— Но вы, Минаевъ, извѣстно, съостриль добродушно «Отче Николае», пишете много, а читаете мало и, обратясь ко мнѣ, сказалъ: ну-сь, поэтъ Мартыновъ, теперь прочитайте намъ что-нибудь изъ своихъ произведеній.

— Извините, Николай Степановичъ, отвѣчалъ я, разводя руками, своего-то я ничего не читаю.

— Это отчего?

— Право, не знаю отчего, только когда начинаю читать — путаюсь.

— Это не резонъ, надо постараться выучить двѣ-три вещи наизусть, вѣсъ здѣсь будутъ просить читать, тѣмъ болѣе, что вы читаете стихи не дурно.

— Ну, что присталь, кумъ, вмѣшался опять Минаевъ, я тоже не могу своего читать, забываю.

— Вы, Минаевъ, себя съ нимъ не ровняйте, вы — извѣстный

лентяй, отчеканилъ, добродушно улыбаясь, Курочкинъ. А онъ можетъ выучить.

Въ эту минуту отворила дверь кабинета супруга Дмитрія Дмитріевича и хотѣла войти.

— Не ходи! замахалъ руками Минаевъ, кумъ лежить въ костюмѣ прародителя и, какъ змій, искушаетъ поэта-солдата.

— Идите обѣдать! разсмѣялась она и притворила дверь.

— Минаевъ подалъ Курочкину бѣлье, туфли, и, при пѣніи стихиѣ, облекъ его въ старый кѣлѣтчатый пальмерстонъ. Перешли въ столовую, Минаевъ официально представилъ меня своей супругѣ Екатеринѣ Александровнѣ, и засимъ стали садиться за столъ.

Хозяйка помѣстилась къ верхнему концу стола, по правую ея руку сѣлъ кумъ, по лѣвую адъютантъ Вороновъ. Меня Минаевъ посадилъ рядомъ съ собою на другомъ концу стола.

Передъ нами стоялъ графинчикъ водки, передъ кумомъ нѣсколько бутылокъ разнаго вина, посрединѣ стола красовались вестфальская ветчина, сливочное масло, сыръ рокфоръ, анчоусы, икра и селедка. Хозяйка налила марсалы куму, мы же съ Минаевымъ выпили водки.

— Воронъ, хочешь водки? окрикнулъ адъютанта Минаевъ.

— Ахъ, Митя, развѣ ты не знаешь, что ему нельзя, взглянула строго Екатерина Александровна на мужа, я лучше ему налью вина.

— Воронъ къ ворону летить, воронъ ворону кричить, продекламировалъ Дмитрій Дмитріевичъ, прожевывая кусокъ селедки, и потянулся къ графину, чтобы налить себѣ и мнѣ еще по рюмкѣ водки.

— Митя, укоризненно обратилась Екатерина Александровна къ мужу, вѣдь тебѣ тоже нельзя пить больше, ты знаешь, докторъ не позволяетъ, не правда-ли, кумъ, вѣдь ему вредно? Пусть нашъ новый другъ, пшеть, сколько угодно, а ты, Дмитрій, пожалѣй себя.

— Я и то себя жалѣю, матушка, отвѣталъ Минаевъ, взявшись за рюмку, а потому и хочу выпить. И мы выпили съ нимъ по третьей.

Курочкинъ, между тѣмъ, выпилъ вина, смаковалъ и хвалилъ закуски.

— Гдѣ это вы берете такую чудную икру, обратился онъ къ хозяйкѣ.

— Это я беру, перебилъ его Минаевъ, а не она, спроси меня, если дѣйствительно хочешь знать гдѣ продаются икра? Да перепили-ка сюда ветчину и рокфоръ, мы съ поэтомъ-солдатомъ еще по одной выпьемъ.

— Тебѣ нельзя, Митя, много пить, я уже сказала, загорчилась Екатерина Александровна и, обратясь къ Курочкину, авторитетно добавила, повторите это ему, кумъ, какъ докторъ.

— Поэтъ Минаевъ, сдѣлавъ серьезную мину, сказалъ кумъ, вы не должны пить, если вамъ запрещаетъ ваша супруга: иначе я буду вынужденъ обрушить на васъ всѣ громы и проклятия Ватикана.

— Кто говорить, что я не слушаю, что говорить мнѣ жена, возвысилъ голосъ поэтъ-сатирикъ, я всегда слушаю... Она говорить, что мнѣ вредно много пить, и я много пить не стану, а эту рюмку выпью. Поэтъ-солдатъ, ты тоже выпьешь. И мы чокнулись и выпили.

— Уберите водку со стола, обратилась Екатерина Александровна къ прислугѣ. Водки и закуски были сняты и на столѣ появилась ботвинья съ лососиной и супъ съ коренями и пирожками. Хозяйка сдѣлала опросъ: кому чего? Курочкинъ взялъ супъ, проче всѣ вотировали за ботвинью, и такъ какъ аппетиты у всѣхъ были хорошие, то тарелки опустѣли моментально. Сдѣлали повтореніе и вторая тарелки опустѣли.

— Не сѣсть ли намъ, супу, поэтъ-солдатъ, предложилъ Дмитрій Дмитріевичъ. Ты только попробуй. Какіе пирожки печеть у меня жена — языкъ проглотишь. Но это, я долженъ сказать тебѣ по секрету, она приготовляеть, когда у насъ обѣдаешьъ вотъ этотъ гурманъ, чревоугодникъ, и онъ указалъ глазами на Курочкина, а въ проче дни она готовить очень ординарный обѣдъ.

— Не правда, не правда, обидѣлась Екатерина Александровна, у насъ всегда обѣдъ хороший, только онъ ничего не понимаетъ въ кушаньяхъ, ужасно тупой гастрономъ!

Намъ подали супъ съ пирожками и я попробовалъ: пирожки действительно во рту таяли, и супъ прентаньеръ былъ очень вкусенъ. Я высказалъ это — и Екатерина Александровна была очень довольна.

Подали чиненую рѣпу и спаржу съ сабайономъ. Вкусы опять раздѣлились, но мы съ Минаевымъ опять ёли то и другое. Минаевъ поперхнулся и потребовалъ вина. Подали мадеру и портвейнъ. Выпили. Подали молодую дичь съ салатомъ. Мнѣнія раздѣлились на счетъ салата. Курочкинъ прочиталъ чуть не цѣлую лекцію о салатѣ: когда, къ чemu и какой салатъ надо подавать. Салатъ-крессъ, латукъ и цикорій, подали поводъ къ нѣкоторымъ возраженіямъ со стороны хозяйки.

Дмитрій Дмитріевичъ разрѣшилъ ихъ споръ слѣдущимъ экс-
промтомъ:

Эхъ, кумъ, оставь свои, пожалуйста, салаты,
Попроще пищу поищи,
Вѣдь мы съ тобой литературные солдаты,
И нужны намъ лишь борщъ да ющи!

— Не согласентъ! возразилъ Николай Степановичъ. И простую
пищу можно совершенствовать правильнымъ сочетаніемъ входящихъ
въ нее злаковъ и добавленіемъ въ нее нѣкоторыхъ пряностей, даю-
щихъ злакамъ лучшій вкусъ.

— Ну, замолола мельница! махнулъ рукой Минаевъ, теперь
уже не остановишь.

— Вотъ, поэтъ Минаевъ, засустился Курочкинъ, вы всегда
такъ рѣшаете всѣ стоящіе виѣ вашей компетенціи вопросы...
Шарахнуль обухомъ по лбу—и конецъ!.. А слыхали ли вы анек-
дотъ, какъ поваръ приготовилъ перчатки подъ соусомъ?.. Хотите я
вамъ сдѣлаю нѣчто подобное.

— Никто не отвергаетъ, кумъ, улыбнулся Дмитрій Дмитріевичъ,
твоихъ кулинарныхъ талантовъ. Но ты мнѣ скажи откро-
венно: былъ ли ты доволенъ хоть однимъ обѣдомъ въ теченіе всей
твоей жизни? А ты ъдалъ всякие тонкіе претонгіе деликатесы.

— Ну, какъ сказать, затруднился отвѣтить Николай Степа-
новичъ.

— А мы, вотъ, продолжалъ поражать его поэтъ-сатирикъ, ъдимъ
что придется—и довольны! Вотъ въ чемъ разница, кумъ, по су-
ществу въ жизни гурмановъ и негурмановъ. А что теперь, я думаю,
можно и закурить? обратился онъ къ женѣ.

— Пожалуйста, господа, не стѣсняйтесь, разрѣшила любезно
хозяйка, курите. Я сама курю.

Вороновъ сходилъ въ кабинетъ, принесъ сигары и папиросы и
зажегъ спичку, заструился легкій синій дымокъ: Курочкинъ заку-
рилъ сигару, прочіе папиросы. Одній я сидѣлъ безъ курева.

— А ты, что же, поэтъ-солдатъ, не куришь? обратился ко мнѣ
Минаевъ, или тютюну нѣть?..

— Я совсѣмъ не курю, отвѣчалъ я.

— Совсѣмъ не куришь? что же ты старовѣръ что ли?

— Да, въ этомъ отношеніи старовѣръ, отвѣчалъ я, по прин-
ципу, хотя многіе старовѣры теперь уже курятъ.

Подали вафли съ вареньемъ и землянику «Викторію» со сливками. Минаевъ съ Курочкинымъ взяли вафли и налили себѣ по стакану краснаго вина. Прочіе ъли ягоды. Хозяйка предложила наливки, но наливки никто не пожелалъ.

— Поэтъ Мартыновъ, обратился ко мнѣ Курочкинъ, обѣдъ кончается, прочтите намъ что нибудь изъ вашихъ стихотвореній.

— Николай Степановичъ, я уже сказалъ вамъ, отвѣчалъ я конфузливо, что ничего не помню.

— Не можетъ быть, настаивалъ онъ, вы такъ много знаете наизусть другихъ поэтовъ.

— Я привезъ съ собою тетрадь стихотвореній, чтобы напечатать книжку, сдѣлалъ я послѣднюю попытку уклониться отъ чтенія, если позволите, я привезу ее, и прочитаю вамъ не одно, — десять стихотвореній.

— Все это прекрасно, мы обѣ этомъ потолкуемъ послѣ, а теперь прочтайте намъ что нибудь, приставалъ Курочкинъ неотступно.

— Что нибудь!.. Хорошо, извольте... Я вамъ прочту, но только самую малюсенькую вещичку.

— Ну, что жъ, прочтайте малюсенькую, и за то спасибо скажемъ, улыбнулся самодовольно Курочкинъ.

— Встань, поэтъ-солдатъ, тронулы меня за руку Минаевъ, и прочти съ толкомъ, съ чувствомъ, съ разстановкой...

Я всталъ и прочель: «Жизнь солдатская».

Плацъ-парады, да ученья
Служба, караулъ,
Маршировка, захожденья,
Строгій артикулъ,
Лагерь, каша, стирка, сказка,
Вытажка и фронтъ,
Чтенье азбукъ, пѣсня, пляска,
Обуви ремонтъ,
Отъ носка и до походки—
Выправка съ утра,
Розги, палки, чарка водки—
И ура, ура!..

— Браво, браво! поэтъ-солдатъ, захлопалъ Дмитрій Дмитріевичъ, тутъ есть мысль и форма, подражательная, но форма.

— «И ура, ура!», смѣялся добродушно Курочкинъ, это—очень

недурно... Благодарю васъ, поэтъ Мартыновъ, теперь вотъ мы по-говоримъ пожалуй и о вашей тетради.

— Господа, кто хочетъ чаю, кто кофе, перебила хозяйка, и гдѣ вы будете пить: здѣсь, или въ кабинетѣ?

— Конечно, въ кабинетѣ, сказалъ, вставая, хозяинъ, да лучше бы подогрѣть и подать туда самоварчикъ. Воронъ, распорядись-ко!

— Митя, съ этихъ поръ самоваръ — къ чему это! Вѣдь ты ляжешь отдохнуть, протестовала хозяйка.

— Ничего, я его прикрою тогда, а теперь пока посидимъ. Ты, кумъ, иочуешь у насъ.

— Нѣтъ, я поѣду домой, благо жара спала.

И мы, поблагодаривъ хозяйку, перекочевали въ кабинетъ. Екатерина Александровна отправилась въ дѣтскую.

Вороновъ схлопоталъ самоваръ. За чаемъ Курочкинъ завелъ рѣчь о моей тетради и, съ общаго согласія, порѣшили устроить чтеніе. Я заявилъ, что скоро будетъ день моего рожденія и что маѣтъ было бы пріятно провести его вмѣстѣ съ ними, гдѣ нибудь пообѣдать, а послѣ обѣда заняться тетрадью.

— Хорошо, сказалъ Минаевъ, въ первый редакціонный день «Искры», я познакомлю тебя съ Василиемъ Степановичемъ Курочкинымъ, и тогда мы рѣшимъ, гдѣ и когда устроить обѣдъ и чтеніе.

«Кумъ» нашелъ это вполнѣ основательнымъ и прибавилъ, что можетъ быть поэтъ Мартыновъ захочетъ пригласить къ обѣду и еще кого-нибудь изъ сотрудниковъ «Искры».

— Почему и не такъ? отозвался я весело, но это будетъ зависѣть, конечно, отъ вашихъ указаний, господа.

— Ну, тамъ увидимъ, рѣшилъ Минаевъ, и мы, т.-е. я и Курочкинъ, напившись чаю, стали собираться по домамъ. Сказали хозяйкѣ, пришла Екатерина Александровна, мы попрощались съ ней и отправились. Минаевъ, какъ ни просила его жена оставаться дома, увязался проводить кума, который жилъ тогда гдѣ-то въ деревнѣ за Лѣснымъ, и уѣхалъ съ нимъ.

Садясь въ напитую у чухонца каравашку, Дмитрій Дмитріевичъ предлагалъ и мнѣ поѣхать вмѣстѣ съ ними, говоря:

Поэтъ-солдатъ, поѣдемъ вмѣстѣ къ куму,
И тамъ, вдали отъ городского шума.
Подъ сельскими кровомъ почку проведемъ:
У кума есть вино, коньякъ и ромъ!

Но я поблагодарилъ его отъ души и вернулся въ городъ.

III.

Хлопоты въ цензурѣ. — Д. Д. Минаевъ и редакція «Искры». — В. С. Курочкинъ. — М. М. Столановскій. — В. П. Буренинъ. — Студенты. — Н. С. Курочкинъ. — П. И. Пашино. — П. И. Вейнбергъ. — Важный господинъ. — Аудіенція кончена.

Прошло недѣли двѣ слишкомъ, Минаевъ не показывался, я уже думалъ, что онъ забылъ обо мнѣ, о моей тетради и предположеніи чтеніи, и, конечно, не могъ не волноваться. Между тѣмъ одинъ мой пріятель Порфирій Асигкристовичъ Климовъ, служившій при статсъ-секретарѣ Бутковѣ, предложилъ мнѣ издать книжку моихъ стихотвореній на свой счетъ. Я согласился на это охотно, такъ какъ мнѣ нельзя было долго засиживаться въ Петербургѣ, отдалъ тетрадь переписать и представилъ ее въ цензурѣ. Это было какъ разъ въ послѣдніе мѣсяцы существованія прежней предварительной Николаевской цензуры, сосредоточенной въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и имѣвшей, кромѣ того, чуть не отъ каждого вѣдомства особыхъ специальныхъ цензоровъ. Моя тетрадь поступила на просмотръ цензора общей цензуры г. Веселаго и военнаго цензора генерала Штурмера, и, конечно, подверглась двойственному бичеванію: то, что пропускаль одинъ цензоръ, вымарывалъ другой, и наоборотъ. Такимъ образомъ вся рукопись оказалась испещренной красными крестами и только двѣ - три пьесы остались нетронутыми. Понятно, меня это очень огорчило и, вотъ, когда я сидѣлъ надъ тетрадью и думалъ: печатать ли это бѣдное искалеченнное дѣтище, или же отложить до будущаго года, когда войдетъ въ силу только что утвержденный тогда новый цензурный уставъ, въ передней раздался звонъ — и предо мной представилась Дмитрій Дмитріевичъ.

— Ну, вотъ и я, воскликнулъ онъ, здороваясь весело и добродушно, ты, чай, поэтъ-солдатъ, меня бралилъ уже, что я до сихъ поръ не былъ у тебя.

— Бралилъ — не бралилъ, Дмитрій Дмитріевичъ, но подивиться — подивился.

— Будь философомъ, другъ, на все смотри въ оба и ничему не удивляйся. Иначе всю жизнь придется истратить на одно удивленіе.

Увидавъ мою тетрадь, испещренную красными крестами онъ спросилъ меня: а это что такое?

Я рассказалъ ему исторію похожденія тетради и пожаловался на цензуру. Онъ усмѣхнулся и съ пафосомъ продекламировалъ:

На нашу мудрую цензуру
Напрасно сердишься ты сдуру:
Между товарищей, какъ воинъ,
Ты отличаешься стихами,
И награжденія достоинъ
За то цензурными крестами.

Бросивъ на стуль бывшее у него на рукѣ пальто, шляпу и палку, Минаевъ сѣлъ за столъ, и стала перелистывать тетрадь. Откинувъ нѣсколько страницъ, онъ покачалъ головою и продекламировалъ нараспѣвъ.

Въ неправославы цензоровъ
Неупрекнешь, конечно, ты,
Надъ массой бусурманскихъ строфъ
У нихъ поставлены кресты.

— Вы, какъ поэтъ, должны были бы посочувствовать искальченной музѣ, «кастрированному вдохновенію», отвѣтилъ я ему, обидѣвшася его веселостью, а вы смѣетесь.

Онъ бросилъ тетрадь, прошелся раза два взадъ и впередъ по комнатѣ, подошелъ ко мнѣ, ударилъ по плечу и съ нѣкоторою пріостановкою, отчеканилъ:

Подъ этимъ небомъ, вѣчно сѣрымъ,
Съ мигреню вѣчной въ головѣ,
Межъ халуемъ и камергеромъ
Жить могутъ только на Невѣ:
Банкиръ, чиавонникъ, пролетарій,
Дуракъ, паяцъ, но не поэтъ,—
Въ тѣни казармъ и канцелярій
Для вдохновенія мѣста вѣтъ...

А злиться на все и вся—глупо, братъ, добавилъ онъ наставительно, лучше смѣйся; смѣхъ по крайней мѣрѣ парализуетъ чувство досады.

— Все это хорошо въ теоріи, замѣтилъ я, продолжая досадовать, не всякий можетъ смѣяться.

— Да и къ чему ты задумалъ теперь печатать, резонировалъ поэтъ-сатирикъ, подожди до нового года, выйдутъ новые правила, и тогда напечатаешь безъ предварительной цензуры.

— Хорошо вамъ, свободнымъ людямъ, говорить: подожди! возразилъ я ему обидчиво, я первый разъ освободился на четыре мѣсяца, пройдутъ они и я долженъ вернуться въ полкъ, и когда спать буду въ отпуску — Богъ знаетъ. Поэтому поневолѣ приходится печатать, а если отложить, то придется можетъ быть отложить не до будущаго года, а на нѣсколько лѣтъ.

— Ну, дѣлай, какъ знаешь, отвѣтилъ на это Минаевъ, закуривая папиросу, а теперь, если хочешь познакомиться съ Василемъ Курочкинымъ, пойдемъ, нынче мы его можемъ видѣть въ редакціи.

— Пойдемъ! воскликнулъ я, обрадовавшись, и стала одѣваться. Сборы были, конечно, недолги, такъ что минутъ черезъ десять мы появились въ редакціи «Искры», помѣщавшейся тогда на Невскомъ, близъ Владимирской улицы. Въ первой, довольно большой, но не богато меблированной комнатѣ, выходившей окнами на Невской, нашли Василия Степановича Курочкина, горячо бесѣдовавшаго съ какимъ-то высокимъ, жолтымъ и худымъ, господиномъ, съ небольшой бородкой и бурсацкими манерами, одѣтымъ въ недорогую пиджачную пару и выростковые нечищенные сапоги.

— Поэтъ-солдатъ! редакторъ «Искры»! представилъ нась другъ другу Дмитрій Дмитріевичъ и отошелъ въ сторону съ господиномъ, бесѣдовавшимъ до этого съ Курочкинымъ.

— Я слышалъ о васъ, мнѣ говорилъ братъ Николай, опривѣтствовалъ меня Василий Степановичъ, радушно пожимая руку, я очень радъ познакомиться съ вами. Долго ли вы пробудете здѣсь!

— Я єду въ Москву, но до отѣзда, думаю недѣли двѣ-три, а можетъ быть и мѣсяцъ пробыть здѣсь.

— Ну, и отлично. Сегодня у меня редакціонный день и я занятъ приемомъ. Если можете подождать, подождите конца приема, тогда мы съ вами кой о чѣмъ потолкуемъ.

— Я пріѣхалъ съ Дмитріемъ Дмитріевичемъ, и если онъ не уйдетъ, то и я останусь. Въ противномъ случаѣ мы зайдемъ послѣ.

— Такъ переговорите съ нимъ, а я пока займусь дѣлами и Василий Степановичъ вышелъ въ другую комнату съ жолтымъ господиномъ.

Я передалъ Минаеву разговоръ съ Курочкинымъ и спросилъ его: скоро онъ окончить дѣла свои?

— А воть увидимъ, отвѣчалъ онъ уклончиво, мнѣ нужно побесѣдоватъ съ редакторомъ. Подожди, все равно тебѣ спѣшить некуда!

— Кто этотъ господинъ, который бесѣдовалъ съ тобой?

— Это... это... это... братецъ... какъ будто затрудняясь отвѣтить, растягивалъ слова Минаевъ:

Стопановскій Михаилъ,
Пишетъ на «затычку»
И «беззубый крокодиль»
Здѣсь имѣть кличку.

Вошелъ молодой человѣкъ средниго роста, съ небольшой рыжеватой бородкой и зоркими проницательными глазами, въ очкахъ, одѣтый весьма щеголевато.

— А! любезный Монументовъ, встрѣтилъ его въ приемной Василій Степановичъ, и пожимая руку съ особенной любезностью, спросилъ его, много вы соорудили монументовъ?

— Не угодно-ли взглянуть, отвѣчалъ молодой человѣкъ, улыбаясь, и подалъ нѣсколько листковъ бумаги.

Мы съ Минаевымъ стояли у окна, и спросилъ его: кто это? Дмитрій Дмитріевичъ усиленно пыхнуль раза три папиросой, поправилъ очки и, наклоняясь ко мнѣ, отвѣтилъ тихо:

Пѣсельникъ нашъ и плясунъ Монументовъ,
Викторъ Петровичъ, извѣстный,
Въ шапкѣ фригійской канканъ для студентовъ
Пляшетъ у насъ онъ прелестно.

Курочкинъ, между тѣмъ, пробѣжалъ листки, посмотрѣль внимательно на автора и сказалъ: хорошо, но мало! А еще ничего неѣть у васъ, Монументовъ?

— Нѣть, отвѣчалъ какъ-то застѣнчиво молодой человѣкъ.

— Лѣниться стали?.. или жара мѣшаетъ?.. вы бы брали примѣръ съ Минаева: онъ, кажется, и во время землетрясенія можетъ стихи скандировать.

Минаевъ подошелъ къ нимъ и подтянуль меня. Поздоровавшись съ молодымъ человѣкомъ, онъ назвалъ его Буренинымъ, и познакомилъ его со мною. Викторъ Петровичъ внимательно посмотрѣль

на меня, и подаривъ нѣсколькоими общепринятыми вѣжливыми фразами, оговорился недосугомъ и сталъ прощаться.

Два-три слова, два-три рукопожатія—и онъ улетучился.

Курочкинъ опять занялся бесѣдой со Степановскимъ. Изъ пріемной между тѣмъ появилось нѣсколько студентовъ и стриженихъ дѣвицъ съ книжками и въ очкахъ, они окружили редактора и стали тормошить его различными вопросами, на которые Василій Степановичъ отвѣчалъ любезно, но съ лаконизмомъ дельфійскаго оракула.

Явился Николай Степановичъ Курочкинъ. Подойдя ко мнѣ онъ сказалъ вполноголоса: о вашемъ приглашеніи я поговорю съ братомъ, и какъ мы рѣшимъ—я вамъ сообщу, и затѣмъ вмѣшался въ кучку молодежи.

Минаевъ подвель ко мнѣ Степановскаго и познакомилъ его со мною. При этомъ многозначительно подмигнувъ, онъ скажъ, что Михаиль Михаиловичъ состоить хроникеромъ и публицистомъ «Искры», а такъ какъ въ этихъ отдѣлахъ высказывается professions de foi редакціи, то по поводу различныхъ случаевъ провинциальной жизни у него съ редакторомъ всегда возникаютъ дебаты. Вотъ и теперь они не могутъ прийти къ соглашенію по одному, весьма серьезному вопросу. Слово за слово, мы разговорились, Степановскій оказался человѣкомъ очень серьезному и дѣльному, такъ что разговоръ нашъ кончился обмѣномъ визитныхъ карточекъ и обѣщаньемъ повидаться.

Между тѣмъ въ редакцію пришло еще нѣсколько посѣтителей, двѣ дѣвицы и три медика. Дебаты еще болѣе оживились. Ораторствовалъ Николай Степановичъ на тему о воспитаніи дѣтей. Минаевъ подходилъ, округлялъ рѣчъ «кума» крылатыми афоризмами и тенденціозными бомо, (тогда писатели заискивали въ молодежи) и отходилъ прочь.

Явился какой-то солидный господинъ и прослѣдовалъ съ редакторомъ во внутреннеѣ аппартаменты. Молодежь отлынула. Въ пріемной показался черный, съ большой лысиной, серьезный и строгій на видъ господинъ среднихъ лѣтъ, въ сюртукѣ и перчаткахъ. Увида Николая Степановича, онъ подошелъ къ нему и заговорилъ съ нимъ громко.

— Кто это? спросилъ я Минаева. Онъ взялъ меня подъ руку, отвелъ къ окну и скажъ:

Это—«Гейне изъ Тамбова»,
Вейнбергъ Пьеръ,

Безъ ключа всѣхъ музъ изъ Шклова—
Камергеръ.

Я разсмѣялся. Дмитрій Дмитріевичъ потянулся и представилъ Вейнбергу. Онъ покровительственно удостоилъ меня пожатія руки, освѣдомился о моей службѣ, положеніи и знакомствахъ въ Петербургѣ. Затѣмъ занялся своимъ дѣломъ, повидался съ редакторомъ и скоро ушелъ.

Минутъ пять спустя, вошли два господина, прилично одѣтые и обратились къ Николаю Степановичу съ жалобой, что въ «Искрѣ» ихъ пропечатали. Начались объясненія. Вышелъ редакторъ и порѣшилъ споръ двумя словами: обижается—жалуйтесь!

Затѣмъ вѣжаль или, лучше сказать, спѣшно подковылялъ къ намъ не то въ чукѣ, не то въ длинномъ пальто, хромой, чернобородый въ золотыхъ очкахъ и съ толстой палкою въ руку, весьма подвижный и юркій мужчина среднихъ лѣтъ. Онъ подлетѣлъ прямо къ Минаеву и началъ трясти его за руку. Дмитрій Дмитріевичъ посмотрѣлъ на него свысока и, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

Рекомендую! Петръ Иванычъ Пашинъ!
Пришелъ изъ Персіи недавно съ посошкомъ,
И травить въ «Голосѣ»—тамъ такъ заведено,—
Въ статейкахъ здравый смыслъ персидскимъ порошкомъ.

— Да полно вамъ, Дмитрій Дмитріевичъ, залебезиши вокругъ него мужчина, вы все прохаживаетесь на мой счетъ.

Минаевъ, между тѣмъ, улыбнулся своей змѣиной улыбкой и громко на всю редакцію провозгласилъ.

Вся пресса стала такъ безвкусна,
Что въ ней есть мѣсто Пашину:
Все это было бы смѣшино,
Когда бы не было такъ грустно.

Всѣ засмѣялись. Степановскій подошелъ къ намъ, взялъ Пашину подъ руку и отвелъ въ сторону. Ко мнѣ подошелъ Николай Степановичъ и заявилъ, что, братъ, т. е. Василій Степановичъ, извиняется, что не можетъ нынѣче побесѣдоватъ со мною, такъ какъ у него сидитъ одинъ важный чиновникъ, съ которымъ онъ долженъ сейчасъ уѣхать по дѣлу. Впрочемъ, я уже сказалъ вамъ, добавилъ

отъ себя «кумъ», что увѣдомлю васъ, какъ мы рѣшимъ, значить поѣзжайте домой и ждите. Я поблагодарилъ его и сталъ со всѣми прощаться. Минаеву нужно было взять у Курочкина денегъ, и онъ остался въ редакціи, сказавъ, что зайдетъ ко мнѣ, если останется въ городѣ. Я вышелъ изъ редакціи съ Степановскимъ, который спускаясь съ лѣстницы, отозвался о Минаевѣ такъ: «да, онъ очень уменъ и талантливъ, но какъ папенькинъ сыночъ, незнающій цѣнъ полученному имъ богатству, тратить оное непроизводительно и глупо».

Вечеромъ, однажды, Минаевъ у меня не былъ. Получивъ отъ Курочкина деньги, онъ, по обыкновенію, завихрился, завѣялся въ городѣ и только на третій день возвратился домой, гдѣ своей благовѣрной супругой и былъ наказанъ домашнимъ арестомъ.

III.

Обѣдъ у Донана. — Н. С. Курочкинъ. — М. М. Степановскій. — Н. И. Кроль. — А. П. Швабе. — П. А. Климовъ. — П. И. Пашино. — Д. Д. Минаевъ. — В. С. Курочкинъ. — Бесѣда, рѣчи и экспромты.

Задуманный мною обѣдъ, послѣ которого должно было произойти чтеніе моей тетради стиховъ, подъ разными предлогами затягивалось, и только благодаря настойчивости и усилиямъ Николая Степановича Курочкина, онъ состоялся въ концѣ июля у Донана. Столъ былъ накрытъ, по числу сдѣланныхъ приглашеній, на 12 персонъ, но обѣдали только 9-ть, трое изъ числа приглашенныхъ къ обѣду литераторовъ не пожаловали. Денегъ я не жалѣлъ, тѣмъ болѣе, что хозяиномъ-распорядителемъ по моей просьбѣ согласился быть «отче Николае», который, желая поддержать со славою званіе гастронома, прекрасно составилъ меню обѣда и провелъ его замѣчательно искусно.

«Черготъ сіяль», какъ говорилось въ одной старинной новеллѣ, когда стали собираться гости. Первымъ прѣѣхалъ распорядитель Николай Степановичъ Курочкинъ и занялся сооруженіемъ главнѣйшей и наиболѣе важнѣйшей части обѣда, а именно «фундаментальной», по его выражению, закуски, а затѣмъ обратилъ вниманіе на декоративную обстановку обѣденного стола. За нимъ скромно подошелъ Михаилъ Михайловичъ Степановскій, пока мы здоровались и обмѣнивались обычными привѣтствіями, подкатилъ Дмитріевичъ

Минаевъ и шумно прошоль въ столовую. Онъ осмотрѣлъ приготовленную закуску и поцѣловаль кума «въ лысину». «Твое истинное призваніе, кумъ, засмѣялся онъ, быть метрдотелемъ, а не литераторомъ. Я бы тебѣ совѣтоваль открыть ресторанъ, гдѣ ты можешь добиться болѣшой славы, чѣмъ въ нашей сакраментальной прессѣ».

— Оставьте, пожалуйста, поэта Минаевъ, меня въ покѣ, оборвалъ его Курочкинъ, вы видите, что я занятъ важными соображеніями, какъ бы накормить васъ получше... и переведя свой взглядъ на меня, спросилъ: скажите мнѣ поэту, Мартынову, что такое слава? вотъ кумъ сейчасъ упомянулъ о славѣ.

— Что слава? Яркая заплата на ветхомъ рубицѣ пѣвца, отвѣчалъ я авторитетно.

— Да-съ, это сказаль А. С. Пушкинъ, пыталъ меня Николай Степановичъ, но по вашему что такое слава?

— Вы что же хотите, Николай Степановичъ, отозвался я съ нѣкоторой тревогой, чтобы я говорилъ такие же экспромты, какъ Дмитрій Дмитріевичъ, но я долженъ васъ предупредить, что вы жестоко ошибаетесь, я вообще экспромтовъ не говорю.

— Ну, подумайте и скажите что-нибудь, не отставаль отъ меня «кумъ». Минаевъ, дымившій въ это время усиленно папиросой, подошоль ко мнѣ и, хлопнувъ меня по плечу, сказалъ: ну, что-жъ ты задумался, не робѣй!

Скажи, поэтъ-солдатъ,
Что слава... ну, хоть—кладъ,
Полковницкій окладъ,
Иль интендантскій складъ,
И что поэтъ-солдатъ
Подобной славѣ—радъ.

— Ну, вотъ, обратился я къ Курочкину, Дмитрій Дмитріевичъ былъ такъ любезенъ, что отвѣтилъ вамъ за меня.

— Нѣтъ, не отваливайте, поэтъ Мартыновъ, настаивалъ Курочкинъ, неудобно ли вамъ сказать намъ свое что-нибудь.

— Да говори же, присталь и Минаевъ, ну, говори за мной...

— Отстаньте, Дмитрій Дмитріевичъ, я обратился къ нему съ досадой и, подумавъ немнogo, сказалъ:

Что слава? Это—фиміамъ,
Благоуханный, вѣжливый, сладкій,
Людьми преподносимый вамъ,
Поэтъ-сатирикъ гадкій.

— Браво! захлопаль въ ладони Курочкинъ, что, кумъ, нарѣзался?...

— Молодецъ, поэтъ-солдатъ, раскатился громкимъ смѣхомъ Минаевъ, благодарю, не ожидалъ!.. да ты не безъ зубовъ, волкъ армейский!

Въ это время вошли одинъ за другимъ поэты Николай Ивановичъ Кроль и академикъ Александръ Петровичъ Швабе. Не успѣли мы обмѣняться рукопожатіями, подковылялъ Петръ Ивановичъ Пашинно. За нимъ прѣѣхалъ мой старый другъ-приятель, статской совѣтникъ Порфирий Асигеритовичъ Климовъ, будущій издатель моихъ стиховъ, и, наконецъ, часамъ къ 6-ти пожаловалъ и Василій Степановичъ Курочкинъ.

— Вы знаете, Петръ Косямичъ, обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ, братъ мой, надѣюсь, говорилъ вамъ, на какихъ условіяхъ я согласился быть на вашемъ обѣдѣ. Во избѣженіе недоразумѣній, повторю: вы и всѣ участникоѣ должны провести со мною вечеръ у Излера. Кутежъ, конечно, на мой счетъ. Редакторъ «Искры» желаетъ достойнымъ образомъ отплатить вамъ за ваше радушное гостепріимство.

— Я подчиняюсь вашему условію, отвѣчалъ и съ поклономъ, но присутствующіе пусть отвѣтятъ за себя.

Два-три голоса поддержали мой отвѣтъ, и почтенное собраніе перенесло въ столовую.

— Что же, не всѣ еще собрались? спросилъ Василій Степановичъ своего брата, и, посмотрѣвъ на часы, прибавилъ: а вѣдь пора,ѣть хочется, не приступить ли намъ, господа, къ дѣлу; вѣдь, семеро одного не ждуть, а больше одного мы пожалуй и недождемся.

— Умныя рѣчи приятно и слушать, провозгласилъ авторитетно Минаевъ, мы можемъ пока выпить водки, а тамъ увидимъ.

— Я ничего не имѣю противъ, улыбнулся распорядитель обѣда, и гости столпились у стола съ закусками.

Нѣсколько минутъ продолжалось абсолютное молчаніе. Только наливали, чокались рюмками, выпивали, набирали себѣ на тарелочки кому что нравилось изъ закусокъ и прожевывали.

Поэтъ Кроль, наливая себѣ вторую рюмку рабиновки, воскликнулъ:

Люблю въ юльскую жару
Я при рабиновѣ икру,
А осеню при водкѣ
Съ меня довольно и селедки.

Минаевъ не выдержалъ, и быстро повернувшись къ говорившему, перебилъ его:

Мы больше знаемъ, Кроль, ты пьешь зимою водку,
Закусываешь кислымъ огурцомъ,
Весной же безъ закуски водку плашешь въ глотку,
И обтираешь губы языкомъ...

Кроль опрокинулъ залпомъ налитую рюмку рябиновки, погладилъ бороду, какъ-то ухарски порендуя и, вскинувшись въ противника воспаленными очами, бойко проговорилъ:

Я могъ бы вамъ отвѣтить хорошо, Минаевъ,
Но это непріятно было-бъ для хозяевъ,
А потому, понять извольте, умолкаю,
Попробовать Алляшъ предпочитаю.

Дмитрій Дмитріевичъ вспыхнулъ, уголки рта его задергались и онъ готовъ былъ обрушиться всей силой своего сарказма на потянувшегося къ Алляшу поэта, но «отче Николае» бодрствовалъ: онъ подошелъ къ нему и сказалъ: «оставь, кумъ, ты можешь состояться съ Кролемъ послѣ, а теперь сдѣлай-ка вотъ честь бѣлой померанцевой, прелѣсть, а не водка».

И Минаевъ потянулся къ бѣлой померанцевой. По предложению П. А. Климова, всѣ выпили померанцевой въ круговую и, не закусывая, повторили кому чѣмъ нравилось. Потянувшись къ свѣжей икрѣ, истребили, потребовали еще тарелку икры, и по этому поводу выпили еще по рюмкѣ джину.

— Недурно! возгласилъ Н. И. Кроль. Такой закуски не пробовать и самъ Некрасовъ въ своемъ англійскомъ клубѣ. Тамъ иногда тоже подаются со всачинкой.

— Не забудьте, поэтъ Кроль, отозвался на это «отче Николае», что мы находимся у Донона, и что сегодняшнимъ обѣдомъ распоряжается вашъ покорѣйший слуга.

— А ты бы, братъ, вѣльмъ давать обѣдать, перебилъ его Василий Степановичъ. Ужъ если начали ёсть—такъ будемъ ёсть!

— Садитесь, господа, за столъ, сейчасъ подаются кушанье! захлопоталъ вокругъ стола Николай Степановичъ. Поэтъ Мартыновъ, какъ амфітріонъ, займите мѣсто во главѣ стола, а я сяду у

противоположнаго конца; господа гости, садитесь тамъ, гдѣ кому угодно.

Рядомъ со мною, съ правой стороны, сѣлъ В. С. Курочкинъ, съ лѣвой П. А. Климовъ. Минаевъ помѣстился рядомъ съ кумомъ съ правой стороны, а съ лѣвой сѣлъ А. П. Швабе, прочие гости заняли три стула противъ середины стола справа, такъ что рядомъ съ В. С. Курочкинымъ помѣстился Н. И. Кроль, и рядомъ съ Минаевымъ—М. М. Степановскій, между сими же послѣдними, противъ самой, центральной вазы съ цвѣтами, сѣлъ П. И. Пашино. Стоявшиѣ же противъ ихъ на лѣвой сторонѣ стола три куверта остались незанятыми. Рукопись моя была положена Н. С. Курочкинымъ возлѣ центральной вазы съ цвѣтами. Компания садилась шумно. Степановскій предложилъ снять сюртуки—и предложеніе было принято, всѣ повѣскали съ мѣстъ и поспѣшили сбросить съ себя верхнее платье. Я да П. И. Пашино остались только въ сюртукахъ. Послѣдній взялъ мою рукопись и сталъ переворачивать листы. Увидѣвъ цензурныя помарки, онъ вскочилъ со стула и бросился къ В. С. Курочкину.

— Смотрите, Василій Степановичъ, завопилъ онъ, что матушка цензура-то надѣлала съ рукописью Петра Косьмича. Что ни страница, то крестъ или нѣсколько помарокъ!

— Извлѣніе обыкновенное, мы это видимъ каждый день, отозвался редакторъ «Искры» равнодушно.

— Да вѣдь это — кровь писателя, пролитая во имя какого-то непонятнаго жертвоприношенія Молоху, замѣтилъ я усаживавшемуся на мѣсто редактору. Неужли это не возбуждаетъ въ васъ сочувствія.

— Сочувствіе тутъ не поможетъ, отвѣчалъ внушительно Василій Степановичъ, цензора дѣлаютъ свое дѣло, за которое они получаютъ жалованье, награды и пенсіи... Они исполняютъ то, что имъ велятъ, иначе цензоръ можетъ потерять мѣсто, т.-е. лишиться куска хлѣба.

Минаевъ придвигнулся ближе къ столу и, возведя очи къ потолку, громко возгласилъ:

О, всемогущій Іегова!
Ты далъ намъ множество даровъ,
Уничтожая ихъ сурою:
Даль людямъ мысль при дарѣ слова
И вмѣстѣ съ этимъ—цензоровъ...

Н. И. Кроль не пожелалъ отстать отъ своего антагониста и, погладя бороду и порснувъ по привычкѣ, продекламировалъ:

Еще неопытна, юна
У насъ литература,
А потому ей и нужна,
Какъ нянюшка, цензура.

— Вамъ, Николай Ивановичъ, вѣроятно мало приходится имѣть дѣло съ этой нянюшкой, отозвался Степановскій, что вы берете ее подъ свое покровительство, а намъ вотъ она гдѣ сидитъ. И онъ показалъ рукой на свой затылокъ.

Минаевъ, между тѣмъ, принялъ отъ лакея тарелку супу, взялъ ножикъ и, стукнувъ имъ два три раза по тарелкѣ, какъ бы приглашая прислушать, между двумя ложками супу, сказалъ:

Тамъ надъ статьями совершаются
Вдвойнѣ цивической обряды:
Ихъ, какъ евреевъ, обрѣзаются
И, какъ католиковъ, крестятъ.

— Поэтъ Минаевъ, окрикнулъ на него «отче Николаѣ», вы здѣсь не предсѣдатель, и потому не имѣете права стучать ножомъ о тарелку, перебивать разговоръ и говорить что вамъ вздумается. Это право принадлежитъ мнѣ, какъ спикеру, т. е. распорядителю нынѣшняго обѣда. Примите это къ свѣдѣнію. Да и къ чему всѣ эти разсужденія о цензурѣ, неужели у насъ нѣть другого, болѣе живаго предмета для разговора.

— У кого что болѣть, тотъ о томъ и говорить, ни къ кому не обращая рѣчи, вздохнулъ Степановскій.

— А ты бы, кумъ, лучше сдѣлалъ, засмѣялся Минаевъ, если бы, вмѣсто нотацій, угостили насъ виномъ.

Николай Степановичъ мигнуль старшему офиціанту, и лакеи наполнили наши рюмки виномъ.

Замѣчаніе Николая Степановича не прошло безслѣдно: начались кружковые разговоры. Первый началъ А. П. Швабе. Онъ сталъ рассказывать своему соѣзду П. И. Пашиню, какъ отлично устраиваетъ его пріятель въ Тиволи крестьянскія скачки и бѣгъ въ мѣшкахъ. Въ послѣднее воскресеніе, онъ заявилъ съ увлеченіемъ, пер-

вый призъ, часы, на скачкахъ взялъ крестьянскій мальчикъ Степановъ, 15 лѣтъ, а на бѣгахъ въ мѣшкахъ—дѣвочка 13 лѣтъ.

— Я былъ на скачкахъ, вмѣшался въ разговоръ Н. И. Кроль, съ графомъ Кушелевымъ, у которого я съ Благосвѣтловымъ и иными сотрудниками «Русскаго Слова» тогда обѣдалъ. Графъ подарилъ мальчику Степанову сто рублей.

Н. С. Курочкинъ съ Степановскимъ вели бесѣду о вышедшихъ пятыхъ книжкахъ «Современника» и «Русскаго Слова», гдѣ были помѣщены въ первой: «Трудное время» Слѣпцова и 5 пѣсень «Донъ-Жуана» въ переводѣ Минаева, а во второй: «Разрушение эстетики» Писарева. Изрѣдка вставляя свое слово Минаевъ, но разговоръ литературный какъ-то не клеился, такъ что переходъ отъ него къ ацтекамъ Массимо и Бартоло, этимъ маленьkimъ принцамъ оливковаго цвѣта съ черными выющиеся волосами и бѣлыми, какъ словная кость, зубами, открытымъ въ храмѣ города Иксимая въ Средней Америкѣ и привезенныхъ къ намъ, какъ рѣдкость, мнѣ показался вполнѣ естественнымъ.

П. И. Пашинъ пытался было втянуть В. С. Курочкина и П. А. Климова въ политику, онъ заговаривалъ и о прѣѣздѣ Абдель-Кадера въ Парижъ, и о побѣдахъ Хуареса въ Мексикѣ, и о министерствѣ О’Доннеля въ Испаніи, и о воззваніи Пальмерстона къ избирателямъ, но получая отъ нихъ въ отвѣтъ только краткія реплики, вродѣ: «да, да» или «о, конечно, конечно», долженъ былъ сойти на почву Шато-де-Флера, гдѣ отличались въ канканѣ, польскѣ Шотишѣ, Фрискѣ и Лисбонкѣ, наши доморощенные Шикары—Ивановъ и Фокинъ съ Лаурой Блаватской и королевой Помаре. Разговоръ на эту тему скоро обобщился, и Н. И. Кроль явился неистощимымъ рассказчикомъ самыхъ пикантныхъ новостей. Всѣ смеялись, и только В. С. Курочкинъ велъ вполноголоса серьезный разговоръ съ П. А. Климовымъ обѣ ожидавшемся тогда новомъ положеніи о свободной печати.

— Бѣрите ли, горячо ратовалъ редакторъ «Искры» мы ждемъ недождемся тѣхъ дней, когда мы будемъ имѣть возможность говорить что мы думаемъ открыто и прямо.

— Не увлекайтесь, Василий Степановичъ, охлаждалъ его П. А. Климовъ, вѣдь цензура не упраздняется, она будетъ существовать какъ и теперь. Абсолютной свободы слова вы не получите, и если не будете чувствовать предварительной цензуры, то узнаете карательную, а это стоять одно другого.

— Ну, что вы говорите, вставил свое замѣчаніе Н. И. Кроль, вся Европа отринула предварительную цензуру и печать вполнѣ свободна при карательной.

— Не смѣю спорить, возразилъ П. А. Климовъ, вамъ, можетъ быть, лучше извѣстно. Но я думаю, что все будетъ зависѣть отъ людей, которымъ дѣла печати будуть вѣбрены.

— Ну, вотъ видишь, Николай Ивановичъ, замѣтилъ, въ свою очередь, Василий Степановичъ, ты вѣчно носишься съ Европою и, вместо того, чтобы выслушать, что будетъ говорить компетентное лицо,—вѣдь Порфирий Ассигнатовичъ причисленъ къ канцеляріи Собѣта и знаетъ больше, чѣмъ мы съ тобой,—ты вступаешь въ бесполезные дебаты. И онъ началъ разспрашивать П. А. Климова объ условіяхъ, при которыхъ должна быть введена реформа по дѣламъ печати.

Поданное тюро обратило всеобщее вниманіе. Одни восторгались самой рыбой, другие соусомъ. Одинъ М. М. Стопановскій находилъ, что наша русская рыба несравненно вкуснѣе и удивлялся нашему глупому пристрастію ко всему иностранному. Ему оппонировалъ «отче Николае», сославшись въ данномъ случаѣ на авторитетъ Н. А. Некрасова, котораго вкусы и гастрономическая познанія высоко цѣнилъ Михаилъ Михайловичъ. Тюро смѣнилъ страсбургскій паштетъ, приготовленный по какому-то особому способу. Паштетъ смѣнили артишоки.

— Э, эхъ, артишоки! какъ-то съежившись, замѣтилъ недовольно Н. И. Кроль, ужасно я ихъ не люблю, въ нихъ Ѣсть ничего. Когда я обѣдаю у графа Кушелева (сестра его была за графомъ), мнѣ вмѣсто артишоковъ всегда подаютъ спаржу съ сабайономъ.

— Хотите спаржи, Николай Ивановичъ, спросилъ его обязательно Николай Степановичъ Курочкинъ, есть спаржа. Послушайте, обратился онъ къ лакею, подайте спаржи.

Минаевъ не выдержалъ и Ѣдко замѣтилъ:

Кроль не любить артишоки:
Нечего виши кушать!
Это только экивоки,
Нужно ли ихъ слушать?

Кроль насупился, погладилъ раза два-три свою бороду и нервно отозвался:

Не острите, Дмитрій Дмитрічъ!
Я, вѣдь, тожъ могу вѣсть выстричъ.

— Ну, гдѣ тебѣ меня выстричъ! вспылилъ поэтъ-сатирикъ и, повернувшись въ сторону Кроля, хотѣлъ было пустить въ дѣло всю свою тажелую артиллерию, но былъ остановленъ спикеромъ обѣда.

— Поэтъ Минаевъ, сказаль онъ ему серьезнымъ тономъ, блудо элоквенціи назначено у насъ послѣднимъ, не нарушайте, пожалуйста, программы.

— Ну, такъ дайте хоть вина, горячился Дмитрій Дмитріевичъ, мнѣ нужно залить жажду возмездія.

Лакеи подали вино и наполнили стаканы.

Междуд тѣмъ П. И. Пашино разказывалъ А. П. Швабе и М. М. Степановскому, что артишоки первый разъ появились на столѣ персидского шаха и оттуда уже проникли въ Европу.

— Винователь, что я перебью вѣсть, любезный оренталистъ, вмѣшился въ его разказъ Н. С. Бурочкинъ. Это было какъ разъ наоборотъ, и онъ прочиталъ почти цѣлую лекцію объ открытии артишоковъ и ихъ появленіи въ Европѣ.

— Послѣ артишоковъ не худо бы покурить! возбудилъ вопросъ М. М. Степановскій.

— Это зависить отъ собранія, улыбнулся спикеръ и, постучавъ ножомъ о тарелку, громко спросилъ: господа, ставлю на ваше разрѣшеніе вопросъ: можно ли начать курить? ударъ ножомъ по тарелкѣ означаетъ согласіе.

Послышался ударъ, два, три и до пяти.

— Вопросъ разрѣшенъ за, проговорилъ Николай Степановичъ и приказалъ подать сигары и напитки.

На столѣ появились пурпурки съ трюфелами и жареные перепела. Различные салаты сопровождали ихъ.

— Да вы насъ и въ самомъ дѣлѣ угощаете по-царски, Петръ Косьмичъ, обратился ко мнѣ покраснѣвшій отъ избытка чувствъ Василій Степановичъ, смотрите, это вамъ даромъ не пройдетъ!

Я отвѣчалъ, что устройствомъ такого прекраснаго обѣда мы обязаны никому иному, какъ только Николаю Степановичу, которому, конечно, и принадлежитъ вся честь и хвала за это. Что же касается меня, то я тутъ не причемъ.

— Мы понимаемъ это все, Петръ Косьмичъ, обратился еще любезнѣе ко мнѣ Василій Степановичъ, но я вамъ повторяю, что это вамъ даромъ не пройдетъ!

Миѣ ничего не оставалось болѣе, какъ только поклониться.

— Въ немъ есть одно несомнѣнное достоинство, сказаль, указавъ на меня глазами, П. А. Клиновъ, онъ скроменъ, какъ дѣвушка, но это хорошо въ провинціи, тамъ оно цѣнится, а у нась, въ Петербургѣ ничего не стоитъ, и многими считается однимъ изъ крупныхъ недостатковъ. Мужчина долженъ быть орелъ!

— Орлы ширются въ поднебесье, возразилъ я Клинову, а мы влачимъ жизнь на землѣ, значитъ всякому свой удѣль. Да и не всѣмъ же быть орлами. Иначе жизнь была бы слишкомъ однообразной и сами же орлы признали бы ее небесной карой...

— Недурно сказано, молодецъ Петръ Косьмичъ, одобрительно кивнуль головой Василій Степановичъ, шампанскаго! Брать, вели давать шампанское, кивнуль онъ головой Николаю Степановичу.

И шампанское запѣнилось.

— Господа, сказаль я, вставъ со стула и поднимая свой бокаль, позвольте провозгласить первый тостъ за здравіе вождя русскаго народа, освободителя двадцати миллионовъ крестьянъ, уничтожившаго тѣлесное наказаніе, дающаго новый судъ и свободу нашей матери печати! Ура!

— Ура! ура! ура! повторили троекратно всѣ эти вольномыслящіе люди и крайнѣе либералы писатели, и повторили сочувственно и громогласно. Вино выпили одушевленно и шумно.

Второй тостъ провозгласилъ П. А. Клиновъ: за царицу, наследника и всю августѣйшую царскую семью.

Тоже громогласное ура! покрыло и этотъ тостъ. Бокалы моментально опустѣли.

— Дураки! Подали наперстки! воззрілся, покачнувшись, Н. И. Кроль. Мы у графа Кушелева пѣмъ здравицы стаканами.

— Подать стаканы! скомандовалъ Николай Степановичъ и искрометная влага закипѣла въ стаканахъ. В. С. Курочкинъ всталъ, чокнулся со мною и сказалъ:

Позвольте, Петръ Косьмичъ,
Сказать, хотя не спичь,
 Но пару словъ въ честь вашу:
За вашу доброту,
Радушье, простоту,
 Я выпью эту чашу!

И, возгласивъ, «Виватъ!» онъ опрокинулъ стаканъ на лобъ.

Подошел Минаевъ. Поцѣловавъ меня, онъ поднесъ стаканъ къ губамъ и говоря:

Будь здоровъ, поэтъ-солдатъ,
Будь здоровъ, поэтъ Мартыновъ,
За тебя я выпить радъ
Не одинъ, а сто стакановъ!

Каждый стихъ запивалъ нѣсколькими глотками шампанскаго.

Поднялся и подступиль ко мнѣ, пошатываясь, Н. И. Кроль. Долго онъ смотрѣль на меня, гладя бороду и порекая по обыкновенію. Онъ поднималъ стаканъ и опускаль, видимо собираясь съ мыслями. И только, когда Минаевъ крикнулъ ему съ другого конца стола: «смѣлѣе, Кроль!» онъ чокнулся со мною и, опершись на спинку стула, проговорилъ:

Поэты—братья всѣ, и вы
Гордиться можете не кровью, (и онъ указалъ стаканомъ на лежавшую на столѣ мою рукопись)

Но здѣсь, на берегахъ Невы,
Пріобрѣтеною любовью.
Вы видите, мы цѣнимъ васъ,
И, забывая про цензуру
Мы рады съ вами пить не квасъ,
Вино, и не стаканъ—рогъ-туру!

Ура! и онъ разомъ опорожнилъ свой стаканъ. Поднялся и Николай Степановичъ. Онъ неторопливо подошелъ ко мнѣ, откашлялся и, добродушно улыбаясь, сказалъ:

Поэтъ Мартыновъ, свой стаканъ
Я подниму безъ тоста,
Сошлися мы изъ разныхъ странъ,
И выпить можемъ просто.
Вы—человѣкъ хороший, съ тѣмъ
Я долженъ согласиться,
Но не хочу кричать, зачѣмъ?
Безъ крику можно обойтись.
А выпить вмѣстѣ я готовъ,
И, чокнулся пожалуй,
И тихо молвило: будь здоровъ,
Поэтъ съ тетрадью алой!

И онъ взялъ у меня мой стаканъ, прихлебнулъ и подалъ мнѣ свой прихлебнуть и поцаловалъ меня. Подошли П. И. Пашино, М. М. Стопановскій и А. П. Швабе, всѣ они разомъ чокнулись со мною, сказали, что присоединяются къ выраженному Николаемъ Степановичемъ пожеланію мнѣ здоровья и процвѣтанія «съ тетрадью алой»!

Но слѣднимъ подошелъ П. А. Климовъ. Онъ цвѣтистымъ дѣловымъ языкомъ произнесъ цѣлый спичъ. Сказалъ, что я одинъ изъ первыхъ служакъ Николаевскаго режима, откликнувшись въ пѣсняхъ на новое вѣяніе времени и обратившій вниманіе на печальную долю солдата. Сказалъ, что это составляетъ большую заслугу по отношенію миллионовъ людей, служившихъ и служащихъ подъ ружьемъ. Сказалъ, что именно это обстоятельство, а отнюдь не самыя пѣсни, которыя, къ слову сказать, довольно слабы, послужило къ такому блестательному приему, которымъ почтили меня представители лучшихъ органовъ печати. Сказалъ, что если я посвящу свой талантъ на дальнѣйшее служеніе провозглашенной идеѣ, то благосклонность сказанныхъ представителей будетъ увеличиваться съ каждымъ годомъ. Каждый долженъ дѣлать свое дѣло, пояснилъ онъ, и если онъ будетъ дѣлать его добросовѣтно, то можетъ быть увѣренъ, что общество рано или поздно оцѣнитъ его трудъ и воздастъ за него стопроценто. «Во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, закончилъ онъ, что сегодняшній праздникъ посвященія поэта-солдата въ литераторы составить эпоху въ его жизни, и что онъ до глубокой старости будетъ вспоминать съ живѣйшей признательностью имена предсѣдящихъ здѣсь лицъ, встрѣтившихъ его у дверей храма святой правды и добра и обѣщающихъ ему при дальнѣйшемъ прохожденіи пути служенія музамъ, свое высокое покровительство».

Когда онъ, окончивъ рѣчъ, чокнулся со мной и поцѣловался, сопраніе громкими аплодисментами выразило свое сочувствіе сказанному и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, поднялись съ своихъ мѣстъ, похвалили ему руку и благодарили за выраженные имъ мысли.

— Запомните, поэтъ Мартыновъ, обратился ко мнѣ Николай Степановичъ, слова, сказанныя Порфиремъ Асигкитовичемъ. Это гласила сама истина, и если вамъ будетъ когда-нибудь трудно, не выносимо тяжело или обидно въ жизни—ищите въ нихъ утѣшения и поддержки. Это мой завѣтъ вамъ.

Я всталъ, и отвѣтилъ, на сдѣланнія мнѣ оваций, слѣдующими куплетами:

Я счастливъ, господа, нигдѣ и никогда
Я не былъ счастливъ такъ, какъ на брегахъ Невы:
Солдата приняли въ свой кругъ вы безъ стыда,
Вы—вitezzi печати, прессы львы!

* * *

Вы приняли его, какъ истинные братья...
Внявъ зову—голосу рокочущей молвы,
Открыли вы ему сочувственно объятья,
Вы—вitezzi печати, прессы львы!

* * *

Съ нимъ раздѣлилъ хлѣбъ—солъ простую не спѣсиво,
Узоры дружества вы дали для канвы
Работы исторіи, и дали не чванливо,—
Вы—вitezzi печати, прессы львы!

* * *

Въ немъ пробудили вы мечты и упованья,
Дремавшія со дня ухода изъ Москвы,
Любви и братскихъ узъ вы дали обѣщанья,
Вы—вitezzi печати, прессы львы!

* * *

Но чѣмъ отвѣтить онъ на это вамъ?... словами?
Пустыми фразами? склоненъ головы?
О, нѣть!.. какъ человѣкъ, отвѣтить онъ слезами.
Вамъ—вitezzi печати, прессы львы!..

* * *

И я, дѣйствительно, прослезился, двѣ-три слезы скатились по щекамъ и упали на бѣлый жилетъ; послышались тихіе: «браво, браво!» я поклонился и продолжалъ:

И вотъ онъ плачетъ... да!.. Вы зирите эти слезы...
Росинки—то на стебляхъ счастія травы...
Волшебныы ему вы возвратили грэзы,
Вы—вitezzi печати, прессы львы!

* * *

Крики «браво!» усилились, застучали ножи о тарелки, затопотали ноги подъ столомъ... Я вновь поклонился и продолжалъ:

И маж не стыдно плакать здѣсь... пусть я—солдатъ,
Но кровь во мнѣ кипитъ и чувства не мертвы,
Отъ счастія плачу я, вѣдь я теперь—вашъ братъ,
Вашъ—вitezzi печати, прессы львы!

* * *

И вотъ, какъ братъ, какъ вольный съ вольнымъ, равный съ
равнымъ,
Приемлю смѣлость я—отвергнете ли вы?—
За васъ поднять стаканъ съ напиткомъ этимъ славнымъ,
О, витязи печати, прессы львы!

* * *

Да ниспошлютъ вамъ боги всѣ утѣхи жизни,
Амура-шалуна всѣ стрѣлы съ тетивы;
И да взнесете вы высоко стягъ отчизны,
Вы—витязи печати, прессы львы!

* * *

И я поднялъ высоко надъ головой свой стаканъ съ виномъ, и
крикнулъ: «Ура! За васъ пью, витязи печати, прессы львы!»

Раздались неистовыя рукоплесканія, крики «браво! стукъ и
лязгъ ножей и топотъ ногъ. И я обопель сидѣвшихъ вокругъ стола,
съ каждымъ чокнулся и поцѣловался, провозгласилъ еще разъ
«ура! за васъ пью, витязи!»... выпилъ свой стаканъ разомъ и, бро-
сивъ его въ каминъ, разбилъ въ дребезги.

— На воздухъ! закричалъ Василій Степановичъ. Обѣдъ кон-
чился, а пить кофе будемъ тамъ. И онъ указалъ рукой насосѣд-
нее зало. Задвигались стулья, всѣ встали и шумной толпой пере-
кочевали въ другую комнату. Подали кофе и десертъ. Начали
смаковать ликеры и коньякъ.

В. С. Курочкинъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ: «скоро девять!
пора, господа, и къ Излеру».

— А чтеніе «тетради алой» развѣ не состоится? воскликнулъ
П. И. Панино. Вѣдь, оно было назначено послѣ обѣда.

— Кто же виноватъ, что за обѣдомъ просидѣли такъ долго!
возразилъ редакторъ «Искры», если мы начнемъ чтеніе, то не по-
ѣдемъ къ Излеру, а я уже распорядился, чтобы Иванъ Ивановичъ
приготовилъ что нужно.

— Но позвольте, Василій Степановичъ, лепеталь коснѣющими
языкомъ Н. И. Кроль. Мы хотимъ познакомиться съ произведеніями
музы поэта Мартынова.

— Мы познакомились уже съ произведеніями музы поэта Марты-
нова за обѣдомъ, настаивалъ упрямо Курочкинъ, онъ прочиталъ намъ
прекрасное стихотвореніе, а кому этого недостаточно, конечно, мо-
жетъ остаться здѣсь. Но я ўду, кто со мною?

Николай Степановичъ сказалъ, что онъ поѣдетъ. «И я поѣду»!
отозвался Минаевъ. «И я поѣду! присовокупилъ и я, помня данное

объщаніе. П. А. Климовъ извинился, что не можетъ ъхать потому, что онъ долженъ быть вечеромъ въ какомъ-то засѣданіи. А проче предпошли остатся у Донона.

— Мы вотъ съ П. И. Пашиной и А. П. Швабе лучше разыграемъ пульку преферанса, отбояривался отъ поѣздки М. М. Степановской.

— А я... будироваль, пошатываясь, Н. И. Кроль:

Буду я читать
«Алую тетрадь»,
Буду пить вино,
Благо есть оно...

— Въ такомъ случаѣ, господа, обратился къ нимъ Николай Степановичъ, вы можете пировать за счетъ нашего амфитріона. Чай, кофе, вино, ликеры, коньякъ къ вашимъ услугамъ, кушайте на доброе здоровье, а мы поѣдемъ на острова.

И затѣмъ, попрощавшись, мы вчетверомъ: два брата Курочкины, Минаевъ и я, оставили ресторанъ Донона.

IV.

Вечеръ у Излера.—Поѣздка.—Экспромпты.—Встрѣча и бесѣды.—Въ театръ.—Въ саду.—Въ кабинетѣ.—Наталья Романовна и—кутежъ кувыркомъ, кувыркомъ полетѣлъ!

Мы вышли на Невскій и на биржѣ въ Конюшенной Василій Степановичъ нанялъ четверомѣстную карету. Онъ уже занесъ было ногу, чтобы сѣсть въ нее, но вдругъ, какъ будто что-то припомнилъ, остановился, подошелъ къ содѣржателю экипажей и приказалъ ему дать другую такую же карету, съ тѣмъ, чтобы она ъхала вслѣдъ за нами, не отставая ни на шагъ. Когда же мы усѣлись въ первую карету и поѣхали, Николай Степановичъ спросилъ брата:

— Скажи, пожалуйста, зачѣмъ тебѣ понадобилась вторая карета?

— Какъ зачѣмъ? съ неудовольствіемъ отозвался Василій Степановичъ, закрывшій глаза и начинавшій дѣматъ, а вдругъ сломается ось или колесо, на чѣмъ же мы поѣдемъ!

— Ты все дурачишься, отозвался брезгливо Николай Степанович, вѣдь это — напрасная траты денегъ, сломается ось или колесо — есть извощики.

— А если я хочу ъхать въ каретѣ — кому какое дѣло? вспылилъ редакторъ «Искры», да я уже и не юноша, чтобы мнѣ дѣлать наставлѣнія, я хочу — я и плачу, и вмѣшательство въ мои распоряженія никакихъ не допускаю.

И онъ закрылъ глаза и погрузился въ дрему. Минаевъ между тѣмъ знакомилъ меня съ топографіею Петербурга. Проѣзжая мимо Инженерного замка, онъ рассказалъ мнѣ его исторію, а поровнявшись съ Лѣтнимъ садомъ, указалъ мѣсто, гдѣ любилъ отдыхать А. С. Пушкинъ и сообщилъ анекдотъ, какъ одинъ англійскій лордъ, въ прошломъ столѣтіи, пріѣзжалъ въ Петербургъ для того только, чтобы взглянуть на рѣшетку сада, которая считалась тогда чуть ли не восьмымъ чудомъ свѣта. На Троицкомъ мосту онъ припомнилъ, какъ чернь, въ холерную эпидемію 1831 года, сбросила съ моста въ Неву и утопила въ ней съ каретой и лошадьми доктора Мудрова. Проѣзжая мимо крѣпости, онъ разразился экспромтомъ:

Здѣсь погребаются великие цари,
Здѣсь золотыя дѣлаются монеты,
На шпицѣ Телушкинъ лазилъ — эка высь, смотри!
И подъ Неву спускаются поэты.

— Какъ подъ Неву? спросилъ я въ изумленіи Минаева.

— Да такъ!.. есть, говорить, сказаніе, что подъ Невой устроены казематы.

— Не лучшее ль, кумъ, вмѣшался въ разговоръ Николай Степановичъ, сказать такъ:

Здѣсь ходить и стоитъ, и возвлѣжитъ —
Кто не сидитъ,
И не стоитъ, не ходить, не лежитъ —
Тотъ, кто сидитъ.

Двигаясь по Каменноостровскому шоссе, Минаевъ указалъ мнѣ рукой на Александровскій лицей и промолвилъ:

Вотъ зданье славное, оно приготвляло
Намъ Пушкина и князя Горчакова,

И Тяпкинъ-Ляпкиныхъ родъ цѣлый воспитало
Отъ Блудова до Салтыкова.

Проѣхавъ Карповку, и, поровнявшись съ дачей Громова, онъ весело продолжалъ:

А здѣсь живеть извѣстный нашъ миллионеръ,
Лѣсникъ Илья Федулычъ Громовъ,
Раскольничій устроилъ скитъ, какъ старовѣръ
И чтить лишь жевщинъ—безъ дипломовъ.

Когда съ Каменноостровскаго моста открылась панорама роскошныхъ дачъ, тонувшихъ въ зелени по берегамъ Невки, Николай Степановичъ улыбнулся и, обратясь къ Дмитрию Дмитріевичу, сказалъ:

— Ну, что же, поэты Минаевъ, вы пріумолкли? кажется теперь вы могли бы подарить нась эффектнымъ экспромтомъ.

Минаевъ закурилъ папиросу и, бросивъ взглядъ на открывшійся предъ нами чудный пейзажъ, повернулся ко мнѣ и съ усмѣшкой продекламировалъ:

Да, здѣсь привольно и свободно,
Воздушно, водно, зѣлено,
Здѣсь знатно,—только не народно,
Здѣсь бѣдныи жить не вѣльно.

На Строгоновскомъ мосту Василія Степановича разбудили.

— Пріѣхали! сказалъ ему Минаевъ, дергая за руку.

— Куда? Зачѣмъ пріѣхали? протирая глаза редакторъ «Искры».

— Къ Излеру.

— А! Къ Излеру!.. Хорошо!.. Помню... Мартыновъ тутъ?

— Да, вотъ онъ сидить.

— Ну, и отлично. Всѣ вмѣстѣ, значитъ, и войдемъ!

У подъѣзда вокзала Минеральныхъ водъ карета остановилась, обѣ дверцы ея разомъ растворились и мы молодцово выѣздили. Въ вестибюль толпилась публика, дамы, прислуга, жандармы, полиція. Василій Степановичъ приказалъ позвать самого Излера. Явился Иванъ Ивановичъ и съ самыми подобострастными поклонами привѣтствовалъ редактора «Искры», раскланялся съ нами, сказалъ нѣсколько любезностей и повелъ нась въ садъ.

— Иванъ Ивановичъ, вы получили мои распоряженія? вопросъ его Василій Степановичъ на ходу.

— Какъ-же-сь! получиль и все исполниль. Ложа въ театрѣ оставлена и кабинетъ приготовленъ, извивался, какъ змѣй, содер-жатель Минеральныxъ водъ.

— Большой кабинетъ приготовили?

— Какъ-же-сь! какъ приказали, большой.

— И все, что нужно, приготовили?

— Все, все, пожалуйте!

— Нѣть, прежде всего мы пойдемъ въ театръ, или, какъ вы называете, въ концертное зало, и посмотримъ немножко. Что у васъ идеть сегодня?

— «Фаустъ» съ м-ме Amelie въ роли Маргариты, м-ме Дек-керъ-Шенкъ въ роли Марты, м-ме Дюбуше въ роли Зибеля и ш-г Дюбуше—въ роли Фауста.

И Иванъ Ивановичъ проводилъ насъ до ложи. Мы вошли и усѣлись шумно. На сценѣ Faustъ предлагалъ Маргаритѣ руку—проводить прелестную дѣвицу, а Маргарита отвѣчала, что она не дѣвица—мастерица, и что сама знать хорошо дорогу въ Шато-де Флеръ. Въ ложахъ и партерѣ наше появленіе было замѣчено. Львицы фран-цузской колоніи наводили на насъ лорнеты и перешептывались. Въ партерѣ кто-то состриль: «Смотрите, «Искра» появилась! не за тѣмъ ли, чтобы воспламенить Fausta?» Мы недолго сидѣли въ те-атрѣ; едва дутъ кончился, Минаевъ заявилъ, что тутъ душно и пить хочется, Василій Степановичъ сказалъ, что ожидать конца акта не стоитъ. Поэтому всѣ поднялись и вышли. У театра встрѣтилъ насъ Иванъ Ивановичъ и проводилъ до кабинета. Это была простор-ная въ нѣсколько оконъ комната, довольно высокая и свѣтлая, но, не смотря на открытые окна, въ ней ощущалась тяжелая винная атмосфера. Обстановка ея ничѣмъ не отличалась отъ ресторанный обстановки кабинетовъ, съ ихъ мебелью, зеркалами, миѳологическими картинами, тяжелыми портьерами и тамъ и сямъ натыканными бра и жирандолями. Но было нѣчто въ ней, чего въ обыкновенной ка-бинетной обстановкѣ не вездѣ можно встрѣтить: это—приштвен-ный столъ, эффектно убранный вазами, канделябрами и цвѣтами. Отличительной особенностью его было то, что, вмѣсто стульевъ, вокругъ его стояли приготовленные для возлежанія четыре мягкихъ съ подушками софы и два оттомана. На нѣсколькихъ маленькихъ столикахъ у стѣны красовалось нѣсколько корзинъ съ зеленью и

пахучими цветами, на подзеркальниках лежали винки из розь, лавровые и дубовые (гражданские) винки, а у стены, между роялью и арфой, помышлявшейся въ самомъ углу, висѣли римскія пурпурныя тоги, греческія хитоны, черныя испанскія мантелетки и другіе костюмы.

— Хорошо! сказалъ, окинувъ быстрымъ взоромъ кабинетъ, Василій Степановичъ, только нась четверо, а ложь приготовлено шесть, а впрочемъ оставьте, кто гдѣ хочетъ, тамъ и возляжетъ.

— Не прикажете ли освѣтить? освѣдомился почтительно Иванъ Ивановичъ.

— О, нѣтъ, теперь не нужно. Мы пока посумерничаемъ, а тамъ послѣ увидимъ. Прикажите намъ подать Бордо, рейнвейну Іоганнисбергъ и венгерскаго, но лучшаго, какое у васъ есть. Шампанскаго мы пили такъ много, что у меня какая-то изгарь во рту образовалась. Велите подать также сельтерской, но не теплой.

— И коньяку, добавилъ Минаевъ, усиленно курившій все это время папиросы.

— Но только, я васъ долженъ предупредить Иванъ Ивановичъ, потрепалъ его по плечу редакторъ «Искры», это угощаю я, и ни съ кого другого, что бы они тамъ ни требовали, ни за что ни копѣйки не получать! Счетъ прислать мнѣ завтра въ контору, понимаете?..

— Помилуйте, дорогой Василій Степановичъ, развѣ я смѣю противорѣчить вашимъ приказаніямъ, изгибаясь содржатель Минеральныхъ водъ, считаю за честь сдѣлать все, какъ вы пожелаете.

— Ну съ, это все хорошо. А на счетъ французской колоніи какъ? Я хочу нынѣче дебютировать въ канканчикѣ, побѣдоносно улыбаясь Василій Степановичъ.

— Кончать пьесу — и это будетъ, я вамъ порекомендую лучшіхъ танцорокъ изъ хора.

— Валите же! махнуль рукой представитель «Искры», и Иванъ Ивановичъ исчезъ.

Николай Степановичъ между тѣмъ, подъ вліяніемъ, вѣроятно, столкновенія съ братомъ изъ-за кареты, все время упорно молчалъ, смотря вмѣстѣ со мною въ окно на проходившую мимо публику, выкурилъ папиросу и, усѣвшись за рояль, сталъ напгрывать какую-то меланхолическую пастораль.

Василій Степановичъ подошелъ ко мнѣ, обхватилъ за талию и дружески сказалъ:

— Вы слышали, Петръ Косьмичъ, у насъ будуть дамы, но въсъ это стѣснять не должно: вы можете себѣ выбрать какая вамъ понравится изъ публики, конечно, не изъ буржуазныхъ, и укажите мнѣ, а я постараюсь о томъ, чтобы она была здѣсь.

— Благодарю васъ, Василій Степановичъ, но до сихъ поръ я еще не вижу такой дамы.

— Никто васъ не торопить, разсмѣялся Василій Степановичъ, смотрите внимательнѣе и, можетъ быть, какая-нибудь и приглянется. Не забудьте только нашего условія, что всѣ расходы здѣсь я принимаю на себя, вѣдь, понимаете! Поэтому, пожалуйста, не стѣсняйтесь, была бы только дама по сердцу.

Подали вино, коньякъ и сельтерскую.

— Полно тебѣ, братъ, домового-то хоронить, воскликнулъ Василій Степановичъ, обращаясь къ Николаю Степановичу, прѣѣхали повеселиться—надо веселиться. Лучше бы ты сдѣлалъ, еслибы занялся хозяйствомъ.

— А ты что же не скажешь, отозвался Николай Степановичъ, я думалъ, что ты самъ будешь за хозяйку.

— Ну, гдѣ намъ, простакамъ, воеводствовать! фанфаронилъ редакторъ «Искры», иди и распорядись, а то у насъ что-то не клеится.

Дѣйствительно, какъ только подошелъ Николай Степановичъ къ столу, компания оживилась. Первымъ дѣломъ освѣжились сельтерской, потомъ выпили коньяку, затѣмъ приступили къ Бордо и все это прикрыли опять-таки коньякомъ. Минаевъ предложилъ пройтись, подышать свѣжимъ воздухомъ, и мы втроемъ, Дмитрій Дмитріевичъ, Василій Степановичъ и я, вышли, а Николай Степановичъ остался хозяйствовать. Онъ приказалъ принести двѣ головы сахару, нѣсколько бутылокъ рому, разныхъ специй и металлическій тазъ съ приборомъ для приготовленія «гусарской жженки», снялъ сюртукъ и занялся дѣломъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ по саду, мои сопутники встрѣтили много знакомыхъ и начался обмѣнъ мыслей. Главнымъ предметомъ разговора было только-что состоявшееся разрѣшеніе курить табакъ на улицахъ, площадахъ и другихъ мѣстахъ въ столицахъ и провинціи. Мѣра эта не обошлась, конечно, безъ злоупотребленій со стороны нѣкоторыхъ шутниковъ и подала поводъ къ ихъ арестованію. Послышались голоса о необходимости протеста, но Василій Степановичъ умѣлъ обратить все это въ шутку, попросивъ протестан-

товъ доставить свои жалобы въ «Искру», и мы отправились далъе. У поворота къ пруду, намъ встрѣтилась высокая, красава и стройная молодая женщина съ золотистыми волосами, въ большой модной шляпѣ, охотничьемъ костюмѣ и небольшимъ хлыстикомъ въ рукѣ. Она шла съ гвардейскимъ кирасиромъ, несшимъ на рукѣ ея кру-жевную накидку и похлопывала хлыстикомъ.

— Василій Степановичъ, обратился я къ Курочкину съ вопросомъ: не знаете ли вы, кто эта дама?

— Это извѣстная представительница французской колоніи. Она состоить подъ покровительствомъ Мезенцева и забѣжаетъ сюда съ пушанта, чтобы убить какъ-нибудь вечеръ повеселѣе.

— А нельзя ее пригласить къ намъ?

— Это надо спросить Ивана Ивановича. Пойдемте въ кабинетъ. Братъ Николай, по всей вѣроятности, уже ждѣтъ насъ съ своей «гусарской жженкой». Оттуда пошлемъ и за Излеромъ.

Но Иванъ Ивановичъ уже сторожилъ насъ. Едва онъ завидѣлъ, что мы возвращаемся, стремительно подѣжалъ и сообщилъ Василію Степановичу вполголоса, что онъ распорядился, чтобы послѣ спек-такля, въ кабинетъ къ намъ явились для пляски четыре танцовки со сцены въ костюмахъ.

— А для васъ костюмы, по желанію, прибавилъ онъ таин-ственno, приготовлены въ кабинетѣ.

— Спасибо, вамъ, любезнѣйшій, Иванъ Ивановичъ, за это, улыб-нулся самодовольно серьезный редакторъ «Искры», но это еще не все... Сейчасть прошла съ кирасиромъ «фамъ де Мезенцевъ», нельзя ли ее пригласить къ намъ. Скажите, четыре поэта считаются за особенное удовольствіе познакомиться съ нею.

— Василій Степановичъ, воскликнулъ изумленный содржатель Минеральныхъ водъ, вы задаете мнѣ такую задачу, что я, право, не знаю, что и отвѣтить вамъ. И онъ комически развелъ руками.

— Будьте смѣлѣ, Иванъ Ивановичъ! поддержалъ предложеніе Курочкина Минаевъ:

Четыре поэта—четыре царя
Въ нашъ вѣкъ собираются рѣдко:
Война ихъ собираетъ, иль мира заря,
Кутежъ, да въ Баденѣ рулетка.

— Слышите, Иванъ Ивановичъ! захочоталь Курочкинъ, пере-
дайте это француженкѣ.

— Конечно, это для нее должно быть очень лестно, отвѣчалъ, изгибаясь и пожимаясь, предупредительный администраторъ «Минешекъ», но этимъ мы едва ли достигнемъ цѣли. Здѣсь одно можетъ помочь намъ, Василій Степановичъ, это—злато, прѣзінное злато, будь оно проклято, фиглярничаль Излеръ.

— Ну, что же! Я ассигнную вамъ, Иванъ Ивановичъ, на это 500 франковъ. Орудуйте, любезнѣйший, хохоталь въ веселомъ настроеніи Курочкинъ, зовите ее на одну только кадриль съ нами.

Иванъ Ивановичъ согнулся въ три погибели, попятился и исчезъ.

— А пріѣдѣть—не уйдеть! Не такъ ли, Петръ Косьмичъ? подмигнула Василій Степановичъ вслѣдъ уходившему Излеру.

— Конечно, попадѣть птичка въ клѣтку—не вылетѣть...

Разговаривая и шуты, мы вернулись въ кабинетъ. Николай Степановичъ сдѣлалъ всѣ надлежащія къ пиру приготовленія. Дѣвъ лишнія софы онъ вѣдѣль вынести и простору вокругъ стола стало болѣе. Оставшиеся оттоманы и софы, а также и полъ вокругъ стола, были застланы зеленою и цвѣтами—атмосфера получилась свѣжѣе и ароматичнѣе. Окна закрыли и тяжелыя портьеры спустили—образовался таинственный полумракъ. Посреди стола, на металлическомъ подножіи, въ серебряномъ тазу пылала «Гусарская жженка». Ароматъ варимаго напитка щекоталъ обоняніе. Синее пламя фантастически взвиваясь надъ тазомъ, ласкало зрѣніе, и манило и дразнило возбужденные прогулкой аппетиты неуклонно. Самъ Николай Степановичъ, облачившись въ хитонъ и пурпурную тогу, съ вѣнкомъ изъ розъ на плѣшивой головѣ, возсѣдалъ на одной изъ софъ и куря кальянъ, присматривалъ за варкой, помѣшивалъ ее и удобрялъ прибавкой разныхъ синецій, съ какимъ-то таинственнымъ шепотомъ.

— А вотъ и мы! воскликнулъ Василій Степановичъ, входя весело въ кабинетъ, кажется, не заставили себя ждать.

«Варись, варись, зелье, на бѣду людей,
Будь чужимъ отравой, своихъ не губи!»

запѣль Минаевъ изъ «Аскольдовой могилы», бросился на одинъ изъ близъ стоявшихъ оттомановъ и растянулся на немъ.

Николай Степановичъ вахмурялся и началь было: «господа, по церемоніаду...» но вѣжливый впопыхахъ Иванъ Ивановичъ прерваль въ самомъ началѣ его филиппику.

— Василій Степановичъ, воскликнулъ онъ въ ужасѣ, бѣда!
Супруга ваша, Наталья Романовна, пріѣхала и ищетъ васъ...

Если бы внезапно грянулъ громъ и оглушилъ кого-нибудь изъ
насъ, мы бы были бы менѣе поражены, чѣмъ подобнымъ извѣстіемъ²⁾.

— Разбойница!.. Зарѣзала!.. только и могъ выговорить расте-
рявшійся Василій Степановичъ, и схватился обѣими руками за го-
лову.

— Наталка! воскликнулъ Николай Степановичъ въ ужасѣ. И
зачѣмъ только эта баба притащилась?

— Вотъ ты и поди-жь! опустилъ безпомощно руки редакторъ
«Искры» и заметался по комнатѣ. Гдѣ она? обратился онъ къ Ивану
Ивановичу.

— Ей сказали, что вы въ театрѣ и она пошла туда.

— Задержите ее, пожалуйста, тамъ, а мы уѣдемъ куда-нибудь
въ другое мѣсто, проговорилъ онъ скороговоркой Излера, провожая
его изъ кабинета и, обратясь къ намъ, скомандовалъ: ну, ѿдемте,
что ли?

— Куда же пойдемъ? спросилъ нерѣшительно Николай Степа-
новичъ.

— Хоть къ чорту, только вонъ отсюда... суетился Василій
Степановичъ, отыскивая свои вещи.

«Притащилася» «Наталка»!
«Вотъ ты и поди-жь»!
Лѣзть на скандалъ, нахалка,—
Какъ моя Катиша...

²⁾ Необходимо пояснить, что редакторъ «Искры» былъ человѣкъ строгихъ правилъ, твердый и рѣшительный. Его положительность и неуклонность въ принятыхъ рѣшеніяхъ была извѣстна. Но во всемъ, касавшемся лично его и семейныхъ дѣлъ, онъ находился подъ вліяніемъ этой простой и необразованной женщины. Во всѣхъ его домашніхъ столкновеніяхъ съ нею, ей стоило только нахму-
ритьсь, возвысить голосъ, прикрикнуть,—и бѣдный Василій Степа-
новичъ, по мѣткому его выражению «старался устраниться», сту-
павшевался, умолкалъ или уходилъ прочь. Наталья Романовна знала это очень хорошо и, при каждомъ удобномъ случаѣ, пользовалась этимъ, пуская въ ходъ всѣ женскія уловки и, конечно, достигала желанной цѣли. Въ данномъ случаѣ она, узнавъ отъ разсыльного
редакціи, что Василій Степановичъ задумалъ устроить у Излера
вечеръ, бросилась и, подъ видомъ болѣзни ребенка, увлекла его
домой.

балагуриль Минаевъ, переваливаясь съ боку на бокъ на оттоманъ.

Дверь въ кабинетъ распахнулась и показавшися въ ней Иванъ Ивановичъ спѣшилъ проговорить:

— Василій Степановичъ, Наталья Романовна сюда идетъ! въ театрѣ ей сказали, что вы здѣсь.

— Бога ради, отведите ее куда-нибудь въ другое мѣсто, пока мы уѣдемъ, въ другой кабинетъ, что-ли, ну, заприте, наконецъ, суетился сконфуженный редакторъ; ѿдемте же, скорѣе! понуждайтъ насть.

— Да куда ѿхать? отозвался неохотно Николай Степановичъ, здѣсь все готово.

— Убрать все! крикнулъ лакеямъ Василій Степановичъ, схватилъ шляпу и ринулся къ двери. Кто со мною? Выходите.

Я одѣлся и вышелъ за нимъ, въ вестибюль догналъ насть Николай Степановичъ и Минаевъ. Пока мы стояли и дожидались каретъ, за которыми былъ посланъ артельщикъ, изъ сада выбѣжалъ Излеръ, а за нимъ вылетѣла, вся раскраснѣвшаяся, какъ пюнь, Наталья Романовна.

— Ты уѣзжаешь? подбѣжала она къ Василью Степановичу, а я тебя ишу.

— Зачѣмъ?

— Дома неладно.

— Что такое?

— Мальчику худо.

— Не могла ты развѣ кого-нибудь послать: прѣѣхала сама, конфузился и путался въ словахъ, Василій Степановичъ. Что съ нимъ?

— Я не знаю. Поѣдемъ домой. Увидишь.

И она повисла у него на рукѣ. Василій Степановичъ, видя, что спасенія нѣтъ, сѣль съ нею въ карету и приказалъ ѿхать домой. Прощаюсь съ нами, онъ только пожалъ плечами и сѣдалъ выразительный знакъ, а брату шутливо напомнилъ:

— Ну, вотъ, Николай, вторая-то карета и пригодилась. А то тебѣ пришлось бы трястись на извоѣнкѣ.

Вечеръ былъ сорванъ. Минаевъ, по отѣзду четы Курочкиныхъ, предложилъ возвратиться къ «жженкѣ», и настаивалъ на принятіи своего предложенія, скандируя такой экспромтъ:

Испугались Наталки,—
И бросаемъ жженку!..

Я скорѣе бы взялъ въ палки
Эту вѣдьму—женку...

— Но ты пойми,—протестовалъ Николай Степанович:—что наше самолюбіе, наше личное достоинство не могутъ допустить этого. Ты слышалъ, что братъ Василій велѣль все убрать, т. е. другими словами, отдать все лакеямъ. Не можемъ же мы потребовать отъ лакеевъ отданыхъ имъ напитковъ. Но если ты хочешь непремѣнно жженки, то надо сварить свою и заплатить за нее: вѣдь мы — пойми ты это!—не можемъ пять на счетъ брата, когда онъ кредита намъ у Излера не открылъ.

— Ну, тогда поѣдемъ домой, махнулъ рукой Дмитріевичъ, и мы, послѣ нѣкоторыхъ дебатовъ, разѣхались. Минаевъ и Курочкинъ въ запасной каретѣ отправились въ Лѣсныя палестины, а я вернулся на пароходѣ домой.

Но поэтъ-сатирикъ, садясь въ карету и пожимая мнѣ на прощанье руку, продолжалъ волноваться:

Какъ мы глупы! какъ мы жалки!..
Испугались Наташки!..
И въ угоду вздорной жонкѣ
Отказались отъ жженки...

V.

Визиты М. М. Стопановскаго и Н. И. Кроля.—Редакція «Военнаго Сборника».—П. М. Григорьевъ.—Генералъ П. К. Меньковъ.—Свиданіе съ В. А. Соколовскимъ и А. А. Якимовичемъ.—Посѣщеніе В. С. Курочкина.—Отъѣздъ въ Москву.

Дня черезъ два меня посѣтили М. М. Стопановскій и Н. И. Кроль. Первымъ пришелъ Михаилъ Михаиловичъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, онъ сообщилъ мнѣ, что Василій Степановичъ очень огорченъ исходомъ задуманнаго имъ вечера, но иначе поступить онъ не могъ, такъ какъ ему угрожало непріятное столкновеніе, которое могло окончиться публичнымъ скандаломъ, чего онъ, и какъ членъ, и какъ общественный дѣятель, вообще старается избѣгать.

Я, конечно, отвѣчалъ, что не имѣю никакихъ претензій, и если со-
жалѣю, то обѣ одномъ,—что почтенный редакторъ «Искры» истра-
тилъ такъ много денегъ и не получилъ никакого удовольствія.

— Что касается расходовъ, отвѣчалъ Михаилъ Михаиловичъ,
то это пустяки, это ему ничего не значить.

— А что такое случилось съ его мальчикомъ?

— Да тоже ничего. Наталья Романовна, зная его любовь къ
ребенку, нарочно сказала ему о нездоровыи мальчика, чтобы увезти
его домой. Иначе, вѣдь, онъ и не поѣхалъ бы. Отношенія его къ
этой женщинѣ весьма странны, то онъ къ ней ласкится, то онъ
готовъ бѣжать отъ нея на край свѣта. И Михаилъ Михаило-
вичъ рассказалъ мнѣ нѣсколько выдающихся случаевъ изъ интим-
ной жизни Курочкина. Кстати, Петръ Косьмичъ, обратился ко мнѣ
Стопановскій съ улыбкою, я имѣю къ вамъ порученіе. Василій
Степановичъ желалъ бы, чтобы инцидентъ съ его вечеромъ остался
между нами. Съ Излеромъ онъ покончилъ уже.

— Увѣрьте, пожалуйста, Василія Степановича, отвѣчалъ я на
это, что онъ можетъ положиться на меня вполнѣ: я буду нѣмъ,
какъ рыба.

За сімь разговоръ коснулся вечерняго кутежа у Донона. Сто-
пановскій сказалъ, что они послѣ обѣда сидѣли недолго, прошлись
по ликерамъ и сыграли только одну пульку преферанса.

— Кто выигралъ?

— Швабѣ выигралъ 9 р. 40 к., а я и Пашино проиграли.

— А Кроль что дѣлалъ?

— Кроль пилъ и чудицъ. Это—циникъ, но циникъ умный и
забавный. Съ нимъ провести вечеръ можно не скучая, въ особен-
ности, когда онъ не хандритъ. Часовъ въ 11 мы уѣхали, а онъ
остался: встрѣтилъ знакомыхъ и съ ними захороводился въ ресто-
ранѣ. Да вотъ онъ и самъ жалуетъ собственной своей персоной.

Дѣйствительно, Николай Ивановичъ, во фракѣ и полуразстег-
нутомъ жилетѣ, со сбившимся на сторону галстукомъ и книгой
подъ мышкою, румяный и веселый, представалъ передо мною и,
улыбаясь и поглаживая бороду, заговорилъ съ пафосомъ опереточ-
наго героя:

— Ну, вотъ и мы отыскали васъ, Петръ Косьмичъ, честь
имѣю представиться: поѣзжай Кроль! Прошу любить и жаловать! И
онъ, схвативъ меня за руку, началъ сильно трясти ее. Обратясь
къ Стопановскому, онъ комически раскланялся и задалъ ему во-

прось: а, Михаилъ Михаиловичъ, и вы здѣсь? Какъ поживаете? Какъ ваши куры и курочки обрѣтаются?

— Что имъ дѣлается! почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, раскатился громкимъ смѣхомъ Стопановскій, несутся по обыкновенію. А вотъ пѣтушки—дѣло другое...

— Не люблю я вашихъ пѣтуховъ, оборвалъ горячо Кроль и, порснувъ въ бороду, началъ скандировать на распѣвъ:

Что у васъ за пѣтухъ?
Ха, ха, ха! да хи, хи, хи!
Вейнбергъ Петръ? или Минаевъ—
Шалопай изъ шалопаевъ?
Иль Буренинъ вертопрахъ?
Ахъ, какой, скажите, страхъ!..

— Ну, все таки, Николай Ивановичъ, продолжалъ Стопановскій, вы, кажется, послабѣе будете, наши заклюютъ навѣрное.

— Не боюсь я вашихъ пѣтуховъ! отчеканилъ Кроль надменно, и знаете ли что?

Я отъ рожденія не трусь,
И ничего я не боюсь:
Ни бури, ни напасти,
Ни Буренина пасти...

— Да вы замѣтьте! и онъ захохоталъ: рифма то какая! отъ первого слога до послѣдняго! ну, гдѣ же вашимъ пѣтухамъ такъ кукарекать?

Мы засмѣялись. Стопановскій всталъ и сталъ откланиваться. Пожималъ намъ руки, онъ спросилъ Кроля:

— Ну, что же, Николай Ивановичъ, пѣтушкамъ то нашимъ поклониться отъ васъ?

— Курочкамъ поклонитесь, а пѣтухамъ передайте, что я сказалъ.

Проводивъ Стопановскаго, Кроль далъ волю языку:

— Тоже дѣятель!.. серьезнымъ хотеть быть!.. порекалъ Николай Ивановичъ, размахивая руками, и гдѣ же?.. въ «Искрѣ»!.. И онъ раскатился громкимъ смѣхомъ. А посмотрѣши со стороны: что это такое? Сосудъ скудельный, и сосудъ пустой, звѣнящий подъ ударомъ щелчка, надутый пузырь, набитый сухимъ горохомъ,

если его поднимут и тряхнуть—загремит! а бросить въ угол—ни туту! Воть они, дѣятели то эти какіе! Не такъ ли, Петръ Косьмичъ?

— Я такъ мало знаю Михаила Михаиловича, отвѣчалъ я, что, право, затрудняюсь отвѣтить вамъ что нибудь, да впрочемъ это и не особенно интересно.

— Вы правы, совершенно не интересно, поторопился согласиться со мною Кроль, и зашагалъ по комнатѣ.

— Что это у васъ за книга, Николай Ивановичъ, спросилъ я своего собесѣдника, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Это послѣдняя книжка «Современника», только что вышла, воть я и забралъ ее, что бы прочитать.

— Есть что нибудь въ ней особо выдающееся?

— Какъ же не быть! Воть хоть бы «Волненье въ мутной водѣ» Антоновича, или «Жизнь Шупова», романъ Михайлова.

— Скажите, пожалуйста, Николай Ивановичъ, какъ вы находите романъ Михайлова?

— Жостокъ и терптокъ... Вообще мнѣ стиль и манера новыхъ писателей не особенно нравится. Читаю, и не увлекаюсь. Это что то вродѣ кавказскаго кахетинскаго вина. Попробуешь — жостко и терпко, десны сводить, языкъ вяжетъ, а вспѣшься — ничего себѣ, тянешь и похваливаешь, потому что въ голову ударяетъ такъ же, какъ и хересь и портвейнъ. Но предложи вамъ кахетинскаго и портвейну, вы потянетесь къ портвейну, и вы будете правы, потому что лоза и культура не тѣ. Тоже самое и въ беллетристикѣ нашей: читаетъ и Михайлова, когда ничего другаго нѣтъ, а поднесутъ что нибудь по пріятнѣю — бросишь это и потянемшися къ болѣе пріятному. Законы удовлетворенія жажды вездѣ и во всемъ — одни и тѣ же.

Мнѣ показалось забавнымъ сдѣланное Кролемъ сравненіе беллетристики съ виномъ и я разсмѣялся.

— Ну, воть, видите, Петръ Косьмичъ, потирая отъ удовольствія руки Николай Ивановичъ, вы согласны со мною. Тогда я вамъ скажу больше. Разговоръ о литературѣ возбуждаетъ охоту къ чтенію, разговоръ о винѣ возбуждаетъ желаніе выпить. Какъ вы думаете: не отправиться ли намъ къ Палкину позавтракать?

— Прекрасная мысль, Николай Ивановичъ, но я, къ сожалѣнію, не могу воспользоваться вашимъ любезнымъ приглашеніемъ: я долженъ сейчасъ отправиться въ редакцію «Военнаго Сборника», гдѣ я еще не былъ.

— Представиться генералу Менькову, этому китайскому бонзю! Я его знаю, я съ нимъ встрѣчался у графа Кушелева. Что жъ, идите куда призываѣтъ васъ долгъ, а я пойду завтракать. Впрочемъ, знаете что? продолжалъ Кроль, подумавъ, бросьте вы этого Менькова и пойдемте завтракать. А позавтракаемъ, пойдемъ къ графу Кушелеву, я васъ познакомлю съ нимъ: хотите?

— Покориѣшь васъ благодарю за любезное приглашеніе, улыбнулся я въ отвѣтъ на это, но мнѣ кажется, что одного моего согласія тутъ недостаточно: нужно предварительно спросить графа: желаетъ ли онъ со мною познакомиться?

— Это все вздоръ! Если я привезу, онъ будетъ очень радъ. Вѣдь, у него собирается вся наша выдающаяся литературная молодежь. Чудесное, я вамъ скажу, зрѣлище! Аристократъ и писатели! Да гдѣ вы увидите что либо подобное? И онъ сталъ въ позу и продекламировалъ:

«Они сошлись: волна и камень,
Стихи и проза, ледъ и пламень!..»

— Ну, рѣшайтесь, что ли, и пойдемъ! заключилъ онъ, кладя мнѣ на плечо руку.

— Теперь никакъ не могу, Николай Ивановичъ, отвѣчалъ я твердо, на дніяхъ я уѣзжаю недѣли на двѣ, на три, въ Москву и мнѣ у генерала Менькова нужно быть до отѣзда. По возвращеніи же изъ Москвы, я съ большімъ удовольствіемъ сдѣлаю визитъ графу Кушелеву, если вы, конечно, испросите на то его разрѣшеніе.

— Экой вы какой несговорчивый! Ну, да что съ вами дѣлать, поѣзжайте куда хотите, а я пойду къ Палкину. Прощайте.

И онъ, приведя передъ зеркаломъ въ порядокъ свой костюмъ, взялъ пилу, величественно раскланялся со мною и удалился.

Проводивъ Кроля, я поѣхалъ въ редакцію «Военного Сборника». Тамъ меня встрѣтилъ секретарь редакціи Николай Михайловичъ Григорьевъ. Узнавъ отъ меня, что я нахожусь въ Петербургѣ проѣздомъ и желаю представиться главному редактору, онъ тотчасъ же доложилъ ему и я былъ введенъ въ кабинетъ генерала Менькова.

Петръ Кононовичъ сидѣлъ въ креслѣ у окна и читалъ газету. При моемъ появлѣніи, онъ привсталъ, подалъ руку и весьма лю-

безно пригласилъ меня сѣсть. Генераль-лейтенантъ Меньковъ былъ весьма полныи, довольно живой и словоохотливый человѣкъ. Онъ разспросилъ меня о моей службѣ, положеніи и средствахъ, отозвался одобрительно о моихъ статьяхъ и спросилъ меня: намѣренъ ли я продолжать литературную дѣятельность?

— Мы не отъ себя зависимъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ я ему искренно, личное мое желаніе, конечно, продолжать эту дѣятельность, но начальство у насть, въ арміи, не особенно покровительствуетъ пишущимъ офицерамъ. Мнѣ уже дано было подъ рукою знать, что было бы лучше, если бы я занялся исключительно службой.

— Въ такомъ случаѣ переходите на службу въ Петербургъ. Хотите, я переговорю о васть съ графомъ Гейденомъ: онъ можетъ быть согласится прикомандировать васъ къ Главному штабу.

— О, если бы это было возможно, я быль бы очень благодаренъ вашему превосходительству.

— Я переговорю при первомъ же свиданіи съ графомъ, и сообщу вамъ о результатаѣ, а вы оставьте въ редакціи свой адресъ.

— Здѣшній мой адресъ я оставлю, но я на дняхъ уѣзжаю для свиданія съ родными, въ Москву, гдѣ я думаю пробыть недѣли двѣ-три, по возвращеніи же въ Петербургъ, я буду имѣть честь быть у вашего превосходительства.

— Хорошо. Побывайте у меня по прѣѣздѣ изъ Москвы. Если во время вашего отсутствія я успѣю сдѣлать что-нибудь въ вашу пользу, то вамъ тогда незатѣмъ будетъ и возвращаться въ полкъ. А пока прощайте.

И онъ отпустилъ меня, весьма радушно пожавъ руку.

Разговоръ этотъ натолкнулъ меня на мысль хлопотать о прикомандированіи къ Главному штабу. Въ то время въ штабѣ этомъ состоялъ на службѣ весьма расположенный ко мнѣ человѣкъ, маіоръ Валеріанъ Осиповичъ Соколовскій, который прежде служилъ въ штабѣ 1 пѣхотной дивизіи старшимъ адютантомъ и хорошо зналъ меня. Я отправился къ нему, передалъ ему разговоръ съ Петромъ Кононовичемъ и просилъ его принять участіе въ дѣлѣ прикомандированія меня къ штабу. Онъ выслушалъ мою просьбу сочувственно и тутъ же представилъ меня исправлявшему тогда должность начальника отдѣленія, полковнику (нынѣ генералу и члену военнаго совѣта) Александру Алексѣевичу Якимовичу, который, разспросивъ меня о причинѣ, почему я желаю получить мѣсто въ Петербургѣ,

принялъ во мнѣ участіе и обѣщалъ оказать съ своей стороны надлежащее содѣйствіе.

Заручившись подобнымъ согласіемъ, я уѣхалъ домой съ нѣкоторыми уже надеждами и сталъ собираться къ поѣздкѣ въ Москву.

На утро я сдѣлалъ прощальный визитъ Василію Степановичу Курочкину. Онъ принялъ меня любезно, но крайне сдержанно. Его видимо беспокоила неудача несостоявшагося вечера, и онъ стѣснялся неисполненіемъ данного тогда обѣщанія. Узнавъ, что я уѣзжалъ въ Москву, онъ нѣсколько оживился, пригласилъ меня къ своему домашнему завтраку и познакомилъ меня съ Натальей Романовной. За рюмкой вина онъ воздалъ ей должную хвалу за ея хозяйственную распорядительность и заботы о семье, а главное, за неустанную попечительность о его домашнемъ покоѣ и здоровье мальчика. Затѣмъ разговоръ перешелъ на «алую тетрадь».

— Что же вы печатать ее думаете? спросилъ меня Василій Степановичъ.

— Самъ лично я не рѣшился бы на это, отвѣчалъ я, но Порфирий Ассигнатовичъ Климовъ взялся издать ее на свой счетъ, и я передалъ ее въ его непосредственное распоряженіе, такъ что онъ отдалъ ее уже въ печать и книжка ко дню моего возврата изъ Москвы должна быть готова.

Когда рѣчь зашла о солидности и устойчивости «Искры», Василій Степановичъ отозвался самоувѣренно: «Искра» — камень-адамантъ, и врата адова не одолѣютъ ее».

— Не думайте, распространялся онъ на эту тему, что я работаю только съ постоянными сотрудниками: Минаевымъ, Буренинымъ, Вейнбергомъ, Стопановскимъ и другими. Каждый новый день даетъ мнѣ новыхъ сотрудниковъ, предлагающихъ мнѣ услуги изъ всѣхъ уголковъ нашего необъятнаго отечества. Нѣть той почты, чтобы я не получилъ 20—30 писемъ отъ разныхъ корреспондентовъ съ материалами для «Искры». Правда, все это — сырье, его нужно перерабатывать. Но, вѣдь, мы только начинаемъ еще наше поступательное движеніе. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ особенности, если намъ дадутъ полную свободу печати, мы оперимся. У «Искры» будутъ сотни сотрудниковъ, не кропуновъ, а людей ума, знаний и таланта, людей, преданныхъ дѣлу и способныхъ одушевить нашу теперешнюю мертвую подцензурную сатиру. Журналъ поднимется на давлѣющую ему высоту и я надѣюсь, что онъ — этотъ бѣдный мой журналъ, современемъ будеть лежать на столѣ у каждого образо-

ваниаго человѣка и къ голосу его будуть прислушиваться не одни только простые смертные, но и люди съ вѣсомъ и положеніемъ въ государствѣ. Вотъ тогда-то мы съ вами, Петръ Косымичъ, развернемся во всю и сдѣлаемъ не одно дѣло доброе...

— Дай Богъ! дай Богъ! лепеталъ я, увлекаемый такими широкими задачами почтенаго Василія Степановича ³⁾.

— А знаете ли, почему я такъ расположенъ къ вамъ, Петръ Косымичъ? спрашивалъ меня гостепріимный хозяинъ. Очень просто. Я самъ началъ писать, будучи юнымъ офицеромъ и по личному опыту знаю, какъ тяжело нашему брату, субалтернѣ-офицеру, прѣбывать себѣ дорогу. Поэтому, я поставилъ себѣ задачей помогать коллегамъ по жребію судьбы чѣмъ могу—словомъ, дѣломъ иль со-вѣтомъ. Въ этомъ отношеніи вы можете всегда разсчитывать на меня.

Поблагодаривъ его отъ души, я рассказалъ ему, что мнѣ удалось заручиться нѣкоторыми шансами на причисленіе къ Главному штабу, и что я, если не въ нынѣшнемъ, то въ будущемъ году, переселюсь на жительство въ Петербургъ.

— Ну, вотъ и отлично, одобрилъ Василій Степановичъ, значитъ, мы будемъ съ вами жить въ сосѣдствѣ, не забывайте же «Искры», помните, что у васъ тутъ есть друзья.

³⁾ Конечно, все это осталось въ области прекрасныхъ мечтаний и суетныхъ надеждъ. «Искра», какъ известно, въ скорости зачахла, и, не смотря на всѣ усилия ее властителя, должна была прекратить свое существование. Здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ тяжеломъ событии въ жизни Василія Степановича, тѣмъ болѣе, что въ своемъ мѣстѣ я сообщу о немъ известные миѳ факты. Но при всемъ томъ, мнѣ кажется вполнѣ умѣстнымъ, именно здѣсь указать на тотъ фактъ, что «Искра» прекратилась не потому, что—какъ заявилъ г. Чуйко въ «Очеркахъ современной русской поэзіи»,—прошла пора обличеній и обличительная литература прѣбла публикѣ, по вѣдѣству того, что издатель «Искры» жилъ выше своихъ средствъ, къ чему его вынуждали многія обстоятельства, а главное—постоянныя столкновенія его съ Натальей Романовной, которую онъ непавидѣлъ и презиралъ, но терпѣлъ ради ребенка, и отъ которой онъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, уѣгалъ и бросался въ водоворотъ столичныхъ развлечений, стоящихъ, какъ известно, большихъ денегъ. Я думаю даже, что «Искра», будь у неї пе 5—10000, а 30—40000 подписчиковъ—и тогда не могла бы долго существовать при главенствѣ В. С. Курочкина, такъ какъ увеличеніе средствъ послужило бы только къ увеличенію его случайныхъ тратъ, а результаты, въ концѣ концовъ, получились бы одни и тѣ же.

Выходя отъ Курочкина, я побѣхъ проститься съ Минаевымъ въ Лѣсной, но не засталъ его дома. Екатерина Александровна приняла меня въ сильномъ первомъ раздраженіи.

— Дмитрій Дмитріевичъ, жаловалась она мнѣ на мужа съ неудовольствіемъ, съ тѣхъ поръ, какъ познакомился съ вами, стало чаше отлучаться изъ дома: ъздить на какіе-то обѣды, ходить по какимъ-то дѣламъ; пожалуйста, не увлекайте его.

— Я завтра уѣзжаю въ Москву, успокоивъ я волновавшуюся супругу Дмитрія Дмитріевича, и тогда, вашъ супругъ, по всей вѣроятности, будетъ болѣе расположенья къ своимъ пенатамъ.

— Вы, вѣтъ, смѣетесь, а мнѣ горе съ нимъ, продолжала хандрить Екатерина Александровна, если бы вы только знали, что я выношу отъ него, вы пожалѣли бы меня. Чего, чего я только не дѣлаю, чтобы успокоить его бурную натуру, но ничто не помогаетъ. Это не человѣкъ, а какой-то Везувій. Сегодня онъ какъ будто остылъ и молчитъ, а на утро кратеръ снова открывается и мечеть лаву, камни и пламень. Что мнѣ дѣлать? научите.

— Отойдите въ сторону и полюбуйтесь изверженіемъ вашего вулкана издали.

— Ну, вѣтъ, вы опять смѣетесь!

— Регулировать изверженія вулкановъ еще способовъ не найдено, а потому, Екатерина Александровна, мнѣ кажется, всего благоразумнѣе было бы предоставить вашему Везувію полную свободу слѣдовать законамъ его огненной натуры.

— Ну, такъ я и знала, вы тоже, какъ и всѣ, за него!

Къ Николаю Степановичу я не ъздила, но написалъ и послалъ письмо съ приглашеніемъ пріѣхать проводить меня. Однако, онъ не пріѣхалъ, такъ что провожали меня только М. М. Степановскій и П. А. Климовъ. Въ Николаевскомъ вокзалѣ мы распили, по обычаю, «отвальную», пожали другъ другу крѣпко руки, и я сѣла въ вагонъ.

— Не забывайте въ Москвѣ «Искры», откланивался Михаилъ Михайловичъ.

— Можетъ ли Москва интересоваться искрой, замѣтилъ шутя Порфирий Ассеигкитовичъ, когда у ней изъ головы не выходить пожаръ двѣнадцатаго года.

— Какъ же не интересоваться искрой, разсмѣялся Степановскій, провожая по платформѣ тронувшійся поѣздъ, когда и самый пожаръ двѣнадцатаго года было иное, какъ послѣдствіе искры.

VI.

Возвращение въ Петербургъ. — Хлопоты о прикомандировани и неудача. — Выходъ въ свѣтъ книжки моихъ стихотворений. — Обѣдъ и литературное чтеніе. — Знакомство съ Н. А. Некрасовымъ. — Встрѣча съ Н. В. Успенскимъ. — Въ Павловскомъ вокзалѣ. — А. А. Краевскій и С. С. Дудышкинъ. — Прощальные визиты. — Отѣздъ въ полкъ.

Въ концѣ августа я возвратился въ Петербургъ, и первое время по возвращеніи употребилъ на хлопоты о прикомандировани къ Главному штабу, ходилъ нѣсколько разъ къ генералу Менькову и былъ въ Главномъ штабѣ, но дѣло затягивалось и не спорилось. Графъ Гейденъ отнесся къ просьбѣ Петра Кононовича обо мнѣ весьма любезно, но пока дѣлались запросы и справки, писались докладные записки и доклады, время бѣжало, срокъ отпуска моего истекалъ и мнѣ предстояло подчиниться гнету обстоятельствъ и возвратиться обратно въ полкъ. Но не буду забѣгать впередъ, скажу только, что прикомандированіе мое состоялось въ началѣ апрѣля 1866 года, когда я, вызванный письмомъ генерала Менькова, вторично приѣхалъ въ Петербургъ.

Посвящая, такимъ образомъ, все время на устройство своихъ служебныхъ дѣлъ, я, конечно, не имѣлъ возможности часто видѣться съ моими литературными друзьями. Но книжка «Стихотворений поэта-солдата» П. А. Климовымъ была уже издана и я преподнесъ по экземпляру ея: В. С. и Н. С. Курочкинымъ, Д. Д. Минаеву и М. М. Степановскому. Поэтъ-сатирикъ какъ-то утромъ зашолъ ко мнѣ, поздравилъ меня «съ успѣшнымъ штурмомъ Парнасса», и потребовалъ «спрыски».

— Ты тамъ какъ хочешь, насыdalъ онъ на меня авторитетно, а спрыснуть надо; иначе не будетъ успѣха.

— Что же, позавтракать что ли соберемся? сдавался я на такие неотразимые доводы.

— Можно и позавтракать.

— Или лучше уже пообѣдать?

— Пообѣдать, конечно, лучше.

— Тогда ужъ лучше пообѣдаемъ, только не такъ шикарно, какъ въ первый разъ.

— Зачѣмъ шикарно? Пообѣдаемъ запросто.

И вотъ спустя нѣсколько дней, по совѣту Николая Степановича, мы еще разъ сошлись на обѣдъ у Донана въ числѣ пяти человѣкъ.

Изъ числа лицъ, бывшихъ на первомъ обѣдѣ, явились только четверо: И. С. Курочкинъ, Д. Д. Минаевъ, П. И. Пашинъ и я. В. С. Курочкинъ и П. А. Климовъ извинились за невозможностью быть, по случаю какихъ-то спѣшныхъ дѣлъ, а прочихъ «кумъ» не звалъ. Обѣдъ состоялся «со всѣми онерами», но прошелъ скромно, безъ рѣчей и тостовъ, кромѣ одного — за успѣхъ изданія. Послѣ обѣда были въ Михайловскомъ театрѣ, но видѣли мало и скоро уѣхали. Изъ экспромтовъ Д. Д. Минаева я записалъ слѣдующій:

Прекрасно накормилъ Дононъ!..
Кумъ, я тобой доволенъ!..
Желудокъ мой такъ нагруженъ,
Что я въ себѣ не воленъ...
Языкъ сталъ хромъ, и ноги слабы,
Въ очахъ сѣро и мглисто...
Смотрю вокругъ—людей нѣть—крабы...
Зрю въ Пашиню—аиста...
Поэтъ—солдатъ, гдѣ ты?.. Ерша
Я вижу лишь съ тромбономъ,
И, вмѣсто кума,—антраша
Танцуетъ гусь съ Донономъ!..

За обѣдомъ Николай Степановичъ сообщилъ мнѣ, что Н. А. Некрасовъ въ городѣ, и что онъ на дняхъ будетъ участвовать въ литературномъ чтеніи въ залѣ Бенардаки, на Невскомъ.

— Хотите, поэтъ Мартыновъ, я вѣсть познакомлю съ нимъ! прибавилъ онъ лукаво, зная уже давно мое искреннее желаніе познакомиться съ нимъ.

— Еще бы не хотѣть!..

— Такъ пріѣзжайте на вечеръ, слащаво улыбнулся искуситель, я буду тамъ и тамъ могу познакомить васъ.

Я запасся билетомъ на это чтеніе, и въ назначенный день заѣрался въ зало пораньше: меня дѣйствительно интересовало знакомство съ «печальникомъ народа», сѣль на свое кресло и стать ждать его появления. Публика собиралась и разсаживалась шумно, зажгли на приготовленномъ для чтенія столикѣ свѣчи, но я за массой народа просмотрѣлъ приходъ Некрасова. Я увидѣлъ его, когда онъ вышелъ на эстраду и подошелъ къ столику. Въ наружности его не было ничего поэтическаго, по облику, манерамъ и неуклюжести своей онъ напоминалъ скорѣе простаго скромнаго учителя или конториста, но не поэта. Въ немъ не было даже Кролевскаго шика и апломба.

Публика встрѣтила его аплодисментами, онъ раскланился и сѣлъ за столъ. Вынувъ изъ кармана нѣсколько исписанныхъ листковъ, онъ положилъ ихъ на столъ, расправилъ рукой и сталъ читать. Читалъ онъ «Пѣсни о свободномъ словѣ: Разсыльный, Наборщикъ, Поэтъ, Литераторъ, Публика, Пропала книга» и другіе. Сюжетъ пѣсень былъ вполнѣ современенъ, онъ затрагивалъ вопросъ о только-что зарождавшейся тогда свободной прессѣ. Публика прослушала ихъ съ большимъ интересомъ и, по окончаніи чтенія, вознаградила поэта восторженными аплодисментами. Но аплодисменты эти, нужно думать, относились или лично къ поэту, пользовавшемуся громадной популярностью среди молодежи, или къ сюжету пѣсень, такъ какъ самое чтеніе было далеко неудовлетворительно и многіе изъ числа публики, въ особенности лица, никогда не слыхавшія чтенія поэта, явно выражали свое разочарованіе. Некрасовъ читалъ нервно, по-рвисто и неровно; голосъ его, глухой и сиплый, несмотря на форсированіе, уподоблялся какому-то далекому подземному выкрику, былъ по нервамъ и заставлялъ невольно вздрогивать и морщиться. Но мысль, хотя бы переданная такимъ непривлекательнымъ органомъ, не могла не имѣть вліянія на массу, и поэта вызвали и проводили съ аплодисментами. Когда Николай Алексѣевичъ, окончивъ чтеніе, проходилъ по залѣ къ выходу, въ сопровожденіи цѣлаго хвоста разныхъ лицъ, Курочкинъ остановилъ его и, указавъ на меня, иронично представилъ:

— Поэтъ-солдатъ желаетъ имѣть честь... примите увѣреніе и прочее, и прочее.

Некрасовъ окинулъ меня быстрымъ взглядомъ и ласково промолвилъ:

— А!.. очень радъ!.. Что же вы не зайдете ко мнѣ? заходите, пожалуйста, безъ церемоніи. По утрамъ я всегда дома.

— Ваши гости, всегда ваши гости! не давъ мнѣ сказать слова, сфильтрничалъ Курочкинъ.

Николай Алексѣевичъ улыбнулся, покачалъ головой, пожалъ намъ руки и прослѣдовалъ далѣе. Толпа ринулась за нимъ и при выходѣ устроила ему манифестацію.

— Видишь! сказалъ мнѣ внушительно Николай Степановичъ, служи народу, служи честно,—и тебя народъ также будетъ честовать.

На утро я сѣлъ визитъ Н. А. Некрасову. Онъ былъ уже одѣтъ и собирался куда-тоѣхать съ Николаемъ Васильевичемъ

Успенскимъ, извѣстнымъ беллетристомъ-народникомъ, сидѣвшимъ въ то время у него, съ какимъ-то другимъ долгогривымъ и угрюмымъ интеллигентомъ, который во все время моего визита упорно молчалъ и только грызъ свои траурные ногти. Я извинился, что пришелъ не во время.

— Ничего, ничего, перебилъ меня Николай Алексѣевичъ, присядьте, я еще имѣю нѣсколько минутъ свободныхъ. Вы, кажется, книжку своихъ стихотвореній издали?

Я молча поклонился и преподнесъ ему экземпляръ книжки. Онъ присѣлъ къ столу, перелистовалъ нѣсколько страницъ, прочелъ двѣ-три пѣсни, повернулъ ко мнѣ голову и быстро проговорилъ:

— Быть солдата мнѣ совершенно неизвѣстъ, но, какъ мнѣ кажется, въ немъ есть весьма интересныя стороны и надъ ними, по моему, слѣдовало бы поработать болѣе серьезно.

Перевернувъ еще нѣсколько страницъ, онъ прочиталъ вполголоса «Солдатку» и, повернувшись ко мнѣ вѣмъ корпусомъ тѣла, сказъалъ:

— Это хорошо. Но знаете ли что!... вамъ слѣдовало бы попытаться начать писать прозою разсказы изъ солдатскаго быта. Вотъ Успенскій имѣ себѣ сдѣлалъ разсказами изъ народнаго быта. Но у насть до сихъ поръ нѣть хорошихъ разсказовъ изъ солдатской жизни. Займитесь этимъ, и первые опыты принесите ко мнѣ: если будетъ удачно, я напечатаю.

Я отвѣчалъ, что на службѣ въ провинціи такъ мало свободнаго времени и начальство вообще противъ офицеровъ-писателей, но что я хлопочу перейти на службу въ Петербургъ, и если это мнѣ удастся, то я, конечно, не премину воспользоваться его любезною обязательностью.

— Солдатскій быть имѣть уже своихъ рапсодовъ, вмѣшался въ нашъ разговоръ Успенскій, въ лицѣ покойнаго Скобелева и благополучно здравствующаго Погосскаго, дальние ихъ идти нельзя.

— Не говорите этого, Николай Васильевичъ, возразилъ ему «печальникъ народа», старое старится, молодое ростетъ, поэтому, всякая новая попытка восполнить извѣстную отрасль литературы должна быть встрѣчаема съ сочувствіемъ. Однако, намъ пора, пойдемте!

Я всталъ и подошелъ проститься.

— Долго вы еще пробудете здѣсь, спросилъ меня Некрасовъ, вставая съ кресла.

— Я и самъ еще не знаю. Срокъ моего отпуска недѣли черезъ

дѣй окончится, и тогда мнѣ, если я здѣсь не устроюсь, придется возвратиться въ полкъ.

— Желаю вамъ устроиться! Во всякомъ случаѣ, мы еще съ вами увидимся—вы, вѣдь, зайдете ко мнѣ?

— Всепрѣмѣнно...

— Такъ приходите же. А пока до свиданья.

На закрытіи Павловскаго вокзала, я встрѣтился съ Н. И. Кролемъ. Въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ онъ заявилъ претензію на то, что я не присыпалъ ему книжки моихъ стихотвореній и не пригласилъ на «спрыски» ея.

— Такимъ непонятнымъ поступкомъ, неистово ораторствовалъ онъ, порская, по обыкновенію, въ бороду, вы сами лишили себя права на пріемъ у графа Кушелева: теперь я васъ не повезу къ нему ни за какія коврижки.

Я объяснилъ ему, что приглашенія разсыпалъ Николай Степановичъ, которому была предоставлена мной полная свобода дѣйствій, но онъ не хотѣлъ вѣрить, надулся и долго молчалъ. Пройдя нѣсколько шаговъ вмѣстѣ со мною по вокзалу, онъ замѣтилъ стоявшихъ близъ эстрады А. А. Краевскаго и С. С. Дудышкина, подошелъ и познакомилъ меня съ ними. Я поблагодарилъ Андрея Александровича за появившуюся въ «Голосѣ» очень сочувственную рецензію книжки моихъ стихотвореній, и попросилъ позволенія прислать ему экземпляръ.

— Пожалуйста, отвѣчалъ онъ, а будеть время, заходите ко мнѣ и сами.

— И намъ пришлите, и мы читать умѣемъ, отозвался редакторъ «Отечественныхъ Записокъ», вамъ нужно послать вашу книжку во всѣ редакціи.

Я отвѣчалъ, что этимъ дѣломъ завѣдуетъ издатель, и что онъ, вѣроятно, исполнить все, что нужно. Начавшаяся музыка прекрасила разговоръ и мы съ Н. И. Кролемъ отошли въ сторону; минуту спустя, онъ увидаль еще какого-то знакомаго, бросился къ нему и исчезъ.

Дня черезъ два, вечеромъ, я встрѣтился съ Н. В. Успенскимъ въ ресторанѣ Палкина; онъ сидѣлъ въ какой-то компаніи, но, увидѣвъ меня, оставилъ ее и присѣлъ къ моему столу. Онъ былъ веселъ и жизнерадостенъ. Выпивъ со мною стаканъ вина, онъ пустился въ сердечныя изліянія, относился къ своимъ литературнымъ коллегамъ свысока и пренебрежительно: Н. А. Некрасова обозвалъ

эксплуататоромъ бѣдныхъ тружениковъ, Краевскаго—жидомъ-ростовщикомъ, Благосвѣтлова — анаемой, товарищѣй честиль уменьшительными именами: Сашка Левитовъ, Васька Слѣпцовъ, Николашка Помяловскій. Все это, по его словамъ, была мелочь, мошка, мразь. О своихъ разсказахъ онъ былъ высокаго мнѣнія, и также высоко цѣнилъ беллестристическая работы Глѣба Ивановича Успенскаго. «Это—прирожденный талантъ, говорилъ онъ, и пойдетъ далеко. Мы съ нимъ братья, конечно, двоюродные. Два Лазаря. Только онъ—Лазарь богатый, а я—Лазарь бѣдный. Онъ горожанинъ, сынъ богатаго палатскаго секретаря, а я—сельчанинъ, сынъ левита. Онъ въ молодости катался какъ сырь въ маслѣ, а я гладаль сухую корку хлѣба. Онъ вышелъ изъ школы со всѣкими дипломами, а я—недоучка. Но, благодаря Бога, талантъ я не обиженъ и иду съ Глѣбомъ Ивановичемъ ногу въ ногу. Что будетъ дальше — не знаю, а теперь пока вѣмъ этимъ моимъ антагонистамъ я стану костью въ горлѣ. Никому ни въ чемъ не уступлю... Ни на эстолько!» и онъ показалъ конецъ мизинца.

— И такъ, во всемъ? спросилъ я его, чтобы поддержать разговоръ.

— Во всемъ, безъ исключенія.

— Даже въ жертвахъ Бахусу?

— Еще бы! Да знаете ли вы, что сказалъ обо мнѣ Митька Минаевъ? Онъ сказалъ:

«Ну, что мы пьемъ!.. хоть много пьемъ и часто,—
Графинъ, другой,—и баста!
Насъ перепьетъ всѣхъ авторъ «Поросенка»:
Онъ въ день пить—полбоченка!»

Когда положительно выяснилось, что прикомандированіе мое въ настоящее время состояться не можетъ, я, скрѣпя сердце, стала собираться къ отѣзду. Сдѣлала прощальные визиты П. К. Менькову, Н. А. Некрасову и А. А. Краевскому, былъ у Н. С. и В. С. Курочкиныхъ и Д. Д. Минаева и посѣтила А. П. Швабе. Вездѣ я былъ принять очень радушно; всѣ сожалѣли, что я не могъ пристроиться въ Петербургѣ и пожелали мнѣ счастливаго пути. У Минаева я обѣдала. Когда я рассказалъ ему о встрѣчѣ съ Н. В. Успенскимъ и его отзывахъ о «братьяхъ писателяхъ», Дмитрій Дмитріевичъ отозвался такъ:

Намъ истинныхъ глупцовъ не отыскать никакъ,
Хоть ими прудъ пруди, никакъ не робъя,
Но дѣло въ томъ: никто себѣ не врагъ,
И ужъ всегда отыщется дуракъ,
Считающій себя кого-нибудь умнѣе.

На вокзалъ меня проводилъ П. А. Климовъ. Но передъ самыми отходомъ поѣзда, на платформѣ совершенно неожиданно появился Н. С. Курочкинъ, передалъ мнѣ присланный Василиемъ Степановичемъ томикъ «Пѣсень Беранже» съ надписью: «Поэту-солдату на память первого его дебюта въ литературномъ мірѣ» и пожелалъ счастливаго пути. Когда же я сѣлъ въ вагонъ, послѣ втораго звонка, онъ, пожимая мнѣ руку, подалъ листокъ и сказалъ: «а это отъ меня». Я развернулъ и прочиталъ:

Совѣтъ друга.

Не возвноси въ счастіи, поэтъ,
Въ несчастіи не падай духомъ,
Познай себя, и общество, и свѣтъ,
За мухой слова не гонись съ обухомъ,
Чти умъ, достоинство, авторитетъ,
Лѣсти барынямъ, подлакивай старухамъ,
Особамъ и дѣльцамъ неси привѣтъ,
Жми руки ловеласамъ и евнухамъ,
Умѣй молчать, отвѣтить, дать совѣтъ,
Владѣй очами, языкомъ и слухомъ,—
И проживешь легко ты до ста лѣтъ,
Украсяясь лысиной и толстымъ брюхомъ.

Нужно ли говорить: въ какомъ настроеніи я оставилъ Петербургъ!

ПОЛКОВЫЯ ОФИЦЕРСКАЯ БИБЛИОТЕКИ.

В АРМИИ много говорят о необходимости усиления средствъ и улучшения состава полковыхъ офицерскихъ библиотекъ. Въ обществѣ носится слухъ, что правительство съ своей стороны имѣетъ въ виду помочь полковымъ библиотекамъ и устроить научные отдѣлы библиотекъ, такъ какъ средства, даваемыхъ офицерами недостаточно, а движение науки настоятельно требуютъ пополненія библиотекъ современными научными пособіями. Что полковыя офицерскія библиотеки, въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ, далеко неудовлетворительны по всѣмъ вообще отдѣламъ, въ этомъ мы имѣли случай убѣдиться не разъ. Мы видѣли библиотеки, гдѣ шкафы ломятся подъ тысячами экземпляровъ различныхъ сочиненій. Чего въ нихъ нѣть! Тутъ романы и повѣсти Булгарина, Лажечникова, Воскресенскаго, Загоскина, Зотова, тутъ и «Тысяча одна ночь», арабскія сказки, и «Странствованія Телемака», «преложенные» на русскій языкъ Захаровымъ въ 1786 году, и «Филозофъ англійской» или «Житіе Клевеланда, побочнаго сына Кромвелева», напечатанное въ 1764 году; трудовъ писателей современныхъ или мало, или совсѣмъ нѣть. Мы видѣли и такія библиотеки, гдѣ ничего нѣть, кромѣ старыхъ журналовъ да десятковъ трехъ или четырехъ книгъ всѣхъ родовъ, начиная съ «Духа закона» Монтескіе и «Политической экономіи» Молинари до «Поваренной книги» Авдѣвой. Мы видѣли, наконецъ, библиотеки, гдѣ каталоги составлены съ знаніемъ дѣла; но книги... книги безъ переплетовъ, разбросаны, перепачканы, растеряны; въ каталогахъ то и дѣло встрѣчаются отмѣтки: «такія-то части утеряны». Въ иныхъ библиотекахъ нѣть даже никакихъ руководствъ для составленія би-

бліотекъ и управлениі ими. При такомъ положеніи дѣла, учрежденіе ббліотекъ должно подвергнуться кореннй реформѣ.

Реформа эта тѣмъ скорѣе можетъ совершиться, чѣмъ менѣе общество будетъ разсчитывать на субсидіи. Нужно только небольшое усиленіе, небольшія пожертвованія, да добрая воля идти по пути, однажды предначертанному, и ббліотеки обновятся, составятся безъ субсидій.

Для благосостоянія ббліотекъ, кромѣ денежныхъ средствъ, необходима опредѣлительная система составленія ббліотекъ и управлениія ими; а этого-то у насъ во многихъ частяхъ арміи и нѣтъ.

Начальникъ одной пѣхотной дивизіи, заботясь о составленіи въ подвѣдомственныхъ ему частяхъ офицерскихъ ббліотекъ, въ послѣдовавшемъ по сему предмету распоряженіи говоритъ:

«При настоящей общей потребности умственного развитія, и военное сословіе выказало готовность принять мѣры къ доставленію себѣ средствъ для развитія и поддержанія образованія. Гг. офицеры, слѣдя только своему побужденію и потребностямъ, согласились въ отдѣльныхъ частяхъ образовать ббліотеки. Эта мысль такъ благотворна, такую можетъ принести пользу, что остается только желать одного: дабы она нашла себѣ соответствующихъ исполнителей, которые со всѣмъ усердіемъ къ пользѣ общества принялись бы за это дѣло.

«Но при основаніи ббліотекъ учредители впали, по неопытности, въ ошибки. Самая главная изъ нихъ, отъ которой могла бы потеряться цѣль основанія ббліотекъ, та, что на составъ ихъ, какъ видно изъ ббліотечныхъ каталоговъ, не вездѣ обращено должное вниманіе. Офицеры, выбранные ббліотекарями, не задали себѣ труда составить хотя какой-нибудь планъ для выписки книгъ, а потому приобрѣтали первый попавшійся подъ руку въ книгопродающихъ каталогахъ. Отъ этого, вмѣсто необходимыхъ и полезныхъ сочиненій, существующихъ составлять ббліотеки, въ нихъ встречаются: «Первоначальный способъ изученія итальянскихъ языковъ», «Тысяча анекдотовъ» и другія».

Это вступленіе довольно мѣтко характеризуетъ состояніе нашихъ полковыхъ ббліотекъ. Даѣе опытный администраторъ говоритъ:

«Дабы общія офицерскія ббліотеки своимъ составомъ могли удовлетворять цѣли, необходимо устроить ихъ на положительныхъ къ развитію и поддержанію образованія вообще и военного по преимуществу направленныхъ основаніяхъ.

«Первою потребностію офицера въ смыслѣ умственныхъ заня-

тій, есть, конечно, познанія, необходимыя ему въ этомъ быту, т. е. познанія военные. Поэтому на первомъ планѣ при составлѣніи библиотекъ въ первомъ и главномъ ихъ отдѣлѣ должны быть сочиненія военные. Выписка этого рода сочиненій должна начаться съ лучшихъ учебниковъ военныхъ наукъ: тактики, фортификаціи, полевой и долговременной, артиллериі, стратегіи и проч.

«Затѣмъ слѣдуетъ приобрѣтеніе сочиненій извѣстныхъ военно-историческихъ авторовъ: Милотина, Бутурлина, Богдановича и другихъ; потомъ біографій знаменитыхъ военныхъ лицъ, какъ русскихъ, такъ и иностраннѣхъ; паконецъ, военныхъ журналовъ. Вообще нельзѧ сказать, чтобы въ настоящее время военная литература, даже собственно русская, была бѣдна хорошими произведеніями, и самое званіе офицера уже требуетъ отъ него ближайшаго съ ними знакомства.

«Ко второму отдѣлу слѣдуетъ отнести книги, знакомство съ которыми необходимо каждому образованному человѣку, по предметамъ, которые найдутъ, можно сказать, вседневное примѣненіе въ частной жизни офицеровъ, каковы: исторія, физика, химія, исторія русской литературы и проч. Въ этотъ отдѣлъ включаются: путешествія, біографіи знаменитыхъ людей, историческая записки лучшихъ писателей и проч.

«Наконецъ, третій отдѣлъ, для легкаго чтенія, долженъ заключать въ себѣ: собраніе произведеній лучшихъ русскихъ писателей, лучшіе литературные журналы, повѣсти и романы русскихъ и иностраннѣхъ писателей и проч.

«Здѣсь указано только основаніе плана, которому долженъ слѣдоватъ библиотекарь, не стѣсняясь имъ и не слѣдя ему въ буквальномъ смыслѣ, но стараясь, по возможности и по средствамъ, распространять его. Не нужно, при выпискѣ, слѣдоватъ порядку нумеровъ въ отдѣлахъ, т. е. пополнять спачала первый, потомъ второй и т. д.; но необходимо постановить правиломъ, чтобы при всякой выпискѣ книга къ каждому отдѣлу прибывала какая-нибудь часть. Конечно, чтобы проходить къ чтенію, слѣдуетъ начать съ приобрѣтенія книгъ для легкаго чтенія, потомъ уже пополнять и другіе отдѣлы.

«Выпискою книгъ полезно начинать распорядиться такимъ образомъ, чтобы половина составленной офицерами суммы шла на выписку книгъ третьяго отдѣла, а для прочихъ отдѣловъ по одной четвертой части суммы.

«Можно утвердительно сказать, что при такихъ условіяхъ основанная библиотека удовлетворить всякому требованію и принесетъ несомнѣнную пользу».

Относительно же составленія библиотечной суммы, храненія и веденія о ней отчетности, а также избрания библиотекаря и повѣрки дѣйствій его генераль рекомендуется правила, которыя мы передадимъ въ сжатомъ видѣ:

1) Сумма составляется, по добровольному согласию офицеровъ, вычетомъ изъ жалованья съ каждого безъ исключенія поровну, и если вкладъ будетъ по одному рублю въ треть съ каждого, то сумма сбора будетъ простираться до 200 рублей въ годъ.

2) Сумма находится на храненіи и въ распоряженіи полковаго библіотека, который обязанъ вести три книги: 1) о приходѣ и расходѣ библіотечной суммы, 2) о выдачѣ офицерамъ книгъ и 3) каталогъ состоящимъ въ библіотекѣ книгамъ.

3) Библіотека помѣщается или при полковой канцеляріи, или при квартирѣ библіотека, но въ особомъ помѣщении, чтобы офицеры могли, если пожелаютъ, заниматься и въ библіотекѣ, имѣя подъ рукою атласы и прочія пособія.

4) Библіотекарь избирается всѣмъ обществомъ офицеровъ полка, и непремѣнно изъ субалтернъ-офицеровъ, и утверждается приказомъ по полку. При этомъ постановлено условіе, чтобы библіотекарь предварительнымъ образованіемъ былъ приготовленъ къ занятію этой должности.

5) Библіотекарь освобождается отъ занятія другихъ постоянныхъ должностей и употребляется только для исполненія кратковременныхъ служебныхъ обязанностей. По полученіи выченныхъ съ офицеровъ денегъ, онъ составляетъ каталогъ книгъ, подлежащимъ выпискѣ, и представляетъ на утвержденіе командиру части. Онъ наблюдаетъ, чтобы книги поступали въ пользованіе офицеровъ не иначе, какъ въ переплетѣ. Въ случаѣ же порчи или утраты книгъ, доносить для взысканія съ офицера денегъ по стоимости книгъ.

6) Для обревизованія дѣйствій библіотека и для повѣрки суммы, ежегодно, при тѣсныхъ сборахъ полковъ, предъ каждымъ новымъ выборомъ, назначается комиссія изъ одного штаба и шести обѣр-офицеровъ, которые, по сдѣланіи ревизіи, о результатѣ ея составляютъ отчетъ и представляютъ командиру части. Отчетъ этотъ объявляется въ приказѣ для всеобщаго свѣдѣнія.

Если бы во всѣхъ частяхъ арміи были хотя подобныя руководства, то нѣкоторыя офицерскія библіотеки не стоали бы теперь на такой низкой степени.

Библіотекарь—душа библіотеки. Онъ долженъ избираться непремѣнно обществомъ офицеровъ; но въ нѣкоторыхъ частяхъ библіотекари назначаются командирами, при чемъ интересъ библіотекъ оставляется иногда на второмъ планѣ. Такъ, еще недавно, мы ви-

дѣли въ одномъ полку управляющимъ библіотекою полковаго свя-
щеннника; въ другомъ завѣдывалъ библіотекою лекарскій помощникъ.
Бывають случаи еще поразительнѣе: въ одной части войскъ, при
офицерской библіотекѣ мы вовсе не нашли библіотекаря. Библіотека,
уложенная по походному въ ящикахъ, стоять въ полковой канце-
лярии, и если кому нужны книги, то обращаются къ полковому
писарю съ просьбой отыскать ихъ.

То же самое можно сказать и о способѣ пополненія библіотекъ.
Расходы дѣлаются не съ цѣлью пополнять отдѣлы новѣйшими на-
учными, историческими или беллетристическими сочиненіями, со-
образяясь съ каталогомъ и средствами библіотекъ, а такъ себѣ—
или по существующей издавна рутинѣ выписывать то, что выпи-
сывалось прошлый годъ, замѣняя для разнообразія одинъ журналъ
другимъ, или дѣйствующую по вдохновенію... «Кажется, это выписать
будетъ хорошо?» спрашиваетъ библіотекарь у полковаго льва. «Безъ
сомнѣнія—отвѣчаетъ левъ—я слышалъ въ Петербургѣ: авторъ—та-
лантливый господинъ». И вотъ на слѣдующій годъ выписывается
выбранное наугадъ сочиненіе, и всѣ, за малыми исключеніями, до-
вольны: библіотекарь—что посовѣтовался со львомъ; левъ—что къ
нему обращаются за совѣтами; офицеры—что будуть читать «та-
лантливаго автора».

Открываемъ библіотечную книгу одного полка и видимъ: въ
приходѣ за январскую и майскую трети съ небольшимъ 100 р.,
текущая сентябрьская треть дасть съ чѣмъ-нибудь 50 р.; всего въ
приходѣ будетъ около 150 р. Посмотримъ же, на какой предметъ
употреблена эта сумма.

По приходу значится:

	Руб.	Коп.
а) На выписку газетъ, журналовъ и другихъ изданій.	127	56
б) За перевозку библіотеки при передвиженіи полка изъ N въ N.	4	50
в) На укупорку	1	20
г) За перевозку библіотеки при передвиженіи полка изъ N въ NNN	22	20
<hr/>		
Итого въ расходѣ. . .	155	46

Слѣдовательно, годовая подписанная сумма почти вся въ расходѣ; остатокъ самый малый.

Теперь полюбопытствуемъ, что пріобрѣла библіотека за 127 р. 56 к.

По книгѣ значатся выписанными:

	Руб.	Коп.
5 журналовъ	68	50
2 газеты	31	>
Разныя изданія: «Мѣсяцесловъ»	1	15
» «Оружейный Сборникъ»	6	50
» «Памятная книжка»	2	65
Приказы: Высочайшіе, военного министра и циркуляры инспекторскаго департамента	16	>
На пересылку денегъ при выпискѣ	1	76
	127	56

Пополнять библіотеку исключительно періодическими изданіями нерационально. Отражая въ себѣ современную жизнь, журналы не могутъ замѣнить собою такихъ книгъ, значеніе которыхъ остается неизмѣннымъ на многіе годы. Конечно, есть и въ журналахъ статьи капитальныя, никогда неутрачивающія своего достоинства; но дѣло въ томъ, что выписанные журналы остались безъ переплета, и черезъ годъ отъ нихъ останутся одни оставы, по которымъ нельзя будетъ опредѣлить даже того, къ какому году они принадлежать. Отъ газетъ же, приказовъ и циркуляровъ не остается ничего. Изданія эти потребовали отъ библіотеки, какъ мы видимъ изъ расчета, болѣе одной третьей части всей суммы, употребленной на выписку, и не принесли обществу пользы. Газеты, какъ извѣстно, имѣютъ интересъ дня: какую же пользу онѣ могутъ приносить офицерамъ, квартирующимъ всю зиму по деревнямъ, верстахъ въ 20—50 отъ полковаго штаба? Да и въ самомъ полковомъ штабѣ они читаются только въ небольшомъ кружкѣ такъ называемыхъ «чиновниковъ полковаго штаба». Приносятся газеты, большую частію, прямо съ почты на домъ къ полковымъ командирамъ; тамъ онѣ читаются и лежатъ до слѣдующей почты, потомъ отсылаются съ про-

чими бумагами въ полковыя канцеляріи... и исчезаютъ. Впрочемъ, новый или старый нумеръ газеты иногда можно еще встрѣтить въ полковой библіотекѣ; но приказовъ и циркуляровъ ни въ одной изъ библіотекъ находить намъ не случалось, хотя они, какъ мы видимъ по расходу библіотечной суммы, иными библіотеками и выписываются. Цѣль подобной выписки для настъ непонятна... Мы знаемъ только то, что всѣ вообще приказы высылаются войскамъ бесплатно. Желающіе же получать приказы передовыя, т. е. тотчасъ по отпечатаніи, выписываютъ другой экземпляръ, но выписываютъ на счетъ суммы, отпускаемой на канцелярскіе расходы.

Выписывая одни періодическія изданія да приказы, библіотека, быть можетъ, имѣла къ тому основанія. Ея отдѣлы научный, исторический и беллетристический полны и богаты? Беремъ каталогъ и провѣряемъ. Въ отдѣлѣ военныхъ наукъ и математики находимъ: «Курсъ элементарной геометріи», Винцента, 1832 г.; «О военныхъ дѣйствіяхъ», Жюмини, 1809 г.; «Военно-энциклопедіческій лексиконъ», «Руководство къ артиллеріи», Силича; «Аналитику», Жюмини; «Опытъ фортификаціи», Бусмара, 1818 г.; «Теорію стратегіи», Языкова; «Теорію партизанскихъ дѣйствій» Давыдова; «О военной съемкѣ», Дюпенъ-де-Монтесона, 1814 г.; «Тактику» Медема; «Исторію военного искусства древнихъ народовъ», Зедделера; «Фортификацію», Теляковскаго; «Военную исторію государства россійскаго до кончины Петра III»; «Записки маршала Сенъ-Сира»; «Артиллерійскія записки», Рѣзваго; «Математику», Лакроа, 1823 г.; «О крѣпостныхъ работахъ», 1843 г.; «О продовольствіи войскъ», Затлера, часть вторую. Итого 18 сочиненій. Отдѣлъ исторіи заключаетъ въ себѣ 49 сочиненій; между ними первое мѣсто принадлежитъ «Исторіи Карамзина», доведенной до 1612 года, изданія 1833 г. Затѣмъ слѣдуютъ: «Русская исторія», Глинки, 1825 г.; «Двадцатипятилѣтіе Европы», Зотова, 1841 г., и въ заключеніе «Всебо́щая исторія», аббата Милота, 1820 г... тоже отдѣлъ богатый! Въ отдѣлѣ естественныхъ наукъ 20 сочиненій; въ отдѣлѣ правовѣдѣнія, политики и политической экономіи 10 сочиненій; въ отдѣлѣ словесности 42 сочиненія. Въ томъ числѣ мы находимъ: «Учебникъ словесности», Греч; «Мазепу», Булгарина; «Аббаддонну», Полеваго, и другія рѣдкости. Вотъ и вся библіотека! Есть, кажется, о чемъ позаботиться, пополнить; но своеобразные взгляды библіотекаря рѣшаютъ дѣло иначе: деньги расходуются и библіотека богатѣть лишь журнальными оставами.

Мы не возстаемъ безусловно противъ выписки въ библиотеки журналовъ и газетъ; мы полагаемъ только, что всему должна быть мѣра, во всемъ должна преслѣдоваться предвзятая идея... Мы замѣчаемъ, библиотеки не пополняются потому, что выписываемая периодическая изданія и книги гибнутъ безъ переплетовъ... Мы хотимъ сказать, что выписку газетъ полковые командиры могли бы принять на свой счетъ, а выписку приказовъ даже обязаны.

Мы не возстаемъ безусловно и противъ субсидій: содержаніе офицеровъ, вслѣдствіе повсемѣстной дороговизны на всѣ почти предметы потребленія, до того невелико, что каждый рубль, при получении ими третьаго жалованья, учитывается: лишнихъ нѣтъ; следовательно, субсидіи въ дѣлѣ возрожденія и безотлагательного пополненія библиотекъ новыми сочиненіями по всѣмъ отдѣламъ дѣйствительно необходимы... но необходимы, повторяемъ, въ дѣлѣ безотлагательного пополненія библиотекъ новыми сочиненіями по всѣмъ отдѣламъ. Мы позволяемъ себѣ сказать, что благое дѣло реставраціи и пополненія библиотекъ только тогда достигнетъ предполагаемой цѣли, когда общество офицеровъ, которому принадлежатъ библиотеки, отрѣшившись отъ пагубнаго равнодушія въ собственнымъ интересамъ, приступитъ къ дѣлу съ рѣшительнымъ намѣреніемъ служить ему по мѣрѣ силъ и знаний. Въ противномъ случаѣ, никакія субсидии не помогутъ: библиотеки наполняются, но читать, попрежнему, будетъ нечего.

Мы убѣждены, что общество офицеровъ можетъ возстановить библиотеки своими средствами. Пусть оно только изберетъ систему пополненія библиотекъ и распоряженія ими, пусть эта система будетъ основана на началахъ самоуправліенія и контроля дѣйствій библиотекаря обществомъ, библиотеки станутъ современемъ на ту степень благосостоянія, о которой теперь еще немногіе мечтаютъ. Съ принятіемъ системы явится довѣріе къ учрежденію и общество дастъ средства, которыя теперь, видя безполезную затрату жертвующихъ имъ денегъ, давать не рѣшается.

Не всѣ офицерскія библиотеки и теперь бѣдны средствами. Въ некоторыхъ полкахъ онѣ имѣютъ запасные капиталы, подъ именемъ «библиотечныхъ суммъ». Суммы эти представляютъ цифры отъ 200 до 500 и болѣе рублей. Изъ этихъ денегъ общество можетъ сдѣлать прекрасное употребленіе. Кромѣ того, никто изъ офицеровъ, мы убѣждены въ томъ, не отказался бы, вмѣсто одного рубля, которыемъ онѣ теперь жертвуетъ ежетретно безъ убѣжденія въ разум-

номъ его употреблениі, взносить на библіотеку виродолженіе трехъ или четырехъ лѣтъ по два рубля въ треть. Затѣмъ взносы могли бы войти въ обычную колею. На рациональный составъ и пополненіе библіотекъ потребуется отъ 9 до 12 рублей отъ каждого офицера. Внести эти деньги въ теченіе трехъ или четырехъ лѣтъ никто не пожалѣть, лишь бы общество было увѣрено, что жертва не будетъ напрасно.

Возрожденію офицерскихъ библіотекъ, мы полагаемъ, будуть содѣйствовать также и нѣкоторые изъ просвѣщенныхъ нашихъ книгопродавцевъ. Стоитъ только обратиться къ нимъ съ предложеніемъ, и они, конечно, не откажутся снабжать полковыя библіотеки, по выбору, книгами въ кредитъ, съ тѣмъ, чтобы ежегодно уплачивалась имъ извѣстная часть суммы.

Итакъ, по нашему мѣнію, обществу принадлежитъ честь инициативы дѣла. Пусть оно изберетъ изъ среды своей, съ разрѣшенія начальства, разумѣется, нѣсколькихъ членовъ и составить изъ нихъ въ полкахъ комисіи для изысканія средствъ къ улучшенію состоянія полковыхъ офицерскихъ библіотекъ. Пересмотрѣть каталоги и исключить изъ нихъ хламъ, напрасно занимающій мѣсто, избрать систему составленія библіотекъ и управлениія ими, дать инструкцію библіотекарю и указать на средства, которыя потребуются отъ общества для приведенія библіотекъ въ цвѣтущее состояніе—такова будетъ обязанность комисій. Выработанные комисіями проекты, по разсмотрѣніи обществомъ офицеровъ и утвержденіи начальствомъ, скоро подвинуть дѣло впередъ. Замѣтимъ при этомъ, что, для усиленія библіотечныхъ суммъ, было бы справедливо допустить къ участію въ подпискѣ на библіотеки полковыхъ врачей, капельмейстеровъ, священниковъ, а также юнкеровъ и вольноопредѣляющихся. Теперь лица эти, не дѣлая никакихъ взносовъ, пользуются однако книгами изъ полковыхъ библіотекъ. Допущеніе ихъ къ участію въ подпискѣ доставляло бы полковымъ библіотекамъ линнаго сбора, при существованіи теперешнихъ рублейыхъ только взносовъ, отъ 75 до 90 рублей ежегодно.

КАКЪ ПОГИБЛИ МОИ «БЕСЪДЫ».

ИОСЛЪ крымской войны, когда правительство и интеллигентная часть русского общества пришли къ убѣждению въ необходимости распространенія въ массѣ народа и солдата образованія и, по мѣрѣ силы, содѣйствовали его осуществленію,—извѣстный беллетристъ, бытописатель и иллюстраторъ солдатско-крестьянской жизни, Александръ Федоровичъ Погорскій, основалъ два небольшіе, тождественные по содержанію, журнала, изъ которыхъ одинъ назывался «Народно», а другой «Солдатско» бѣсѣдой.

Благодаря таланту основателя, повѣсти и разсказы котораго читались нарасхватъ, предпринятое имъ изданіе сразу стало на твердую почву и въ непролongительное время достигло высокой степени развитія: въ началѣ шестидесятыхъ годовъ оно имѣло уже до 14,000 подписчиковъ.

Но 1863 годъ оказался неблагосклоннымъ къ Александру Федоровичу. Онь заболѣлъ и долженъ былъ отправиться, для излеченія болѣзни, заграницу на довольно продолжительное время, а любимое свое дѣтище—маленькие журнальцы передать въ другія руки, именно въ руки своего пріятеля, извѣстнаго врача-гомеопата Василія Васильевича Дерижера.

Новый издатель-редакторъ въ литературномъ мѣрѣ былъ человѣкъ припілый, скорѣе диллентантъ, чѣмъ писатель (другъ и почитатель Сенковскаго, помѣстившій «нѣчто» или «что-то» въ его «Библіотекѣ»); издательское дѣло онъ зналъ плохо; при томъ же, имѣя много занятій по своей профессіи, не могъ отдаваться всецѣло пріобрѣтенному имъ случайно журналамъ. Имѣть постоянныхъ сотрудни-

ковъ, отвѣтственныхъ за отдѣлы,—онъ не считалъ нужнымъ, а слу-
чайные не могли имѣть вліянія на успѣхъ изданія. Послѣдствіемъ
подобнаго положенія дѣла было полнѣйшее фіаско: въ два, три года,
число подписчиковъ, не смотря на отсутствіе серьезныхъ конкурен-
тъ изданію, упало до 6,000.

Сознавая невозможность издаватъ свои «Бесѣды» при такомъ не-
значительномъ числѣ подписчиковъ ¹⁾, Дерикеръ попытался было по-
днять ихъ значеніе помѣщеніемъ въ нихъ, въ видѣ полезныхъ ста-
тейкъ, разныхъ своихъ врачебно-практическихъ совѣтовъ, обѣщаніемъ
давать подписчикамъ не по шести, а по двѣнадцати книжекъ въ годъ
и, наконецъ, изданіемъ особаго приложения: «Календарь Бесѣдъ». Но
всѣ эти издательскія потуги не только не подняли подписки, но,
напротивъ, уронили ее окончательно: на 1867 годъ, обѣ «Бесѣды»
имѣли только 3,129 подписчиковъ.

Такой печальный исходъ столь блестательно начатаго дѣла окон-
чательно обезкуражилъ Дерикера. Онъ упалъ духомъ и сталъ за-
держивать выпускъ книжекъ. Въ августѣ 1867 года, у него было
выпущено, вмѣсто восьми, только четыре книжки. Денежныхъ средствъ
на выдачу остальныхъ восьми книжекъ въ наличности не имѣлось.
Издать эти книжки въ кредитъ значило бы обременить изданіе 1868
года значительнымъ долгомъ, а на увеличеніе подписки разсчитывать
едвали было возможно, и вотъ Дерикеръ, по зрѣломъ размышеніи,
рѣшился продать свои «Бесѣды».

Я былъ знакомъ съ Дерикеромъ, печатался у него и, зайдя
какъ-то къ нему въ конецъ лѣта 1867 года, напечатавъ его въ страш-
номъ горѣ отъ разныхъ неудачъ, которыхъ у него, кромѣ неудачи
по изданію, какъ нарочно въ то время скопилось довольно. Слово-
за-слово, мы разговорились, посѣтовали, потужили о безвыходномъ
положеніи нашихъ первыхъ шонеровъ въ дѣлѣ народнаго образо-
ванія, и я уже сбирался было уходить, какъ вдругъ Дерикеръ
поднялся съ мѣста, прошелся медленно по кабинету и, остановившись
противъ меня, сказалъ: «я рѣшился продать мои «Бесѣды»—не ку-
пите ли вы ихъ, или не найдете ли мнѣ покупателя? Меня за-
стygло врасплохъ подобное предложеніе, я не могъ ничего отвѣтить
и сказалъ только, что обѣ этомъ нужно подумать серьезно.

Спустя недѣлю, мы опять свидѣлись и говорили обѣ условіяхъ

¹⁾ Подписная цѣна за экземпляръ—2 р. въ годъ.

передачи журналовъ, но условія эти казались мнѣ такими тяжелыми, что я разстался съ Дерикеромъ безъ всякой надежды на успѣхъ дѣла. Однако, разумные доводы восторжествовали, Дерикеръ пошолъ на уступки, и въ одно прекрасное утро мы ударили по рукамъ. Онъ передавалъ мнѣ свои редакторскія и издательскія права и старый хламъ, т. е. журналы за прежніе годы и отпечатанныя особыми брошюрами вѣкоторыя статейки. Я же долженъ былъ удовлетворить подписчиковъ 1867 года, т. е. выдать въ этомъ году восемь книжекъ «Бесѣдъ», уплатить ему при заключеніи условія 1,000 руб. и затѣмъ, впродолженіе трехъ лѣтъ, платить ему извѣстный процентъ чистой прибыли, но въ общемъ итогѣ за все годы не менѣе 3,000 руб.

10-го сентября, утромъ, я отправился къ помощнику начальника Главнаго штаба, свиты его величества генераль-маиору Мещеринову, просить разрѣшенія на изданіе купленныхъ мною «Бесѣдъ», такъ какъ я состоялъ на службѣ въ Главномъ штабѣ, въ его вѣдѣніи. Въ 11 часовъ онъ меня принялъ.

— Что вы скажете?

— Осмѣливаюсь беспокоить, ваше превосходительство, по собственному дѣлу.

— По какому?

— Прошу вашего разрѣшенія и покровительства въ такомъ дѣлѣ, которое можетъ сдѣлаться источникомъ моего благосостоянія.

— Объяснитесь.

— Вашему превосходительству небезызвѣстно, что у насъ издается нѣсколько журналовъ для народа и солдатъ. Дѣла издателя одного изъ этихъ журналовъ, именно «Солдатской Бесѣды», Дерикера, пришли въ разстройство. Поэтому онъ предлагаетъ мнѣ принять изданіе.

— Что жъ вы хотите?—перебилъ меня генераль:—субсидіи?... Откуда я вамъ ее возьму?

— Нѣть, ваше превосходительство, я не прошу субсидіи, я прошу разрѣшенія и нравственной поддержки.

— Я ничего не могу вамъ сдѣлать—не въ моей власти...

— Если Погосскій былъ обязанъ многимъ генералу Обручеву, такъ позовольте мнѣ быть обязаннымъ вамъ всѣмъ...

— Я сдѣлалъ Погосскому больше, чѣмъ Обручевъ—опять перебилъ меня генераль—да дѣло не въ томъ... Его изданію нельзѧ было не сочувствовать: онъ—извѣстный писатель и пользуется репутацией.

— Да, если его повѣсти и составляли лучшій отдѣлъ журнала, за то прочіе отдѣлы не соотвѣтствовали...

— Повѣсти,—еще разъ перебилъ меня генераль,—составляютъ лучшее средство для образованія народа, онъ читаетъ ихъ и получается.

— Позвольте, ваше превосходительство, доложить вамъ, что народу нужны не одни повѣсти. Я предполагаю дать журналу болѣе серьезное направленіе, печатать, напримѣръ, объясненія значенія новыхъ мировыхъ судовъ, земскихъ учрежденій, что необходимо знать крестьянину, затѣмъ...

Но живой, подвижный генераль снова перебилъ меня.—Да, что народъ пойметъ изъ вашихъ книжекъ! Онъ скорѣе пойметъ, если ему объяснить это на словахъ... Читать онъ не умѣеть, а писаря не захотить дѣлиться съ крестьяниномъ тѣми свѣдѣніями, которыя составляютъ ихъ профессію... Впрочемъ, дѣло не мое, издавайте, что знаете, только я не могу понять, чѣмъ я то могу быть вамъ полезенъ?

— Мнеъ нужно разрѣшеніе на право изданія.

— Объ этомъ нужно просить графа ¹⁾). Только графъ едва ли вамъ разрѣшитъ...

— Я надѣюсь на васъ, ваше превосходительство, быть можетъ вы примете на себя трудъ доложить о моей просьбѣ графу.

— Да, конечно, я буду говорить съ нимъ. Но я долженъ признаться, затрудняюсь... Вы займетесь своимъ журналомъ, а дѣла по должностіи будуть лежать.

— Ваше превосходительство, я обѣщаю вамъ быть такимъ же исправнымъ чиновникомъ, какъ и теперь... Вѣдь я не буду одинъ заниматься журналомъ, найдутся сотрудники.

— Все же надо прочитывать, надо исправлять, надо, наконецъ, и направленіе дать журналу... какъ будто это пустяки...

— Ваше превосходительство, у васъ, въ штабѣ, и въ настоящее время находятся на службѣ чиновники, которые извѣстную часть времени посвящаютъ казенному дѣлу, а потомъ работаютъ или для журналовъ, или для частныхъ компаний...

Генераль не утерпѣль и горячо перебилъ меня:—за то и дѣла

¹⁾ Графа Федора Логгиновича Гейдена, тогдашняго начальника главнаго штаба.

лежать, бумаги накапляются, исполненія иѣть, графъ недоволенъ...
Нѣть! я съ ними скоро принужденъ буду разстаться.

— Не вѣжъ же таковы, ваше превосходительство; при извѣстной добросовѣстности, я полагаю, можно быть и хорошимъ редакторомъ, и хорошимъ чиновникомъ вмѣстѣ; впрочемъ, ваше превосходительство, вы увидите.

— Хорошо-съ!.. Только вы должны просить графа, подайте ему докладную записку завтра утромъ, если онъ приметъ вѣсть; впрочемъ, я дамъ вамъ знать.

Въ эту минуту вошелъ дежурный и доложилъ, что начальникъ Главнаго штаба просить его превосходительство къ себѣ.

— Хорошо, скажи, что приду. Затѣмъ, обратясь ко мнѣ, продолжалъ:—но помните, субсидій—никакихъ! Что же касается до нравственной поддержки изданію, то она будетъ заключаться только въ рекомендациіи журнала войскамъ циркуляромъ. Но и это зависить отъ Совѣщательного комитета, гдѣ я имѣю голосъ наравнѣ съ другими, слѣдовательно, рѣшеніе зависить не отъ меня. Я могу засвидѣтельствовать, что вы—человѣкъ способный, дѣльный... но относительно изданія, я, не видѣвъ его, ничего сказать не могу. Да и комитетъ не можетъ приступить къ обсужденію не вида ну хоть первой вашей книжки.

— Представленіемъ книжки я не замедлю, ваше превосходительство, но я не могу начать печатанія, не получивъ разрѣшенія отъ главнаго управлѣнія по дѣламъ печати, куда я еще не подавалъ прошенія, не получивъ вашего дозволенія.

— Ну, такъ просите завтра графа. Я же, съ своей стороны, обѣщаю вамъ мой голосъ въ комитетѣ, если изданіе будетъ того заслуживать, понимаете?..

— Дѣло будетъ говорить за себя.

— Ну, хорошо, прощайте, сказалъ генераль и откланялся.

Я вышелъ съ облегченнымъ сердцемъ: кому изъ служившихъ въ Главномъ штабѣ не было извѣстно, что если генераль Мещериновъ на что-нибудь согласится, препятствія къ тому со стороны графа Гейдена не будетъ. Первое препятствіе было мной устранено, и я, чтобы не терять времени, отправился къ Евгению Александровичу Погожеву, моему сотоварищу и добруму другу, человѣку состоятельному, служившему тогда въ Главномъ инженерномъ управлѣніи. Наканунѣ я съ нимъ переговаривался о совмѣстномъ изданіи «Бесѣдъ», но онъ, баричъ по рожденію и привычкамъ, не поже-

малъ обременять себя излишнимъ трудомъ, хотя отъ материальной поддержки не отказывался. Теперь я спѣшилъ къ нему съ хорошей вѣстью обѣ удачѣ у начальства. День былъ воскресный, утро позднее, но Погожевъ, послѣ какой-то субботней пирушки, еще спалъ; пришло обождать. Наконецъ, онъ вышелъ, попепялъ, зачѣмъ я не вѣдѣлъ его разбудить, разспросилъ обо всемъ, касающемся изданія, и обѣщалъ внести отъ себя въ дѣло пай въ 1,000 руб. и дать мнѣ запомообразно, если будетъ нужно, на вексель, 1,000 руб. Этого было болѣе, чѣмъ достаточно. Дѣло подвигалось впередъ.

На утро, прия поранѣе въ Главный штабъ, я начернилъ докладную записку графу Гейдену и отдалъ писарю переписать. Между тѣмъ, генералъ Мещериновъ въ 10 часовъ былъ уже въ штабѣ и, подойдя ко мнѣ, освѣдомился: «являлся ли я графу?»

— Нѣть еще, ваше превосходительство, докладная записка переписывается.

— А вы не могли приготовить ее заблаговременно, сухо замѣтилъ генералъ:—опоздаete и графъ не приметъ васть.

Чрезъ нѣсколько минутъ я входилъ въ кабинетъ графа; онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и просматривалъ бумаги. Взглянувъ на меня, онъ быстро повернулся ко мнѣ и сказалъ громко:

— А, «здравствуйте, пожалуйте сюда, садитесь, пожалуйста, что вы?»

— Позвольте представить вашему сіятельству докладную записку съ просьбой о разрѣшении мнѣ принять званіе и обязанности редактора издателя «Солдатской Бесѣды».

— На какихъ условіяхъ вы принимаете изданіе?

Я объяснилъ условія.

— Ваши сотрудники?

— Редакція еще не сформировалась, но я полагаю пригласить людей, горячо сочувствующихъ дѣлу народного образованія.

— Очень радъ! Но это, надѣюсь, не будетъ мѣшать исполненію вашихъ служебныхъ обязанностей.

— Постараюсь, ваше сіятельство, не подавать повода къ жалобамъ на себя. Вся моя жизнь была посвящена труду, не думаю, чтобы я могъ измѣниться теперь.

— Въ такомъ случаѣ съ моей стороны нѣть препятствія.

Потомъ, прочитавъ поданную мною докладную записку, графъ положилъ на ней резолюцію: «согласенъ» и, отдавая мнѣ, сказалъ:

отнесите Григорию Васильевичу ¹⁾ и попросите его сдѣлать что нужно».

— Могу ли, ваше сіятельство, просить васъ о покровительствѣ моему журнальцу.

— Все, что будетъ отъ меня зависѣть—обѣщаю сдѣлать, если изданіе ваше будетъ того заслуживать. Прощайте, желаю вамъ успѣха.

Иду къ генералу Мещеринову, передаю ему записку и приказаніе начальника штаба. Весело взглянуль онъ на меня. Я понялъ это и сталъ благодарить его за оказанную поддержку моему сирому пріемышу. Онъ разсмѣялся и сказалъ: «идите въ канцелярію и скажите Колоколову (правителю канцеляріи), чтобы приготовилъ что нужно. *

На другой день мнѣ выдали, за подписью графа Гейдена, для представлениія въ Главное управлениѣ по дѣламъ печати, свидѣтельство слѣдующаго содержанія: «Къ принятію на себя чиновникомъ Главнаго штаба, поручикомъ Мартыновымъ, званія и обязанностей редактора журналовъ «Народная Бесѣда» и «Солдатская Бесѣда»—со стороны начальства препятствія не имѣется; въ нравственномъ же и политическомъ отношеніяхъ онъ можетъ быть атtestованъ какъ человѣкъ вполнѣ благонадежный».

15-го сентября, я заключилъ съ Дерикеромъ нотаріальное условіе о передачѣ мнѣ издательскихъ и редакторскихъ правъ на «Бесѣды», и заплатилъ ему условленную тысячу рублей. Въ тотъ же день я обѣдалъ у моего пріятеля, Порфирия Ассигнатовича Климова, служившаго при статье-секретарѣ Бутковѣ. Начальника Главнаго управления по дѣламъ печати, сенатора М. Н. Похвиснева, въ то время въ Петербургѣ не было, онъ находился въ отпуску заграницей. Должность его исправлялъ сенаторъ Туруновъ. Находясь съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, Климовъ вызвался поѣхать къ нему со мною вмѣстѣ и познакомить насть. Кромѣ того, вдя хлѣбъ-соль съ извѣстнымъ книгопродающимъ Иваномъ Ильи-чемъ Глазуновымъ, онъ обѣщалъ мнѣ устроить печатаніе журналовъ въ его типографіи, на выгодныхъ для меня условіяхъ и, если будетъ нужно, открыть мнѣ кредитъ.

Выбравъ свободное утро, Климовъ поѣхалъ со мной къ Туру-

¹⁾ Генералу Мещеринову.

лалъ обременять себя излишнимъ трудомъ, хотя отъ материальной поддержки не отказывался. Теперь я спѣшилъ къ нему съ хорошей вѣстью обѣ удачѣ у начальства. День былъ воскресный, утро позднее, но Погожевъ, послѣ какой-то субботней пирушки, еще спалъ; пришлося обождать. Наконецъ, онъ вышелъ, попенялъ, зачѣмъ я не велѣлъ его разбудить, разспросилъ обо всемъ, касающемся изданія, и обѣщалъ внести отъ себя въ дѣло пай въ 1,000 руб. и дать мнѣ займообразно, если будетъ нужно, на вексель, 1,000 руб. Этого было болѣе, чѣмъ достаточно. Дѣло подвигалось впередъ.

На утро, прия пораньше въ Главный штабъ, я начернилъ докладную записку графу Гейдену и отдалъ писарю переписать. Между тѣмъ, генералъ Мещериновъ въ 10 часовъ былъ уже въ штабѣ и, подойдя ко мнѣ, освѣдомился: «являлся ли я графу?»

— Нѣть еще, ваше превосходительство, докладная записка переписывается.

— А вы не могли приготовить ее заблаговременно, сухо замѣтилъ генералъ:—опоздаestе и графъ не приметъ васъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ я входилъ въ кабинетъ графа; онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и просматривалъ бумаги. Взглянувъ на меня, онъ быстро повернулся ко мнѣ и сказалъ громко:

— А, здравствуйте, пожалуйте сюда, садитесь, пожалуйста, что вы?

— Позвольте представить вашему сіятельству докладную записку съ просьбой о разрѣшеніи мнѣ принять званіе и обязанности редактора издателя «Солдатской Бесѣды».

— На какихъ условіяхъ вы принимаете изданіе?

Я объяснилъ условія.

— Ваши сотрудники?

— Редакція еще не сформировалась, но я полагаю пригласить людей, горячо сочувствующихъ дѣлу народнаго образованія.

— Очень радъ! Но это, надѣюсь, не будетъ мѣшать исполненію вашихъ служебныхъ обязанностей.

— Постараюсь, ваше сіятельство, не подавать повода къ жалобамъ на себя. Вся моя жизнь была посвящена труду, не думаю, чтобы я могъ измѣниться теперь.

— Въ такомъ случаѣ съ моей стороны нѣть препятствій.

Потомъ, прочитавъ поданную мною докладную записку, графъ положилъ на ней резолюцію: «согласенъ» и, отдавая мнѣ, сказалъ:

отнесите Григорию Васильевичу ¹⁾ и попросите его сдѣлать что нужно».

— Могу ли, ваше сиятельство, просить въась о покровительствѣ моему журнальцу.

— Все, что будетъ отъ меня зависѣть—обѣщаю сдѣлать, если изданіе ваше будетъ того заслуживать. Прощайте, желаю въамъ успѣха.

Иду къ генералу Мещеринову, передаю ему записку и приказание начальника штаба. Весело взглянуль онъ на меня. Я поняль этотъ взглядъ и стала благодарить его за оказанную поддержку моему сирому пріѣмышу. Онъ разсмѣялся и сказалъ: «идите въ канцелярію и скажите Колоколову (правителю канцелярій), чтобы приготовилъ что нужно. *

На другой день мнѣ выдали, за подписью графа Гейдена, для представленія въ Главное управлѣніе по дѣламъ печати, свидѣтельство слѣдующаго содержанія: «Къ принятію на себя чиновникомъ Главнаго штаба, поручикомъ Мартыновымъ, званія и обязанностей редактора журналовъ «Народная Бесѣда» и «Солдатская Бесѣда»—со стороны начальства препятствія не имѣется; въ нравственномъ же и политическомъ отношеніяхъ онъ можетъ быть атtestованъ какъ человѣкъ вполнѣ благонадежный».

15-го сентября, я заключилъ съ Дерикеромъ нотаріальное усло-віе о передачѣ мнѣ издательскихъ и редакторскихъ правъ на «Бесѣды», и заплатилъ ему условленную тысячу рублей. Въ тотъ же день я обѣдалъ у моего пріятеля, Порфирия Ассигнатови-ческаго, служившаго при статье-секретарѣ Бутковѣ. Начальника Главнаго управлѣнія по дѣламъ печати, сенатора М. Н. Похвиснева, въ то время въ Петербургѣ не было, онъ находился въ отпуску заграницей. Должность его исправлялъ сенаторъ Туруновъ. Находясь съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, Климовъ вызвался по-ѣхать къ нему со мною вмѣстѣ и познакомить насъ. Кромѣ того, вода хлѣбъ-соль съ извѣстнымъ книгопродавцемъ Иваномъ Ильи-чевымъ Глазуновымъ, онъ обѣщалъ мнѣ устроить печатаніе журна-ловъ въ его типографіи, на выгодныхъ для меня условіяхъ и, если будетъ нужно, открыть мнѣ кредитъ.

Выбравъ свободное утро, Климовъ поѣхалъ со мной къ Туру-

¹⁾ Генералу Мещеринову.

нову. Онъ ветрѣтилъ Порфирия Ассигнатовича съ распостертыми объятіями, безъ церемоніи, по-домашнему. Усадивъ въ кабинетъ на диванѣ, Туруновъ спросилъ его: «какіе вѣтры занесли васъ ко мнѣ?»

Я ожидалъ въ пріемной и слышалъ громкіе раскаты его голоса. Когда меня пригласили въ кабинетъ, Климовъ церемонно раскланялся и повелъ такую рѣчъ:

— Позвольте, ваше превосходительство, представить вамъ неофита прессы, только что слѣпленного изъ глины редактора Дериковскихъ «Бесѣдъ»; онъ еще не обожженъ, поэтому если милость ваша будеть, поберегите, не сломайте его.

— О! хо, хо, хо! засмѣялся Туруновъ:—за кого вы настѣ принааете? Развѣ мы ломаемъ,—мы бережемъ и лелеемъ дѣтей мысли, не хуже всякой мамки.

— Знаю, знаю я вашу заботливость, засмѣялся въ свою очерь Климовъ:—вашіи мамки такъ затягиваютъ свиальники, что бѣднымъ дѣтимъ мысли куда какъ плохо приходится.

— Ну что вы! что вы! отшучивался Туруновъ и, обратясь ко мнѣ, спросилъ: а ваши бумаги готовы?

— Готовы, ваше превосходительство.

— Ну и прекрасно! дайте ихъ сюда, я ихъ помѣчу, а вы отвезите и отдайте ихъ въ Главномъ управлѣніи правителю дѣлъ Капнисту, пусть онъ исполнитъ ихъ.

Я стала просить его принять участіе въ скорѣйшемъ разрѣшеніи моего ходатайства, такъ какъ сентябрь быль во второй половинѣ, а мнѣ нужно было выдать восемь книжекъ.

— О, не беспокойтесь! Главное управлѣніе не задержитъ, все вамъ сдѣлаетъ и скоро, и хорошо.

— А какъ это понять: скоро? вмѣшался Климовъ:—у васъ если говорить: «скоро»—то это значитъ: годъ, а «экстренно»—полгода.

— Не нападайте на настѣ, Порфирий Ассигнатовичъ, возразилъ Туруновъ, Главное управлѣніе дѣйствуетъ теперь энергично.

— Энергично! это сколько же потребуетъ времени? продолжалъ Климовъ:—по всей вѣроятности, никакъ не менѣе трехъ мѣсяцевъ...

Туруновъ защищалъ Главное управлѣніе, устраниая свою личность, какъ будто онъ быль совершенно непричастенъ къ дѣламъ печати. Это, казалось мнѣ, звучало какъ-то фальшиво, особенно

въ устахъ человѣка, управлявшаго вѣдомствомъ. Значить на него надѣяться нечего, и съ этими мыслями я направился къ Капнисту.

Долго заставилъ дожидать себя въ пріемной Главнаго управлѣнія могущественный правитель канцелярии. Наконецъ, онъ соизволилъ выйти. Это былъ самъ Юпитеръ громовержецъ. Его походка, взгляды, интонація голоса—все напоминало «человѣка бѣлой кости», ничего общаго съ нами простыми смертными неимѣющаго. Онъ небрежно окинулъ меня взглядомъ и еще небрежнѣе спросилъ:

— А, это вы желали меня видѣть? что вамъ угодно?

Я подалъ ему мое прошеніе, сказавъ, что представлялся генералу Турунову, что онъ прочиталъ мои бумаги и просилъ передать ихъ ему для исполненія.

— Для исполненія! повторилъ съ саркастической улыбкой Капнистъ: — очень хорошо!.. будешь исполненъ... и, повернувшись на каблукахъ, направился къ своему сѣдалищу.

Я за нимъ—когда могу узнать о разрѣшеніи?

— Вамъ сообщать по мѣсту жительства, чрезъ полицію, буркнуть онъ какъ-то черезъ плечо на ходу и скрылся.

Такой пріемъ не предвѣщалъ ничего доброго, но я тогда вѣрилъ въ силу слова начальства и, улыбнувшись ему въ слѣдъ, вышелъ.

Дальниѣшія мои хлопоты заключались въ устройствѣ хозяйственной части журналовъ и сформированіи редакціи.

20-го сентября, я видѣлся съ И. И. Глазуновымъ, типографію которого рекомендовалъ мнѣ Климовъ. Почтенный коммерсантъ принялъ меня чрезвычайно вѣжливо, но не сердечно. Было видимо, что онъ бралъ мое дѣло неохотно; но, въ виду рекомендациіи Климова, отказать не хотѣлъ. Разспросивъ: какое число экземпляровъ я предполагаю печатать, сколько книжекъ думаю выпустить въ этомъ году, какой сортъ бумаги нужно употребить для нихъ, онъ высчиталъ, что все дѣло въ 1867 году потребуетъ до 5,000 рублей. Потомъ, вида мое изумленіе, прибавилъ, что, во вниманіе просьбы Порфирия Ассигнатовіча, мнѣ будетъ сдѣланъ въ типографіи небольшой кредитъ до новой подписки. Я поблагодарилъ его, но сдѣланная имъ смѣта меня сильно обезпокоила; вѣдь, кромѣ печатанія, нужно было еще много денегъ на редакцію и сотрудниковъ. Я рѣшился переговорить съ другими типографщиками.

Образованіе редакціи, впомѣб отвѣчающей цѣлямъ изданія, духу времени, потребностямъ цензуры и вкусамъ читателей, составляло

одну изъ серьезныхъ задачь. На первое время я пригласилъ въ число ближайшихъ сотрудниковъ моихъ пріятелей двухъ братьевъ А. А. и С. А. Ольхинихъ, бывшаго профессора Н. Ф. Павлова, недавно вернувшагося изъ какой-то дальней окраины, куда онъ былъ административно высланъ за нѣсколько фразъ, сказанныхъ имъ на одной публичной лекціи и, Богъ вѣсть почему, найденныхъ вредными, Е. П. Карновича, П. А. Зарубина и г. Кушакевича. Взглядъ этихъ лицъ на народное образованіе былъ мнѣ, болѣе или менѣе, извѣстенъ и совпадалъ съ моимъ. Такъ какъ я жилъ тогда въ маленькой квартирѣ, нанимаемой у чиновника Сердюкова, въ Боровой улицѣ, то мы собирались по воскресеньямъ у Ольхинихъ, которые занимали довольно большую квартиру недалеко отъ меня, у пяти угловъ, и тамъ обсуждали программу и направление будущаго журнала, отлагая, впрочемъ, окончательное разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ до получения разрѣшенія на изданіе «Бесѣды».

Но разрѣшеніе затянулось. Прошолъ сентябрь, прошолъ октябрь, никакого отвѣта не даютъ. Прихожу въ Главное управление по дѣламъ печати, никто ничего не говоритъ мнѣ; Капнистъ, подъ предлогомъ множества занятій, не выходитъ. Наконецъ, какъ-то ловлю его въ пріемной.

— Позвольте узнать: въ какомъ положеніи мое дѣло? обращаюсь къ нему.

— Мы не получили еще о васъ справки изъ III-го Отдѣленія.

— На что вамъ справка, когда мое начальство, лучше знающее меня, чѣмъ кто-либо, выдало мнѣ свидѣтельство о нравственной и политической благонадежности?

— Такіе ужъ у насъ порядки, процѣдилъ онъ въ отвѣтъ сквозь зубы и какъ-то бочкомъ юркнулъ за дверь.

Что дѣлать! что дѣлать! воскликнулъ я, сидя у Климова,—вѣдь это полнѣйшее разореніе. Вотъ уже ноябрь, а выйдетъ разрѣшеніе будетъ декабрь—когда же я успѣю издать восемь книжекъ? когда я сдѣлаю объявленія на будущій годъ? Это, безъ сомнѣнія, Капнистъ нарочно затянулъ, чтобы насолить мнѣ!

— Успокойся, пожалуйста,—отшучивался Климовъ:—при чемъ тутъ Капнистъ! копнись ты самъ лучше въ дѣлѣ, тогда что-нибудь и выйдетъ. Сходи въ III-е Отдѣленіе и узнай.

— Да я тамъ никого не знаю.

— Постой, мы поплемъ туда Родионова, онъ тамъ кой съ кѣмъ знакомъ и можетъ разузнать въ чемъ дѣло.

Родионовъ, Александръ Николаевичъ, былъ его товарищъ, человѣкъ знакомый со всѣми и вездѣ. Явясь, по зову Климова, и выслушавъ порученіе, онъ отправился въ III-е Отдѣленіе, но тамъ случайно попалъ на самого статского совѣтника Горемыкина, завѣдывавшаго секретною частію, получилъ выговоръ и приказаніе: «принеси меня къ нему для личныхъ объясненій».

Являюсь въ III-е Отдѣленіе, сижу между голубыми мундирами часть и болѣе,—зову иѣть. Прошу дождѣвить—говорить, что занять. Посылаю г. Горемыкину мою визитную карточку, на которой написалъ, что я уволенъ моимъ начальствомъ только на одинъ часъ, сижу у него полтора часа, и если ему невозможно принять меня, то я явлюсь въ другое время, а теперь долженъ отправиться на службу. Посланный возвратился съ приглашеніемъ пожаловать въ кабинетъ. Вхожу. Сидѣть господинъ довольно приличной наружности, съ ленточкой Владимира въ петлицѣ. Кланяюсь.

— Здравствуйте! обратился ко мнѣ Горемыкинъ:—это вы посыпали чиновника Родионова за справкой?

— Я.

— Какъ же вы осмѣлились развѣдывать государственные тайны?

— Никакихъ государственныхъ тайнъ я не посыпалъ развѣдывать, а послалъ за справкой, почему III-е Отдѣленіе не отвѣчаетъ на запросъ лично обо мнѣ Главнаго управлѣнія по дѣламъ печати, и послалъ съ разрѣшеніемъ моего начальства, такъ какъ мнѣ самому, какъ состоящему на службѣ, сходить было некогда.

— Кто вамъ сказалъ о сдѣланномъ намъ запросѣ?

— Правитель дѣлъ главнаго управлѣнія по дѣламъ печати Капнистъ.

— Онь не имѣлъ права вамъ этого говорить, а вы провѣрять его слова. Справка, о которой идѣть рѣчь, составляетъ секретъ.

— Для васъ — да! для меня — иѣть! Ничего дурного сказать вы обо мнѣ не можете: въ политическихъ демонстраціяхъ я не участвовалъ, подъ надзоромъ полиціи не состою, къ тайнымъ обществамъ не принадлежу, образа мыслей, опаснаго для общества или для правительства, не придерживаюсь, по суду неопороченъ, служба безупречна, поведеніе — вполнѣ достойное офицера и гражданина. И все это подтверждено въ свидѣтельствѣ, выданномъ мнѣ начальникомъ Главнаго штаба и представленномъ мною въ Главное управлѣніе по дѣламъ печати. Какіе же, послѣ этого, могутъ быть у

васъ секреты обо мнѣ? Я не только къ вамъ, но и къ государю могу идти и просить, что мнѣ нужно.

— Все это очень хорошо, но вы затѣваете издавать журналъ, вы не одни будете издавать, у васъ будутъ сотрудники?

— Да, будутъ.

— Кто именно, позовите узнать?

— Мировой судья Ольхинъ, его братъ, служащий въ министерствѣ финансъ, изъ литераторовъ: Павловъ, Карновичъ, Кушакевичъ, Зарубинъ и другіе.

— Это все люди либерального образа мыслей, а Павловъ даже былъ высланъ. Врачаешься въ средѣ подобныхъ людей, вы легко могли проникнуться дурными идеями; намъ нужно узнать это все.

— Узнать было довольно времени, вы держите справку почти два мѣсяца, а это меня разорить можетъ.

— Позвольте, вы слишкомъ себѣ позволяете... Только я одинъ могу судить, сколько мнѣ нужно времени для наведенія справокъ о васъ и вашихъ будущихъ сотрудникахъ... При такомъ образѣ мыслей, вы едва ли можете быть полезнымъ руководителемъ народа и солдатъ.

— Предоставьте это знать моему начальству.

— Но!.. довольно!.. можете идти..

Я отправился къ начальнику Главнаго штаба и передалъ ему весь разговоръ мой съ Горемыкинымъ. Онъ выслушалъ меня внимательно и сказалъ:— «Михаилъ Николаевичъ Похвисневъ кажется уже приѣхалъ, скажите въ канцелию, чтобы написали ему отъ меня письмо о васъ».

16-го ноября, графъ Гейденъ писалъ Похвисневу слѣдующее:

«Во вѣрнное вамъ управлѣніе поступило ходатайство состоящаго при Главномъ штабѣ поручика Мартынова обѣ утвержденіи его въ званіи редактора журнала «Солдатская Бесѣда». Признавая необходимымъ, чтобы во главѣ изданія, предназначеннаго для нижнихъ чиновъ, стоялъ человѣкъ, хорошо знающій быть солдата и его потребности, энергичный и способный, могущій придать журналу соотвѣтственное видамъ военнаго министерства направлѣніе, и причисляя къ разряду такихъ лицъ поручика Мартынова, я долгомъ поставляю обратиться къ вашему превосходительству съ покорѣйшей просьбой: не признаете ли возможнымъ ускорить утвержденіемъ помянутаго офицера въ званіи редактора и о послѣдующемъ почитить меня увѣдомленіемъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, графъ Гейденъ доложилъ о моемъ дѣлѣ военному министру и, по приказанию послѣдняго, было написано письмо къ военному цензору, генераль-лейтенанту Штиюрмеру, о содѣйствіи къ скорѣйшему разрѣшѣнію моего ходатайства.

Письмо къ Похвисневу на утро я отвезъ и вручили Михаилу Николаевичу лично. Онъ вышелъ ко мнѣ заспанный, въ халатѣ. Прочитавъ письмо, приложилъ руку ко лбу и, подумавъ немнога, сказалъ: — Не помню!.. кажется, такого представленія у насъ не было... впрочемъ, я прикажу справиться. Что окажется—увѣдомлю, или лучше, пойду гулять, самъ зайду къ графу Федору Логгиновичу, такъ и скажите ему.

Генераль Штиюрмеръ, отъ 19-го ноября, отвѣчалъ: «Дѣло объ утвержденіи редакторомъ «Солдатской Бесѣды» извѣстнаго и мнѣ, по своимъ литературнымъ способностямъ, поручика Мартынова еще не рѣшено, но начальникъ Главнаго управлѣнія цензуры принимаетъ въ просѣбѣ г. Мартынова живое участіе и надѣется устранить препятствія къ удовлетворительному его рѣшенію».

Изъ письма этого оказалось, что возникли какія-то препятствія. Но какія? Откуда? Со стороны ли Горемыкина, или Капниста,— я не зналъ, какъ не зналъ и того, чѣмъ помочь дѣлу, такъ неожиданно подорванному въ самомъ началѣ. До конца года оставался одинъ мѣсяцъ: сотрудники, въ виду затрудненій со стороны цензуры, не знали, къ какому времени нуженъ будетъ материалъ для журнала и одинъ за другимъ отказывались. И. И. Глазуновъ нашелъ положительно невозможнымъ отпечатать въ декабрѣ всѣ восемь книжекъ. «Все, что можно сдѣлать, прибавилъ онъ, это напечатать двѣ книжки, и то если нужный материалъ будетъ доставленъ въ началѣ декабря». Благопріятное для подписки время уходило. Объявленія о подпискѣ, обыкновенно, начинаютъ дѣлать съ октября, дабы подписчики могли заблаговременно знать о выходѣ журналовъ и подпісаться. Начать же подписку въ декабрѣ—значило бы потерпѣть полнѣйшую неудачу, такъ какъ подписчики, въ особенности части войскъ, на которыхъ я болѣе всего долженъ былъ разсчитывать, большею частью, подписку уже сдѣлали. Положеніе становилось критическимъ; но я все еще ждалъ, не теряя надежды, разрѣшѣнія.

Но вотъ прошелъ ноябрь и наступилъ декабрь, а разрѣшѣнія нѣтъ, какъ нѣтъ! Начальство, встрѣчаясь со мной, освѣдомлялось и покачивало головой, товарищи подсмѣшивались. Единственной от-

радой въ это тяжелое для меня время было личное представление мое военному министру, генералъ-адъютанту Милютину.

Дмитрій Алексѣевичъ навѣщалъ иногда графа Гейдена, имѣвшаго квартиру въ зданіи главнаго штаба. Онъ прямо проходилъ къ нему въ кабинетъ, бесѣдовалъ, а изрѣдка поднимался на верхъ и посѣщалъ главный штабъ.

Кстати, мнѣ припомнился одинъ курьезный случай.

Въ приемной графа дежурилъ молодой офицеръ, прикомандированный къ штабу для зачисленія на должность чиновника для поучений. Не зналъ ли онъ министра, или хотѣлъ выдвинуться особой пунктуальностью службы, только, когда генералъ Милютинъ, войдя въ приемную, направился прямо въ кабинетъ графа, онъ загородилъ ему дорогу и внушительно проговорилъ: — позвольте, ваше высокопревосходительство, къ графу нельзя входить безъ доклада.

— Какъ нельзя! возразилъ озадаченный министръ: да развѣ вы меня не знаете? я — военный министръ...

Офицеръ сконфузился, но захотѣлъ выдержать характеръ до конца и отвѣчалъ: — все-таки, ваше высокопревосходительство, позвольте доложить.

Генералъ-адъютанту Милютину пришлось отойти къ окну и стать какъ бы въ положеніе просителя. Но не прошло и двухъ минутъ, какъ двери кабинета распахнулись и графъ Федоръ Логгиновичъ, весь красный отъ волненія, бросился къ министру съ извиненіями.

— Вотъ какъ, графъ, замѣтилъ ему Дмитрій Алексѣевичъ, нынче ваши адъютанты меня уже не узнаютъ.

Бѣдный поручикъ на другой же день былъ отчисленъ въ полкъ. Но возвратимся къ моимъ «Бесѣдамъ».

Въ одно изъ такихъ посѣщеній министромъ главнаго штаба, когда онъ проходилъ чрезъ наше отдѣленіе въ ученый комитетъ, онъ былъ остановленъ графомъ у моего стола.

— Вотъ, ваше высокопревосходительство, тотъ офицеръ, сказалъ графъ, о которомъ я вамъ докладывалъ. Онъ пріобрѣлъ отъ Дерикера право на «Солдатскую Бесѣду» и теперь хлопочетъ объ утвержденіи его въ званіи редактора.

Дмитрій Алексѣевичъ подалъ мнѣ руку и спросилъ: — Ну, что же, какъ у васъ идетъ дѣло?

Я было стало развивать картину возникшихъ затрудненій, но

онъ перебилъ меня: — Да, я знаю... но все же есть надежда, что вы получите желаемое.

Я молчалъ.

— А я испросилъ, продолжалъ министръ, по просьбѣ Дерикера, на удовлетвореніе вашихъ подписанчиковъ пособіе.

Не зная ничего о просьбѣ Дерикера, я счелъ долгомъ поблагодарить Дмитрия Алексѣевича за его покровительство изданію и, когда онъ ушелъ, бросился въ канцелярію за справкою. Оказалось, что Дерикеръ получилъ уже ассигнованное журналу пособіе.

Передъ праздникомъ Рождества, въ видѣ подарка на ёлку, я получилъ, чрезъ полицію, увѣдомленіе главнаго управлѣнія по дѣламъ печати, что ходатайство мое обѣ утвержденіи меня въ званіи редактора «Бесѣдъ» уважено быть не можетъ. Причинъ отказа не приведено.

На утро, графъ Гейденъ, вѣроятно, получившій подобное же увѣдомленіе, пригласилъ меня къ себѣ и съ участіемъ спросилъ: — Вамъ отказали?

— Отказали, ваше сиятельство.

— Что же вы намѣрены предпринять?

— Выждать время... я такъ пораженъ отказомъ, что теперь ничего не могу сообразить.

— Очень жаль!.. но что дѣлать!.. впрочемъ, если чтонибудь надумаете, обратитесь къ Григорію Васильевичу, онъ мнѣ доложить...

И искренно, съ видимымъ сочувствіемъ къ моему горю, пожалъ мнѣ руку.

Таковъ былъ финалъ злополучной попытки возобновить изданіе «Бесѣдъ». Но я не отчаялся поправить дѣло. Лѣтомъ 1868 года, я думалъ возобновить мое ходатайство, съ тѣмъ, чтобы начать изданіе въ 1869 году. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. А. Ф. Погосскій вернулся изъ-заграницы и основалъ, въ 1868 году, новый журналъ «Досугъ и Дѣло». Изданіе это, въ первый же годъ своего существованія, пріобрѣло болѣе 5,000 подписанчиковъ. Конкурировать съ такимъ талантливымъ издателемъ, какъ Погосскій, при существованіи еще журнала Гейрота, было трудно, и я счелъ за лучшее отложить возобновленіе «Бесѣдъ» до болѣе благопріятныхъ временъ.

Но долго еще друзья-товарищи посмѣивались надъ моимъ редакторствомъ. Одинъ остроумный карикатуристъ (Певлевъ) нари-

соваль даже карикатуру «Мартъяновскія Бесѣды». Представлена была аудиторія, переполненная солдатами и народомъ. Я про-бираюсь на каѳедру, держа въ рукахъ «Бесѣды». На первой ступенькѣ меня останавливаютъ жандармы. Одинъ («жандармъ права» съ лицемъ Горемыкина) говорить мнѣ:—«позвольте, вы бе-сѣдовать не можете, вы нарушаете государственные тайны». Дру-гой же («жандармъ мысли» съ лицемъ Балписта) отираетъ отъ меня «Бесѣды», говоря:—«извините... я только исполняю, что при-казано».

Сохранилась ли эта карикатура? Набросана она и зло, и мѣтко.

ТРИ ДНЯ ВЪ СЕВАСТОПОЛЬ.

РЕВНИЙ Херсонесъ Таврическій имѣть для нась важное историческое значеніе въ томъ отношеніи, что въ немъ совершилось крещеніе великаго князя Владимира, а съ нимъ вмѣстѣ и всей Руси.

Принятіе Владиміромъ христіанства воспослѣдовало не вдругъ, а по предварительномъ сравненіи многихъ вѣроученій и по совершенномъ убѣжденіи князя и собранныхъ имъ бояръ и старѣшинъ въ правотѣ и святости греческаго вѣроисповѣданія. Событие это, по словамъ нашихъ лѣтописей, совершилось слѣдующимъ образомъ. Въ 986 году приходили ко Владиміру послы изъ Волжской Болгаріи, и предлагали ему принять магометанство. Приходили также міссионеры изъ Рима и проповѣдники отъ жидаў хозарскихъ, и былъ присланный греками философъ. Но изо всѣхъ религіозныхъ толкованій ихъ, Владиміру наиболѣе понравилось объясненіе греческаго философа, который и былъ одаренъ щедро и отпущенъ съ великою честью. Въ слѣдующемъ году, Владиміръ, по совѣту бояръ и градскихъ старцевъ, послалъ десять разумнѣйшихъ мужей къ болгарамъ, къ католикамъ и въ Цареградъ, для испытания предложеныхъ вѣръ на мѣстѣ. По возвращеніи посланныхъ, на собраніи вновь совѣтѣ бояръ и старцевъ, было отдано предпочтеніе греческой вѣрѣ. «Гдѣ примемъ крещеніе?» — спросилъ Владиміръ. «Гдѣ ти любо», — отвѣчали бояре. 988 годъ ознаменовался походомъ Владимира на Херсонесъ. Долго не могъ онъ взять укрѣпленнаго города, не смотря на всѣ свои усилия. Напрасно онъ угрожалъ херсонесцамъ держать ихъ въ осадѣ цѣлыми три лѣта, если они не сдадутся, — осажденные не соглашались. Наконецъ, одинъ изъ корсунянъ, по

имени Анастасій, пустиль изъ города въ станъ русскій стрѣлъ съ надписью: «за вами къ востоку находятся колодези, откуда херсонцы получаютъ воду чрезъ трубы; перекопайте водопроводы». Услышавъ это, Владимиръ возврѣль на небо и воскликнулъ: «если это сбудется, я непремѣнно крещусь». Указанное средство оказалось успѣшнымъ, Владимиръ овладѣлъ Херсонесомъ и, вступивъ въ него съ дружиною, послалъ сказать греческимъ императорамъ Василію и Константину: «вашъ славный городъ я взялъ, такъ поступлю я и съ вашей столицею, если не отадите за меня сестры своей, еще незамужней, которая, какъ слышно, есть у васъ». Императоры, съ своей стороны, потребовали отъ него, чтобы онъ крестился, соглашаясь только подъ этимъ условіемъ исполнить его желаніе. «Скажите царямъ своимъ, — отвѣчаль Владимиръ посламъ греческимъ, — что я крещусь, что я еще прежде испыталъ законъ вашъ, чрезъ нарочитыхъ своихъ мужей, и полюбиль вашу вѣру и ваше богослуженіе». Чрезъ нѣсколько времени прибыла въ Херсонесъ на корабль царевна, сопутствуемая многими сановниками и пресвитерами, и крещеніе Владимира совершилось въ церкви св. Василія, стоявшей посреди Херсонесской городской площади, а затѣмъ послѣдовало и бракосочетаніе его съ греческою царевною. Въ память всего этого, великий князь построилъ въ Херсонесѣ церковь и, возвративши завоеванный городъ царямъ греческимъ, какъ вѣно за руку сестры ихъ Анны, отправился въ свою столицу.

Вся историческая жизнь Херсонеса сложилась такъ, какъ будто его исконнымъ призваніемъ было—передать Россіи неугасимый свѣтильникъ православія и опочить затѣмъ на нѣї. Прослѣдимъ его исторію вкратцѣ, чтобы удостовѣриться въ истинѣ вышесказаннаго.

Полуостровъ Крымъ въ глубокой древности заселенъ былъ дикимъ и невѣжественнымъ народомъ таврами, отчего и получилъ название Таврическаго. Легенды о немъ восходятъ къ временамъ доисторическимъ. Въ греческихъ сказаніяхъ о миѳологическихъ герояхъ мы встрѣчаемъ упоминовенія: то о томъ, какъ Тезей афинскій похитилъ съ южнаго берега Понта-Эвксинскаго (Чернаго моря) прекрасную и храбрую королеву амазонокъ Антіону; то о томъ, какъ Ахиллесь со своей дружиной совершаєтъ здѣсь воинскія игры и показываетъ свое искусство въ бѣганіи; то, наконецъ, о томъ, какъ Ифигенія, дочь Агамемнона, знаменитая жрица богини Артемиды, собирается заклять въ Тавридѣ брата своего Ореста, а Пиладъ предлагаетъ принести въ жертву свою жизнь, чтобы только спасти

жизнь друга своего. Историческая же извѣстность о Тавридѣ начинается съ заселенiemъ береговъ Крыма греческими поселенiями. По словамъ Страбона, Херсонесъ основанъ ираклеотами, въ началѣ VI вѣка до Р. Х. Извѣстная предпримчивость, смѣлость и энергiя греческихъ поселенцевъ способствовали развитiю торговли какъ Херсонеса, такъ и другихъ сосѣдственныхъ съ нимъ колонiй, и они скоро стали богатыми и могущественными. Построенный въ углу Таврическаго полуострова, между заливомъ Ктенусъ (нынѣшнiй Севастопольскiй рейдъ) и заливомъ Символонъ (Балаклавская бухта), Херсонесъ былъ защищенъ со стороны Тавроскифскихъ владѣнiй высокою, со многими башнями и рвомъ, каменною стѣною, имѣвшей протяженiемъ по словамъ Страбона, около 50 стадiй (8 верстъ). Въ теченiе многихъ вѣковъ онъ ведеть болѣе или менѣе успѣшную борьбу съ сосѣдственными тавроскифскими племенами. Во времена владычества римлянъ, его подчиняютъ сперва вассальному царю Босфора, но потомъ зависимость его измѣняется въ непосредственное подчиненiе Риму и ему возвращено было отчасти прежнее республиканское самоуправлѣнiе. При раздѣлѣнiи Римской имперiи, Херсонесъ подчиняется Византiи и зависимость его отъ нея продолжается до самаго ея паденiя. Какъ отдаленнѣйшая область Римской имперiи, онъ служить мѣстомъ ссылки политическихъ и другихъ преступниковъ. Такъ, здѣсь была заключена, за сочувствiе къ христiанству, Флавiя Домитилла, племянница императоровъ Тита и Домицiана, здѣсь томились въ заточенiи и папа римскiй Климентъ, и папа римскiй Мартинъ I-й, наконецъ, сюда же были сосланъ и императоръ Юстинианъ II-й, по низложeniю его Леонтиемъ. Но не смотря на это, Херсонесъ имѣть громадное значенiе,—онъ служить средоточиемъ богатства, наукъ, искусствъ и греческой цивилизациi въ Тавридѣ. Занимая территорiю до 40 верстъ въ окружности, онъ ведеть обширную торговлю и даже вмѣшивается въ политику византiйскаго двора. По словамъ Дюбуа-Монпере, въ лучшую пору его развитiя, въ немъ насчитывалось до 5,000 домовъ и до 50,000 жителей. Въ перiодъ великаго переселенiя народовъ, Херсонесъ подвергается нападенiямъ готовъ, угревъ, аваровъ, хозаровъ и гунновъ, и отражаетъ ихъ собственными своими силами, такъ какъ Византiя не имѣла уже возможности защищать свои отдаленные области. Но вотъ, подъ стѣнами знаменитаго города появляется нашъ великий князь Владимиръ со своими дружинами и покоряетъ его. Событие знаменательное! Херсонесъ покоряется за тѣмъ, чтобы дать великому

князю, а съ нимъ вмѣстѣ и всей Руси, крещеніе. Это выдающееся изъ ряда другихъ явленіе составляеть самое важное, самое блестяще дѣло во всей его исторической жизни, эпопею его призванія, исполнивъ которую, онъ начинаеть склоняться къ упадку. Его постоянныя столкновенія съ печенѣгами и половцами въ XI и XII и съ генуэзцами и татарами въ XIII вѣкѣ истощаютъ его силы, а набѣгъ Ольгерда князя литовскаго въ 1363 г. наносить ему самый жестокій ударъ, послѣ котораго онъ не могъ уже поправиться: стѣны его были разрушены, жители перебиты или уведены въ плѣнъ, а городъ сожженъ или обращенъ въ развалины. Окончательное же разрушение Херсонеса совершилось при завоеваніи Крыма турками въ 1475 году. Съ этихъ порь городъ опустѣлъ совершенно, и только остатки стѣнъ, башенъ, храмовъ и дворцовъ, еще долго напоминали путешественникамъ времена прежняго его величія.

Въ послѣдующіе затѣмъ годы, близъ развалинъ Херсонеса поселились татары. Построенна ими маленькая деревушка Ахтіаръ, съ покореніемъ Крыма русскими въ 1783 году, по повелѣнію императрицы Екатерины, переименована въ Севастополь. Вновь возникшій городъ поглотилъ остатки прежняго. Посланный Стефаномъ Баторіемъ къ крымскому хану въ 1578 г. Максимъ Броневій, при посѣщеніи развалинъ Херсонеса, этого, по его выраженію, «гордаго, изящнаго и славнаго города», видѣлъ еще остатки стѣнъ и башенъ, построенныхъ изъ огромныхъ тесаныхъ камней. Княжескій дворецъ, обширный, по его словамъ, какъ цѣлый городъ, съ великоколѣнными входными воротами, продолжалъ еще существовать, какъ продолжали существовать и вѣкоторыя ограбленныя и лишенныя своихъ цѣнныхъ мраморовъ церкви. При покореніи Крыма русскими, многіе изъ видѣнныхъ Броневіемъ остатковъ зданій, стѣнъ, башенъ и воротъ были еще цѣлы. Но, по приказанію князя Потемкина, ихъ стали разрушать, а камни и мраморы употреблять на постройку Севастополя. И сколько мраморовъ, капителей, фрескъ, было положено въ фундаменты казармъ и другихъ зданій! Стѣны же и ворота, по предавію, пошли на постройку Севастопольскаго карантинна. Императоръ Александръ I-й приказалъ остановить разрушеніе, но было уже поздно. Новѣйшіе путешественники: Палласъ въ 1793 г. и Муравьевъ въ 1820 г. находятъ еще слѣды городской стѣны и водопровода. Но Терещенко, посѣтившій Крымъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, пишетъ въ своихъ «Очеркахъ Новороссійскаго края» слѣдующее: «Я спѣшилъ взглянуть на слѣды древнаго Херсонеса,

но каково было мое удивление, когда открылась предо мной лишь равнина, усыпанная щебнем, и только кое-где выказывались бугры — быть может, следы зданий. Время стерло с лица земли тот знаменитый Херсонес, который три раза падал и возрождался. Съ какимъ нетерпѣніемъ ходилъ я изъ Балаклавы въ Херсонес, отстоящій въ двухъ верстахъ отъ Севастополя, съ такимъ же негодованиемъ смотрѣлъ на пустое мѣсто, безъ памятниковъ, безъ малыхъ остатковъ его древняго величія».

Исчезъ съ лица земли исполнивший свое назначение Херсонес Таврический, и мы только въ раскопкахъ, сдѣланныхъ на мѣстѣ его нахождѣнія извѣстнымъ нашимъ археологомъ, графомъ А. С. Уваровыемъ, можемъ видѣть теперь следы его прежнихъ богатствъ, его цивилизаций и вѣкоторыхъ изъ его построекъ.

Изъ числа многихъ открытыхъ, сдѣланныхъ графомъ А. С. Уваровыемъ, особенное вниманіе обратили на себя развалины церкви, въ которой, какъ признано нынѣ, крестился великий князь Владимиръ. Покойный архіепископъ Херсонскій и Таврическій Иннокентій возымѣлъ счастливую мысль возстановить этотъ храмъ и, съ благословенія Святѣшшаго Синода, устроилъ въ 1853 г., близъ остатковъ открытоаго храма общежительную киновію и при ней малую церковь во имя св. благовѣрной княгини Ольги. Во время осады Севастополя, церковь эта и кельи иноковъ были разрушены. На мѣстѣ ихъ французы построили батареи и громили оттуда Севастополь. Въ 1857 году, разрушенная киновія возстановлена, а въ слѣдующемъ затѣмъ году послѣдовало Высочайшее повелѣніе построить надъ остатками церкви, въ которой крестился великий князь Владимиръ, большой соборный храмъ, во имя равноапостольнаго просвѣтителя Россіи, и отъ монаршихъ щедротъ были дарованы первоначальные средства для производства работъ. 23 августа 1861 года, Государь Императоръ соизволилъ лично совершить закладку храма. Въ этомъ же году и скромная херсонесская киновія была возведена на степени первокласснаго монастыря. Работы по устройству монастыря двинулись впередъ быстро. Двухъ-этажный архимандритскій домъ, съ домовой церковью, во имя Корсунской Божіей матери, былъ оконченъ постройкою въ 1863 году. Вмѣстѣ съ тѣмъ построено и нѣсколько братскихъ келій. Но сооруженіе храма во имя равноапостольнаго князя Владимира долгое время ограничивалось возведеніемъ стѣнъ фундамента, и только въ послѣдніе два года, благодаря энергическимъ усилиямъ архимандрита Евгения и ревности принявшаго

на себя постройку храма, извѣстнаго нашего строителя П. И. Губонина, строительные работы производились съ особенной заботливостью, такъ что стѣны храма къ концу 1874 года были выведены подъ своды втораго этажа *).

Въ ноябрѣ 1874 года мнѣ пришлось совершить поѣздку въ Крымъ. Тотчасъ по прибытии въ Севастополь, мнѣ захотѣлось исполнить свое давнишнее желаніе поклониться мѣсту, откуда Русь восприняла свѣтъ христіанскаго вѣроученія, и на утро, въ обществѣ С. П. Губонина, сына строителя Херсонесскаго собора, пріѣхавшаго одновременно со мною въ Севастополь для осмотра работъ, произведенныхъ въ соборѣ въ теченіи лѣта, я отправился въ Херсонесскій монастырь. День былъ теплый, тихій и ведренный, какой можетъ только быть въ глубокую осень на югѣ Россіи. Извоючій экипажъ рысцой потащилъ насъ по улицамъ Севастополя, если только можно назвать улицами эти взрытые, какъ гряды, циклопическіе тропы, вьющіеся между руинъ разрушенаго города. Двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ разразившаяся такъ неожиданно надъ Севастополемъ гроза превратила его въ беспорядочную груду камней, но эта труда камней лежитъ и донынѣ почти въ томъ же видѣ, въ какомъ она осталась, когда гроза утихла. Это даже и не груда камней, но какая-то искалѣченная, безобразная масса скелетовъ безъ череповъ, съ провалами во впадинахъ глазъ, съ изломанными ребрами и пустыми внутренностями. Правда, кое-гдѣ встрѣчаются исправленные для жилья дома, встрѣчаются и небольшая новыя постройки, но въ общихъ чертахъ картина разрушенія производить самое тяжелое впечатлѣніе. Вы видите не городъ, а какое-то громадное покинутое кладбище, съ развалившимися памятниками, обрушившимися могилами и торчащими изъ-подъ земли углами гробовъ.

Тѣлѣніе и запустѣніе царять въ этомъ, забытомъ людьми жилищѣ смерти и нескоро еще жизнь, какъ кажется, коснется его своимъ дыханіемъ.

¹⁾ Для постройки храма былъ образованъ особый строительный комитетъ, существовавшій до 1873 г., т. е. до того времени, когда работы по постройкѣ были переданы г. Губонину. Медленность постройки храма за прежнее время происходила вслѣдствіе незначительности имѣвшихся въ распоряженіи комитета суммъ, такъ какъ только на 1873 г. для постройки былъ испрошенъ кредитъ въ 250,000 руб.

Выбравшись за городъ, мы поѣхали мимо бывшихъ нашихъ ба-
стіоновъ и непріятельскихъ траншей и батарей. Въ ложбинѣ между
двумя возвышенностями, посылавшими другъ другу смерть и раз-
рушение изъ нѣсколькихъ сотъ орудій, лежитъ городское кладбище
съ небольшой при немъ церковью, сохранившуюся и во время осады.
Дорога, окрестные холмы и балки, усыпаны небольшими бѣлыми
камнями. Кругомъ глухо и безлюдно—ни одного строенія, ни одного
деревца до самаго монастыря.

Среди такой пустынной мертвенноти, видъ вновь строющейся
обители производить самое отрадное впечатлѣніе. Жизнью и трудомъ
вѣтъ отъ этихъ простыхъ, незатѣмълихъ, деревянныхъ святыхъ
воротъ, у которыхъ мы не нашли, однако, ни привратника, ни
толпы нищихъ, ни толпы торговцевъ,—этихъ атрибутовъ каждого
сколько-нибудь значительного русскаго монастыря. Отодвинувъ ни-
зеньку на колесцахъ рогатку, заставлявшую проходить во святыхъ
воротахъ, мы вошли на дворъ монастыря и пройдя нѣсколько ша-
говъ впередъ по неширокой песчанистой дорожкѣ, очутились передъ
новымъ, весьма красивымъ двухъэтажнымъ домомъ настоятеля. На-
льво, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дорожки, виднѣется небольшая
монастырская церковь, построенная во имя семи священномуче-
никовъ въ Херсонесѣ епископствовавшихъ, а за нею далѣе—брат-
скія кельи и другія монастырскія постройки. Направо же высится
закутанный въ лѣса новый Владимирскій соборъ. Монастырскій дворъ
не великъ, но содержится чисто и опрятно. Передъ домомъ настоя-
теля разведенъ маленький садикъ съ клумбою цвѣтовъ и небольшой
бесѣдкой. Трудъ, забота и попеченіе о развитіи и благосостоянії
обители выражаются на каждомъ шагу.

Узнавъ отъ одного изъ монастырскихъ служекъ, что архиман-
дрита Евгенія нѣть дома, мы отправились ко вновь строющемуся
храму. Храмъ сооружается по плану профессора Гrimma, подъ на-
ближеніемъ архитектора М. Ю. Арнольда, изъ громадныхъ тесаныхъ
плитъ бѣлого инкерманскаго камня, съ мраморными по фасаду кол-
лоннами ¹⁾). Это будетъ зданіе простое, но вмѣстѣ съ тѣмъ вели-

¹⁾ Первоначально предполагалось облицевать храмъ порфиромъ и мраморомъ; но такъ какъ эта мѣра требовала расходу до 700,000 р., то и рѣшили, впослѣдствіи, ограничиться только постановкою по фасаду мраморныхъ колонъ.

чественное и чисто въ русскомъ стилѣ; оно занимаетъ площадь въ 304 квадратныхъ сажени, и будетъ состоять изъ двухъ этажей. Высота его съ крестомъ около 19 саженъ. Нижній этажъ возвѣденъ надъ остатками стѣнъ церкви, въ которой великий князь Владимиръ воспринялъ св. крещеніе, а верхній предназначается для богослуженія. Съ чувствомъ нѣмого благоговѣнія осматривалъ я остатки стѣнъ этой древней базилики. Внѣшняя форма ихъ представляетъ образецъ византійского стиля. Алтарь церкви выдается наружу полукруглымъ выступомъ, стѣны сложены изъ грубо обтесанныхъ желтоватаго цвѣта большихъ камней, между которыми мѣстами видныются обломки колонъ, вѣроятно, какого-либо еще болѣе древнѣйшаго храма. Вышина сохранившихся стѣнъ отъ полу: со стороны алтаря и входа достигаетъ—семи, а въ прочихъ мѣстахъ—не болѣе трехъ-четырехъ футовъ.

Въ небольшомъ разстояніи отъ вновь строящагося храма видныются слѣды еще двухъ открытыхъ церквей, а вокругъ ихъ и нѣсколько всторону, между громадными глыбами камней, обтесываемыхъ для новаго собора, известочныхъ творилъ, бревенъ, воротовъ и грудъ мусора, попадаются обломки древнихъ колонъ, карнизовъ, крестовъ—какъ будто съ этого должно начаться объединеніе древнаго міра съ идущимъ къ нему навстрѣчу новымъ.

Съ высоты верхней площадки лѣсовъ я обозрѣвалъ территорію «гордаго, изящнаго и славнаго» Херсонеса. Мне хотѣлось опредѣлить положеніе: и главной его улицы—Аркаса, шедшей, какъ извѣстно, отъ западныхъ воротъ по южному краю города и поворачивавшей потомъ на сѣверо-востокъ, и главной городской площасти съ ея храмами и дворцами, и дворца княжескаго, «обширнаго какъ городъ», и знаменитой городской стѣны, съ ея башнями и рвами, начинавшейся у Черной рѣчки и шедшей немногимъ выше Инкермана до самой Балаклавской бухты, и не менѣе знаменитыхъ водопроводовъ. Но исполнить этого, къ сожалѣнію, я не могъ, такъ какъ на поверхности земли никакихъ слѣдовъ ихъ существованія (кромѣ открытыхъ при раскопкахъ слѣдовъ церквей) уже не оказывалось. Время все уничтожило и только одно вѣчно неизмѣнное море также, какъ и прежде, во время славы и могущества Херсонеса, кипитъ и пѣнится у его крутыхъ каменистыхъ береговъ. Все также мѣрно и безустанно, одна вслѣдъ за другой, несутся волны на эти выдающіеся береговые выступы, мыски и крошечные каменные островки, и прѣдають высоко съ шумомъ, покрытые пѣной, какъ блескѣж-

ной пеленой, и дробятся и разсыпаются тысячами брызги. А тамъ, вдалекъ, гдѣ море какъ бы сливалось съ густой яркой синью горизонта, прозрачная свѣтлозеленая масса волнъ, чуть-чуть колеблясь, вспыхиваетъ подъ златисто-блесковатыми лучами осенняго солнца, и горитъ, и блеститъ багрянцемъ, чернью и серебромъ.

Въ тотъ же день, подвечеръ, я совершилъ поѣзду по линіи бывшихъ севастопольскихъ укрѣплений южной стороны. На Малаховомъ курганѣ я пробылъ довольно долго. Вотъ что занесъ я тамъ, на память объ этомъ достопамятномъ вечерѣ, въ дневникъ свой 20 ноября 1874 года.

На Малаховомъ курганѣ.

Съ благоговѣніемъ склоняюсь предъ тобою,
Холмъ исторический, священный, славный холмъ,
Свидѣтель мужества, геройства, чести, долга,
И памятникъ всѣхъ дѣлъ, совершенныхъ ими здѣсь.
Земля вокругъ тебя вся вспахана огнемъ
И пропиталася до нѣдѣль людскою кровью.
Въ надеждѣ отстоять твердыню дорогую
И съ нею родину отъ вражьяго вторженья,
Здѣсь пали легіоны нашихъ Леонидовъ,
Принявъ на щитъ удары полуцищъ полумира
И грудью мощной отразивъ ихъ ярый натискъ,
Здѣсь русскіе кости легли богатыри.
При заливахъ тысячи громаднѣйшихъ орудій,
Подъ огненнымъ дождемъ свинца и чугуна,
Въ дыму и пламени погаснувшихъ пожаровъ,
Подъ смертный хрѣпъ и стоинъ истерзанныхъ людей,
Здѣсь триста сорокъ дней разыгрывалася драма,
Которой цѣлый міръ, дивясь, рукоплескалъ.
Герои Сарагоссы, Трои, Карфагена,
Васъ, севастопольцы, едва ли не превзошли...
Здѣсь не было просто бой—боролися гиганты,
Тутъ рыцари дрались, сойдясь въ поединкѣ,
Тутъ крики слышались: «стрѣляйте вы, мы—послѣ»...
Смерть проносилася, но не было побѣды:
Автей не побѣженъ, когда его пята
Касается земли, какъ матери и силы...
Изуйте жъ ноги здѣсь, припельцы-пилигримы,
Зане то мѣсто, гдѣ стоите вы, есть свято!..
Съ какимъ волненіемъ и трепетнымъ желаньемъ,
Пришлецъ издалека, рвался я мыслю видѣть

Тебя, мой дорогой и сердцу близкий холмъ,
И вотъ я, наконецъ, у твоего подножья.
Вокругъ нѣма тиши, безлюдье и пустыни,
Известка, глина, грязь и глыбы плитняка—
Все исковеркано, изрѣзано и взрыто,
Какъ будто волны здѣсь морскія въ бурномъ взметѣ
Окаменѣли вдругъ подъ взглядомъ чародѣя.
Осенний теплый день склоняется къ закату,
Послѣдній солнца лучъ, лучъ поздній и холодный,
Подъ легкимъ облачкомъ, гонимымъ вѣтеркомъ,
Какъ рѣзвое дитя, играетъ и бѣжитъ
По ямамъ и буграмъ изборожденной почвы,
И гдѣ то тамъ вдали теряется и гаснетъ...
Почитательно какъ сынъ, съ главой непокровенной,
Я поднялся на холмъ, который силы вражды
Съ такимъ неистовствомъ громили день и ночь,
Въ который брошено тактъ много бомбъ и ядеръ,
И на который глазъ людскихъ, дивясь, смотрѣло
Едва-ли не болѣе, чѣмъ смотрѣть съ неба звѣзды...
Вотъ башня—памятникъ, гдѣ наши командиры,
Отцы сѣдыхъ дружинъ, какъ бы зеницу ока,
Блюли имъ вѣренный самой судбою постъ.
Вотъ славный тотъ бляндажъ, гдѣ старый левъ Синопа,
Окончивъ свой обходъ по линіямъ огня,
Бесѣдоваль съ дѣтьми своими—моряками
И оживлялъ въ нихъ духъ и вѣру въ одолѣніе.
А вотъ—колодцы минъ съ ихъ мрачнымъ лабиринтомъ
Подземныхъ галлерей, воронокъ, душниковъ,
Гдѣ русскій нашъ Вобанъ съ такимъ искусствомъ велъ
Подземную войну съ противникомъ достойнѣмъ.
Вотъ мѣсто, гдѣ ядро Корнилова сразило,
Вотъ здѣсь Шапиловъ палъ, а здѣсь Нахимовъ славный,
Смертельно раненый, окончилъ славно жизнь.
О! сколько горестныхъ и жгучихъ вспоминаний
Въ насы будить этотъ холмъ своимъ живымъ разсказомъ,
Взволнованный, въ слезахъ, въхожу на валь кургана,
Вокругъ раскинулись въ нестройномъ беспорядкѣ
Ложбины узкия, овраги, балки, кручи,
Останки батарей, руины грозныхъ верковъ,
Окоповъ всяческихъ, люнетовъ и траншей;
На западѣ заря сгорѣла, гаснетъ отблескъ,
Земля одѣлася прозрачной сѣрой дымкой,
И звѣздочки зажглись на синемъ склонѣ неба.
Пора бы и домой, но я еще стою,
Смотрю и думаю, о прошломъ вспоминаю...
И вотъ передо мной какъ будто возвастѣ
Не мертвый нынѣшній, но прежній Севастополь,
Съ его стальной стѣной недремлюющихъ штыковъ,
Въ огневомъ поясѣ грохочущихъ орудій.

Идеть въ разгарѣ бой, кровавый страшный бой,
Изъ-подъ густой зловѣщей черной тучи дыма,
Застлавшей горизонтъ, не видю даже свѣта,
День превратился въ ночь, ночь ужаса и страха,
Орудія, мортиры, ружья, штуцера,
Стрѣляя залпами и порозы, превзойти
Въ убийственной борьбѣ стараются другъ друга.
Снаряды сыплются—какъ частый крупный градъ,
Чугунъ, свинецъ и мѣль валятся словно съ неба,
И мѣста пѣтъ вблизи, гдѣ-бѣ человѣкъ, укрывшись,
Спокойно могъ сказать: «теперь я безопасенъ»...
Смерть носится какъ вихрь и косить жатву крови,
И бѣшенъемъ ея порывамъ пѣтъ конца.
Ей кажется, что міръ ей отданъ весь на жертву,
И мечется она безумно тамъ и здѣсь,
И новыхъ тысячи любимцевъ избираетъ,
Межъ тѣмъ какъ раненый, истерзанный, избитый,
Напрасно ждетъ ее и молить, словно блага,
Перста холоднаго ея прикосновенія.
Вездѣ лежатъ тѣла—и лошади, и люди;
И трупы цѣлые, и части, члены труповъ
Смѣшили съ людьми, въ которыхъ тѣтъ жизнъ,
И человѣкъ живой завидуетъ умершимъ.
Одинъ глотокъ воды дороже полуміра,
Послѣдняя мольба въ борьбѣ за жизнь о немъ;
Здѣсь блѣднѣя уста сокинулися съ молитвой,
Туть вопль проклятія колеблетъ жгучій воздухъ,
Страдалецъ чуть дыша, коснѣющей рукой,
Чтобъ жажду утолить, щепоточку травы,
Отъ крови влажную, вокругъ себя срываешь...
Но бой колеблется, враги зовутъ резервы,
И вотъ они спѣшатъ, усиливая бѣгъ,
Имъ нужно во время прибыть, чтобы ворваться
Въ завѣтныи бастіонъ—вѣнецъ ихъ всѣхъ усилий;
Уже полкъ за полкомъ, какъ валъ за валомъ въ морѣ,
Несутся, буйные, впередъ неудержимо,—
И вотъ ударились о каменный утесъ,
И всپять отпрянули, лишь брызги волнъ, да пѣна
Валетъли высоко и пали въ тѣже волны.
Скала не дрогнула, утесъ не шевельнулся...
Еще ударъ, другой, и масса волнъ громадныхъ
Въ напорѣ яростномъ ужъ хлещетъ чрезъ утесъ,
Но каменная грудь скалы не подалася...
Хвала тебѣ во вѣкъ, бессмертный нашъ Хрулевъ,
Ты къ «благодѣтелямъ» о выручкѣ возвзвалъ,
И съ ними бросился и выручилъ побѣду.
Но тѣни падаютъ... и только Горчаковъ
Со свитою своей стоять еще у бухты,
Какъ въ тотъ несчастный день, когда твердыня пала,

И передъ нимъ войска въ молчаны проходили.
Всю тяжесть этого жестокаго паденья
Онъ вынесъ на себѣ, достойный нашъ стратегъ,
И, гордый правотой своей въ дни тяжкихъ бѣдъ,
Онъ легъ вблизи своей разрушенной твердыни,
Какъ будто говоря: «за это я отвѣчу»...

Межъ тѣмъ ночь южная спускается все ниже
И кроетъ синей тѣмой, какъ пологомъ, окрестность.
Съ душой, исполненной печали и тоски,
Я землю кланяюсь тебѣ, курганъ Малаховъ,
Вестминстеръ доблести и храбрости и славы,—
Угрюмый, какъ вокругъ природа,—Партенонъ:
Твое бессмертное геройское паденье
Къ развитью нашего величья послужило...

На другой день утромъ я посѣтилъ севастопольскій музей, устроенный въ пожертвованномъ графомъ Тотлебеномъ домѣ, а въ-черомъ на четырехвесельномъ катерѣ ъздила на Братское кладбище. Въ день же отъѣзда изъ Севастополя осматривалъ городской соборъ, въ которомъ погребены павшіе при защите адмиралы Корниловъ, Нахимовъ и Истоминъ. Но тетрадка, въ которой были записаны впечатлѣнія видѣннаго, утратилась, — и я не считаю себя вправѣ профанировать чувства, тѣснившія тогда грудь, на память. Поэтому, обрывая разсказъ на половинѣ, заншу для памяти оставшееся донынѣ непонятнымъ впечатлѣніе погребенія праха трехъ адмираловъ отдельно отъ князя М. Д. Горчакова, генерала С. А. Хрулева и другихъ достославныхъ вождей, улегшихся запросто среди кургановъ и братскихъ могилъ товарищѣ по защите падшей твердыни на «Братскомъ кладбищѣ» съверной стороны. Вѣдь тамъ преданы землѣ всѣ убитые и умершіе отъ ранъ и болѣзней воины-защитники, какъ пѣхотинцы, такъ и моряки. Зачѣмъ же выдѣлены эти три героя? Зачѣмъ отчуждены они отъ тысячъ другихъ храбрыхъ и храбрѣшшихъ? Неужели въ этомъ могло выразиться какое-либо осо-бенное имѣть отличіе?.. Но, оставляя въ сторонѣ сужденіе о томъ, не могу не замѣтить, что всякому русскому человѣку горячо любящему свою родину и дорожащему ея славой и справедливостью, гораздо пріятнѣе было бы видѣть всю тѣсную дружину родную семью за-щитниковъ Севастополя — похороненными рядомъ на одномъ зеленомъ предгорѣ «великой нивы смерти».

КНЯЗЬ А. Л. ДАДАНЬ,

ФЛИГЕЛЬ-АДЬЮТАНТЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

КНЯЗЬ Александръ Леоновичъ Даданъ, известный своими несчастіями, какъ очистительная жертва тѣхъ традиціонныхъ порядковъ, которые въ добroe старое время существовали въ управлѣніи полковою хозяйственnoю частію на Кавказѣ, родился въ 1801 году, въ наслѣдственномъ имѣніи симбирской губерніи, сенгилѣвскаго уѣзда, гдѣ у его родителей было до 1000 душъ крестьянъ, и получилъ отличное по тому времени домашнее воспитаніе. По словамъ лицъ, коротко знавшихъ князя, это былъ человѣкъ высокаго образования, характера мужественнаго и непреклонной силы воли.

Даданъ поступилъ на службу подпрапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ преображенскій полкъ въ 1817 году; въ 1821 г. произведенъ въ прапорщики, а въ 1825 г., въ чинѣ поручика, назначенъ адъютантомъ къ генералъ-адъютанту Паскевичу ¹).

Онъ участвовалъ въ войнахъ: персидской 1826—1827 г. и турецкой 1828—1829 г. и экспедиціяхъ противъ горцевъ 1830, 1831 и 1832 годовъ. Въ 1827 году, графъ Паскевичъ-Эриванскій удостоилъ его порученія донести императору Николаю о взятіи Тавриза, за что Даданъ произведенъ въ капитаны, а въ 1829 году онъ былъ посланъ къ государю съ донесеніемъ о сраженіи при Коинлы и взятіи турецкаго лагеря и трехъ-буничужнаго паші въ

¹) Впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ, князь Варшавскій.

плѣнь, за что произведенъ въ полковники и назначенъ флигель-адъютантомъ его величества.

Въ концѣ того же 1829 года, онъ получилъ въ командование эриванскій карабинерный (нынѣ 13-й лейбъ-grenадерскій его величества) полкъ.

Дадіанъ былъ женатъ на дочери командаира отдѣльного кавказскаго корпуса, генераль-адъютанта барона Розена, Лидіи Григорьевнѣ Розенъ.

Въ 1837 году, во время посѣщенія императоромъ Николаемъ Кавказа, по донесенію находившагося въ Тифлісѣ для выработки положенія обѣ управлѣніи закавказскимъ краемъ, сенатора барона Гана о злоупотребленіяхъ въ эриванскомъ полку, князь Дадіанъ, лично государемъ, при разводѣ 24 сентября, въ Тифлісѣ, на Мадатовской площади, былъ лишенъ флигель-адъютантскаго званія и отправленъ въ Бобруйскъ, гдѣ и находился подъ судомъ, съ содержаніемъ въ казематѣ арестованнымъ, до 1840 года.

Междудѣмъ, флигель-адъютанту Катенину¹), было повелѣнно: сдѣлать инспекторскій смотръ полку и произвести формальное слѣдствіе о дѣйствіяхъ Дадіана, съ тѣмъ, чтобы донесеніе Катенина служило основаніемъ сужденію военнаго суда. По суду оказалось слѣдующее:

1. Войска кавказскаго корпуса были обязаны устраивать штабъ-квартиры для себя собственными хозяйственными средствами, получая только безъ платы лѣсъ изъ владѣльческихъ дачъ и обывательская подводы для подвозки къ мѣсту постройки разныхъ материаловъ. Сверхъ того, съ цѣлью облегченія войскъ кавказскаго корпуса въ устройствѣ полковыхъ штабовъ, было разрѣшено имъ, кромѣ штатныхъ подъемныхъ лошадей, имѣть еще рабочихъ воловъ, на покупку которыхъ употреблялись деньги изъ отпускавшихся на устройство штабъ-квартиръ, и иногда изъ экономическихъ полковыхъ суммъ. На этомъ основаніи эриванскому карабинерному полку были отведены частныя земли около Тифліса для рубки лѣса и сѣнокошенія. Дадіанъ продовольствовалъ накопленнымъ сѣномъ не однихъ полковыхъ лошадей и быковъ, но и собственный скотъ и конскій заводъ свой, а зимою довольствовалъ скотъ полковаго маркитанта и друг-

¹) Впослѣдствіи генераль-адъютантъ и оренбургскій генераль-губернаторъ.

тихъ лицъ, не плати за излишиесъ бѣно денегъ владѣльцамъ земель; церковныхъ же земли началь онъ распахивать и подъ посѣвъ хлѣба.

2. Для надзора за конскимъ заводомъ и скотоводствомъ своимъ, Дадіанъ употреблялъ 8-мъ унтеръ-офицеровъ и до 100 человѣкъ рядовыхъ, а для прислуги въ домѣ и при хозяйственныхъ заведеніяхъ держалъ у себя 4-хъ унтеръ-офицеровъ и 36 человѣкъ рядовыхъ, изъ которыхъ одного (камердинера) произвелъ въ унтеръ-офицера за расторопность по фронту.

3. Дадіанъ, взявъ на себя заготовленіе провіанта для полка, постройку мельницы и возведеніе разныхъ зданій, употреблялъ низкихъ чиновъ въ работы и перевозки, частію безъ платы, частію за малое вознагражденіе.

4. При постройкѣ полковымъ маркитантомъ винокуренного завода, Дадіанъ назначилъ къ нему низкихъ чиновъ для работы по 5-ти коп. въ сутки, тогда какъ вольные люди въ Тифлісѣ получали гораздо большие.

5. Кромѣ низкихъ чиновъ употреблялъ Дадіанъ на работы солдатокъ безъ платы и однажды за ослушаніе наказалъ ихъ.

6. Обывательскія подводы, назначенные въ пособіе для устройства полковой штабъ-квартиры, употреблялъ Дадіанъ для подвозки матеріаловъ къ другимъ казеннымъ постройкамъ и оставлялъ ихъ на работѣ долѣе назначенного срока.

Генераль-аудиторіатъ, разсмотрѣвъ военно-судное дѣло и признавъ князя Дадіана виновнымъ въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ, приговорилъ его къ лишенію чиновъ, орденовъ, княжескаго и дворянскаго достоинствъ и къ написанію въ рядовые, но вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ на высочайшее усмотрѣніе прежнюю безпорочную службу Дадіана, бытность въ походахъ и сраженіяхъ, трехлѣтнене содеряніе въ казематѣ и раскаяніе въ проступкахъ и испрашивалъ милосердія къ участіи его.

Императоръ Николай Павловичъ, разсмотрѣвъ докладъ генераль-аудиторіата въ Динабургѣ, 12-го мая 1840 года, изволилъ написать на немъ собственноручно: «Полковникъ князь Дадіанъ совершенно достоинъ присужденного наказанія, вина его суぐбо тяжка тѣмъ, что онъ носилъ званіе моего флигель-адъютанта и, бывъ близкимъ родственникомъ корпуснаго своего команда, какъ бы обязанъ былъ симъ еще болѣе удаляться отъ всего законопротивнаго, служа скорѣе другимъ примѣромъ строгаго соблюденія порядка службы. Нарушивъ столь наглымъ образомъ свою обязанность, онъ недостоинъ

никакого помилования. Желая, однако, и въ семъ случаѣ оказать возможное вниманіе къ службѣ генераль-адъютанта барона Розена, повелѣваю: лишивъ полковника князя Дадіана чиновъ, орденовъ, княжескаго и дворянскаго достоинства и вмѣнивъ ему трехлѣтненое содержаніе въ казематѣ въ наказаніе, отправить на жительство безвыѣздно въ Вятку».

Въ 1840 году, по ходатайству генераль-адъютанта барона Розена, Дадіану дозволено жить въ имѣніи барона Розена близъ Москвы, а въ 1844 г. разрѣшено ему временнной вѣзьмѣ въ Москву для свиданія съ матерью, и затѣмъ, по просьбѣ сей послѣдней, ему позволено безвыѣздно жить въ Москвѣ.

Въ 1856 году, по случаю коронаціи государя императора Александра Николаевича, Дадіану были возвращены всѣ права по службѣ, которыя онъ пріобрѣлъ до состоянія о немъ высочайшей конфирмации, т. е. чинъ полковника (въ отставкѣ), ордена, княжеское и дворянское достоинство.

Дадіанъ умеръ въ Москвѣ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

Катастрофа, постигшая Дадіана въ 1837 году, какъ громовой ударъ разразилась надъ Кавказомъ, и слухи о ней пронеслись по всей Россіи, принимая разнообразную и иногда даже фантастическую форму. Легенду объ этомъ событии въ самомъ искаженномъ видѣ мнѣ пришлось слышать въ Пятигорскѣ въ 1870 году. Нѣсколько варьаций попали въ печать.

И. И. Лорерь, находившійся въ 1837 году на Кавказѣ, въ запискахъ своихъ («Русскій Архивъ» 1874 года, кн. 2, стр. 371) говорить о катастрофѣ 24 сентября слѣдующее: «По обыкновенію, Бревескій ³⁾ пришелъ къ намъ однімъ утромъ, и какимъ угрюмымъ показался онъ намъ! Сейчасъ же причина разъяснилась. «Слышали вы, господа, что случилось съ бѣднымъ княземъ Дадіаномъ въ Тифлисѣ? Вы знаете, что онъ командуетъ полкомъ и женатъ на дочери главнокомандующаго Розена. Дорогою государь получилъ доносъ на князя Дадіана, которымъ его обвиняютъ въ употребленіи солдатъ на свои работы, недодачѣ жалованья рекрутамъ и прочихъ непозво-

³⁾ Адъютантъ военнаго министра, лейбъ-гвардіи гусарскаго полка штабъ-ротмистръ, находившійся въ то время при генералѣ Вельяминовѣ. Убитъ въ дѣлѣ подъ Черной, въ чинѣ генерала свиты его величества.

лительныхъ поступкахъ; можете себѣ представить, въ какомъ расположениіи духа пріѣхалъ государь въ Тифлісъ. Ни Розенъ, ни начальникъ штаба не подозрѣвали, что ихъ ожидаетъ. Разводъ назначень былъ отъ полка, которымъ командовалъ Дадіанъ, и князь передъ строемъ ожидалъ прибытия государя. На площади собралось безчисленное число народа, грузинъ, армянъ и мирныхъ черкесъ. На балконѣ одного дома на площади сидѣли супруги главнокомандующаго и князя Дадіана, разряженныя, веселыя. День былъ прекрасный. Наконецъ вышелъ государь. Барабаны загрохотали, музыка гремѣла, но царь махнулъ рукой и водворилась тишина. Государь скомандовалъ «къ ногѣ» и велѣлъ составить ружья въ козлы. Огромная свита не понимаетъ этого маневра. Государь собралъ къ себѣ ротныхъ командировъ въ кружокъ и долго съ ними разговаривалъ о чёмъ-то, потомъ созываетъ солдатъ и дѣлаетъ съ ними тоже самое; потомъ командуется: «становись!» Полкъ выстроился. Дадіанъ съ опущенной саблей въ рукѣ, все еще не понималъ причины этихъ дѣйствій, но тутъ государь громко приказалъ коменданту снять съ князя Дадіана флигель-адъютантскіе эксельбанты, какъ съ недостойнаго носить это отличіе. Но что происходило въ это время съ бѣдными дамами на балконѣ? Онѣ лежали въ обмрокѣ. Тутъ же подѣхала фельдъегерская тройка, посадили въ нее обворванного, обезчещеннаго князя Дадіана и повезли въ крѣпость Бобруйскъ».

«По другимъ разсказамъ — комментируетъ вышеприведенный фактъ издатель «Архива» г. Бартеневъ:—преступленія Дадіана, за крѣпостившаго и грабившаго солдатъ, открылись государю случайно. Когда государь приближался къ Тифлісу, загорѣлись отъ быстрой ъезды оси въ его коляскѣ. Въ числѣ людей сбѣжавшихся помочь бѣдѣ, государь узналъ одного солдата подъ крестьянскою одеждой, и тотъ доложилъ ему, что цѣлые десятки и сотни солдатъ работаютъ поблизости въ имѣніи Дадіана. Пока спрашивали коляску, государь на простой телѣгѣ съѣздилъ въ указанное имѣніе и лично удостовѣрился въ томъ, что его воины обращены въ земледѣльцевъ».

Относительно отправки Дадіана въ Бобруйскъ, г. Бартеневъ замѣчаетъ, что онъ былъ преданъ суду на мѣстѣ и отвезенъ въ Бобруйскъ послѣ того, какъ его изобличили въ его дѣйствіяхъ.

Въ дѣйствительности же, Дадіанъ не командовалъ разводомъ, государь не собирая въ кружокъ ротныхъ командировъ и низкихъ чиновъ, не разговаривалъ съ ними и не командовалъ: «становись!»

Все это плоды досужей фантазии. Равномерно и рассказъ о поѣздкѣ государя въ простой телѣгѣ въ имѣніе князя Дадіана и личномъ удостовѣреніи его тамъ обѣ обращеніи воиновъ въ земледѣльцевъ—чистѣйшая выдумка.

Въ исторіи эриванскаго полка, г. Шабанова, обѣ этомъ происшествіи говорится слѣдующее:

«22 сентября, въ первый разъ жители Тифлиса съ восторженными криками и народною музыко-зурной — встрѣтили государя Николая Павловича. На другой день, 1-й батальонъ эриванцевъ, щегольски одѣтый, былъ выстроенъ съ утра за Авладаромъ, на возвышенной равнинѣ, вмѣстѣ съ другими войсками, для представленія государю. Дадіант командовалъ одной изъ линій, при чемъ сбивался въ фронтовыхъ построеніяхъ, за что получилъ замѣчаніе. Затѣмъ, въ слѣдующій день назначень были вѣмъ войскамъ церемоніальный маршъ на александровской площади (нынѣ александровскій садъ). Въ этотъ день погода была ясная. На небѣ не было ни одной тучки. Сентябрьское южное солнце не жгло, а лишь только грѣло. Толпа любопытныхъ окружала площадь и соѣдніе дома. По рядамъ эриванцевъ уже разносилось «смирно», при пріѣздѣ разныхъ начальствующихъ лицъ. Наконецъ, заколыхался народъ, показался государь со свитою. Раздалось еще разъ: «смирно, на плечо, на караулъ», и батальонъ, сѣдѣавъ пріѣмы, замеръ,—только торжественные звуки музыки нарушали тишину. На привѣтствіе Николая Павловича батальоны откликнулись «ура», толпа народа подхватила это радостное восклицаніе и долго оно раздавалось въ воздухѣ. Государь остался чрезвычайно доволенъ смотромъ, за что пожаловалъ нижнимъ чинамъ по рублю, по фунту мяса и по чаркѣ водки. Но этотъ день произвѣлъ сильное впечатлѣніе на эриванцевъ,—на ихъ полковаго командира, князя Даіана, о его злоупотребленіяхъ былъ сдѣланъ государю доносъ. Отличительная черта покойнаго монарха, строгость и справедливость, выказалась и здѣсь. Онъ, въ виду всего народа, приказалъ съ полковника Даіана снять эполеты и флигель-адютантскіе экскельбанты за тѣ злоупотребленія, о коихъ государю было донесено».

Но и здѣсь фактъ разжалованія переданъ невѣрно: съ князя Даіана былъ снятъ только экскельбантъ; эполетъ же онъ лишился по приговору суда.

Фактъ этотъ не лишенъ исторического значенія, и потому я позволяю себѣ восстановить его, пользуясь обязательно предложен-

ными въ мое распоряжение записками очевидца, подполковника А. В. Антонова, бывшаго въ 1837 году полковымъ адъютантомъ эриванского полка.

Государь императоръ Николай Павловичъ прибылъ на Кавказъ на пароходѣ «Звѣзда» и высадился въ Поти, 17 сентября 1837 г.

Постоянныя дожди и суровая осенняя погода испортили настолько дороги, что маршрутъ слѣдованія его величества былъ измѣненъ.

Мѣстами государь долженъ былъ ѿхать верхомъ на казачьихъ лошадяхъ, отъ Кутаиса же совершилъ путь съ бывшимъ въ то время командиромъ отдѣльного кавказскаго корпуса, генералъ-адъютантомъ барономъ Розеномъ, въ открытой коляскѣ.

На Бѣлогорской станціи встрѣтила государя, возлѣ дороги, находившаяся тутъ на работѣ 7-я рота эриванскаго полка. Государь приказалъ остановиться и, не выходя изъ экипажа, поздоровался съ солдатами и, поблагодаривъ ихъ за усердную службу, прослѣдовалъ далѣе ⁴⁾.

Недѣлѧ 19 верстъ до Сурама, гдѣ приготовленъ былъ для его величества ночлегъ, императоръ, по усталости, изволилъ остановиться на Квирильскомъ посту, гдѣ и заночевалъ съ 19 на 20 сентября. Здѣсь, въ 11 часовъ вечера, получено было донесеніе сенатора барона Гана о злоупотребленіяхъ Дадіана.

Ночь на этой станціи государь провелъ не покойно и, какъ рассказывали, утромъ былъ сильно взволнованъ.

20 сентября, въ 8 часовъ утра, государь прибылъ въ Сурамъ, верхомъ, и остановился въ домѣ князя Абашидзе. Недѣлѧ 20 до почетнаго караула отъ 3-й карабинерной роты эриванскаго полка, скомплектованной, на этотъ случай, изъ георгіевскихъ кавалеровъ, сошелъ съ лошади, и, снявъ съ себя бурку, подошелъ къ караулу и поздоровался съ солдатами. Представившій караулъ баталіонный командиръ эриванскаго полка, маіоръ Антоновъ, увидѣвъ государя, такъ растерялся, что, вмѣсто того, чтобы обойти фронтъ сзади, проломился черезъ его середину и сталъ за почетнѣмъ карауломъ, а командовавшій карауломъ ротный командиръ штабсъ-капитанъ Савицкій, ошибся въ командныхъ словахъ; на лицѣ государя выразилось неудовольствіе: приказалъ отпустить роту

⁴⁾ Государь во время слѣдованія отъ Поти до Квирильскаго поста изволилъ находиться въ отличномъ расположеніи духа.

на квартиры, онъ обратился къ Розену съ слѣдующими словами: «и тутъ довольно дурно». Войдя въ приготовленный для его величества домъ и отвѣдавъ нѣсколько винограда изъ поднесенныхъ фруктовъ, утомленный тяжелою дорогою, государь отдохнулъ до $4\frac{1}{2}$ часовъ за полдень и затѣмъ, выйдя на крыльцо дома, долго любовался окрестностями Сурама, по направлѣнію къ Боржомскому ущелью.

Послѣ обѣда государь долго ходилъ по комнатѣ, ни съ кѣмъ не разговаривая. Прекрасная южная ночь вновь вызвала его на крыльцо, гдѣ сидѣли тогда Орловъ⁵⁾ и Багратионъ⁶⁾; но здѣсь государь пробылъ не болѣе получаса и возвратился въ комнаты, гдѣ занимался дѣлами до 2-хъ часовъ ночи, призывая къ себѣ изрѣдка Адлерберга и Орлова.

На другой день, около 7-ми часовъ утра, государь, совершенно готовый къ отѣзду, въ бѣлой фуражкѣ и лѣтней конногвардейской шинели, вышелъ на крыльцо занимаемаго имъ дома, у подъѣзда котораго стояла уже шестерней запряженная открытая коляска. Указавъ на Боржомское ущелье, его величество стала разговаривать съ Розеномъ; между тѣмъ къ дому подѣхало верхами человѣкъ сорокъ карталинскихъ князей и дворянъ. Они были одѣты въ богатыя національныя разноцѣпѣнныя одежды, украшенныя широкими, золотыми галунами, отлично вооружены и сидѣли на чистокровныхъ казахскихъ жеребцахъ, вся сбруя которыхъ блестѣла серебромъ и золотомъ. Государь сошелъ съ крыльца и, подойдя къ всадникамъ, поздоровался съ ними. Глядя на нихъ не безъ удовольствія, между прочимъ, изволилъ имъ сказать: «Господа, такимъ молодцамъ нужно служить». Послѣ этого государь, пригласивъ барона Розена, сѣлъ въ коляску и отправился въ Ахалцыхъ, куда, въ качествѣ конвоя его величества, отправились и карталинцы.

Между тѣмъ Антоновъ, по приказанію Розена, отправился въ Тифлісъ и передалъ князю Дадіану о поданномъ на него доносѣ. Князь отвѣчалъ: «да, мнѣ сообщено обѣ этомъ вчера», и, подумавъ, прибавилъ: «какая ложь! хорошаго ждать теперь нечего; остается одно: надѣяться на Бога и на великодушіе царя; я—жертва низкихъ интригъ и гнусной клеветы; время откроетъ все. Съ вѣрою

⁵⁾ Бывшій шефъ корпуса жандармовъ.

⁶⁾ Зять владѣтеля Мингрелии.

буду ожидать участи и съ покорностю перенесу все, что меня ожидаетъ».

22 сентября, въ 9 часовъ вечера, государь прибылъ въ Тифлисъ и тотчасъ же повелъ флигель-адъютанту Катенину, пріѣхавшему въ Тифлисъ двумя недѣлями ранѣе государя, отправиться въ Манглисъ (гдѣ была полковая штабъ-квартира эриванского полка), и повѣрить справедливость доноса. Катенинъ возвратился на другой день въ 8 часовъ вечера и представилъ собранныя имъ на-скоро свѣдѣнія. Затѣмъ, когда, по заведенному порядку, его величеству представленъ былъ именной списокъ состоящихъ на лицо флигель-адъютантовъ для исполненія дежурствъ при его особѣ, государь собственноручно изволилъ отмѣтить противъ фамилии Дадіана: «флигель-адъютанта полковника князя Дадіана у меня нѣтъ». Подобное рѣшеніе въ ту же минуту разнеслось по городу, и князь Дадіанъ былъ такъ пораженъ этимъ, что въ тотъ же вечеръ заболѣлъ.

На 24 число былъ назначенъ разводъ отъ 1-го баталіона эриванского полка. Баталіонъ, подъ командою подполковника Далена, выстроился на Мадатовской площади, въ 11 часовъ. Государь съ барономъ Розеномъ прибылъ къ разводу ровно въ часъ и, поздоровавшись съ людьми, медленно прошелъ по фронту, пристально вглядываясь въ лица солдатъ, подобранныхъ молодецъ къ молодцу. Затѣмъ, отойдя на средину баталіона, скомандовалъ вполголоса: «позводно направо»; люди исполнили это движеніе довольно стройно. Но проходя мимо государя церемоніальныи маршемъ, по плацу, покрытому всѣдѣствіе бывшаго наканунѣ дождя грязью, люди скользили, отъ чего въ строю происходило иѣкоторое волненіе. Государь замѣтилъ барону Розену: «солдаты хороши, но дурно выправлены и ведутъ короткій шагъ»; затѣмъ его величество спросилъ: «а гдѣ полковникъ Дадіанъ? на что было доложено, что онъ боленъ. «Послать его ко мнѣ», сказала государь.

Начальникъ штаба, генераль-майоръ Вальховскій, тотчасъ отправился за княземъ, квартировавшимъ на той же площади, въ домѣ Шамиль-Хана, и не прошло 10-ти минутъ, какъ Вальховскій съ Дадіаномъ, одѣтымъ въ полковой мундиръ, при эксельбантѣ, показались передъ фронтомъ строя.

Недоходя шаговъ 15-ти до государя, они остановились. Вальховскій отошелъ за свиту, а Дадіанъ остался на мѣстѣ. Государь взглянулъ на него съ неудовольствіемъ и, повернувшись къ присутствовавшимъ на разводѣ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ,

произнесъ громко и грозно: «торги, барыши ненавижу; мои адъютанты сдѣлались здѣсь извощиками ⁷⁾ и маркитантами. За хорошую усердную службу я достойно награждаю, за зло же и противозаконные поступки примѣрно наказываю, и примѣромъ этого будетъ полковникъ князь Дадіанъ». Потомъ, указавъ на него рукою, произнесъ гнѣвно: «Брайко ⁸⁾, снять эксельбанты!»

Грозныя слова государя произвели сильное впечатлѣніе; всѣ присутствовавшіе при разводѣ какъ будто окаменѣли. Массы же народа, окружавшаго площадь и занимавшаго окна, балконы и крышисосѣднихъ домовъ, заколыхались и въ воздухѣ послышался какой-то неясный гулъ; затѣмъ мгновенно все стихло и водворилась мертваташина.

Брайко, подойдя къ Дадіану, никакъ не могъ отстегнуть эксельбанта: замѣтило было, какъ у старика тряслись руки. Дадіанъ, съ хранившій присутствіе духа, разстегнуль бортъ мундира и, отвѣзавъ эксельбанта, передалъ его Брайко, который поднесъ его государю.

Государь, принявъ эксельбанты и, какъ будто взрѣшивая ихъ, громко кликнулъ: «Розенъ, адъютантъ Вельяминова!» Подѣжалъ капитанъ Розенъ ⁹⁾, и государь, недопустивъ его шага на три, бросилъ ему эксельбанты со словами: «на! но смотри, умѣй ихъ оправдать» ¹⁰⁾. Потомъ, обратясь къ Дадіану, произнесъ: «Въ Бобруйскъ!» Въ это время старикъ Розенъ, преклонивъ немногого колѣно и цѣлую въ правое плечо государя, сказалъ: «Государь, я служилъ вашему отцу, вашему брату и вамъ болѣе 42-хъ лѣтъ, пощадите мою службу, простите князя Дадіана». Сцена была въ высшей степени трогательная. Съ напряженнымъ вниманіемъ свита и массы народа слѣдили за каждымъ движеніемъ государя, но государь, положа руку на плечо Розена, произнесъ: «Владимиръ Григорьевичъ, чтобы по-

⁷⁾ Выраженіе «извощиками», относилось до командира грузинскаго гренадерскаго полка, полковника графа Опермана, содержавшаго по дорогѣ въ Тифлісъ почтовыя станціи.

⁸⁾ Тифлісскій военный губернаторъ.

⁹⁾ Сынъ корпуснаго командира.

¹⁰⁾ Назначивъ сына барона Розена флигель-адъютантомъ, вверчуго того же дня государь, видимо желая хоть нѣсколько утѣшить старика, пожаловалъ во фрейлины ея величества и дочь его (впослѣдствіи извѣстная игуменья Митрофанія).

казать тебѣ, что я уважаю тебя и твою службу, я оставляю на полковникъ князъ Дадіанъ эполеты и предоставлю лишеніе ихъ закону». Затѣмъ повторилъ еще разъ: «въ Бобруйскъ!» Послѣ развода государь съ барономъ Розеномъ изволилъ отправиться въ военный госпиталь, откуда менѣе чѣмъ透过 полчаса прислали флигель-адъютанта князя Васильчикова съ дозволеніемъ воспользоваться князю Дадіану однимъ часомъ, для прощенія съ своимъ семействомъ и родными.

26 числа, часовъ въ 5 утра, государь, не предваряя никого о намѣреніи своеемъ оставить Грузію, выѣхалъ изъ Тифліса по тракту на Владикавказъ. Слѣдя по крутымъ спускамъ къ повороту на рѣкѣ Вѣрѣ, у отвѣтного обрыва рѣки Куры, едва не подвергся несчастію. Экипажъ его, по неосторожности форейтора, повалился на бокъ, но его величество съ графомъ Орловымъ успѣли благополучно сократить на дорогу. Узнавъ, что почтовую станцію содергитъ тифлісскій полиціймейстеръ, маоръ Лаховъ, его величество тотчасъ потребовалъ его къ себѣ и пока устанавливали экипажъ и перекладывали лошадей, явился Лаховъ. Государь, сдѣлавъ нѣсколько внутреннихъ замѣчаній за грязную спекуляцію, несомнѣнную съ царскою службою, повелѣлъ сейчасъ же отрѣшить его отъ должности и исключить изъ службы, съ тѣмъ, чтобы впредь никакуда не принимать.

Вскрѣ послѣ того, корпусный командиръ Розенъ былъ назначенъ сенаторомъ, а на его мѣсто присланъ генераль Головинъ.

Нѣть сомнѣнія, что Дадіанъ былъ виноватъ и что въ примѣрномъ наказаніи его выразилась отличительныя черты характера покойнаго государя — строгость и справедливость. Но не подлежитъ также сомнѣнію и то, что злоупотребленія, за которыя онъ понесъ наказаніе, были, такъ сказать, продуктомъ времени, и что они существовали не въ однѣмъ только эриванскомъ полку, но и въ другихъ частяхъ войскъ и считались у современниковъ не иначе, какъ «порождениемъ обстоятельствъ». Войска занимали полупокоренный, полуправдебный край. Размѣщая ихъ въ наиболѣе нужныхъ, по военнымъ соображеніямъ, пунктахъ, кромѣ всегдашней боевой готовности, отъ нихъ требовали устройства полковыхъ штабъ-квартиръ и солдатскихъ поселковъ, проложенія дорогъ, расчистки лѣсовъ и другихъ работъ, способствующихъ колонизаціи края, не давая для того никакихъ другихъ средствъ, кромѣ предоставляемыхъ сосѣдственникою природою или случаемъ. Поневолѣ приходилось употреб-

лять вездѣ и во всѣмъ нижніхъ чиновъ и экономической суммы, или же изыскывать другое, не всегда позволительныѣ источники. Дадіанъ заявлялъ объ этомъ военно-судной комиссіи, но на запросъ ея по сemu предмету, генералъ Головинъ отозвался уклончиво, что положительныхъ свѣдѣній о подобныхъ безпорядкахъ въ корпусномъ штабѣ не имѣется.

Въ доказательство же сказаннаго считаю нелишнимъ привести слѣдующій фактъ. Въ томъ же 1837 году и тѣмъ же сенаторомъ барономъ Ганомъ былъ представленъ государю докладъ о злоупотребленіяхъ команда грузинскаго пѣшаго полка, полковника князя Андронникова. Императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ изслѣдовить ихъ и если окажутся справедливыми, то сдѣлать надъ княземъ Андронниковымъ строжайшій примѣръ. Генераль-аудиторіать, разсмотрѣвъ слѣдственное дѣло о князѣ Андронниковѣ, нашелъ слѣдствіе неудовлетворительнымъ, но усмотрѣвъ, что Андронниковъ самъ сознался въ противозаконной отдачѣ состоявшихъ въ полку на службѣ милиціонеровъ офицерамъ въ частныя услуги и для производства работъ, въ сдѣлкѣ съ жителями, которые, вмѣсто требовавшихся отъ нихъ въ полкъ милиціонеровъ, представляли ему условленное число рабочихъ для работъ, а онъ, какъ самъ объяснилъ, замѣнялъ ихъ собственными средствами, стави въ полкъ своихъ людей; сверхъ того, по собственному же его сознанію, оказался онъ виновнымъ въ самовольномъ сборѣ съ жителей денегъ для обмундированія сотни милиціонеровъ, представленной государю императору при посѣщеніи его величествомъ въ 1837 году закавказскаго края,— генераль-аудиторіать полагалъ: князя Андронникова за означенныя злоупотребленія предать военному суду при отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ, вмѣнивъ суду въ обязанность всѣ объявленныя на Андронникова жалобы изслѣдововать во всѣхъ отношеніяхъ съ предписанною закономъ строгостью. Государь императоръ изволилъ разматривать этотъ докладъ въ Варшавѣ, 19 мая 1840 года, и, принявъ во вниманіе ходатайство главнокомандовавшаго дѣйствующею арміею графа Паскевича-Эриванскаго о прежней отличной службѣ и ранахъ князя Андронникова, высочайше повелѣлъ соизволилъ: «Дѣло оставить безъ дальнѣйшихъ слѣдствій и полагать конченнымъ; полковника князя Андронникова вновь на службу не опредѣлять; издержки же, бывшия по производству изслѣдованія на прогоны и прочее, принять на счетъ казны».

Самое донесеніе барона Гана о Дадіанѣ, какъ видно изъ запи-

сокъ А. В. Антонова, вызвано не однімъ только желаніемъ блага странъ, но и совершенно иными побужденіями. Присланный для ведовренія въ Закавказскомъ краѣ гражданскаго управлениія, баронъ Ганъ стремился провести такія предположенія, которыя были противны убѣженіямъ барона Розена. Отсюда произошли первона-чально ихъ натянутыя, а потомъ совершенно враждебныя отношенія, окончившіяся лишеніемъ Дадіана чина и званій, а Розена — мѣста главнокомандующаго. Недаромъ въ запискахъ И. И. Лорера и въ исторіи эриванскаго полка донесенія Гана названы «доносами», — въ названіи этомъ сказался приговоръ современниковъ.

Княгиня Л. Г. Дадіанъ, въ прошении объ облегченіи участіи мужа, между прочимъ, излагаетъ, что Дадіанъ не по винѣ понесъ наказаніе, такъ какъ изслѣдованіе по поданному на него доносу произведено было Катенинымъ въ отсутствіе Дадіана, безъ соблюденія законныхъ формъ, поверхности и пристрастно, и военный судъ, имѣвши повелѣніе принять это изслѣдованіе основаніемъ къ сужденію Дадіана, постановилъ приговоръ не на основаніи фактовъ. А. В. Антоновъ въ запискахъ своихъ говоритъ, что дѣйствія Катенина, во время производства слѣдствія въ полку, были дѣйствительно далеко не безупречны: вѣдь его усилія были направлены къ тому, чтобы добить-ся показаній не въ пользу Дадіана. А. П. Ермоловъ, котораго встрѣтилъ Антоновъ у Дадіана въ Москвѣ въ 1849 году, коснувшись въ разговорѣ катастрофы 24 сентября 1837 года, сказалъ, указавъ на Дадіана: «его погубило что? Не доносъ и не слѣдствіе, но отвѣтъ Катенина государю. На вопросъ государя: «все ли правда, что напи-сано въ доносѣ на Дадіана?» Катенинъ отвѣчалъ, что, къ сожалѣнію, все правда и все подтвердилось; «но не смѣю не сознаться предъ вами величествомъ — прибавилъ ловкій слѣдователь — что изъ участія къ Даіану, какъ къ товарищу, я многое скрылъ». Этихъ словъ было достаточно, чтобы погубить Дадіана».

Не эти ли слова и побудили государя императора повелѣть судить Дадіана на основаніи фактовъ, собранныхъ слѣдствіемъ.

Изъ всего вышеизложеннаго явствуетъ, что Катенинъ сумѣлъ дать дѣлу Дадіана особый колоритъ; но причины, побудившія его такъ дѣйствовать, остались не разъясненными. А. В. Антоновъ, ссылаясь на иѣкоторые факты, полагаетъ, что они были прямымъ послѣдствіемъ увольненія въ 1836 году въ отставку изъ эриван-скаго полка роднаго брата Катенина, о дурномъ поведеніи котораго и крайне безнравственныхъ поступкахъ Дадіанъ вынужденъ былъ

довести до свѣдѣнія корпуснаго командира. Предположеніе это не лишено нѣкоторой доли вѣроятія. Въ Пятигорскѣ, въ 1870 г., я слышалъ отъ одного изъ жителей Тифлиса, свидѣтеля событія, что самое донесеніе Гана сдѣлано было по внушенію Катенина, и хотя обѣ умершихъ, по извѣстной поговоркѣ «de mortuis aut bene, aut nihil», принято говорить только хорошее, или ничего не говорить, но я въ настоящемъ дѣлѣ предпочитаю придержаться перифраза этой поговорки князя В. Ф. Одоевскаго: «de mortuis seu veritas, seu nihil».

Николай I на саперныхъ работахъ.

По объявлениіи войны Франціи и Англіи въ 1854 году, признано было необходимымъ, на случай высадки непріятеля, впереди кропотскихъ укрѣплений возвести еще нѣсколько полевыхъ укрѣплений, и съ этой цѣлію на косѣ, близъ купеческой стѣнки, стали возводить батарею на 60 орудій, люнетъ на два баталіона и редутъ. Для производства работъ выслали учебный саперный баталіонъ и, кромѣ того, нарядили офицеровъ отъ прочихъ саперныхъ баталіоновъ. Работы начались 20-го марта. Императоръ Николай Павловичъ пріѣзжалъ часто и лично наблюдалъ за производствомъ работъ.

Встрѣтивъ однажды солдата съ георіевскимъ крестомъ, государь спросилъ его.

— Гдѣ получилъ крестъ?

— Подъ Силистріей, ваше императорское величество, въ 1829 году,—отвѣчалъ солдатъ.

— Теперь подъ Силистріей ваши товарищи, — замѣтилъ государь: — а вамъ выпала честь защищать Петербургъ, а это стоить Силистріи. Чего бы не дать другой солдатъ, чтобы сказать впослѣдствіи: я защищалъ Петербургъ. Не такъ ли?

— Такъ точно, ваше императорское величество,—отвѣчалъ солдатъ: — мы это чувствуемъ; останемся живы, — и дѣтямъ, и внукамъ передадимъ.

Когда батарея была готова и вооружена, Николай Павловичъ осмотрѣлъ ее подробно, нашелъ въ исправности и остался доволенъ. Обратясь къ командовавшему обороной, генераль-лейтенанту Граббе, государь сказалъ: — а вѣдь было бы во что, а то есть чѣмъ!

Осмотрѣвъ редутъ, императоръ сказалъ окружавшимъ его офицерамъ:

— Если высадка будетъ, то мы здѣсь и умереть должны!

Оставляя укрѣпленіе, государь сказалъ солдатамъ: — смотрите, ребята, не робѣйте! первая бомба къ вамъ — и я съ вами!

Императоръ Николай I въ адмиралтействѣ.

Въ 1838 году, въ новомъ адмиралтействѣ строился новый корабль «Россія». Императоръ Николай Павловичъ интересовался работами и заѣзжалъ иногда въ адмиралтество. Однажды лѣтомъ, онъ пріѣхалъ часа въ четыре пополудни. Строитель корабля, полковникъ Александръ Андреевичъ Поповъ, отправился пообѣдать, его помощникъ и другія начальствующія лица тоже разошлись, такъ что императора встрѣтилъ одинъ только прaporщикъ корпуса корабельныхъ инженеровъ Албенскій. Государь поднялся на работы, прошолъ и спросилъ сопровождавшаго его офицера:

— Какія идуть работы?

— Бимсы кладутъ, ваше императорское величество.

— Сколько положено бимсовъ?

Офицеръ, застигнутый врасплохъ вопросомъ, замялся и отвѣтилъ неувѣренно. Это не понравилось государю и онъ сошоль внизъ. Параллельно элингу строился тогда большой каменный сарай для храненія корабельныхъ лѣсовъ, подъ наблюденіемъ штабсъ-капитана корабельныхъ инженеровъ Посыпкина. Постройка только что была начата и выведена немножко выше фундамента. Государь, проходя мимо, зашелъ на работы и, окинувъ ихъ быстрымъ взглядомъ, спросилъ:

— А гдѣ же Посыпкинъ?

— Его нѣть, ваше императорское величество.

— А помощникъ его здѣсь?

— Тоже нѣть еще, ваше императорское величество.

— А кондукторъ?

— Не пришелъ еще, ваше императорское величество.

— Кто же тутъ распоряжается работами?

— Я, ваше императорское величество, раздался сзади государя голосъ десятника.

Государь обернулся, десятникъ стоять въ позѣ ефрейтора съ откинутой въ роѣ ружейного пріема саженью. Недовольство императора быстро смѣнилось улыбкой. Но онъ ничего не сказалъ десятнику, прошелъ по линіи работъ и направился къ выходу. Когда же садился въ экипажъ, приказалъ прaporщику Албенскому передать штабсъ-капитану Посыпкину, что онъ арестуется на двѣ недѣли за оставленіе работъ безъ надлежащаго надзора.

Кадеты морскаго корпуса въ Александріи.

Однажды лѣтомъ 1844 года, кадеты морскаго кадетскаго корпуса, находившіеся на учебной кадетской эскадрѣ, состоявшей изъ 4 фрегатовъ и находившейся на якорѣ въ Маркизовой лужѣ близъ Петергофа, по случаю какого-то праздничнаго дня, были отпущены на берегъ. Кадеты были распределены на кучки, въ числѣ 10-ти человѣкъ каждая, и подъ командою старшихъ отправились на прогулку въ сады Петергофа и другія ближайшія окрестности. Одна изъ такихъ кучекъ, погуливъ въ нижнемъ Петергофскомъ саду, вышла изъ сада и направилась по берегу. Не успѣла она сдѣлать и ста шаговъ, послышался стукъ проѣзжавшаго экипажа и вслѣдъ за симъ показалась императорская линейка, въ которой щахъ государь императоръ Николай Павловичъ съ своей августейшей супругой и дочерьми, великими княжнами Ольгой и Александрой Николаевнами.

— Здорово, моряки! привѣтствовалъ кадетъ государь.

— Здравія желаемъ, ваше императорское величество! отвѣчали дружно кадеты.

— Маршъ за мной въ Александрію! крикнулъ государь, объѣзжая кучку кадетъ.

Кадеты ринулись вслѣдъ за экипажемъ бѣгомъ.

— Не бѣжать! обратился къ нимъ государь, идите шагомъ, а то устанете.

Черезъ нѣсколько минутъ моряки появились у дворца въ Александріи. Государь въ разстегнутомъ сюртукѣ, стоять на балконѣ. Увида подходящихъ кадетъ, онъ показалъ имъ рукой на стоявшу въ саду близъ балкона мачту съ веревочными лѣстницами, штагамъ

и подвязанной внизу съткой, и скомандовалъ: «къ вантамъ! на марсъ!»

Моряки, какъ пчелы, облѣнили мачту и полѣзли на вершину. Не успѣли они подняться на марсъ, какъ изъ дворца, по приказанію государя, выбѣжали великие князья Николай и Михаиль Николаевичи съ нѣсколькими пажами и приняли участіе въ играхъ моряковъ.

Возлѣ государя, между тѣмъ, собралась вся царская семья. Великая княжна Александра Николаевна въ особенности интересовалась эволюціями моряковъ кадетовъ, лазившихъ по счастію и прыгавшихъ съ высоты въ сътку съ изумительной ловкостью, и радостными восклицаніями поощряла молодыхъ людей къ повторенію наиболѣе трудныхъ эволюцій.

— Что же ты не угостишь ничѣмъ кадетъ? обратился къ ней августейшій ея родитель, замѣтія ея радостное настроеніе.

— Сейчасъ, папа! отвѣчала весело великая княжна, и быстро повернувшись, исчезла за дверями балкона.

Черезъ нѣсколько минутъ камерь-лакеи подали морякамъ мороженое, а затѣмъ вышла и сама великая княжна съ большою коробкою конфектъ.

Кадеты были позваны къ балкону и получили по нѣскольку конфектъ лично изъ ея рукъ. Когда же конфектъ осталось немногі и для всѣхъ 10-ти недоставало, нѣкоторые кадеты стали просить этотъ остатокъ отдать имъ. Но великая княжна не согласилась, находя это несправедливостью. Тогда кто-то изъ кадетъ попросилъ ее бросить оставшіеся конфекты «на шарапъ».

— Что это такое значить: на шарапъ? спросила великая княжна, улыбнувшись, и какъ это сдѣлать?

Великій князь Николай Николаевичъ объяснилъ ей значеніе «шарапа» и она съ удовольствіемъ изъявила желаніе исполнить просьбу кадетъ. Высыпавъ конфекты на тарелку, она бросила ихъ вверхъ, но тарелка выскользнула изъ рукъ и разбилась.

Произошла свалка, каждый кадетикъ хотѣлъ поймать хоть одну конфекту и, конечно, сталкивался съ другими—и многіе падали.

— Ну, вотъ видите, какъ это нехорошо вышло, опечалилась великая княжна, смотрите, смотрите они ушибутся, да и тарелка разбилась.

— Успокойтесь, ваше императорское высочество, мы не ушиблись, отвѣчали вскочившіе на ноги кадеты, а что тарелка разби-

лась, то это къ нашему благополучию, мы соберемъ ея черепки и будемъ хранить ихъ на память нынѣшняго счастливаго для насть вечера.

И кадеты, дѣйствительно, собрали черепки и раздѣлили ихъ поровну между собою.

Николай Павловичъ, смотря на сцену «шарапа», смѣялся отъ души, когда же замѣтилъ, что два кадетника стали пререкаться изъ за спорного черепка, погрозилъ и сказалъ: «дѣти, не ссориться!»

Спустя нѣсколько времени, когда кадеты играли и рѣзвились съ великими князьями на площадкѣ близъ балкона, государь подозвалъ старшаго и, посмотрѣвъ на часы, спросилъ:

— Когда и гдѣ приказано имъ собираться?

Моряки столпились всѣ около балкона и отвѣчали:

— За полчаса до зари, ваше императорское величество, за угловомъ плашкоутъ казенной пристани.

— Однако не время ли вамъ собираться, а то, пожалуй, опоздаете.

Моряки отвѣчали на перебой:

— «Нѣть, ваше величество, не опоздаемъ», говорилъ одинъ. «Мы теперь живо долетимъ до плашкоута», добавилъ другой, «мы еще и выкупаться успѣмъ...» перебивалъ третій; «а когда сядемъ въ катеръ, чтобы согрѣться, будемъ усиленно грѣсть», добавлялъ четвертый.

— Ну, а какъ пріѣдете, тотчасъ спать ляжете?

— Нѣть, государь, какой же тутъ сонъ! намъ спать не дадутъ товарищи, будутъ разспрашивать, что мы видѣли, что насть спрашивали, какъ мы отвѣчали. Насъ цѣлую недѣлю будутъ разспрашивать о сегодняшнемъ днѣ.

— Ну, дѣти, прощайте, кланяйтесь товарищамъ, сказалъ ласково государь и поклонился морякамъ.

— Ваше величество, позвольте намъ опять прийти сюда, заговорилъ было одинъ изъ самыхъ младшихъ кадетъ.

— Ну, это не отъ меня зависитъ, перебилъ его Николай Павловичъ смѣясь, просите разрѣшенія своего начальства, а то, пожалуй, мнѣ и за сегодняшнее достанется, если вы явитесь не во время, или не въ порадкѣ.

Великій князь Михаіль Павловичъ и подпоручикъ Симанскій.

Однажды, въ началѣ сороковыхъ годовъ, на Морской портовой гауптвахтѣ стоялъ въ караулѣ подпоручикъ финляндскаго полка Симанскій. Такъ какъ въ теченіи дня у него въ караулѣ все обстояло благополучно, происшествій и перемѣнъ никакихъ не было, то традиціонный вечерній рапортъ, составленный, по обыкновенію, старшимъ унтеръ-офицеромъ, онъ подписьалъ и отоспалъ въ комендантское управлѣніе, не читая. Обстоятельство это прошло бы, какъ всегда, безъ всякихъ послѣдствій, если бы великий князь Михаіль Павловичъ, вслѣдствіе какой-то неточности въ комендантскомъ рапортѣ, не потребовалъ къ себѣ въ тотъ вечеръ вѣхъ подлинныхъ вечерніхъ рапортовъ караульнныхъ начальниковъ. Безграмотность и неразборчивость рапорта подпоручика Симанскаго поразила его и онъ приказалъ представить ему «этого — какъ онъ выразился, — автора клинописи», по смѣнѣ его съ караула.

— Это твой рапортъ? обратился великий князь къ явившемуся къ нему утромъ подпоручику.

— Мой, ваше императорское высочество, отвѣчалъ офицеръ.

— Прочитай!

Подпоручикъ Симанскій развернулъ рапортъ и, къ ужасу своему, не могъ разобрать написаннаго.

— Ты гдѣ учился?

— Въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, ваше императорское высочество.

— Кто преподавалъ русскую словесность?

— Профессоръ Плаксинъ, ваше императорское высочество.

— А каліграфію?

— Преподаватель Шлезингеръ, ваше императорское высочество.

— И у такихъ учителей ты не могъ научиться какъ слѣдуетъ писать по-русски!.. отправляйся подъ арестъ!..

И великий князь Михаіль Павловичъ приказалъ коменданту арестовать подпоручика Симанскаго на двѣ недѣли, а профессора Плаксина и преподавателя Шлезингера каждого на три дня.

Великій князь Михаилъ Павловичъ и коннопіонеры.

Однажды во время лагерного собора подъ Краснымъ Селомъ, великий князь Михаилъ Павловичъ, передъ маневрами, пріѣхалъ въ лагерь и остановился въ красносельскомъ дворцѣ. Тотчасъ по пріѣздѣ, онъ потребовалъ отъ всѣхъ частей войскъ, въ лагерѣ находившихся, полковыхъ адъютантовъ, для отдачи имъ приказаний. Первымъ прискакалъ адъютантъ коннопіонерного дивизиона, подпоручикъ Борщовъ. День былъ жаркій и великий князь въ разстегнутомъ сюртуѣ сидѣлъ на эстрадѣ съ двумя-тремя генералами за столомъ и пилъ какой-то прохладительный напитокъ.

— А, Борщовъ! Это ты! встрѣтилъ ласково Михаилъ Павловичъ молодого офицера. Что, жарко? Не хочешь ли прохладиться?

— Жарко-то—жарко, ваше императорское высочество, отвѣчалъ Борщовъ, только этимъ питьемъ не прохладишься. Вотъ если бы выпить бутылочку шампанского со льдомъ, тогда, действительно, душа немножко бы остыдилась.

— Бутылку шампанского! воскликнулъ въ изумлениі великий князь, да развѣ ты можешь выпить бутылку шампанского? Вѣдь ты долженъ получить приказаніе и передать его для исполненія.

— Могу увѣрить, ваше императорское высочество, честью, что коннопіонеры и пить, и служить умѣютъ.

— Посмотримъ! улыбнулся Михаилъ Павловичъ, и вѣдѣль подать шампанского.

Между тѣмъ собирались адъютанты прочихъ частей войскъ; подпоручикъ Борщовъ, какъ бы въ отлічіе получивъ въ свое распоряженіе бутылку шампанского, выпилъ ее въ большой серебряный ковшъ, пожелалъ великому князю здоровья и выпилъ заливъ.

Михаилъ Павловичъ только пожалъ плечами и, когда адъютанты все собрались, отдать имъ приказаніе о занятіяхъ на утро и отпустилъ ихъ.

Въ полночь, когда лагерь спалъ крѣпкимъ сномъ, на переднемъ редутѣ взвилась сигнальная ракета и дежурный барабанщикъ ударили тревогу. На поданный сигналъ откликнулись барабаны по всей линіи лагеря и войска, устраиваясь на маршѣ, ринулись на мѣсто собора. Великий князь ожидалъ уже выхода войскъ въ поле, и къ величайшему его удивленію первымъ на позицію явился коннопіонерный дивизіонъ и адъютантъ Борщовъ въ полной формѣ щахъ сзади его командира.

— Молодцы, конношники! привѣтствовалъ великий князь проходившій дивизіонъ.

— Рады стараться, ваше императорское высочество, отвѣчали съ энтузіазмомъ солдаты.

— Теперь я окончательно убѣдился, улыбнулся великий князь, обращаясь къ подѣхавшему къ нему послѣ салюта командиру дивизіона, что конношники умѣютъ пить, умѣютъ и служить.

Генералъ Дрентельнъ.

Въ военному собранию одного изъ полковъ киевскаго военнаго округа, во время игры на билльярдѣ, поссорились офицеры, причемъ одинъ изъ поручиковъ оскорбился на словахъ своего ротнаго командинра. Оскорблѣнныій подалъ рапортъ, поручика предали суду, но судъ, принявъ во вниманіе смягчающія обстоятельства, оправдалъ его. Генералъ-адъютантъ Дрентельнъ, командовавшій въ то время войсками округа, узнавъ объ этомъ, вызвалъ къ себѣ всѣхъ членовъ суда для личнаго объясненія. На сдѣланый вопросъ предсѣдателя доложилъ, что судъ принялъ во вниманіе, что оскорблѣніе офицеромъ начальника вызвано имъ самимъ и что оно сдѣлано послѣ игры въ клубѣ.

— Я — Дрентельнъ, сказалъ на это начальникъ края; и въ бантъ — командующій войсками. Такъ вы, ваше превосходительство, и знайте.

И съ этими словами откланялся и отпустилъ членовъ суда.

Представлялся генералу Дрентельну на весеннемъ смотрѣ кавалерійскій полкъ. Лошади были мохнаты и худы. Проходить эскадронъ, другой, третій — генералъ молчать, что было знакомъ его недовольства. Прошли остальные эскадроны, генералъ ни слова. Наконецъ, махнулъ рукой и повернулся лошадь. Полковой командиръ, чуя грозу, подѣхалъ, взялъ подъ козырекъ и началъ объяснять, что ремонты за послѣдніе годы были очень плохи, что онъ принимаетъ всѣ мѣры, чтобы ихъ исправить, даже приказалъ давать имъ сѣчку съ мукой...

— Вы бы, полковникъ, попробовали ихъ овсомъ покормить, улыбнулся въ отвѣтъ командующій войсками и уѣхалъ съ плаца.

Однажды генералъ Дрентельнъ пріѣхалъ въ казармы одного изъ батальоновъ, расположенныхъ въ киевской крѣпости, осмотрѣлъ поѣщенія, прошелъ на кухни и потребовалъ пробу солдатской пищи. Кашеварь, какъ ни старался зачерпнуть щей со дна погуще, пища оказалась безъ навара и очень жидкой.

— Ваше высокопревосходительство, ваше высокопревосходительство... лепеталъ перетрусиившій батальонный командръ, стараясь найти предлогъ для оправданья.

— А вы вотъ что, полковникъ, перебилъ его генералъ, титулъ мой употребляйте порѣже, а щи варите погуще.

Генералъ, графъ Никитинъ.

Инспекторъ всей резервной кавалеріи, генералъ отъ кавалеріи графъ Никитинъ, посѣщая находившійся въ мѣстѣ квартирированія его штаба госпиталь, требовалъ отъ смотрителя, чтобы въ палатахъ госпиталя была температура не менѣе 15° . Смотритель принималъ всѣ мѣры, чтобы исполнить приказаніе начальника, но достигнуть успѣха не могъ: при каждомъ новомъ посѣщеніи грозный инспекторъ удостовѣрялся, что въ одной палатѣ температура 12° , въ другой 14° , въ третьей 18° и т. д. Терпѣніе его истощилось и онъ приказалъ смѣнить смотрителя. Вновь назначенный смотритель Ивановъ, желая угодить графу, приказалъ слесарю всѣ термометры передѣлать, поставивъ въ нихъ вместо ртути оловянные палочки, которые бы постоянно показывали 15° . Продѣлка эта удалась, графъ Никитинъ остался доволенъ и въ первую же очередь представилъ Иванова къ наградѣ.

Генералъ, графъ Евдокимовъ.

Извѣстный кавказскій герой, генералъ, графъ И. И. Евдокимовъ, прочитавъ полученный приказъ о присвоеніи генераламъ новой формы обмундированія и, между прочимъ, красныхъ штановъ при парадной формѣ, сказалъ окружающимъ: «прежде генераловъ узнавали по головамъ, а теперь будутъ узнавать по ногамъ».

Генераль Мещериновъ и полковникъ Кюхельбекеръ.

Помощникъ начальника главнаго штаба, генераль-адъютантъ Мещериновъ, прочитывая поданный ему къ подписи полковникомъ М. В. Кюхельбекеромъ (сыномъ извѣстнаго декабриста) бумаги, нашелъ ихъ составленными неудовлетворительно и долго распекалъ его. Онъ требовалъ, чтобы бумаги писались кратко, сжато и понятно, и закончилъ свое длинное наставлѣніе словами: «во многомъ писаніи нѣсть спасенія».

— Позвольте, ваше превосходительство, возразилъ Кюхельбекеръ, мнѣ помнится, что святые отцы заповѣдали намъ, «что во многомъ глаголаніи нѣсть спасенія».

Директоръ полиції исполнительной Оржевскій.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, директоръ департамента полиції исполнительной, Оржевскій, купилъ на Фонтанкѣ, близъ Семионовскаго моста домъ, выходившій дворомъ и на Моховую улицу, отстроилъ его и перѣхалъ въ него на жительство. Справивъ, по обычаю, новоселье, новый хозяинъ отправился на покой въ устроенную для него опочивальню, и тамъ, покончивъ съ дневными занятіями, на новомъ ложѣ сладко заснулъ. Вдругъ ночью онъ слышитъ какъ будто за окномъ иль за стѣною какое-то шипѣніе и вслѣдъ затѣмъ закукувала кукушка. Почтенный сановникъ перепугался, вообразивъ себѣ, что кукушка накукувала ему близость смерти, и потребовалъ управляющаго Клавдія Андреевича Шубина, извѣстнаго впослѣдствіи начальника адреснаго стола. Разсказавъ ему о случившемся, онъ отдалъ ему приказаніе о перѣѣздѣ на старую квартиру, но почтенный управлятель успокоилъ встревоженнаго директора увѣреніемъ, что это кукуютъ стѣнныя часы у живущаго въ соседней квартирѣ купца-древянника Петра Петровича Гвоздева. Казалось бы всякие страхи должны были исчезнуть, но мнительный домовладѣльцъ потребовалъ отъ Гвоздева или перемѣщенія часовъ или выѣзда съ квартиры. А такъ какъ у Гвоздева былъ заключенъ съ прежнимъ домовладѣльцемъ контрактъ на нѣсколько лѣтъ, то онъ отказался исполнить требование Оржевскаго. Тогда послѣдній приказалъ его выселить, заплативъ ему всѣ расходы по нарушенію контракта.

Министръ финансовъ Канкринъ.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, министръ финансовъ Канкринъ, желая приступить къ замѣнѣ русскаго ассигнаціоннаго рубля—серебрянымъ рублемъ, обратился къ содѣйствію тогдашняго петербургскаго головы, извѣстнаго табачнаго фабриканта Василія Григорьевича Жукова и просилъ его возбудить въ городской шестигласной думѣ вопросъ о неотложной необходимости и пользѣ подобной замѣны.

— Ви, патушка, говорилъ Егоръ Францевичъ В. Г. Жукову, пусть только немножко ополфанилъ этотъ фопросъ, а выстругать его путедѣль нѣмецкій мастеръ.

— Оболванить — почему и не оболванить, отвѣчалъ Василій Григорьевичъ, только будетъ ли это, ваше превосходительство, хорошо для насы?

— О, конечно, очень хорошо путедѣль! улыбался Егоръ Францевичъ, ви полюшить серепряный рюпъ!

Но собранная городскими головами въ экстренномъ засѣданіи дума, состоявшая тогда исключительно изъ купцовъ, отнеслась къ сдѣланному ей предложенію скептически и поднятый вопросъ былъ забаллатированъ. Пришлося прибѣгнуть къ помощи нѣмцевъ; собрали въ общее засѣданіе биржевой комитетъ, иностранныхъ негоціантовъ, выборныхъ отъ купечества, мѣщанъ и ремесленниковъ и вопросъ о замѣнѣ ассигнаціоннаго рубля серебрянымъ—получилъ одобрение.

— Ну, фоть и отлишно! говорилъ Егоръ Францевичъ, принимая депутатію собранія, ви полюшайтъ серепряный рюпъ, и путедѣль, я рюшаю, очень покать.

А. Н. Муравьевъ.

Извѣстный святоша, Андрей Николаевичъ Муравьевъ, въ бытность свою въ Петербургѣ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, передъ каждой отправкой арестантовъ въ Сибирь, являлся въ пересыльную тюрьму, бесѣдовалъ съ ними и одѣлялъ ихъ религіозно-нравственными книжками. Въ одно изъ такихъ посѣщеній, въ 1863 году, когда въ тюрьмѣ находилось много поляковъ изъ повстанцевъ, шедшихъ въ каторгу и на поселеніе, Андрей Николаевичъ, подойдя къ

повстаницу Домонтовичу, обратился къ нему съ теплымъ словомъ христіанскаго утѣшения и предложилъ экземпляръ «Нового Завѣта». Но Домонтовичъ, вскочивъ быстро въ наръ, бросился на него и хотѣлъ ударить его кандалами. Остановленный вовремя надзирателями, онъ былъ взятъ въ кантору и подвергнутъ спросу: за что онъ хотѣлъ убить человѣка, который заботится о его нравственномъ преуспѣяніи.

— О моемъ нравственномъ преуспѣяніи я позабочусь самъ, отвѣчалъ Домонтовичъ, и это не его дѣло. Онъ лучше бы сдѣлалъ, если бы вмѣсто заботъ о моей душѣ, позаботился о моемъ тѣлѣ. На мнѣ вотъ истлѣла рубашка и я больше году въ бандѣ не былъ. На это онъ не обращаетъ вниманія.

— Онъ правъ, сказалъ тогда А. Н. Муравьевъ и, вынувъ изъ бумажника пять рублей, упросилъ смотрителя не только простить арестанта, но купить ему двѣ рубахи съ подштанниками и выпарить его въ бандѣ.

Генераль, графъ Тотлебенъ.

Въ 1880 году, на одномъ изъ вечеровъ у одесскаго генераль-губернатора, графа Э. Т. Тотлебена, управляющей гражданской частью края, статьѣ-секретарь С. О. Панютинъ, отозвался съ похвалой о музыкантскомъ хорѣ с.-петербургской пожарной команды и высказалъ мысль, что было бы очень недурно, если бы и Одесса завела у себя такой же хоръ.

— Ну, отозвался на это графъ Эдуардъ Трофимовичъ, петербургскіе пожарные прошли огнь и воду и дошли до мѣдныхъ трубъ, а наши проходить только первую стихію, слѣдовательно, до трубъ имъ еще далеко.

Статьѣ-секретарь Панютинъ.

19 февраля 1880 года исполнилось 25-ти лѣтіе со дня восшествія на прародительскій престолъ государя императора Александра Николаевича. Я написалъ тогда по этому поводу слѣдующую патріотическую пѣснь:

19 февраля 1880 года.

Могучий властелинъ, нашъ Кесарь именитый,
Отецъ отечества, Верховный вождь дружинъ,
Освободитель-Царь, Царь мудрый, родовитый,
Бояринъ первый нашъ и первый гражданинъ
Всей Руси и Литвы, и Грузии, и Крыма,
Финляндіи, Сибири, Польши и иныхъ,
Привѣтствуемъ тебя во всѣхъ дѣлахъ Твоихъ,
Старѣйшина Ты нашъ, глава Богохранимый!..
Твой пынѣ юбилей—и вся Твой народы,
Надежды на Тебѣ совокупиѣ одномъ,
Въ Твоихъ дѣяньяхъ зря свѣтъ правды и свободы,
Тебя привѣтствуютъ съ великимъ этимъ днемъ!..
Родился Ты въ Москвѣ, въ благословенный вѣкъ,
Воспѣтъ поэтами, поэтомъ и воспитанъ,
Героемъ-рыцаремъ Родителемъ испытанъ,
И на престолъ возсѣлъ какъ царь и человѣкъ.
Дѣянія Твои, о Царь, могуль-ль воспѣть я...
Великъ Ты въ нихъ, великъ, какъ Твой великъ народъ!
Пройдутъ года, вѣка, пройдутъ тысячелѣтія,—
Они останутся, прейдутъ изъ рода въ родъ!..
Когда, и гдѣ, и кто подумать только могъ,
Что слово лиши одно освободить мільоны
Несчастныхъ тѣхъ существъ, кого сковалъ самъ Рокъ,
Чья жизнь была позоръ, проклятія и стоны?..
Когда, и гдѣ, и кто смѣлъ думать, чтобъ рабы,
Съ которыхъ только-что оковы были сняты,
Могли быть призваны рѣшить свои судьбы,
Возсѣсть въ судебныхъ и земскія палаты?
Когда, и гдѣ, и кто смѣлъ мысль питать о томъ,
Чтобъ равноправіе въ сословьяхъ возворилось,
Чтобъ тягость воинскую несли всѣ съ мужикомъ,
Чтобъ милость на судѣ и правда воцарилась?..
Но Ты такъ восхотѣлъ, изрѣкъ Ты только: «бысть!»
И все создалося... окрѣпло... вознеслося...
Какое тутъ перо, какую нужно кисть
Чтобы описать все то, что на Руси сбылося
За четверть вѣка лишь, по слову одному,
Безъ потрясенія, безъ шума и тревоги!..
Пошли-жъ, о Господи, за то Ты лѣта многи,
И радость, и покой, и здравіе Тому,
Кого ты Самъ избралъ для счастія Россіи,
Кого за кротость Ты всѣхъ болѣ возлюбилъ,
И въ исполненіи Его земной миссіи,
Самъ умудрялъ, и вѣль, и отъ бѣды хранилъ!..
Да царствуетъ еще Онъ долго надъ своимъ
Великимъ, предавнымъ, испытаннымъ народомъ
И сыпѣть на него, Тобой руководимъ,
Благодѣяниа свободы годъ за годомъ!..

Пѣснь эту я предполагалъ отпечатать въ небольшомъ числѣ экземпляровъ на почтовой бумагѣ и преподнести въ день юбилея своему начальству и нѣкоторымъ друзьямъ и знакомымъ. Переписавъ ее набѣло, я представилъ ее въ одесскій цензурный комитетъ; но, къ величайшему моему удивленію, разрѣшенія на напечатаніе не послѣдовало. Бѣгу—справляюсь, говорятъ, что пѣснь представлена управляющему гражданской частью края и имъ задержана. Иду къ статсъ-секретарю Панютину, спрашиваю: почему пѣснь остановлена? онъ отвѣчаетъ, что боится пропустить, чтобы нигилисты не воспользовались ея появленіемъ и не стали подъ видомъ этой пѣсни разсыпать своихъ ругательныхъ листковъ. Такимъ образомъ моя патріотическая пѣснь ко дню юбилея въ свѣтъ и не вышла. Но въ это время печатался въ С.-Петербургѣ «Сборникъ моихъ стихотвореній», я послалъ копію къ издаѣтелю и пѣснь вошла въ «Сборникъ». Получивъ нѣсколько экземпляровъ «Сборника» въ Одесѣ, я представилъ одинъ изъ нихъ Степану Федоровичу и указалъ на отпечатанную пѣсню. Онъ только развелъ руками и сказалъ:

— Петербургъ—дѣло великое, тамъ все можно сдѣлать, но мы находимся совершенно въ другихъ условіяхъ: чтобы не сдѣлать ошибки, мы во многомъ должны себя сдерживать. Впрочемъ, теперь, если вы хотите, я могу разрѣшить вамъ отпечатать отдельные экземпляры вашей пѣсни.

Но это уже было, по пословицѣ,—послѣ ужина горчица.

Генералъ Шлосманъ.

Гатчинскій второй коменданть, генералъ-майоръ Шлосманъ, гуляя въ Гатчинскомъ паркѣ съ графомъ Адлербергомъ и чиновникомъ Ивановскимъ, объяснялъ имъ исторію дворца. Графъ Адлербергъ зѣвалъ и, смотря на звѣздное небо, спросилъ его: «а не знаете ли вы, Александръ Карловичъ, какъ это астрономы опредѣлили, гдѣ какія звѣзды находятся?»

— Это неудивительно, графъ, отвѣчалъ генералъ Шлосманъ, что астрономы знаютъ, гдѣ звѣзды на небѣ находятся, а удивительно то, что они узнали, какъ ихъ зовутъ.

Генералъ Алопеусъ.

Генералъ Алопеусъ командовалъ въ пятидесятыхъ годахъ одною изъ бригадъ 1-й пѣхотной дивизіи. Въ лагерѣ подъ Динабургомъ, онъ часто производилъ ученья полкамъ бригады, а тотчасъ, по окончаніи ученья, возвращался въ свою палатку и садился завтракать.

Хорошій мюсіонъ даетъ хорошій аппетитъ. Окончивъ однажды ученье ранѣе обыкновеннаго, генералъ вернулся въ лагерь, бросилъ повода лошади дневальному и, не доходя еще палатки, закричалъ своему денщику: «вѣй, Чепурной, завтракать».

Но вмѣсто Чепурнова отмахнулся полу палатки ординарецъ и, вытянувши руки по швамъ, отвѣтилъ скороговоркою: «Ихъ нѣть, ваше превосходительство».

— Какъ нѣть?! Гдѣ же онъ?

— Ушомши, ваше превосходительство.

— Куда?

— За пропитомствомъ, ваше превосходительство (за своимъ обѣдомъ въ роту).

— Сказать ему, чтобы безъ меня не ходилъ, вспыхнулъ генералъ и, повернувшись, отправился завтракать къ полковому командиру.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

РВ-31292-SB
5-17
67

AC
65
M35
v. 1

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

